

СТЮАРТ МАКОУНИ

ФАЙФ- О-КЛОК НА ТРАВЕ

РЕАЛЬНАЯ АНГЛИЯ —
ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

TRAVEL - бестселлер

СТЮАРТ МАКОУНИ

ФАЙФ- О-КЛОК НА ТРАВЕ

РЕАЛЬНАЯ АНГЛИЯ —
ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

ЭКСМО

Москва

МИДГАРД

Санкт-Петербург

2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 16

Stuart Maconie
ADVENTURES ON THE HIGH TEAS

© by Stuart Maconie, 2009
First published by Ebury Press

Перевод с английского *М. Башкатова, Т. Велимеева*
под общей редакцией *К. Королева*

Оформление серии *И. Саукова*

Оригинал-макет подготовлен издательством «Мидгард»

Макоуни С.
М 16 Файф-о-клок на траве / Стюарт Макоуни ; [пер. с англ.
М. Башкатова, Т. Велимеева, под общ. ред. К. Королева]. — М. :
Эксмо ; СПб. : Мидгард, 2011. — 352 с.

ISBN 978-5-699-46588-0

Об Англии говорят и пишут — много и по-разному. Но живы ли традиции и ценности «старой доброй Англии»? Известный журналист и музыкальный критик Стюарт Макоуни отправляется на поиски «Средней Англии», начав свое путешествие с ее географического центра, разоблачает исторически сложившиеся стереотипы, посягает на старинные мифы и предубеждения. Великолепный отчет о путешествии по истории и психологии Англии, написанный с истинно английским юмором.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими, без предварительного согласования с издателями.

© М. Башкатов, перевод на русский
язык, 2011
© Т. Велимеев, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-46588-0

Посвящается английской розе

Страна, где много непонятного и незнакомого и где придется завтракать¹.

Джулиан Барнс

Глава 1

Самая суть

Представьте, что вы — очень своеобразный тип англичанина или англичанки. Вы обременены причудливыми и жуткими страхами. Вас приводит в ужас море, вы с подозрением относитесь к шотландцам и питаете крайнее отвращение к Франции и ко всему французскому. Ад, по вашему представлению, это не огонь и сера, а фукус пузырчатый, волюнка и похлебка. И столь ужасны эти страхи и столь глубоко они сидят, что загоняют как можно дальше в ваше возлюбленное царство: в самую глубь, в самое лоно родного края, чтобы возможно большее расстояние отделяло вас от всяких гэльских, кельтских и водяных демонов.

Ну, вот сюда-то вы и попадете. Городок Мериден в графстве Уорикшир. Население — 2734 человека. Координаты на карте SP240824, находится в 93 милях — на равном расстоянии — от Ирландского моря, залива Уош и Северного моря. Теперь мне нравятся шотландцы, и мне нравится море. И мне на самом деле — правда-правда! — нравятся Дебюсси и сыр рокфор. Но я пришел сюда, в своем «Путешествии к центру Земли». Ну, по крайней мере, в путешествии к цент-

¹ Перевод Т. Шинкарь.

ру Англии. До самой сути всего я не стремлюсь докапываться, но добраться до середины — пожалуй.

Пепельно-серым воскресеньем, когда от ничем не примечательного года в самом начале двадцать первого века остался сущий огрызок, я стою в «нулевой точке» Англии. Вполне уместно, что стою я на деревенской лужайке. Ну, вообще-то, эта площадь только называется деревенской лужайкой, поскольку и Мериден на деле — не деревня, да и лужайка — не вполне лужайка; это больше функциональное открытое пространство в форме ромба из подстриженной муниципальной травы. (Заметьте, что ухаживают за ней со всем тщанием и скамеек тут хватает.) Но никакая иная фраза тут не подходит. Если Мериден находится в самой середине Англии — а его жители с гордостью и без особого вызова это подтвердят, — тогда совершенно уместно, что самая середина самой середины Средней Англии окажется чем-то вроде деревенской лужайки, хотя ее окружают благотворительный магазинчик, аптека «Ллойд» и местный супермаркет «Спар», занявшие те места, где должны бы находиться колодки, майское дерево и кузницы.

Средняя Англия. В зависимости от тона, каким вы произнесете эти два слова, они могут означать совершенно разное. Сказанные с фырканьем и с закатыванием глаз — возможно, в Сохо, в клубе для членов парламента, где часто бывают представители СМИ, — они будут означать удушьящий консерватизм, «Дейли мейл» и возврат к розгам. Однако сказанные с ноткой гордости и с приподнятым бокалом теплого выдохшегося пива в баре-салоне в каком-нибудь центральном английском графстве, они будут означать традиции, солидность, благопристойность, приятный звук шлепка отнюдь не розги по заднице, а ивовой биты по кожаному мячу. Все это заодно, разумеется, с достославными британскими велосипедистками, этими знаменитыми старыми девами, на двухколесных машинах отправляющимися к заутрени.

Девы-велосипедистки приобрели статус современного ретромифа в 1993 году, когда Джон Мейджор упомянул о них в речи на конференции консервативной партии, в печально известном обращении «Назад, к основам». Они входили в список символов «настоящей Англии», которые он привел в своей речи, причем некоторые были взяты из предисловия к статье Джорджа Оруэлла «Лев и Единорог». Эссе Оруэлла — социалистический призыв к оружию, так что, судя по изначальному контексту, можно предположить, что либо Мейджор — искушенный и остроумный сатирик, либо он вовсе не читал эссе. Мейджор говорил о «старых девах, на велосипедах катящих к заутрени, о длинных тенях на крикетных площадках, теплом пиве, непобедимых зеленых пригородах, любителях собак и заядлых игроках в тотализатор». Вообще-то Оруэлл упоминал о старых девах, едущих на велосипедах, что звучит странно по-американски; ошибочное цитирование Мейджора — одно из тех, что становятся легендарными. Однако Оруэлл, и это весьма показательно, также писал в своей статье о «стуке деревянных подошв в промышленных городах Ланкашира, мчащихся грузовиках на магистрали Лондон — Эдинбург, очередях перед биржами труда, треске механических бильярдных в пивных Сохо»¹. Ничего из перечисленного — и Мейджор, вероятно, это понимал — не заставит увлажниться глаза ухоженных и политически активных полковников в отставке, ничто подобное не заставит учащенно забиться их сердца. В некоторых отношениях Мейджор — похожий на Чарльза Путера, такой же благопристойный, заурядный, на второй срок оставшийся членом парламента, отправляющийся на дневной матч по крикету — олицетворяет собой Среднюю Англию; ну, насколько брикстонца, сына циркового акробата на трапеции и человека, у которого был страстный роман на стороне с

¹ Перевод В. Гольшева.

Эдвиной Карри, вообще можно назвать в каком-либо отношении заурядным или обыкновенным. Так оно бывает со Средней Англией. В тихом омуте, сами понимаете...

Сам Оруэлл одновременно и любил, и ненавидел Среднюю Англию, и я вполне способен его понять. Ему не нравился истеблишмент, даром что сам он вышел из него; прежде чем отвергнуть прежнюю жизнь, он учился в Итоне и служил в колониальной полиции в Бирме. Англию он называл «страной снобизма и привилегий, управляемой, по большей части, стариками и глупцами». Но он был горячим патриотом всего этого, ратуя не «за королеву и страну» или за верховую охоту на лис с гончими, а за пабы, за архитектуру, за народ. В том же самом замечательном эссе (я готов проголосовать за любую политическую партию, которая сделает своим манифестом «Льва и Единорога») он писал: «Это культура такая же самобытная, как в Испании. Почему-то она ассоциируется с плотными завтраками и хмурыми воскресеньями, дымными городами и извилистыми дорогами, зелеными полями и красными почтовыми ящиками».

У французов есть слово для обозначения их мифической географической души: *La France Profonde*. Исконная Франция. В США рассуждают о «средней Америке»; культурно и географически это — основа нации. Средняя Америка в действительности и физически находится в центре страны — это штаты дорожных развязок, как их называют космополиты Лос-Анджелеса и Нью-Йорка, — но также и синоним реальной Америки, подлинной Америки, куда более настоящей, чем Голливуд или Манхэттен, Майами-Бич или Кейп-Код.

Если вернуться на родную почву, то, наряду с Оруэллом и Мейджором, и другие пишут пером портреты и выдают образные литании. С озорной ухмылкой Джордж Макдональд Фрейзер, автор романов о Флэшмене, дает характеристику «Веселой Англии», вульгарно-непристой-

ной и пышногрудой, чокающейся пивными кружками предшественнице Средней Англии: «Былые золотые деньки Англии... когда все живые изгороди были зелены, а дороги — пыльны; когда расцветали боярышник и дикие розы, когда пузатые помещики варили знатный октябрьский эль по пенни за пинту... когда сквайры ели ростбифы... пока их верные гончие дремали на тростниковых подстилках у каминов, когда лето было долгим, теплым и ленивым, с жимолостью и алтеем у стен сельских домиков». Когда министерство по делам культуры, средств массовой информации и спорта, неутомимое в своей бодрости, точно учитель, по последней моде щеголяющий в сандалиях, опрашивало британцев о том, какие символы отражают английский дух страны и нации, то в числе первых двенадцати «икон», которые называли откликнувшиеся «мы», были Стоунхендж, «Панч и Джуди», пароход «Эмпайр уиндраш», портрет Генриха VIII кисти Гольбейна, чашка чая, Кубок Английской футбольной ассоциации, «Алиса в Стране Чудес», автобус «рутмастер», Библия короля Якова, скульптура «Ангел Севера», истребитель «спитфайр» и «Иерусалим» (песня, а не город).

Работая над книгой, я исколесил центральные графства Англии, те самые, чьи названия оканчиваются на «-шир», сворачивая от бензозаправки на фермерский рынок, двигаясь вдоль железнодорожных веток и по сельским тропинкам, заходя в бесчисленные магазины подарков и сувенирные лавки, останавливаясь в гастро-пабах и у стоек гостиничных администраторов, и в конце концов мне в голову пришла мысль, что есть новая символика Средней Англии, без старых дев и велосипедных прогулок. Если бы я составлял новую книгу-викторину «Я видел — знаю: Средняя Англия», то очки бы вы получали не за старых дев, а за пирожки «Джинстерс», не только за вечерню, но и за реконструкцию мансард, за камеры видеонаблюдения, за рекламу фирм, занятых улучшением внутренних двориков на

подъездных дорожках, за женские посиделки в белых полотенцах в оздоровительных спа-центрах, за батуты в пригородных садах, за те желтые надписи «Идет уборка», за сексуальных мамочек в черных джипах «судзуки», за DVD-диски с передачей «Топ гир», за телефонные «вопрос — ответ» в прямом эфире («Давно вас слушаю, но звоню впервые», «Как я сообщил вашему исследователю...»), за горничную-польку, за принцессу Уэльскую Диану, за оживленную кучку курильщиков, обступивших обогреватели во внутреннем дворике пивной на открытом воздухе, и за грустные букетики цветов, привязанные к светофорам с кнопкой на пешеходных переходах «пеликан».

Средняя Англия. Это вообще-то не место. Это больше, чем определенный сорт некоей «английскости», отдистиллированный до самой сущности, подобно сливовой наливке, темной и крепкой. Надо принимать во внимание, что это вовсе не единственная разновидность «английскости». Есть беспримесный, грубый, сильный, живой, predetermined ее северный вид, составленный из торчащих скал, ледяной корки и мокрого снега, «Джой дивижн», Теда Хьюза, ревущих ветров и немногословных литейных цехов. Есть совершенно отличная, сочная и необычная непохожесть южной глубинки, с ее рабочими песнями, оловянными копиями, контрабандистами, ведьмами, телесериалом «Полдарк» и пирожками. Но Средняя Англия — иная. Уютная, наверное... если вы назовете уютными густонаселенные городки с кафедральными соборами и постапокалиптический Слау. По-пуритански суровая — да; если под ваше определение подпадает и Кромвел-стрит в Глостере. Возможно, приятная, в том смысле, в каком приятен жуткий и жестокий ритуал, связанный с нанесением увечий и кровопусканиями, что каждый воскресный вечер имеет место в центральных графствах.

И это не буквальная середина Англии, не просто ее обширная, расплывшаяся талия, не брюхо, что поднимается и

опускается в воскресные часы послеобеденной дремы по всем Чилтернским, Котсуолдским и Мендипским холмам или по Скалистому краю. Это состояние души. Я бы воспользовался словом «психогеография», но в Средней Англии так не говорят. Лопату там называют лопатой. Если, конечно, не имеют в виду голландскую мотыгу или саперную лопатку.

Как сказано, это вдобавок и настоящая география, и я все еще стою в самом центре Англии. Мериден, Уорикшир. Должен заметить, в этот воскресный день цвета сланца ничего особенного не происходит. Дама лет пятидесяти, с волосами, стянутыми в «хвостик», в розовых флисовых спортивных шортах, вместе с нахальным спаниелем исподтишка наблюдают за мной, прикидываясь, будто рассматривают что-то крайне интересное в витрине магазина, торгующего с благотворительными целями поддержанными вещами. Проходящий мимо подросток с напускным безразличием движением ступни вздыбил свой скейтборд, подхватил рукой и торжествующе свернул в «Спар». Откуда-то слабо доносятся звуки радио, играет «Эй, Джуд». Воскресенье. Англия дремлет, выпалывает сорняки или, что куда вероятнее, затаривается двумя литрами краски «Осенний василек» в магазине «Би-энд-кью», торгующем всевозможными товарами для обустройства дома. Тут Мериден отнюдь не исключение. В действительности это едва ли не правило.

Если вернуться к 1960-м и к началу 1970-х годов, то, возмечтай те самые катящие на велосипедах старые девы об апгрейде в нечто более спортивное, о них скоро узнали бы, как узнали о Меридене. Тогда название деревни было синонимом завода по выпуску британских мотоциклов, и так повелось с 1942 года, когда после бомбежки Ковентри сюда перенесли новый завод, где производили мотоциклы «Триумф». Компания получила мировую известность после того, как в фильме «Дикий» Марлон Брандо проехался

на одном из ее мотоциклов. «Триумф», «Би-эс-эй», «Нортон», «Вильерс»... Названия, от которых «ангел ада» заплачет горькими слезами, роняя их в свой сидр. И он бы в изобилии проливал слезы в 1983 году, когда с конвейера скатился последний «Триумф Бонневиль». С помощью того доброго дядюшки международного социализма, каким тогда был Энтони Веджвуд Бенн, рабочий кооператив управлял заводом в Меридене с 1973 года, после того как из дела вышел «Нортон — Вильерс — Триумф».

Теперь деревня, в особенности зеленая лужайка, служит местом паломничества поклонников... э-э... более «зеленого» вида двухколесного транспорта. На одном краю лужайки доминирует большой, зловещего вида каменный конус. Подобную архитектуру предпочитали при строительстве полицейских участков в Румынии 1970-х годов. На самом деле он сооружен велосипедистами в 1921 году, в память о своих товарищах, погибших в Великую войну. И, как я понял, стоя перед памятником и задумчиво грызя «вертеровскую» карамельку с джемом, он представляет собой массивный и впечатляющий мини-кенотаф.

Но почему именно в Меридене? Об этом спортивная леди в розовых шортах не знала. Впрочем, она оказалась весьма любезна, стоило ей только увидеть мою записную книжку и пакетик конфет «Вертер» и сообразить, что хоть я и явно сбрендил, раз скучным холодным воскресным днем брожу по Меридену, делая какие-то таинственные заметки, но опасности мой сдвиг по фазе не представляет. Оказалось, что памятник велосипедисты соорудили здесь по той причине, что Мериден находится в центре Англии и, следовательно, сюда с равным успехом могут добраться все. На официальное открытие монумента собралось около 200 тысяч человек. С логикой в выборе месторасположения мемориала не поспоришь, но почему тогда Мериден не украшен, не заставлен, не заполнен подобными памятниками, возведенными Британской ассоциацией водопроводчиков,

или торговцев сыром, или игроков в нетбол, или обществом любителей старинных тракторов? Молодцы, велосипедисты! Но, пожалуйста, держитесь подальше от мостовой, иначе вскоре вам понадобится новый памятник для своих погибших сотоварищей.

Каждый год здесь, на площади, проводится поминальная служба, на которую съезжаются велосипедисты со всей Британии. Пока я писал эти строки, она и состоялась. Днем прошли соревнования, старт от деревенского клуба. Участники должны были на велосипедах дважды проехать девятикилометровую дистанцию, сначала в одну сторону, затем — в обратную. Победителем становится тот, кто преодолел оба круга с максимально близкими показателями времени. Вообще-то ехать можно очень медленно, как заблагорассудится, лишь бы удержаться в седле и дважды придерживаться той же скорости. Для гоночных соревнований подобное выглядит аристократичной и формальной нелепостью, но поразительно по-среднеанглийски.

На другой стороне площади есть еще один памятный знак, связанный с велосипедистами — красивая скамейка, украшенная надписью: «В память о Страннике (У. М. Робинсоне), который умер 17 сентября 1956 г. Его преданность велосипеду многих заразила этим замечательным увлечением». Странник — таков был псевдоним Уолтера Макгрегора Робинсона, пионера современного велосипедного спорта. Совсем недавно кто-то со всеми удобствами занимал скамью Странника, судя по оставленным под ней бутылке из-под «Лукозейда» и подносу с недоеденными картофельными ломтиками и застывшей подливкой. Рядом висится флажок без флага.

Впрочем, на том же конце зеленой площадки, заметно уступая обелиску в память о велосипедистах, находится куда более значимый «мериденский» артефакт. Это древний монумент, занесенный в список памятников второй категории, — пятисотлетний столб из песчаника, который тор-

жественно удостоверяет тот факт, что тут находится общепринятый мифический центр Англии. Жителям Меридена нравятся их памятники. Помимо упомянутых, в городке есть также военный мемориал в виде распятия, он стоит на другом берегу утиног пруда. Во внутреннем двореке паба «Бычья голова» табличка гласит, что заведение было открыто для путников, нуждающихся в отдыхе и в стойлах для лошадей, в 1603 году, и на дорожном указателе на развилке указаны расстояния до различных крупных городов, откуда вы узнаете, что да, действительно, тут «Центр Англии».

О центре всея Англии во всеуслышание и с еще большей гордостью заявляет и памятник полутысячелетней давности, стоящий на зеленой площади. Знак этот видывал времена и получше. Начать с того, что верхушка куда-то пропала. Когда в 1976 году здесь побывала писательница Кэролайн Хиллер, универсам «Спар» был деревенской лавкой и работавшая там девушка сообщила, что крест «был таким, сколько я себя помню, а тут я живу уже шестнадцать лет». Возможно, памятному кресту немного досталось во время проведения Фестиваля Британии в 1951 году, учитывая то, насколько эта образцово-показательная деревня гордится собственным географическим положением.

Есть что-то очень среднеанглийское в том, как рынки Меридена пропагандируют свои географические притязания. Как-то я провел неделю в городке с названием Фэйрмонт, штат Индиана, чье УТП, то бишь «уникальное торговое предложение», если говорить в подобных терминах, состоит в том, что там родился Джеймс Дин. Начиная с грандиозного фестиваля рок-н-ролла 1950-х годов и старинных мотоциклов до рок-конкурсов с лассо (Дин исполнял этот необычный трюк в фильме «Гигант») и до «дайнеров», придорожных ресторанов-вагонов, набитых броскими низкопробными памятными «реликвиями», Фэйрмонт, не ведая никаких колебаний, торговал своим мертвым сыном. Но одно здесь отрицали твердо — все здесь, что касалось

его известной по слухам гомосексуальности: крепкие и дородные мужчины не раз и не два уверяли меня, что «ником образом старина Джимми Дин не был склонен к этому делу, сынок». Правда, Джимми Дин полностью отвлек на себя внимание, затмив других славных сынов городка, которыми жители гордятся не меньше, таких как Джим Дэвис, создатель Гарфилда, и парня, который когда-то был главой Национального центра по изучению ураганов. Подобную откровенную гордость за свой провинциальный городок я счел в высшей степени очаровательной и мнения своего не изменил.

Итак, мне нравится, как Мериден проявляет не бросающуюся в глаза, спокойную, но очень английскую уверенность в себе. «Добро пожаловать в Мериден! Пожалуйста, будьте осторожны за рулем» — смиренно просит нас первый же транспарант на подъезде к городу. Но следующий, с несколько большим самодовольством, заявляет: «Добро пожаловать в Мериден — центр Англии». Все прочее почти совершенно лишено всякой демонстративности, если не считать воздушных шариков и флажков, украшавших ворота одного очень милого участка — там кто-то устраивал вечеринку.

Мериденский «Фиш-энд-чипс» противится искушению предложить нечто столь же глупое и примитивное, как «самые центровые в Англии треска и картофельные ломтики», однако в Центре английских флористов подобных сомнений не испытывают. Прохожий, лет за тридцать, предложил сфотографировать меня рядом с вывеской. Ни у кого из нас не было при себе фотокамеры, но обоим показалось неучтивым указывать на это обстоятельство. «Подумал, вам захочется оставить себе на память такой сувенир. Большинство так делает». Просматривая позже местную газету, я обнаружил, что это действительно так. Владелица магазина, некая Трейси Гардинер, заявила репортеру: «Туристы и журналисты всегда используют мою вывеску как фон для

фотографий и всякого такого... Мне действительно поступал заказ от одного человека из Соединенных Штатов, который увидел фото магазина». Однако сегодня я сам воспользуюсь этой возможностью для фотоснимка. Кстати, фотоаппарата не оказалось у моего приятеля, а он, вы уж мне поверьте, — высокий и стройный растафари с полным комплектом дредов, щеголявший в красной футболке, как у национальной сборной, с надписью на спине «Джеррард».

Я неспешно прогулялся по маленькой торговой улочке, что выходила на площадь, подошел к магазину, торгующему подержанными вещами в благотворительных целях. «Пожалуйста, если магазин закрыт, не оставляйте снаружи никаких вещей», — гласило объявление. Другие надписи оказались более соблазнительны, предлагая беглое знакомство с иным, более эмоциональным и живым Мериденом. «Смотришь “Точно”? Хочешь танцевать? Танцевальный зал в Центре досуга в самом сердце Англии». На случай, если к тому времени, как напечатаны эти слова, эта ссылка уже ничего не значит, то я обязан отметить, что слово «Точно» официально служит (или служило) сокращением для названия поразительно успешного телевизионного шоу Би-би-си «Точно идем на танцы». Причем передачу вел восьмидесятилетний титан шоу-бизнеса, эстрадный комик Брюс Форсайт, сам современный оплот вкусов Средней Англии.

Очевидно, танцевать местным жителям нравится, так как еще один ксерокопированный флаер приглашает: «Танцы в “Сказочных посланцах” на Рождественском приеме Королевского общества защиты животных». Если не хотите участвовать в танцах, то вот вам другая афиша: «“Ветер перемен”, мюзикл Филлипа Шапиро на Троицын день». В сгущающихся уорикширских сумерках я всматривался сквозь витрину во внутренности закрытого магазина, разглядывая выставленную на продажу всякую всячину. Там я увидел довольно-таки жутковатую керамическую сову, с

биркой «Продана Джону», несколько забавных мячей, детское автокресло, стопку книжек Дика Фрэнсиса в мягкой обложке и какое-то большое деревянное устройство, на ценнике которого красовалось: «Хорошая, почти как новая, полностью в рабочем состоянии, отличный звук, 75 фунтов вместе с табуретом». Не имею представления, что это за хитроумный аппарат, но готов предположить, что какой-то музыкальный инструмент. Внешний вид наводил на мысль о клавесине, с помощью которого можно доить корову и, наверное, раскатывать по сельской местности, продавая деревянные гвозди. Объявление в окошке почтового отделения гласило просто и интригующе: «Требуются мамы, сидящие дома».

В конце переулка находится деревенский магазин, теперь, как отмечалось, входящий в сеть «Спар». Постеры Национальной лотереи пестрят линованными почтовыми карточками, предлагающими услуги компании «Хэй энд строу» и неквалифицированных работников: новая и старая Средняя Англия в одной витрине. Еще одно небольшое, но существенное отличие: магазин открыт, залит ярким светом и громко звучи радио — идут передачи второй половины воскресного дня. Стоило мне ступить внутрь, как налицо самая очевидная и значимая перемена — в буквальном смысле — в Средней Англии.

Торговлей в магазине заправляет семейство сикхов. Отец, лет за семьдесят, заботливо перекладывал цветную капусту на зеленом пластиковом лотке для овощей. Сын, щеголявший в яркой головной повязке, напоминающей скорее банадану, чем более традиционный тюрбан, перебирал приливные наносы дневных газет, всяких «Обсервер», «Телеграф» и «Воскресных вестников», проданных или возвращенных. Внезапно почувствовав голод, я повернул налево, вдоль полок со съестным: овощная пакора, багеты с отварной солониной и бранстонскими маринованными огурчиками, экзские слойки. «Тоттенхэм» принимал «Блэк-

берн», прямую трансляцию матча вело «Радио-5», и отец с сыном оживленно переговаривались, обсуждая игру и переходя с английского на пенджаби, а с него — на головокружительную и цветистую смесь обоих. Я остановил свой выбор на пакоре, возможно подсознательно надеясь, что это будет воспринято в качестве верительных грамот моего безупречного космополитичного либерализма, и лишь потом заметил, что оба, и отец, и сын, увлеченные футболом, время от времени запускают руку в пакетики с печенюшками «Монстер манч». Это, вместе с экззскими слойками, смуглыми пенджабцами, растафари, картофелем фри с подливкой, памятником велосипедистам, «Точно идешь на танцы», пакорой и Стивеном Джеррардом, превращает воскресный день в Мериdene в интригующую закуску перед добротной трапезой, которой является Средняя Англия.

Мериден — это Средняя Англия, но, исходя из названия, так о нем не скажешь. А вот Чиппинг-Нортон звучит совершенно по-среднеанглийски: будто хрустит гравий под быстро прокручивающимися колесами, в воду ручья летит рыбачья наживка, по ячменной лепешке размазывается сливочный варенец. В детстве всякий раз, как при мне упоминали о нем или о его уютных спутниках, городках Содбери, Кэмден и Онгар, я думал, что это нарочно так придумано. Я считал, будто Нортон — пригород Камберуик-Грина или, наверное, «спальный» городок возле Чигли. Место, где, после того как мистер Крессуэлл, управляющий фабрикой печенья, на «ауди» уедет на работу, сулящую тяжелый день с Хобнобами, миссис Крессуэлл продолжит свой страстный тайный роман с Гарри Фартингом из Поттери. Да, все они были жителями Чигли. Просто потому, что в нашей одержимой знаменитостями культуре Уинди Миллер и миссис Хониман никогда не появляются на страницах журнала «Хит», вы совсем забываете о маленьких людях, верно ведь? Но они также «служат обществу».

Между прочим, в 1995 году Гордона Мюррея, создателя мультсериала «Трамptonшир», в интервью на «Радио-4» спросили о точном, по его мнению, местонахождении Трамptonшира. Кент? Сассекс? По-видимому, нет. «На дальнем плане горы, так что я бы решил, что, по всей вероятности, все происходит где-то в центре страны. Потому что горы смотрятся на заднем плане крайне симпатично».

На его месте я бы сказал «Котсуолд», и эта мысль пришла мне в голову по дороге в Чи-Эн (так, я уверен, никто его не назовет), когда в пятницу, во вторую половину дня, я ехал на машине через Банбери, освещенный теплым мягким светом сентябрьского солнца. Банбери известен больше, да и на город похож больше, чем можно заключить из его названия, будто пришедшему из какой-то детской считалки. На окраине городка стоит огромный круглосуточный универсам «Теско», рядом строятся мрачного вида утилитарные торговые здания. Но и у них бывают выходные, что радует, и в очень симпатичной церкви Святой Марии в Банбери играет Ральф Мактелл. А лучше всего то, что я миновал занятный обелиск, украшенный игрушечными лошадками; очевидно, это и есть тот самый знаменитый Банберийский крест из детской считалки. Дальше по дороге находится Блоксем, аристократическая независимая школа для мальчиков и девочек. У деревенских домов соломенные крыши, но в окошке почтового отделения все равно висят афиши «Национальной лотереи». Группа ребятшек в черных блейзерах, всех возрастов и разного роста и сложения, возвращалась с вечерни, лениво шагая вниз с холма. Мальчики были похожи на принца Уильяма, а девочки напоминали Кейт Миддлтон, радостные и счастливые, беспечные в осознании своей золотой юности и преисполненные безграничных надежд. Представшую мне картину даже самый огрубелый в классовых сражениях боец счел бы трогательной.

Оставляю позади очень ветреную деревню с названием Фенбери, и местность становится холмистой, дорога идет то вверх, то вниз, так, как мне нравится. Мы плавно взбираемся по дороге и въезжаем в городок, который местные прозвали «Чиппи», в рекламной же брошюре он зовется иначе — «Ворота в Котсуолд». Несмотря на само собой разумеющуюся претенциозность и шарм — георгианские домики, застенчивые милые переулки, трехполосные дороги, — «Чиппи» все-таки реальный городок, а не «ловушка для туристов», наподобие Бортон-он-зе-Уотера или Бродвея. Местные жители расскажут, что это последнее место на тридцать миль в сторону Челтнема, где можно купить традиционный фиш-энд-чипс — жареную рыбу с ломтиками картофеля. Географически Чиппинг-Нортон стоит наособицу от окружающих графств (оседлав Северную Оксфордширскую гряду), в культурном отношении он тоже отличен, будучи скорее красивым, чем шикарным, с немногими лейбористами в местном совете и преуспевающим кооперативом, со значительными капиталовложениями и крупной собственностью в городке. Здесь всегда делали реальные вещи: на находящейся рядом фабрике Блисса производили шерсть и твид, а не чай с топлеными сливками и вареньем и сувенирные салфеточки.

Гостиница «Корона и подушка» некогда принадлежала «бешеному» Киту Муну, шумному буяну-барабанщику группы «Ху», наряжавшемуся в нацистскую униформу и любившему въезжать на автомобиле в бассейны. Стоит сказать, что сегодня влияние Муна на старую гостиницу почти незаметно. Встретивший нас светловолосый, с тихим голосом мальчишка был болезненно робок и неуверен в себе, напомнив медлительного невинного мальчугана, жителя альпийской деревушки из фильма «Франкенштейн», который в конце спасает всех от ужасного пожара. Ресторан — почти безлюден, не считая трех женщин, по виду — представительниц трех поколений аристократиче-

ской фамилии, облаченные в шелка и натуральный хлопок, они апатично ковыряли десерт. Естественно, официантки были польками.

За два года, после того как были ослаблены правила ЕС, в Великобританию в поисках работы приехали полмиллиона молодых поляков, и многие оказались в Средней Англии: на Нагорье и в центральных графствах Англии именно они обслуживают нас в кафе и ресторанах, строят наши теплицы и застилают простыни на наших гостиничных кроватях. Вежливые, работающие и зачастую обладающие классными скулами, они не были для меня проблемой. А вот для других — были, да еще какой. Даже такой образчик либерализма, как колумнист «Гардиан» Полли Тойнби, заявляла, что поддержка экономической миграции является актом предательства по отношению к коренному британскому рабочему классу. Когда я посмотрел «Шоу Джереми Кайла», моя убежденность, будто Яцек и Людмила отбирают работу у Джейсона и Кайли, заметно пошатнулась.

Затем начали приезжать болгары, латыши, румыны, газеты исходили пеной, правительство задержалось, и с 2008 года число иммигрантов заметно снизилось. Но если остановиться в любом отеле в Великобритании, вам все равно повстречаются молодые восточноевропейцы, с очаровательной отвагой сражающиеся с оригинальностью английских идиом. Пока я обедал (если интересно, это был стейк «рибай» с запеченными баклажанами, а еще я заказал парфе «марнье»), ко мне подошла официантка и мило поинтересовалась:

— Как вам ваша очень хорошая еда?

— Очень хорошо, — ответил я.

По правде сказать, все было замечательно, но подкачала атмосфера безлюдного ресторанного зала. Над незанятыми столиками, освещенными тусклыми канделябрами, раскатывается жуткая военная музыка. Ощущение такое, словно бы я оказался в сцене из романа Томаса Манна,

играя роль обреченного на смерть от чахотки ученого, работающего над грандиозным проектом в отдаленном санатории. Чтобы развеять столь мрачное настроение, в самый раз прошвырнуться по Чиппинг-Нортону вечером пятницы.

Во многих английских городках, где рынки открываются по уикендам, вас будут «обрабатывать», если это слово годится, демонстративно подрезая на повороте, скрипя тормозами и шумно взрыкивая мотором, прыщавые юнцы в форсированных «воксоллах-нова». Поклонникам этой отчасти трагической субкультуры самое место в Пенрите. В Чиппинг-Нортоне есть свой ее адепт, одинокий юноша на мотоцикле-«триале» — на протяжении почти четырех вечерних часов уикенда он носился по городку, подобно встревоженному, но бестолковому шершню. Кстати, это всего лишь мое предположение, что он — юноша. Определить пол трудно из-за кожаной одежды и глухого шлема. Это красноречивее многих слов говорит о терпимости и терпении жителей Чиппинг-Нортонa, другие бы убили мотоциклиста в какой-нибудь вызывающей суеверный ужас манере, так как он, должно быть, известен в городке всем. Если только, конечно, он не какой-то никому не ведомый антисупергерой, который, переодевшись в телефонной будке, не превращается из кроткого хориста в Рассерженного Мотобоя.

Не считая тарахтения мотоцикла, на улицах было тихо, хотя народа в пабах, гостеприимно распахнувших двери, хватало. Этим безветренным вечерком недавно введенный запрет на курение в закрытых помещениях казался, бесспорно, «хорошим делом». Но я бы добавил, что не по какой-то пуританской причине, а потому, что на дворе стоял конец сентября и, по доброй воле или вынужденно, люди болтали и выпивали во внутренних двориках и под тентами, а погода была погожей и теплой, атмосфера царила оживленная, непринужденная и континентальная. Возможно, все выглядело бы куда менее заманчиво, если бы зарядили январские дожди вперемешку со снегом.

Хотя городок оставляет смутное впечатление благовоспитанности и некоторой манерности, кое-что намекает и на более темную сторону современности. В одном окне завишушки красной светодиодной рекламы предлагали татуировки «без пощады». Через стекло другого, в доме, смахивающем на хостел министерства соцобеспечения, костлявый малыш, сидя на побитом молью диване, тупо пялился в телеящик. Заскочив в аптеку сразу после приезда в городок, я увидел печального потного мужчину, явно скупавшего таблетки — должно быть, недельную дозу метадона.

Среди книжных лавок и магазинов здоровых диетических продуктов красовалось изящное здание городского совета, выстроенное в греко-римском стиле. На завтра городской совет обещал проведение ремесленной ярмарки, и я сделал себе мысленную заметку побывать там. Вывешенная в витрине афиша обращала внимание на «Чиппинг-Нортон ньюс», среди последних заголовков в глаза бросались «Магазин-закусочная “зеленеет”» и «Полиция приносит официальные извинения». Я заметил несколько антикварных лавок, и возле одной, стоя в кругу света на мостовой, два джентльмена в годах жадно разглядывали выставленную в витрине посуду, словно бы это были не тарелки и чашки, а вкладка к «ФНМ» с особо фигуристой девицей.

Сочетание антиквариата и коренастых, закатывающих глаза средних лет мужчин сразу же напомнило мне самого известного в прошлом жителя Чиппинг-Нортон. Когда в 1987 году Ронни Баркер, обожаемый Средней Англией актер из комедийного телесериала «Два Ронни», ушел на покой, будучи на пике популярности, его заявление о том, что он намерен обзавестись антикварным магазинчиком в Чиппинг-Нортоне, расценили как шутку. Но слова с делом у него не разошлись, и в следующие два десятка лет — по большей части — его, вместе с супругой Джой, можно было найти в торговом центре, в окружении тростей, без-

делушек и граммофонов. Городок молча гордился им, хотя местной знаменитостью он никогда не был. Его редко встречали в ресторанах и пабах. Если его замечали на городской улице, одетого в спортивную куртку «Стик оф рок», то на просьбы сфотографироваться или дать автограф он отвечал вежливым, но твердым отказом. В отличие от Аркрайта — знаменитой роли, сыгранной им в «Открыто круглосуточно», — он не был зловеще подозрителен за прилавком. Но он многое сделал для того, чтобы попытка города создать в Чиппи настоящий профессиональный театр, открытый в переоборудованной твердыне Армии спасения, увенчалась успехом. И в магазине Ронни можно было купить некоторые дубликаты из его богатой сорокатысячной коллекции фривольных курортных открыток. На эти уникальные образчики невинной британской непристойности стоит взглянуть лишний раз, как и на некоторые другие вещи, которые веселили Среднюю Англию, о чем позднее в нашем путешествии еще пойдет речь.

К тому времени, как я вернулся в гостиничный бар, мрачный альпийский санаторий претерпел чудесную трансформацию, превратившись в оживленно бурлящее место сбора местных жителей. Многие припомнят ту сцену из фильма Джона Лэндиса «Американский оборотень в Лондоне», когда путешественники появляются в страшной придорожной гостинице «Зарезанный ягненок». Стоило вновь прибывшим переступить порог, как разинувшие рот деревенщины разом умолкли, а затем последовало множество всяких неприятностей. Как ни печально, но только ленивый не хохмил о том, какой ужас охватывает столичных типов, которые обнаруживают, что в деревенских пабах не подают фраппучино, а в сельских яслях нет вайфая.

Этим осенним пятничным вечером «Корона и подушка» ничем не напоминала «Зарезанного ягненка». Да, все тут как будто знакомы друг с другом, но точно отсутствуют

зобы, повязки на пустые глазницы и отвисшие челюсти, и меня встретили без церемоний, без похлопываний по спине и чоканья кружками. Три элегантных женщины средних лет, со всей очевидностью регулярно здесь встречающиеся, с удовольствием играли в карты и тихонько сплетничали. Женщина с гроссбухом под мышкой, какие, по-моему, высоко ценятся в Женском институте, рухнула на табурет у барной стойки, и возле нее возник высокий запотевший бокал джин-тоника, причем не было сказано ни единого слова. Собачки и душегрейки, ямочки на щеках и мягкий акцент — теплая атмосфера уютного местечка, где можно посидеть, потягивая виски, и спокойно заниматься своими заметками, делая вид, будто разгадываешь кроссворды в «Таймс».

Завтрак был а-ля «шведский стол», что становится чуть ли не повсеместным, однако такое начало дня для путешественника-англичанина представляется проблематичным. Если вы ищете выгоду или жадина по характеру, а может, то и другое, для вас в этом есть свои плюсы: можно навалить на тарелку еды с горкой — сосиски, яйца, картофельные оладьи, грибы, бекон, бобы и поджаренный хлеб, а потом без зазрения совести несколько раз возвращаться за добавкой, грозящей артериосклерозом. Однако ни страдальчески извернувшийся бекон, ни дряблые колбаски, твердеющие под высоковаттной лампой, ни половинки помидоров, медленно остывающие, словно умирающая планета, никогда не сравнятся с той сердечностью, с какой отнесутся к вам семидесятилетняя официантка, чьи волосы уложены в пучок, или девушка в белом передничке. Поставив на ваш стол тарелку, она не преминет заметить: «Блюда очень горячие, так что будьте поосторожнее. Гренки? Из белого хлеба или черного?» Стоявший рядом со мной в этом странном чистилище, которым предстало пространство перед судками с завтраком, мужчина в акку-

ратном пуловере, осторожно стараясь соскрести с раздаточной ложки прилипшие бобы, приветливо сказал: «Разве не похоже немного на тюрьму?.. Хотя я, разумеется, там не бывал!»

Позавтракав, я отправился на свидание с ярмаркой ремесел. Внутри довольно-таки симпатичного здания городского совета, возведенного в 1842 году Г. С. Рептоном и, как написано на веб-сайте города, «неоклассического с фронтоном в виде тосканского портика, который необычно помещен сбоку и смотрит отнюдь не на Рыночную площадь, как можно было бы ожидать», под заключенными в золоченые рамы многочисленными портретами пузатых олдерменов, наподобие Альберта Брасси и Дж. Х. Лэнгстона, меня встретило непостижимое множество всевозможных товаров, которые типичны для английских ярмарок народных ремесел. Очаровательная смешливая филиппинка продавала округлые орнаментированные ювелирные изделия, которые изготавливала на пару с сестрой. «Вам понравится! Они очень хорошие! Вашей девушке они обязательно понравятся!» Она вновь захихикала, когда я протянул ей наличные. На других прилавках на продажу были выставлены и более традиционные для ремесленных ярмарок предметы. И я использую слово «традиционный» в смысле «всякий хлам»: подставки под тарелки и стаканы с плохо вставленными в оправу картинками золотистых лабрадоров, крошечные кусочки бирюзового мыла, пахнущие «Туалетным утенком», а за плетеную корзинку, набитую какими-то тряпками и непонятно для какой цели нужную, просили двадцать соверенов. Будь дело в церкви, на распродаже «принеси и купи», и лежи все это богатство на складном столике, выглядело бы трогательно. Но когда тебе назойливо выдают откровенный хлам за высочайшие достижения процветающих ремесленных империй, в чем убеждают, вероятно, миллионы дневных выставок, где из жадности заламывают заоблачные цены, это смешно до колик.

Впрочем, зря я, наверное, сказал миссис «Подставке-с-лабрадорами», что она чем-то смахивает на безжалостную гестаповку, сводную сестру Патриции Рутледж.

Универмаг на главной улице Чиппи носил название «Уэстгейт», и хотя он с первого взгляда неприятно поразил меня своим мрачным депрессивным видом, словно бы перенесенный сюда из 1950-х годов, с кислотного цвета светоотражающими полосами и жалкими витринами, вскоре обнаружились его застенчивые, старинные чары. Пока я протискивался по узким проходам между полками и стеллажами, мне в голову пришла мысль, что именно сюда несколько поколений ходил весь Чиппинг-Нортон, что бы ни понадобилось его жителям, начиная с жаровней, противней и корсетов и кончая собачьими поводками и нафталиновыми шариками для всей семьи. Но чего у них, похоже, не было, так это мужских носков, а именно они-то мне и требовались, потому что в дорогу я собирался в спешке и с похмелья. «Зайдите в “Бертон”», — сказали мне. Так я и поступил. Но и там носков не было — да, вообще никаких, — хотя и обнаружилась громадная коллекция галстуков-бабочек из полиэстера, которые можно стирать. Интересно, какой вывод о мужской половине Чиппинг-Нортон можно сделать, отталкиваясь от этого факта? Неужели они — босоногие нонконформисты, которые тем не менее часто посещают малоприятные официальные приемы? Я вернулся в «Уэстгейт», и продавщица в универмаге была потрясена и возмущена тем, что в магазине мужской одежды «Бертон» вообще нет носков. «Да ведь и у вас тоже нет», — заметил я. Она помолчала, кокетливо улыбнулась и сказала: «Ой, да ладно... Вот, только для вас», — и потом достала откуда-то пару розовых коротких носочков, украшенных звездочками.

Маленький «Музей Чиппинг-Нортон» закрыт — ясное дело, суббота ведь, — так что я сел на скамейку, под ласковые лучи вечернего солнца, раскрыв экземпляр «Дей-

ли мейл», которая в Средней Англии почитается своеобразной библией. Неделями газета выражала глубокое возмущение якобы творящимся на Би-би-си нравственным холокостом; некоторые признанные ошибки в отдельных радиопередачах и некоторые бесстыдные редакторские вмешательства в анонсы документалок о королеве газета выставляла доказательством того, что корпорация — отвратительный сатанинский монолит, где говорящие ящерицы-пришельцы, надев резиновые маски, притворяются гуманоидами, а сами живьем едят хомячков и строят заговоры о захвате господства над миром посредством шоу «Пятничный вечер — музыкальный вечер» на «Радио-2».

Тут я, естественно, предвзят. Я люблю Би-би-си и горжусь компанией, не в малой степени и потому, что туда меня взяли на работу, а «Мейл» известно, что критика государственного канала всегда неизменно популярна у ее румяного, играющего в гольф «охвостья» читателей. «Мейл» в этих уютных центральных графствах считается газетой номер один, хорошо знает своих читателей и должна поддерживать накал страстей в определенных темах, и мне не нравится тот вывод, который отсюда напрашивается: что характерной чертой Средней Англии могут быть страх и гнев или нетерпимость или что она склонна винить и осуждать других, лишена кругозора и злопамятна. Раньше я уже видел ее совсем иной, во многих отношениях добродушной, покладистой, терпимой и отзывчивой. Да и забавной тоже.

Выбросив эти высокие материи из головы, днем я приступил к установлению и рассмотрению фактов, занявшись исследованием этого кусочка Котсуолда — «Сердца Англии», как твердят сотни путеводителей и веб-сайтов. Вот некоторые факты, которые я узнал. В Шиптон-андер-Уичуде есть железнодорожная станция, уцелевшая, наверное, потому, что в ту пятницу доктору Бичингу нужно было успеть на поезд, посему он и слинял пораньше; только его и видели. Еще тут полюбили проводить чемпионаты по

вспашке на тяжеловозах. Местный камень очень симпатичен на вид (это желтый оолитовый известняк — уточняя для любителей геологии) и имеет цвет жидкого меда, отчего даже самый пасмурный день напоминает о разгаре лета. Поблизости от «Красного льва» есть превосходный образчик беседки для завязых курильщиков — символ Средней Англии, подобно тому, как плащи-накидки со светоотражателями и пирожки «Греггс» являются новыми стандартами на севере.

Дорога в Берфорд ведет через холмы: пашни перемежаются с уклонами Котсуолдских холмов и миленькими зелеными выпасами. Берфорд утопает в зелени деревьев, и когда у местной пивной видите награду «Мишлена», то, перефразируя «Волшебника страны Оз», понимаете, что вы больше не в Уигане, и не в Стокпорте, и не в Гуле. Кстати, эта пивная называется «Герб плотника» и находится на Уолнат-роуд, ведущей к Мидоу-уэй. Готов поспорить, что сюда заходят выпить Уинди Миллер и Чиппи Минтон.

Подобно Чиппинг-Нортону, а на самом деле, как и дюжина окрестных деревень и городков, Берфорд называет себя «Воротами в Котсуолд». Если брать североамериканскую шкалу расстояний, то на такое звание, по-моему, с тем же успехом может претендовать и Галифакс. По сути говоря, найти «ворота» в Котсуолд куда проще, чем попасть на страницы скандального таблоида. Берфорд представляет собой чрезвычайно большую улицу. Но что это за улица! Длинная и крутая, кажущаяся невероятно хаотичной из-за того, что ее не окинуть взором. Изначально это была торговая улица, с одноэтажными лавками и магазинчиками, позади сооружали мастерские и кладовые, а сверху надстраивали жилые помещения для ремесленников и мастеровых. Тут по-прежнему вовсю торгуют в розницу: произведениями искусства, антиквариатом, сырами, всевозможной одеждой. Есть даже магазин, где продают варенье. Не приходится сомневаться, в Берфорде любят те

джемы, которые тут и изготавливают. Еще в одной лавке продают — что за причуда! — стаффордширскую керамику. Очень надеюсь, что в скором времени эту лавку разграбят и сожгут.

Смею напомнить, что носков я так и не купил, потому и направился к одному из торговцев мужской галантереей, а именно — в магазин «Оксфордской компании рубашек». Если я ожидал, что местный торговый центр предложит мне нечто от Вивьен Вествуд, подшитые кожей пончо или дорожные ювелирные цапки (ничего подобного я и не предполагал), то я был бы жестоко разочарован. Тут были «Барбур», «Гортекс», «Рохан» и «Акваскутум». Сущее восстание твида, если это не логически противоречивое утверждение. Предлагаемая одежда была одновременно и фантастически дорогой, и поразительно плохой, причем особый упор делался на те ярко-красные или оранжево-розовые вельветовые брюки, которые на коктейлях в воскресные вечера предпочитают носить Эдвард Стоуртон и Дэвид Кэмерон. Какая связь между этими комическими нарядами и «высшими классами»? Неужели сливки общества настолько достает всю неделю носить серые костюмы и галстуки с виндзорским узлом, что по уикендам им хочется избавиться от своей взрослости и разгуливать, точно какие-то малыши-переростки или сбежавшие из детсада сорванцы? В магазине мне на глаза попался мужчина, который выглядел как приехавший с фермы развеселый братец Медвежонка Руперта.

Мои шпионы — ну, если рассматривать Википедию как шпионскую сеть — сообщили, что Кэмерона, наряду с его земляками Кейт Мосс, Лиз Харли, Гэри Барлоу, Кейт Уинслет и участниками групп «Рэйдихед», можно встретить в «Садовой компании Берфорда», где они, собираясь на барбекю, закупают щепу и жидкость для розжига костров. Это центральный магазин по продаже садовых инструментов, инвентаря и всего прочего, что имеет отношение

к садоводству, при нем есть также два ресторана. Что многое говорит о Берфорде. Неподалеку находится магазин натуральных продуктов с фермы «Дейлсфорд» — если верить описанию, «самый шикарный магазин в Англии»; тут можно наткнуться на любого из упомянутых выше, а заодно увидеть и многих других «котсуолдских верхолетов», говоря словами Алекса Джеймса из «Блер», ныне — местного сельского сквайра и сыродела.

На пути в Уиндраш я помыл автомобиль. Упоминаю об этом исключительно из-за замечательной вывески, которая гласила: «Мойка возможна за полчаса до закрытия или до наступления темноты». Если полагаться на мой спутниковый навигатор, то Уиндраш в Великобритании всего один, так что это крошечное изолированное поселение дало свое имя кораблю, на котором в Британию приплыла первая волна иммигрантов. Любопытное и занятное сопоставление. Семья моей жены родом из Уиндраша. Сказал бы «родичи» моей жены, но тогда я бы чувствовал себя, как Том Паркер Боулз, и мне пришлось бы вырезать себе сердце первыми попавшимися ножницами. Так или иначе, я отыскал множество их имен на мемориальном камне в церкви, установленном в память о погибших на войне. В церкви отыскалось также и еще кое-что примечательное. Табличка на стене гласила: «Сержант-пилот Брюс Хэнкок из Добровольческого резерва ВВС. Во время Битвы за Британию 18 августа 1940 года, взлетев с аэродрома Уиндраш, выполнял тренировочный полет на невооруженном учебном самолете и ценой своей жизни таранил и уничтожил вражеский бомбардировщик “хейнкель”».

Возле таблички я остановился как вкопанный. Перед такой храбростью волей-неволей склонишь голову. Даже по высоким меркам, какими оценивали героизм поколение наших дедов в те годы, когда даже солдаты-новобранцы не бежали от опасности и понимали, что смерть совсем рядом, и, попадая в плен, не плакались о своих «айфонах», такой

поступок был примером выдающейся отваги. Замерев в изумлении, я терялся в догадках, почему же пилот не получил «Крест Виктории». Заинтригованный, я выяснил, в чем было дело. История печальная и необычная.

Был погожий воскресный день 18 августа 1940 года, Битва за Британию подходила к концу, а 26-летний сержант Брюс Хэнкок завершал обучение в 6-й военной школе летной подготовки на ближайшей базе Королевских ВВС в Литтл-Риссингтоне. Курс был почти окончен, и он с волнением ожидал предстоящего выпуска. Тем вечером Хэнкок взлетел с военного аэродрома «Уиндраш», чтобы совершить в одиночку тренировочный ночной полет на не имевшем вооружения учебном самолете «энсон» с номером L9164. Незадолго до полуночи его обнаружил бомбардировщик «хейнкель», бортовой номер 1408, из состава 5-й группы 27-й бомбардировочной эскадрильи люфтваффе. Считается, что «хейнкель» сначала направлялся для атаки базы ВВС Брайз-Нортон, но по какой-то причине решил подвергнуть бомбардировке Уиндраш. Немецкий носовой стрелок открыл огонь по самолету сержанта Хэнкока, и тот сбросил скорость, отчего «хейнкель» нагнал его и оказался над ним.

«Энсон» Хэнкока, сразу же подняв нос, устремился вверх и таранил «хейнкель» снизу, и оба самолета рухнули наземь, охваченные огнем, в котором погибли сержант Хэнкок и четыре члена экипажа «хейнкеля». Обломки «хейнкеля» были найдены на ферме Блэкпитс, возле Олдберна, и поначалу решили, что на месте падения обнаружили пять трупов. Тело сержанта Хэнкока отыскиали на следующий день, в сотне ярдов от остатков «энсона». Добровольцы местной пожарной охраны, нашедшие пилота, считали, что если бы в ночь боя сразу же предприняли поиски летчика, то его могли бы и спасти.

Вопрос в том, разумеется, осознанно ли Хэнкок пожертвовал собой? Той ночью на земле было несколько свиде-

лей тарана, как военных, так и гражданских, и большинство недвусмысленно утверждали, что сержант Хэнкок, должно быть, преднамеренно отдал жизнь, чтобы сбить немецкий самолет. Однако эти заявления не были официально приняты Королевскими ВВС, и сержанта Хэнкока так и не наградили посмертно за то, что несомненно являлось актом выдающегося героизма. Сержант Хэнкок даже говорил одному своему родственнику, что он, если придется, готов «решительно пойти на таран вражеского самолета».

Четыре погибших летчика люфтваффе были погребены с воинскими почестями в Британии, похоронами в Кэнноке, Стаффордшир, занималось министерство внутренних дел. Имя сержанта Хэнкока, поскольку он не служил в боевой эскадрилье, не вписано в почетные списки, увековечивающие память павших в Битве за Британию, он не был награжден, и о нем напоминает только маленькая латунная табличка на стене деревенской церкви. Так и хочется заговорить о «львах, ведомых ослами», но, вероятно, это излишне самонадеянно. Но когда кто-то насмехается над недостатками и глупостью Средней Англии, вспомните о той августовской ночи над сонным Котсуолдом и о молодом Брюсе Хэнкоке, в двадцать шесть лет отдавшем свою жизнь за то, чтобы спокойно спали Джасмин-коттедж, Вайн-коттедж и Олд-черч-хаус.

Парковаться в Бортон-он-зе-Уотере негде. И там никогда не было места для парковки. Городок называют «ловушкой для туристов», но туристов он скорее не ловит, а будто бы оглушает, подчиняя и очаровывая своим милым и славным видом: «сливки, чай, уточки в пруду». В конце концов, убив конкурента голыми руками, предав огню его «ауди» и послав своих разбойников прогнать его убитую горем семью в холмы, я получил парковочное место сроком на один час как раз напротив магазина «Рэдиш дизайнер». Среди прочих розничных торговых заведений Бортон

«Рэдиш» — «белая овца»: он не использует в названии слова «Котсуолд». Здесь есть «Котсуолдская парфюмерия», «Котсуолдская булочная», «Котсуолдские вязаные изделия и трикотаж». Интересно, найдется ли нечто такое, что окажется для подобного сочетания слишком нелепым или неуместным? Наверное, магазин «Котсуолдский нервно-паралитический газ».

Зазомбированный прелестными видами, я размашистым шагом миновал образцово-показательную деревню, музей автомобилей и магазин, продающий фарфор и поварскую одежду по сниженным ценам, и направился к кафе «Розовое дерево» — за тем самым чаем со сливками, за этим манящим соблазном в столь искушающем окружении, влекущем туристов столь же властно, как тянет к крэку подсевшего на него наркомана. Когда я, покачивая головой, опустил ложечку в сливки, то услышал слова хозяина: «Уже пробило пять», которыми он разрешил дилемму относительно ячменных булочек, мучившую двух туристок-иностранок. На часах было две минуты шестого. В этом, по-своему, вся Средняя Англия. Надеюсь, позже в Стау-ин-зе-Уолд им повезло больше.

Или, возможно, удача им улыбнулась в Лоуэр-Слоутере, который кое-кто называет самой красивой деревней в Англии. Хотя подобное высказывание вызовет бурное возмущение в Чаддсли-Корбетте, Серн-Аббасе и Эктон-Бернелле, оно, по-видимому, совершенно правдоподобно — с чем вы согласитесь, едва пересечете слабое течение реки Ай и с изумлением и легкой завистью оглядите милое местечко с затейливыми пешеходными мостиками, изящной церковью, увидите любовно восстановленное водяное колесо с краснокирпичной башней, великолепные и дорогушие по виду дома. Пусть вас не смущает неприятное название, дословно — Нижняя Бойня. Деревня не имеет ничего общего со смертью и убийством, стоит только припомнить тот факт, что раньше слова произносились не так и «Слоутер»

читался как «Слау», «болото». Ныне его хорошенько отмыли от ила и оттерли от грязи, хотя и сейчас в деревне хватает мест, где вы наверняка промочите ноги. На самом деле впервые я услышал об этом городке, когда малышом увидел на общественном телевидении информационный ролик о том, что после проезда через глубокий брод надо проверять тормоза. На табличке в кадре было написано «Впереди — глубокий брод», и еще — «Лоуэр-Слоутер», что вызвало сдвоенный смешок у мужчины, сочным голосом произносившего закадровый текст. Брод и табличка никуда не делись, и я испытываю приступ ностальгии, когда под плеск воды преодолеваю его на машине. Что же случилось с информационными короткометражками общественного ТВ? Может, учитывая новую одержимость здоровьем и безопасностью, ролики вскоре вернутся на телеэкраны и нас вновь станут пугать Дональд Плезанс и прячущийся под капюшоном Дух Тьмы и Одинокая Река?

По контрасту с соседом, Аппер-Слоутер смахивает на адскую дыру, кошмар проектировщиков 1960-х — с бетонными домами-башнями в стиле брутализма, раздираемую насилием, организованной преступностью и войнами банд, где беспощадная молодежь собирается в сумрачных подземных переходах, чтобы вмазать дозу, и где с наступлением темноты никто не чувствует себя в безопасности. Ладно, шучу. На самом деле это тоже невероятно милый городок. Пусть и не такой известный. Он раскинулся поперек реки Уиндраш, там есть маленькая мощеная площадь со средневековой богадельней, восстановленной не кем иным, как сэром Эдвардом Лютенсом. По городку, вертя головами по сторонам, блуждают праздношатающиеся. Вьющиеся растения взбираются по стенам, разделяющим ряды отдельных коттеджей и средневеково-тюдоровский особняк, превращенный ныне в шикарную гостиницу. А чая со сливками тут столько, сколько можно пожелать, поэтому в ночь субботы я возвращаюсь по объездным дорогам в Чиппи.

Пабы заполняются, зажигается освещение, в городке у меня заказан столик в ресторане, который носит очаровательное название — «Графство Тайшир». Хорошо, что в голову пришла мысль заранее позаботиться о столике. Публики под завязку, и среди нескончаемой суеты и шума, во всей этой суматохе туда-сюда снуют несколько безмятежно улыбающихся девушек, разносящих на подносах всякие вкусности. Никак не ассоциирующаяся ни с китайцами, отпускающими блюда на дом к вечернему чаю, ни с индийской кухней, куда можно пойти после «паба и четырнадцати пинт “Ньюкасла”», тайская еда будто превратилась в Средней Англии в этническую «по умолчанию». И вполне можно понять почему. Ароматная, вкусная и чуточку престижная, тайская кухня несет на себе ту печать, которую индийское виндалу и китайский чау-мейн давно утратили. Я заказал суп «там-ка», малайзийское фруктовое карри, а на гарнир взял цветную капусту и орехи кэшью. Персонал был крайне обходителен, а пиво «Синга» холодило и освежало. В какой-то миг, на нарезанных баклажанах, мне показалось, что я запишу от восторга. Между двумя тающими во рту кусочками, когда из памяти еще не стерлись оба Слоутера, я понял в точности, почему сюда ходят Ла-Харли, Ла-Уинслет, месье и мадам Джеймсы и Кэмерон с Баркером, пусть даже по-прежнему оставались загадкой их дурацкие бриджи из желтого вельвета в рубчик.

По возвращении в Мериден меня поджидали дурные вести, спрятавшиеся под овечьей шкурой прогресса. Честно говоря, сомнения у меня возникли, еще когда я взглянул на карту и прочитал, что Мериден называется так вовсе не благодаря своему географическому положению. Ничего общего с «меридианом» или чем-то подобным. В действительности название происходит от среднеанглийского слова, которое означает «долина, где устраивается увеселение». Почтительности к традициям глобальная система навигации и местоопределения вовсе не ведает, и, вооружившись

навигаторами GPS и призвав на помощь далекие спутники, люди из Картографического управления высчитали, что центром Англии является отнюдь не Мериден, а грязный загон посреди поля возле какой-то фермы в Лестершире, примерно в одиннадцать милях к северо-востоку. Точнее — ферма Линли-Хилл, координаты SP36373,66 96143,05, и владеют ею супруги Чарльз и Маргарет с очень подходящей фамилией Фармер, в возрасте восьмидесяти девяти и восьмидесяти лет соответственно. Когда программа новостей Би-би-си в прямом эфире брала у них интервью, они заявили, что «удивились», узнав, что их ферма такая особенная. «Кто-то говорил, что нам нужно построить тут чайную, и возможно, сюда станут приезжать туристы из Америки, но, по-моему, мы для этого уже чуточку староваты». В Меридене же смотрят на это философски. Там надо выгуливать собак и ездить на велосипедах. Да и сами господа из Картографического управления стоят на примиренческих позициях. Их представитель Тревор Маунси сказал: «Спорить с традицией бесполезно. Стоит признать, что картография не победила ни разу за пятьсот лет».

Но я уже узнал, что Средняя Англия не имеет ничего общего со спутниками, координатами, линейками, рейсфедерами и транспортирами. Мы — не нация бюрократов и строителей автобанов. Мы привержены неопределенности и романтичны, мы — народ джентльменов-ученых, гонящихся за бабочками с дурацкими сачками. Средняя Англия и глубоко сидящая английскость не поддаются обмеру и точному определению. В своей книге «Англичане» Джереми Паксман перечисляет некоторые из понятий, символизирующих «английскость», в их число входят: Элгар, магазины «Сделай сам», панк-рок, духовые оркестры, Шекспир, камберлендские колбаски, автобусы-«даблдекеры», Воэн Уильямс, садоводство, «Монти Пайтон», «Битлз», женские институты, фиш-энд-чипс, карри, Рождественский сочельник в Кингс-колледже, Кембридж, равнодушие к еде,

бег по горам, устраиваемые на красивых утесах уродливые площадки для автофургонов и пышки. Для меня это все равно что отправиться на поиски Средней Англии. Без логарифмической линейки, но с возвышенными чувствами.

Вся суть Средней Англии в том, что мы едим, в музыке, которую слушаем, в книгах, которые читаем, в том, куда идем после работы, что заставляет нас смеяться и вызывает страх. Суть ее в деревенских площадях и ярмарках ремесленников, в курильщиках в беседках, в сикхских магазинчиках и растафари в футболках, в памятниках велосипедистам, в тайских ресторанах и официантках-польках. Всего этого нельзя определить на вашей координатной сетке и отметить вашими спутниковыми навигаторами. И тот монумент в Меридене нельзя передвинуть. Так что, черствый картограф, садитесь на свой байк! Я буду искать Среднюю Англию через ее пристрастия и недостатки. И следующим станет испытание водой.

Глава 2

Омыться славой

Англичане — грязнули. Не верите, спросите любого австралийца. «Понго» — вот как они называют нас, англичан, не считая прочих излюбленных ими уничижительных прозвищ, и оно имеет прямое отношение к нашей неряшливости и нетребовательности в отношении умывания и купания и связанных с ними обычаев. На Пекинской олимпиаде 2008 года тренер сборной Австралии по плаванию, ворчливо поздравляя нас с успехами в этом виде спорта, сказал, что они неплохи для страны, «где очень мало бассейнов и немного мыла». Поэтому странно, откуда в нас такая тяга к курортам-спа. Не к тем, где можно получить кукурузные чипсы «Монстер манч» и экземпляр «Дейли миррор», а к тем, которые на протяжении сотен лет посещали королевская семья, дворянство и даже низшие классы и где развлекались, принимали дозы гадких сернистых целебных вод, стремясь излечиться от люмбаго и золотухи, получали удовольствие от простой аш-два-о и, что самое важное, танцевали гавот, джигу, менуэт, сплетничали и устраивали тайные любовные свидания. В купальнях Лимингтона и Бакстона двести лет назад еще не практико-

вали сброс глубинных бомб и погружения водолазов. Но тискались, обжимались и нежничали предостаточно, уж поверьте.

Когда-то давным-давно курорт-спа был тем местом, где ослабленные после болезни или уставшие от мира состоятельные члены общества проходили целебные процедуры, которые мы назвали бы лечением естественными средствами, веруя в то, что питье разнообразных жутких, вонючих жидкостей или погружение в них способны избавить от многочисленных хворей, болезней души и разума. Ныне же, пусть они остались тихими уголками для отдыха и релаксации, на современных курортах и в спа-комплексах с большей вероятностью встретишь облаченных в пушистые банные халаты женщин, которые весело проводят время на девичниках, или маленькие группки менеджеров среднего звена, которые в шлепанцах с монограммой «Ван Эссен» неуклюже шаркают в парильню, до того проведя утренние часы на поле для мини-гольфа. В последнем случае ключевое слово «нежиться».

«Нежиться» — очень среднеанглийское понятие, которое многое раскрывает в нашей национальной душе; иначе говоря, мы считаем, что жизнь полна разочарований и мало чем радует, а самое меньшее из удовольствий — сесть, вытянув уставшие ноги, и выпить чашечку чая с печеньем «Джемми Доджер» и это не только делает существование сносным, но и доставляет радость и приятное волнение. Финны и немцы не «нежатся»; на отдыхе они хлещут себя березовыми вениками и сигают в ледяной пруд. Французы и итальянцы, у кого климат превосходный, вина — тонкие, а сортов сыра — бесконечное множество, рассматривают «ла дольче вита» как свое неотъемлемое право, полученное от рождения. Зачем дана жизнь, как не для того, чтобы получать от нее удовольствие? Нет народа, который считает жизнеутверждающим опытом мягкий пуфик или способствующий пищеварению бисквит.

Свое название курорты-спа получили, как ни странно, от названия бельгийского городка возле Льежа, который так и зовется — Спа. Кстати, это курорт с минеральными источниками. В континентальной Европе подобных курортных городков с минеральными водами полным-полно, начиная с широко известного Баден-Бадена и кончая более культовым Хайду-Бихаром в Венгрии. У нас в Британии их насчитывается восемнадцать. Вполне себе пристойная цифра. И они в полной мере респектабельны. Если развлекаться в пабе, называя города и перечисляя названия восемнадцати курортов-спа Британских островов, эта забава, вероятно, никогда не заменит игру в «Назови всю “Великолепную семерку”, всех семерых гномов или все семь чудес света». Но тут есть несколько сходных черт. В каноне английских курортов Тэнбери-Уэллс и Дройтвич будут Хорстом Бухгольцем, «Профессором», Фаросским маяком. То есть тем, о чем всегда забывают.

В полную противоположность этому Бакстон, Лимингтон и Бат являются Стивом Маккуином, Простаком, Висячими садами Семирамиды. Согласно отчету 2007 года, всего один процент британцев в действительности пользуется спа — в их естественном виде, а не теми, которые устроены при отелях и где организуют девичники в махровых полотенцах, чтобы заодно и за кутикулами поухаживать. Причиной тому называют «воспринимаемую исключительность» курортов-спа, но, возможно, они наводят на мысли о манерно-претенциозной «среднеанглийскости», как место, где вы чинно и благородно проводите уикенд, завершая его тем, что завистливо разглядываете витрину агента по продаже недвижимости, пока жуετε экологически чистый тернослив и глотаете можжевеловое мороженое. Кстати, раз уж мы коснулись этой темы: лучшее в Англии мороженое можно отыскать именно в курортном городке. В Бриш-Кэмп, что в Малвернских холмах, стоит маленькая деревянная хижина, вероятно, с тех самых пор, как на при-

легающем холме трудолюбивые люди железного века возвели укрепленный лагерь. Приезжайте пораньше, причем особо остерегайтесь продающегося там мороженого «Лайонс-мэйд», и попросите у хорошенькой готки что-нибудь домашнего приготовления. Не пожалеете. Кажется, припоминаю, что джин из цветов бузины и терна — лучший. Впрочем, об этом трудно сказать, особенно когда заезжаешь на автостоянку, истекая слюнками. Напомню об этом чуть погодя.

«Мороженка» — если прибегнуть к идиоме, уместной для 1950-х годов — от компании мороженого «Хенли» известна больше, и она ничуть не хуже. Компания, основанная в 1934 году, размещается в симпатичном старом деревянно-каркасном здании, и это место любимо вот уже тремя поколениями жителей Восточной Средней Англии и в воскресные дни пользуется немалой популярностью. Теперь тут кафе-кондитерская и сувенирный магазинчик, где под сенью веселенького логотипа в виде перепрыгивающей через луну коровы довольные покупатели чавкают лимонными меренгами и двойными трубочками с земляничным мороженым. Как расскажут милые девушки-продавщицы — а если почему-то не расскажут, то поведает вывешенная на стене газета в рамочке, — нынешние владельцы приобрели компанию больше восьми лет назад, дабы местное заведение не угодило в жадные лапы девелоперов, которых заботят только высокая доходность и сдача в аренду и совершенно не волнует мороженое с ирисками и «со всеми добавками сверху». Теперь изобилие сортов мороженого — всего их сорок один — изготавливается на фермах в Стаффордшире и Вустершире.

Как ни хорош «Хенли», я лишь проезжаю мимо, направляясь к одному из самых знаменитых курортных городков Англии — и на протяжении семи лет в начале двадцать первого столетия самому процветающему. После резкого спада в автомобильной промышленности и благодаря раз-

витию железнодорожного сообщения, строительству трассы М-40 и буму в сфере коммуникационных технологий Ройал-Лимингтон-Спа стал ориентиром и флагманом возрождения Центральной Англии. Заявить о своем центральном месте в Средней Англии Лимингтон в состоянии не только в культурном отношении, но и статистически. В Лиллингтоне, чуть северо-восточнее городского центра, высится девятисотлетнее дерево, прозывающееся «Мидлендским дубом», и на табличке рядом с ним утверждается, что находится оно в самом центре страны. На момент отправки книги в печать не было известно, не выкопали ли дерево и не перенесли ли его куда-либо в тайный схрон разгневанные мериденцы, как случилось с элгиновскими мраморами Парфенона или Скунским камнем. Если нужны еще доказательства центрального положения Лимингтон-Спа, то, согласно недавнему социолингвистическому исследованию, он находится точнехонько на границе, разделяющей северное и южное произношение Бата: к северу от городка «а» короткое, как в слове «bat», а стоит двинуться на юг, и все «а» станут вялыми и долгими, как в слове «bar».

Географически Средняя Англия провела страну из рецессии Мейджора и Ламонта через налоговую расчетливость Блэра и Брауна в уют финансового благополучия; по крайней мере, какое-то время она играла роль лидера. Стоит заметить, что в ходе предвыборной кампании 2001 года Тони Блэр со всей свитой прямым образом направился в Лимингтон, прихватив с собой чиабату с курицей, газировку, чипсы и леденцы на палочках для детей; случилось это незадолго до того, как пухленькие детишки превратились в пугало нации и явления карапуза весом в двенадцать стоунов мы стали опасаться не меньше, чем некогда ядерного удара. Визит Блэра был тщательно спланирован и организован, удар нанесли в научно отобранный целевой избирательный округ, и если верить газете «Индепендент», то: «Мистер Блэр общался, на виду у камер, в разукрашенном

кафе в только что отремонтированных Королевских залах для приема вод и купален... Даже выглянувшее на краткий миг солнце залило кафе яркими лучами через георгианские окна. Местные любители чая, которые, как считается, представляют типичных жителей городка, говорили иногда как по писаному, и фразы подозрительно напоминали цитаты из настольной книги “новых лейбористов”. После того как мелкий предприниматель Кевин Финнан страстно высказался за необходимость вкладывать средства в развитие сферы общественных услуг, мистер Блэр признал с застенчивой улыбкой: “Я и сам лучше не сказал бы”».

Если Тони и сегодня был здесь, я его не видел. Вряд ли он инвестировал средства в местный ресторан сети «Кебабиш», обнаружившийся на величественной железнодорожной станции 1930-х годов. Прибыв в Ройал-Лимингтон-Спа (если называть городок, как по праздникам, его полным именем), или, если угодно, просто в Лимингтон, или даже в Лим, как в просторечии говорят местные, испытываешь примерно такие же чувства, как если бы приехал в йоркширский Харрогит. Нужно только самую малость послоняться по улицам, мучаясь от удушливой планировки 1970-х, и сумеешь тем не менее проникнуться все еще сохранившейся патриархальной элегантностью, которая чувствуется в георгианских полукружьях улиц, в величественных гостиницах и среди многочисленных статуй, а отнюдь не в пиццериях и в студиях боевых искусств. В действительности, если неспешно прогуляться у реки и побродить по прелестным Джефсоновским садам, это чувство будет бесспорно сильнее, чем в Харрогите, хотя, разумеется, во мне мог подать голос озлобленный и завистливый ланкаширец.

Сады Джефсона расположены напротив здания Королевских залов для приема вод на реке Лим, которая делит городок надвое, как Будапешт. Во время катастрофических наводнений, обрушившихся на Среднюю Англию в 1998 году, сады затопило, но благодаря средствам, выделенным

Национальной лотереей, их восстановили, заодно значительно улучшив. Что случилось бы с нашими парками и садами, если бы не тщетные každонедельные надежды низших классов, мало сведущих в математике, а? Эстрады для оркестров, лиственницы, здоровые юноши и девушки, многие из которых учатся в университете Уорика, — все выглядит весьма мило и ужасно по-английски. А потом, чтобы добавить картине неожиданную щепотку сюрреалистической экзотичности, посмотрите на другой берег Лима и отыщите взглядом на Прайери-террас пологий слип, спускающийся к реке. Он был сооружен в девятнадцатом веке, чтобы могли спускаться на водопой цирковые слоны, зимовавшие в Лимингтоне. Этот поразительный факт я нарыл в интернете, отыскал сразу в нескольких источниках, и либо это китайский киберслух, либо факт, который достоин упоминания за пинтой пенного эля всякий раз, как всплывет в разговоре название «Лимингтон». Еще встречались утверждения, будто бы тут придумали лаун-теннис, но если каким-то сведениям о городке я и поверю, то предпочту историю, в основе которой — толстокожее.

В 1612 году Джон Спид писал: «В Лимингтоне, столь удаленном от моря, в воздухе прорывалась бодрость соленой воды». Хотя о местных минеральных источниках широко известно еще со времен Средневековья, Лимингтон, подобно многим английским курортным городкам, оставался деревенским поселением вплоть до 1780-х годов, когда он вошел в моду у состоятельных георгианцев, приезжавших за солевыми ваннами и слабительными водами. Со временем курортный городок разросся и в 1831 году привлек внимание будущей королевы Виктории. Курорт произвел на нее столь сильное впечатление — возможно, Виктория приятно провела тут время, — что позднее она даровала Лимингтону королевский статут, и заурядный Лимингтон-Прайерс превратился таким образом в Ройал-Лимингтон-Спа. Жители постарше нарочно используют это название,

когда просят скейтбордистов приглушить музыку или когда изливают душу в письмах в местную прессу. За Лимингтоном давно закрепились репутация «мечты пенсионера», соединенная с новообретенной популярностью среди студентов, что рождает интересное социальное сочетание.

Однако один местный житель в своем блоге «Поэтический чердак Оливера» бросается громкими и уничижительными словами, публикуя вполне безобидные фотки мусорных ящиков и тому подобных картин: «Я подумал, что разнообразия ради стоит показать настоящий Ройал-Лимингтон-Спа — ту сторону этого чудного городка с архитектурой эпохи Регентства в странной старой Средней Англии, о существовании которой туристы и не ведают. Все — разруха, распад, перекасти-поле и заброшенность. До многих уголков этого туристического городка не доходят громадные поступления от налогов, сборов за автостоянки и иных источников. Облупившаяся краска, осыпающиеся здания, увядшая слава». Очевидно, чувствительная душа. Надеюсь, Оливер, ароматная нюхательная соль у вас под рукой.

Если речь об этом, то бум городок испытал полтора века назад — на «туризме в лечебных целях», и столь громадным было число ежегодно приезжавших сюда людей, что в 1814 году К. С. Смит из Уорика спроектировал и построил большое новое здание — Залы для приема вод. Процветание Лима длилось до тех пор, пока разросшаяся сеть железных дорог не ввела в моду среди состоятельной публики выходные на морском побережье, ставшие доступными и для широких масс, не обремененных деньгами. В итоге Лим потерял, а в выигрыше остались Брайтон, Блэкпул и Борнмут. Находчивые лимингтонцы переключились на инженерные работы и машиностроение и процветали до гибели нашей промышленной базы, но городок по-прежнему остается весьма приятным местечком, благодаря легкой про-

мышленности, индустрии телекоммуникаций и производству видеоигр. Если вы играете в многопользовательские ролевые игры, в какие-нибудь «стрелялки», знаете о «Квейках», «Мистах» и серии «ГТА», вам наверняка известны названия разработчиков новейших компьютерных игр, таких как «Блиц», «Биг студия», «Фристайл», «Суперсоник софтвер», «Аква Пасифик», «Коудмастерс», «Кастомплей геймс» и тому подобное. Все эти компании расположены в самом городке или в непосредственной близости от него.

Но высокотехнологические приманки времен первого экономического расцвета Лимингтона были куда более приземленными. Красивые Джефсоновские сады увековечили память доктора Генри Джефсона, одной из виднейших фигур курортного дела Лимингтона. В музейном комплексе, открытом в заново отремонтированных Залах для приема минеральных вод, можно прочувствовать как аромат, так и вкус — метафорически, пусть и не в буквальном смысле, что, возможно, к счастью — славных курортных деньков Лимингтона.

Доктора Лимингтона напористо пропагандировали достоинства местных минеральных вод, причем рекламировали их прием не просто в виде купаний, но и, что куда менее аппетитно, внутрь. Для питья было доступно три вида минеральных вод: соленые (содержащие различные соли), железистые (железо) и серосодержащие (м-м, с серой), и они, как утверждалось, излечивают все, от «окостенения сухожилий», «тугоподвижности суставов» до «последствий подагры, ревматизма и различных паралитических поражений». «Представьте себе, что вы пьете желтовато-зеленые серно-минеральные воды, — просит надпись на стенде, рождая в голове некие мысли. — Говорят, они оказывают умеренно слабительный эффект». Последнее меня не удивило, сама мысль о глотке подобной воды возымела, по видимому, желаемый эффект.

И словно бы в подтверждение тому — картина под стеклом, на которой изображен один из активных пропагандистов лечения местными водами, доктор Джон Хитчман. Естественно, те, кто многим послужил на благо городу, на портретах обычно выглядят куда приятнее и лучше, чем в жизни. Такова уж традиция приукрашения действительности. Но, совершенно наперекор этой тенденции, Хитчман на картине — вылитый душевнобольной, как если бы Эйнштейна скрестить с нажравшимся амилнитрата Кеном Доддом. Бенджамин Сатчвелл, предприимчивый местный сапожник, почтальон и поэт, разглядевший коммерческие перспективы городка, вывесить тут свой портрет не разрешил, но подарил свое имя городскому пабу, где можно приобрести и более приятные на вкус тонизирующие жидкости.

Добрый доктор Джефсон сформулировал несколько общих правил для тех, кто, отягощенный многообразными хворями, планировал подлечиться солеными водами. Существовал «сезон», длившийся с мая по октябрь. Считалось, что для наилучшего эффекта от лечения пациенты должны оставаться на курорте месяц, принимая минеральные воды и ванны два-три раза в неделю. Назначенный день рекомендовалось начинать с пинты тошнотворной минералки, а затем совершать моцион по городку (готов спорить, весьма нетвердой походкой) и лишь потом — завтрак. Гроша ломаного не стоило то, что доктор Джефсон утверждал по поводу полезной для здоровья диеты, и это могло бы предостеречь нас от слишком серьезного отношения к высказываниям самозванных экспертов. Как и наши снулые современные пухлощекие гуру от диетологии, он понимал, что правильная диета имеет для здоровья важнейшее значение, и ратовал за черствый хлеб, отварное мясо и херес, убеждал в пользе черного чая и масла и безусловно выступал против всяких фруктов или отварных овощей. Никаких «пять раз в день» для старины Джефсона, если только это не пять шхун с поставкой «Бристоль крим» от

Харви и не квинтет бараньих отбивных. Возможно, поэтому-то Хитчман и выглядит так на своем портрете: счастливый, но явно с сумасшедшинкой.

Давайте рассмотрим более приятную часть пребывания на спа-курорте: блаженство в горячей воде. И вновь вы дадите маху, если подумаете, что на курортах прежних лет витал тот парок, который царит в затемненных, пропитанных запахами подвалах модных отелей, напоенных ароматами сандалового дерева и жасмина, освещенных дрожащим пламенем свечей, и где от массажного кресла к полке с полотенцами безмятежно скользят по-степфордски милые создания из парфюмерного отдела «Дебнемс»... Старинные курорты — это учреждения для приема укрепляющих средств, а не место для неги и приятного времяпрепровождения. Здесь, в центре лимингтонских Залов для приема минеральных вод красуются разнообразные, самого зловещего вида комплекты ремней, петель и растяжек для ванны. Я был поражен тем, как сосредоточенно по-медицински подходили ко всему процессу лечения водами, хотя пожилая леди из Бирмингема восхищенно замерла неподалеку от меня, возле стоячего металлического игольчатого душа с неприятной проволочной клеткой, и сказала: «Я такой могла бы и дома устроить».

При помощи ванн «зотофом» лечили ожирение — как утверждалось, благодаря повышению температуры тела и скорости обмена веществ сжигались лишние калории. На поясняющей картинке, относящейся к началу двадцатого столетия, непристойного облика цветущий тип сидит по самую маковку в бурлящей пене. За ним наблюдает в равной мере жизнерадостный и поразительно худой служитель. Вероятно, он тоже погружался в чудотворные воды. Или, наверное, выпил пинту-другую этой жидкости. Также в музее имеется душ Виши и всякие альтернативные души. Но спрашивать о них мне не захотелось.

По пути к выходу я наткнулся на картинную галерею. Там оказался чудесный, глубоко символический «Кукхэм-

Райз» кисти Стэнли Спенсера; по какой причине тут очутилась эта картина, не объяснялось, было сказано лишь, что полотно подарено олдерменом Холтом в 1938 году. Как человек, в чьем представлении олдермены — это обычно толстые парни с часами на цепочке в кармашках, которые запретили выступление «Секс пистолз» в Уигане, я скажу: вы молодец, мистер Холт. Также в галерее есть неплохие полотна Айвена Хитченса, есть картина Стивена Боуна, где изображен симпатичный заснеженный Лимингтон 1940-х годов, и «Мадригал» сэра Терри Фроста, вдохновленный одноименным стихотворением Одена, которое впервые пришло ему в голову в Лимингтонской библиотеке. Кажется, город привлекает художников, и я задержался на какое-то время возле избранных работ его нового жителя, Жан-Пьера Кунзера. Жан-Пьер уныло именует себя «искателем внутренней истины в человеческом существовании». Я бы предпочел, чтобы он заявил, будто ему по горло надоели девицы и абсент, безделье и свободная блуза художника.

Мне даже пришлось по нраву выставка народного искусства (тред-юнионистский баннер от профсоюза железнодорожников, несколько граффити, найденные в амбаре картины неизвестного сельского художника, изображающие свиней, фотографии веселящихся девиц). Я бы мог задержаться и подольше, но хранитель взирал на меня и мой блокнот с крайним подозрением, всем своим видом говоря, что никто в здравом уме не станет проявлять такой интерес к свиньям, транспарантам профсоюзов и, уж если на то пошло, к Ройал-Лимингтон-Спа. А я вот заинтересовался. И, кстати, Лим мне весьма понравился.

Однако Бакстон мне нравится больше. Возможно, потому, что приехал я туда в отличном настроении, под ненавязчивые гипнотические ритмы поезда, отправившегося в 10:37 с манчестерского вокзала Пиккадилли, а по дороге вдоволь налюбовался открывающимися видами подножий холмов Скалистого края и прелестных городков, примос-

тившихся на склонах Нью-Миллз, Фернесс-Уэйл, Уэлли-Бридж с их своеобразными и прелестными домиками под холмами. При взгляде на них у вас возникает чувство, будто там простое благородство северных земель встречается с мягким теплом Средней Англии. Прелести всему добавляло и то, что когда поезд въезжал в Бакстон, в наушниках моего «айпода» звучала изящная старомодная музыка Вернона Эллиота из мультфильмов Оливера Постгейта «Лес Поглов» и «Паровозик Айвор».

По ощущениям, Бакстон — все равно что Лос-Анджелес после Уэлли-Бридж, но город тем не менее очень приятен. В такое место вы — если, как я, выросли в унылом заводском городе в задымленной ложбине на Ланкаширской равнине — выезжали бы по воскресеньям и, возможно, перебрались бы туда, выиграй ваш папочка в футбольный тотализатор. Шагнув с поезда, вы оказываетесь, как гласит надпись на табличке, под «Громадным веерным окном». Это отчасти буквальное описание того, что и в самом деле является огромным окном в виде раскрытого веера. Можно понять, почему Бакстон так им гордится (не в меньшей степени еще и потому, что создано окно Джозефом Пакстоном, творцом «Кристал пэлас». Причем под последним я имею в виду Хрустальный дворец — великолепное стеклянное сооружение, а не посредственную футбольную команду из Южного Лондона).

Расположенный на высоте всего тысячи футов над уровнем моря, Бакстон является самым «высокогорным» в Англии городом, где еженедельно устраивается рыночная торговля. Эту честь у него оспаривает Олстон в Камбрии, однако там рынок проходит нерегулярно, так что брось, Олстон, посчитай-ка, как говорят наши американские сородичи. В любом случае, из всех курортных городков Бакстон, несомненно, находится выше прочих. Сойдите в январе с какого-нибудь манчестерского или шеффилдского поезда, и вы тоже это ощутите, оказавшись высоко на рав-

нине, где встречаются сланец, известняк и песчаник, твердые и холодные, высокие и мощные. В отличие от Лимингтон-Спа, с приходом железной дороги в 1863 году для Бакстона начались годы не упадка, а расцвета. Благодаря транспорту он стал крайне популярным в конце викторианской эпохи, и архитектура самых лучших домов города и общественных зданий относится к этому периоду. Минеральные воды пользовались известностью с тех пор, как Джонни Роман, любитель продолжительных ванн и солоноватых вод, не назвал это место Аквы Арнеметиевы. В елизаветинскую эпоху люди увлекались водолечением не меньше, и шотландская королева Мария Стюарт, находясь в заключении неподалеку, в замке Чатсуорт, тоже принимала местные воды. Пятый герцог Девонширский отличался коммерческой жилкой и в 1780-х годах приложил немало усилий для развития минеральных источников Святой Анны. Пытаясь переманить элиту той эпохи из Котсуолда в холмистый Дербишир, он построил в Бакстоне Бальный зал и Кресент, за образец взяв известный королевский комплекс зданий в Бате.

После викторианского расцвета аристократы двадцатого века пресытились курортами, отдавая предпочтение, вероятно, Ноэлу Кауарду, кокаину и танцу «блэк-боттом», и Бакстон остепенился, став тем, чем является и сегодня: светским, красивым городком, населенным как северными жителями пригородов, так и теми, кто ищет прибежища от городских «крысиных гонок», но не хочет оказаться в полной глуши. Как сказано в «Индепендент», в статье, скучно озаглавленной «Курорты своими глазами»: «Бакстон вызывает в воображении образы величественных зданий, декоративных садов, оригинальных кафе и бутылок с одноименной минеральной водой. Но маленький городок-курорт, естественные ворота, ведущие в красивый национальный парк “Скалистый край”, в последние годы понемногу увеличивает свою притягательность». А это означает, что пока Бак-

стон остается благородным и привлекательным, он не считается старомодным. Он приятен и уютен, но ему хватает характера, чтобы «быть реальным», как сказали бы в многочисленном городском сообществе гангста-рэпа и хип-хопа. Вообще-то, это я придумал. Но в число знаменитых бакстонцев входят Вера Бриттен, мама Ширли Уильямс и автор «Завещания юности», и Тим Брук-Тейлор, знаковая фигура среднеанглийской комедии, пусть и чуточку ниспровергатель устоев, но при сем — абсолютно милый человек. Едва ли не первым, что вы увидите на левой стороне изгибающейся улицы, которая ведет собственно к городку, будет семейное предприятие Брук-Тейлоров, солиситорская контора. Кроме того, это «коварная улица» для того, кто, как я, пропустит завтрак, его подстерегают «Просто тайская еда», «Пицца-экспресс» и «Индийский дворец». Если выразиться по-простому, как какая-нибудь Триша, я бы сказал, что это меня «задолбало». В таком случае кстати окажется «Бакстонская практика здоровья», где предлагают краниально-сакральную терапию и метаморфические техники.

Городской музей в прошлом удостоивался звания «Музей года». Это меня удивило. Не потому, что это звание — вздор, совсем нет. Но музей консервативен — и в этой своей консервативности, по-моему, скорее должен был вызвать негатив у комитета по награждению: он аккуратен, опрятен, но — обычен, и тут отсутствует всякая интерактивность. Не нужно нажимать кнопок, нет призывов захлеб: «Узнайте, каково жить в поселении бронзового века! Примите участие в нескончаемых переговорах о прочном мире в Версале! Представьте, что это у вас разбили витрину в “хрустальную ночь”! Кровь и разрушение, резня и всеобщее опустошение — по странам Центральной Европы пронеслась монгольская орда Чингисхана!!!»

Всю историю нельзя свести до уровня викторин и детских игр. Да и не надо. Должна быть тайна, некий

душевный трепет и, возможно, капелька страха. Уверен, куда больше детишек обратились к естествознанию благодаря тому чудовищно-громадному скелету динозавра в Лондонском музее естественной истории, а не из-за мигающих огонечков и тыканья пальцем в тачпад. Как я иногда вспоминаю, причем с какой-то стариковской ворчливостью, меня не оставила равнодушной статья Вальдемара Янушчака, который со смешанными чувствами писал о бесплатных музеях в «Таймс» от 27 апреля 2008 года: «С какой стати бикини Холли Берри оказались в Имперском военном музее?.. Бонд и его «астон мартин» не имеют никакого отношения к ужасным реалиям войны, когда нашим юношам отрывает ноги в Ираке и Афганистане... Загляните в субботу днем в музей Виктории и Альберта, и вы увидите не компании заинтересованных подростков из Пекхэма или группки азиатской молодежи с Брик-лейн, а толпы принадлежащих к среднему классу мамочек, превративших наши музеи в бесплатные игровые площадки. Наши музеи не только неспособны противостоять инфантилизации Британии, в этих проклятых местах она берет свое начало».

В Бакстонском музее есть кое-какие любопытные экспонаты, под названием Девенсийские костные ямы, а живые картины изображают, как европейские охотники на северных оленей преследовали мигрирующие стада через льды и снега и дошли отсюда до пещер Скалистого края — если подумать, весьма примечательное достижение. По-видимому, характерной чертой выставки под названием «Чудо скал» служит специфическое звуковое сопровождение: я решил, что оно воспроизводит устрашающие крики загонщика, но оказалось, что это перемонтированный медвежий рык.

Сотрудники музея — милейшие люди: привлекательные веселые и разговорчивые дамы в шелковых блузках, с очками на цепочках и с пепельно-светлыми волосами. Они рассказали много по-настоящему интересного о местной

фауне и геологии, поделились сплетнями, при этом мы все пытались игнорировать тот факт, что какой-то мужчина в водонепроницаемой куртке с капюшоном и с шейным платком не сводил глаз с изображения кабаньей охоты в горах Скалистого края и с болезненным любопытством бормотал: «Но почему? Почему?» Подобно библиотекам, музеи в дневное время остаются тем местом, где можно еще встретить вымирающий английский вид — непостижимых, необъяснимых чудаков-одиночек, которых Ларкин одновременно и превозносил, и оплакивал в своем «Возвращении к лягушкам».

Перейдя дорогу, я взобрался на большой высокий курган, который возвышался за сонным городком. Он называется Откосы и в действительности изумителен. На склоне общественное здание, возведенное в георгианскую эпоху, — все из себя преисполненное бакстонской гордости, оно грелось в лучах осеннего солнца и взирало на голубоватые холмы Скалистого края. Внизу, справа от меня, виднелись Опера-хауз и Павильон, но я решил сначала направиться в другую сторону — к рынку, который в Бакстоне проходит по вторникам и субботам. Как на заказ, сегодня был вторник.

К тому времени как я вышел на просторную площадь позади паба «Голова короля», где — можно себе представить — по погожим летним субботам толпятся желающие промочить горло, торговля на рынке уже сворачивалась: такое чувство возникает, когда тусовка под конец распадается на бессвязную суету — пальто, такси, случайные треки с альбома группы «Портисхед»... Впрочем, день был прекрасный, и, чтобы утешить себя, я решил съесть хот-дог. Будучи осведомлен обо всех рисках для здоровья и о том факте, что сосиски в хот-догах делают из токсичных отходов, глазных яблок и стекловолокна, сопротивляться снедавшему меня желанию я не мог, в особенности из-за фургона на рыночной площади. Думаю, все дело в деше-

вом, маслянистом и всепобеждающем запахе жареного лука. У меня есть друзья-вегетарианцы, которые, пробродив по улицам после закрытия всех заведений, сожрали бы эти сочные, аппетитные жирные луковицы, уложив их на сдобренную кетчупом булочку — нечто вроде «недоделанного хот-дога в поддержку солидарности пьяных». Леди в Бакстоне, которая окропила кетчупом мой лук, протянула мне готовый хот-дог и сказала: «Кушайте на здоровье и будьте пай-мальчиком». Потом помолчала и добавила: «Нет, не стоит им быть. Скукота».

Разумеется, хот-дог был вкусен. Но, как и свойственно подобным яствам, он сразу же исчез, проглоченный в одно измазанное мгновение, и не закрадись мне в голову мысль, что за мной кто-то следит, я бы согласился на «Предложение бизнес-ланча» в китайском ресторане «Большая панда». Мне очень понравилось название, и одолевало желание выяснить, не удастся ли застать Билла Гейтса, Алана Шугара и Ричарда Брэнсона, когда те днем по вторникам уплетают в Бакстоне свиные ребрышки и мясные шарики.

Ниже по холму я обнаружил то, что оценил для себя как «маленькую жемчужину» городка; существование таких потаенных удовольствий заставляет сожалеть, что вы тут не живете — тогда бы можно было убить здесь часок-другой, когда дневная суeta достанет своей занудностью или доведет до стресса. «Книжный магазин и переплетная мастерская Скривнера» — пять беспорядочных и скрипучих этажей книжных залежей по всякой теме, от томиков о сексуальном здоровье до текстов на санскрите, от детских коллекционных безделушек до книг по военной истории.

Я слонялся по магазину в некотором изумлении. Обнаружилась совершенно очаровательная «кофейная зона с самообслуживанием», представленная чайником, кружками, заварочным чайником, жестянками «Нескафе» и «Йоркширского чая», разносортными ложечками и вазочкой с сахаром. За углом поджидала фисгармония с разложенными

ми нотами и с приглашением сесть за инструмент «для того, кто умеет играть». Это заставляет предположить, что, вероятно, порой полуденные грезы разбивают вдребезги фисгармонисты-недоучки, а то и полные неумехи, раздирая воздух мучительными стонами и присвистами старинного инструмента.

Но как бы скверно вы не играли на фисгармонии, можно только воображать, как бы покарали вас — скорее всего, мягко и снисходительно — те две милые дамы, которые в тот вторник работали в магазине. Одна, клевая хиппи с седыми волосами и в круглых очечках, была похожа на мудрую сову, а ее коллега — помладше, с каштановыми волосами и в белом лабораторном халате — неспешно перекусывала хумусом и салатом в пластиковом контейнере «Тапперуэр». По пятнам от чернил и клея на белом халате я догадался, что это, должно быть, и есть «Холли Сарджент, переплетчик», как гласила реклама. Обе женщины оказались весьма очаровательны. Я стал свидетелем их беседы, полной драматических вздрагиваний и произнесенных вполголоса признаний о том, что в некоторые помещения магазина они не любят заходить в одиночку, особенно в ноябре, ближе к вечеру. Они немедленно заметили мой интерес и поведали, что несколько покупателей рассказывали о призраке, мелькавшем среди полок на верхних этажах. Я решил сам подняться туда, и женщины попросили дать им знать, если я что-то увижу, причем, как я с тревогой отметил, произнесено это было лишь с долей шутки.

Кое-что я увидел. Мужчину на лестнице. Он, несколько зловеще, преградил мне путь, тихонько посмеиваясь своим мыслям. Впрочем, он был весьма реален, пусть и странный, и вызывал замешательство. Этот человек, в заношенном желтом пуловере и сдавленно хихикающий, был одним из тех непостижимых людей, кого встречаешь среди бела дня и о чьем прошлом и событиях жизни вы никогда не узнаете. Я протиснулся мимо него, к первоизданиям «Про-

сто Уильяма», с ценами совсем мне не по карману. Утешился я маленьким, прелестно изданным томиком «Шропширского парня» Хаусмена.

Когда я спустился, в магазине появился еще один мужчина, он был намного представительнее и развлекал Холли, ее подругу и покупателей рассказами о сверхъестественном в доме, откуда он переезжает. Кажется, дом называется «Флэш», и всем местным он известен. Мужчина переезжал потому, что его жена не в состоянии выносить необъяснимые печальные крики и плач.

— Когда-то это был детский приют, знаете ли, — сказала пожилая леди, стоявшая у полок с книгами по религии. По-видимому, об этом никто не знал. По крайней мере, я догадался так по тишине, что воцарилась в маленьком зальчике на первом этаже магазина. Тишину нарушил лишь колокольчик, звякнувший, когда я вышел на улицу. Когда будете в Бакстоне, загляните к «Скривнеру» — если вам захочется приобрести первое издание Ричарда Кромптона, переплести книгу или просто услышать какую-нибудь страшную историю.

Я шагнул в тот милый и чудной потусторонний мир, который представляют собой жилые кварталы Англии в середине дня: дети в школе, мамы с папами на работе, бабушки дремлют под дневные передачи у телевизоров или у радиоприемников, настроенных на «Радио-4», а дедушки заняты прополкой в отдаленных уголках участков. Даже признав чужака, они поприветствуют вас поверх азалий и зарослей бирючины из глубины своих владений взмахом руки. Дома в этой части города миленькие, изредка в тихом закоулке попадаете дом, где сдается комната с завтраком. Я шагал в ослепительном солнечном сиянии по безлюдным широким улицам, почти в полной тишине, и лишь иногда слышались случайные голоса или смех из открытых окон и доносился, становясь громче, слабый зловеющий шум — как я понял, в школе перерыв на обед.

Слева от меня, где-то за широкой полосой красно-коричневых деревьев и невысоким всхолмьем позади города, находилась Пещера Пула, которую некогда посещала Мария Стюарт, королева Шотландии. Упомянутый Пул — вор пятнадцатого века, который, как поговаривают, сам скрывался в пещерах и прятал там краденое. Но если верить тексту в брошюре, полученной от милых дам в музее, местные использовали пещеры задолго до Пула: «Обнаружены артефакты, относящиеся к каменному веку и к бронзовому веку, а также к римской эпохе. Пещеры славятся необычайными образованиями, в том числе живописными голубыми и оранжевыми сталактитами, которые сформированы минералами, выщелоченными из известнякового потолка пещер».

Ничего об этом сказать не могу. Туда я так и не добрался. Из-за этого я чувствую себя явно неловко. Настоящие писатели, кто пишет о путешествиях, те, кто покрыт шрамами, в больших шортах, в банданах, в тропических шлемах, с грудой чемоданов с экзотическими наклейками и со всем таким прочим, никогда бы не потерялись, пытаюсь отыскать одну из самых знаменитых местных достопримечательностей Бакстона. Они проторили бы путь через коварные болота, преодолели кишящие акулами воды, прошли минные поля, миновали простреливаемые снайперами улицы и прорвались через развалины городов, прибегнув к помощи лишь Большой Медведицы и иголки в стакане с водой. Рэй Мирс и Ранульф Файнс могли бы соорудить из имеющейся под рукой шерсти прочный дом — патио, уголок для барбекю, а то и гараж на два места. Им по силам не одну неделю прожить на березовом соке и скисшем молоке самки яка.

Оглядываясь на прошлое, считаю, что повернул не туда у начала Бридж-стрит. Немного сбил с толку указатель, и я подумал, что в брошюре неверно указана дорога. И уверенно последовал в направлении, куда указывал силуэт

шагающего человечка на стрелке «Общественная пешеходная дорожка». Как бы то ни было, где-то минут через двадцать я сообразил, что иду непонятно куда по обширному травянистому лугу, который, как выяснилось, является игровым полем Бакстонской школы. Вероятно, подозрительные типы, шатающиеся возле школьной игровой площадки, никогда не вызывают сердечных чувств или умиления, определенно проигрывая в этом в сравнении, скажем, с банкой песочного печенья, доярками или котенком в пивной кружке. Но в последние годы всякий мужчина, замеченный в одиночестве поблизости от того места, где за последний календарный год могли бывать дети, неизменно наводит на мысли о чудовищной порочности. Все ученые-статистики согласны с тем, что, в общем, дети чаще сталкиваются с жестокостью, пренебрежением и/или идиотским отношением к ним со стороны собственных родителей или политиков, однако расплывчатая фигура потенциального растлителя малолетних возле школьных ворот заставляет Среднюю (да и остальную) Англию чертовски нервничать и к тому же порождает серьезную нехватку судей-любителей и начальников отрядов бойскаутов. Как человек, который питает отвращение к каждой минуте из тех восьмидесяти, что я был бойскаутом, последнее меня не слишком-то беспокоит. Но в этот теплый осенний день в Бакстоне мне пришла в голову мысль, что лучше вернуться на улицу, пока из окна класса изобразительного искусства меня не подстрелил снайпер или пока родители вилами не погнали меня прочь из городка.

Помахав на прощание поспешно созданному плакату с надписью: «Честное слово, я не извращенец», я в меру своих сил постарался вернуться обратно, на улицу с жилыми домами, где свернул не туда. И это привело меня прямоком на беговую дорожку и назад во времени, в 1975 год. Я вдруг снова стал маленьким мальчиком, брошенным в огромную, по большей части враждебную католическую среднюю шко-

лу для мальчиков, которой руководили садисты-девственники в рясах. Расчерченные беговые дорожки, сектор и круг для метания диска, прыжковая яма с песком, ворота для регби, жгучий град ударов по покрасневшим голым бедрам, дурные стрижки, репетиционные экзамены, телепрограмма «По стране» с Майклом Барреттом, смутные мысли о самоубийстве — все это разом вновь обрушилось на меня, как прустовский бережливый холостяк в самый глубокий круг ада. Должен сказать, та спортивная площадка, устроившаяся у подножия поросшего лесом холма, была намного симпатичнее и красивее большинства мест, где я проводил свои унылые вторничные зимние дни. Если вас захотят силком заставить пробежать 800 метров под ливнем, тут для этого самое приятное местечко. А теперь давайте-ка уберемся отсюда.

И вот я снова в собственно Бакстоне, перед закрытой кебабной «Сахара», чье закрашенное белой краской окно превратилось в подобие «приходской водокачки» вкупе с агентством Рейтер для городской молодежи. Разномастные броские заголовки и вырезки облепили и запачкали белую масляную краску. Одно объявление гласило: «Николь Рэй годится». Аналогично другой корреспондент утверждал: «Эмили Краутер сгодится». Однако кто-то, менее великодушный, убеждал, что «Эйби — кретинка».

Я миновал магазин со скрипками, названный, с достойной восхищения безапелляционностью, «Бакстонским магазином скрипок». Полагаю, не было особой нужды называть его «Повелителем струн» или «Первой скрипкой», и, возможно, я ошибаюсь, хотя и чувствую, что вряд ли, но в этой узкой сфере деятельности нет особой конкуренции, если таковая вообще имеет место, даже в столь прелестном уголке, как Бакстон. Как же владелец ухитряется оставаться в бизнесе, сторонясь, как можно предположить по названию, даже виолончели и альты? Не знаю, но я рад редкому и вдохновляющему примеру того, как изворотливость, не-

зависимость и специализация все же способны существовать в эпоху универсамов, которые не продают ничего. Обо всем этом я размышлял, стоя на мостовой и сопротивляясь соблазнам как кафе «Каретный сарай», так и закусочной «У Томпсона», откуда пахло рыбой и картошкой. Оба заведения выглядели манящими, но минуло всего пара часов после того, как я торопливо заглотил «опытный» хот-дог. Поэтому, вздохнув, я прошел мимо.

Возвращаясь в центр городка через рынок, я увидел, что тот по-прежнему пребывает в дреме, а утренняя суeta давно осталась в прошлом. На рынке продавали недорогую овечью шерсть и еще более дешевые кондиционеры. В шезлонге у задней двери синего фургона тихонько дремал седовласый мужчина в рыбацком вязаном свитере; по всей видимости, вряд ли он сегодня продал много ковриков и цветочных горшков. Вы бы решили, что я это выдумал, но один-единственный взгляд, брошенный чуть в сторону от фургона, явил все богатство и абсурд английской жизни: перед дверьми двух интернет-кафе какой-то тип продавал из корзины свиные уши.

Не соблазнившись близостью свиных обрезков, я решил обратиться к любимому средству Средней Англии — «сесть и выпить чашечку хорошего чая». Кафе «Белтейн», рекламу которого я заметил в галерее, выглядело очаровательно — в таких местечках владелец читает «Гарри Поттера» и желает, чтобы кто-нибудь написал этот роман здесь. Наспех нацарапанное объявление гласило: «Извините, кухня сегодня не работает. У шеф-повара выходной». Не могу никак решить, то ли это наиболее типичное для Средней Англии проявление неискушенности, то ли почти характерная для Латинской Америки всепобеждающая бездеятельность «маньяна».

Мне все равно. Мне лишь хочется присесть и выпить чашечку чая. Или, как получилось, латте с пенкой. Внутри же «Белтейна» имелись неотмытые сосновые столы, играл

альбом «Зеро 7», валялись экземпляры «Индепендента», сидели симпатичные молодые люди с рюкзаками и с бутылками «Старопрамена». У меня возникло сильное ощущение, что очень скоро тут заиграет живую джаз. Хотя и похоже, будто я брюзжу, но, уверяю, я с удовольствием выпил свой латте в столь компанейском окружении. Следующая по улице дверь вела в магазин «Коломбина», где, должно быть, ненавидели те новые и весьма неприятные ассоциации, которые вызывало это имя, но могли утешиться тем, что находятся на Таун-Бэнк, охарактеризованном на информационном стенде рядом как «изысканный возвышенный участок городских домов в георгианском стиле».

У подножия возвышенности и по склону раскинулись знаменитые Павильонные сады — с широкими травянистыми лужайками, тихо журчащими фонтанами, тенистыми, увитыми зеленью беседками и милыми маленькими эстрадами. Подобно рынку, сады в тот вторник решительно нагоняли дремоту, заставляя меня гадать, действительно ли Бакстон числится ныне соседом близлежащих Манчестера и Шеффилда? Какова бы ни была причина, но сады были чуть ли не в моем полном единоличном распоряжении, и тут явно недоставало кое-чего существенного для общественного парка — готов и бродяг. Мне даже чуть взгрустнулось. Не скажу, что нахожу привлекательными дурно пахнущих типов, богохульствующих и размахивающих кулаками, целя в воображаемых врагов, при этом вдобавок сосущих «Спешл брю», но в душе у меня всегда найдется местечко для сочувствия готам, во многом возросшего после ужасного убийства готки в парке городка Бэйкап. Ее жестоко, до смерти, избил шайка головорезов просто потому, что она выглядела не так, как они. В свое время эту историю обошли молчанием большинство средств массовой информации, которые тогда смотрели в другую сторону — на милые и грустные черты маленькой девочки-блондинки по имени Мадлен Макканн. В своем роде готы столь

же кроткие и уязвимые, несмотря на свою мрачную внешность, тяготение к черным карандашам для подведения глаз и элегантность в духе серий «Хаммер хоррор». Между прочим, если вы до сих пор не уверены в том, кто такие готы, то могу предложить их лучшее описание, которое принадлежит журналисту Марку Эллину. Езжайте на север по трассе М-6 и чуть севернее Сильвердейла или Гранжа-овер-Сэндс, где-то возле пересечения с 35-й сверните в сторону. Направляйтесь к ближайшему самому крупному городку с рынком и рассчитайте время так, чтобы приехать до сумерек. Оказавшись в центре города или на рыночной площади, отыщите памятник погибшим в войне и там вы найдете трех-четырех молодых людей, одетых в черное и попивающих бутылочный сидр. Это и есть готы.

А в Павильонных садах на душу снизошли покой и благолепие. В раю, сверкая, текла река. Реальная же река Уай, журча и пенясь, пересекала парк чередой извивов и бурлящих водопадов, приобретая из-за опавших листьев буроватый оттенок и застойность. Хотя парк и был почти безлюден, среди беседок, фонтанов и эстрад для оркестров, словно воссоздающих атмосферу мультфильма «Чигли», обнаружилось немало очагов активности.

Мужчина фотографирует нескольких женщин, а ракурс съемки, из всех возможных, — хуже некуда: он стоит в яме, а женщин отчасти заслоняет вышеуказанная эстрада. Это проявление полной некомпетентности или творческий взлет? Кто возьмется решать? Ребенок, младше которого мне в жизни не встречалось, с наслаждением качался на качелях, и само выражение его (или ее?) лица, как на качелях, менялось от малодушного ужаса к радости, от исступления к полнейшему блаженству. На скамейке возле пруда лакомилась мороженым влюбленная парочка. «Мы смылись из офиса. Надеюсь, ты думаешь, что мы займемся чем-то более волнующим». Вовсе нет. Это запретные плоды, те маленькие радости жизни, которые зачастую оставляют

самые сильные и глубокие впечатления. Беловолосый джентльмен стоял возле того, что выглядело — вот радость-то, так и есть! — платформой малой железной дороги. У меня не было игрушечных поездов, и, честно говоря, я никогда не таскал фонарь для детской железной дороги. Но зная, что такие до сих пор существуют — например, между Рей-венглассом и Эскдейлом или здесь, в бакстонском Павильонном саду, — я чувствую в душе тепло и уверенность; все равно что знать, что вороны по-прежнему живут в Тауэре, «стрелки гранчестерских часов стоят на без десяти три и к чаю есть мед», как писал Руперт Брук. Я поинтересовался у седовласого джентльмена, по расписанию ли будет поезд, но он просто расхохотался и зашагал восвояси, посмеиваясь и тыкая землю наконечником зонтика. Очевидно, он знал нечто такое, что мне знать не полагалось. Минуты шли, и ни гудков, ни свистков не доносилось, как не были видны и клубы пара или дыма. Вероятно, на малой железной дороге забастовка, или ветка пала жертвой топора лорда Бичинга. Так или иначе, но, прождав недолго, я тоже двинулся прочь.

Старый спа-курорт является частью Павильонных садов. Некогда столь важный для процветания Бакстона, ныне он, как кажется, превратился в плавательный бассейн, судя по запотевшим окнам и детям с надувными кругами. За элегантным остекленным фасадом павильона скрываются несколько предприятий общественного питания. Самое простое предлагает пенсионерское «особое карри с ягненком», а в более претенциозном ресторане леди и джентльмены не первой молодости наслаждаются тем, что похоже — если смущенно заглянуть внутрь зала — на превосходный поздний обед. Ресторан принимает заказы на Рождество, в качестве первого блюда предлагая традиционную, хоть и пробуждающую определенные мысли уловку в виде «дынних семечек с тайской настойкой». Затем идет «завернутое в бекон бедрышко индейки на сковороде,

с традиционным гарниром из жаренного в меду пастернака и брюссельской капусты», потом рождественский пудинг, привлекательность которого я никогда не понимал. Возможно, мне бы позволили заказать чизкейк. В любом случае — тринадцать с половиной фунтов с носа, что мне, человеку, которому приходится регулярно скрывать удивление от цен на манговый «смузи», представляется весьма невыгодной сделкой. Неспешно приблизившись к стенду с росписью аттракционов, я посмотрел, что же пропустил на этой неделе: как оказалось, танец с Питером Роджером в обеденный перерыв. Этот факт зафиксирован. В следующий четверг на рынок должны съехаться фермеры. Значит, можно будет заехать сюда и прикупить бургер из страусятины. Их непременно будут продавать.

К Павильону примыкает Опера-хауз — создателем этой жемчужины был Фрэнк Матчэм, один из самых известных в Британии архитекторов, возводивших театры, и именно он строил лондонский «Палладиум». Опера-хауз открыли, под городские фанфары, 1 июня 1903 года, и тогда зрителям показали «Поцелуй миссис Уиллоби» и «Счет от моей модистки». В следующие три десятилетия на сцене Опера-хауза гастролировали Шекспировские театры и успешные труппы Вест-Энда, ставились балеты, концерты, музыкальные комедии и детективы. В 1925 году великая Анна Павлова, в честь которой позднее назвали земляничный пирог, исполняла здесь партию «Умирающего лебедя». Когда появился кинематограф, Опера-хауз просто приспособили к новому изобретению и тоже превратили в кинотеатр. Но знаменитая Лилиан Бейлис из лондонского театра «Олд Вик» продолжала выступать в Бакстоне в «настоящем» театре и на летних фестивалях. Если бы «Белтейн» отправился назад во времени в 1930-е годы, то вы могли бы попивать моккачино рядом с Сибил Торндайк, Робертом Донатом, Энтони Куэйлом, Робертом Морли и Алеком Гиннесом.

Тем не менее на протяжении 1950-х, 1960-х и 1970-х годов интерес публики падал, и будущее Опера-хауза выглядело сомнительным. В середине 1970-х театр на какое-то время закрылся, но в конце 1990-х он попал под действие крупной программы по реставрации, с привлечением как общественных, так и частных фондов, и городские власти оказали всемерную поддержку. В новое тысячелетие театр вступил еще краше, чем был раньше, и в последние годы на его сцене выступали такие разные знаменитости, как Элвис Костелло, Стивен Беркофф, Питер Кэй, Прунелла Скейлс, Билл Уаймен, Кен Додд и Джо Брэнд. Газета «Натсфорд гардиан» не скупилась на восхваления: «Чудесный Опера-хауз Фрэнка Матчэма в Бакстоне, с его уютной планировкой и красивым зданием, всегда гарантировал незабываемый вечер для театралов», а «Манчестер ивнинг ньюс» (этот «заглянувший на огонек приятель», как газету рекламировали на ТВ в годы моей юности) утверждает: «Не найти лучшего места для пантомимы, чем этот позолоченный волшебный дворец, особенно наполненный сотнями радостно хлопающих, хором поющих детей». Это сердце, где бьется пульс Бакстонского театрального фестиваля, где показывают свои спектакли маленькие и экспериментальные театры, некое подобие Эдинбургского фестиваля в миниатюре, без мимов и песочного печенья «шортбред».

А упоминал ли я, что он выглядит великолепно, даже снаружи? Причудливый, фантастически затейливый, чуточку смахивающий на замысловатую и явно вкусненькую печенюшку: купола-близнецы, золоченые буквы, безудержная эдвардиана и балкон, с которого могла бы махать ручкой Мэри Ллойд. Нынешний репертуар и запланированные на будущее выступления дают возможность оценить вкусы всех поколений жителей Средней Англии. «Дэнни — чемпион мира» Роальда Даля и сценическая постановка «Прелестных бутонов мая», избранные и верные любимцы «Радио-4», такие как Маркус Бригсток и Пол Мертон,

встречи с Питером Сэллисом («тринадцать и пятнадцать фунтов») и тур Рика Уэйкмана «Киношоу старого ворчуна» («постоянная звезда телешоу “Старые ворчуны” и творческое начало группы “Йес” купается в музыкальной ностальгии. Выпустите на волю свойственную вам ворчливость!»). И потом — в бар, за рюмочкой сладкого хереса или пинтой горького пива, за бокалом шардонне или за бутылочкой слабоалкогольного «бакарди-бризера» — с тем вкусом, на каком остановится ваш среднеанглийский выбор.

Вы покидаете Бакстон с приятным чувством удовлетворения, прихватив с собой частичку той атмосферы, в какой живет городок. Пусть по трассе А-5, гроыхая, катят в Лик, Конглтон или Мэкклсфилд грузовики, но городок чувствует себя счастливым и довольным. Проезжая через Бакстонский кампус Университета Дерби, который в числе прочих своих разнообразных достижений гордится «самым большим в Британии безопорным куполом», я подумал: какое это замечательное место для учебы. Славные пабы и забегаловки, рынок, несколько замечательных закусочных, значные места Манчестера всего в пятидесяти минутах езды, плюс множество возможностей для развлечений на свежем воздухе, вроде ходьбы и скалолазания в окрестных холмах Скалистого края и вдобавок — самый большой в Европе безопорный купол? Три года пролетят, точно в волшебном сне.

Хотя Бакстон представляется почти идеальным городком, на обратном пути на станцию я обнаружил «правильную» старомодную кондитерскую — с горшочками в витрине, предлагавшую удовольствия другой эпохи, эпохи Мэри Ллойд и Фрэнка Матчэма: леденцовая карамель, эвертонские мятные конфетки, лакричные палочки, леденцы от кашля, шарики с колой, ревень и заварной крем, шербет и всякое такое, что у нас зовется обычно словом «кей-ли» — от них словно голова лопается, если брать мокрыми пальцами. Идиллию портил только вид хозяина, чья все-

ленская усталость буквально сводила на нет весь восторг от его товара.

— Как они поступают? — спросил я. — Четвертями?

— По сто четырнадцать граммов, — ответил он.

— А что такое сто четырнадцать граммов? — с невинным видом поинтересовался я.

— Четверть, — угрюмо буркнул он. Вероятно, владелец кондитерской страстно желал иной жизни, подальше от дешевых детских соблазнов в виде конфет «Черный Джек» и прохладительных напитков. Наверное, в коктейль-баре в Нью-Йорке?

Вернувшись на вокзал и задумчиво посасывая меняющий цвет леденец «кляп», размером едва ли не с мою голову и полностью заслуживавший свое название, я заметил, что «Громадное веерное окно» кое-где расколото. Похоже, в Бакстоне, как и везде, есть свои вандалы. Какой позор! Подойдя к поезду, я углядел маленькое окошко и заглянул в крохотную зеленую комнатку, где обретались проводники, в это закулисье, каким бы оно ни было. На подоконнике стояли термос и пластиковый контейнер с бутербродами, лежали книжки Клайва Касслера, Свена Хассела и Стивена Кинга — должно быть, они пережили тут не одну смену. Мило, подумал я, несясь обратно в Манчестер под звучащую в ушах мелодию из мультфильма «Паровозик Айвор». До чего же здорово погрузиться, как в мыльную пену, в утонченность спа-курортов! Ведь следующая моя охотничья вылазка в сафари по Средней Англии обещает быть отвратительной.

Глава 3

Зеленые чернила и милый край

Ройал-Танбридж-Уэллс уникален. Насколько могу судить, это единственный город в мире, который ассоциируется с эмоцией. Блэкпул известен своей башней, Экклз славится слойками, а Аскот мы знаем благодаря скачкам. Честерфилд знаменит искривленным шпилем церкви, Стилтон — пахучим сыром. Но лишь один-единственный город получил известность — пусть даже со знаком «минус» — из-за черты характера, которую молва приписывает его жителям, и город этот — Танбридж-Уэллс.

Возможно, горожане не очень-то возражали, если бы славились своей щедростью или беспутством, остроумием, храбростью или общительностью. Наверное, не было бы особых возражений, даже войди они в легенду как люди, в большинстве своем пугливые, рассеянные или непонятливые. Но нет. Притчей во языцех жители Танбридж-Уэллса стали из-за приписываемой им узколобой провинциальной ограниченности, из-за закоснелого консерватизма, тупости, фанатизма и обидчивости. «Недовольный из Танбридж-Уэллса» — эта характеристика в той же мере национальный символ, что и Джон Буль или Боудикка, и он, оскорбленный, бессвязно изливающий свое негодование, —

полная противоположность той горсточке счастливых и того счастливого народа, которых восхваляли Шекспир и Ноэл Кауард. Неужели это верно? И если дело обстоит именно так, то разве мир не становится все больше похожим на Танбридж-Уэллс?

В 1993 году Роберт Хьюз, австралийский журналист, пишущий о вопросах культуры, опубликовал книгу «Культура недовольства», в которой не пожалел ярких красок, обратив внимание на весьма заметную и неприятную болезнь современного общества: явное стремление обвинить во всех бедах кого-то другого. Свои теории он основывал на примере Америки, но это явление имеет глобальный характер, и кое-кто в своих диагнозах отмечал, что заболевание это вполне британское, даже среднеанглийское. И хотя книга Хьюза отчасти подвергает критике идею политкорректности, в чем сердитые полковники, возможно, готовы увидеть призывный боевой клич, она также раздражается тирадой, направленной против нытиков. Прежде лозунгом для Средней Англии были стоицизм и слова «нельзя ворчать», а теперь кажется, что во всех наших неприятностях, во всем, что огорчает нас, даже доставляет неудобства и вызывает недовольствие — начиная с погоды и настырных телефонных звонков с предложениями что-то купить и кончая не понравившимися нам радиопрограммами, — во всем всегда кто-то виноват. Учителя, правительство, поп-группы, футболисты — у нас всегда найдется виновный. И кто-то где-то должен заплатить за сам факт того, что мир не таков, каким мы хотели бы его видеть. Когда-то мы с этим справились. Может, переключили каналы, может, хорошенько обо всем поразмыслили, а возможно, поднабрались терпения или самообладания. Теперь же мы хотим, чтобы что-то сделал кто-то другой, да побыстрее. Кого-то стоило бы погнать с работы, кого-то следует взгреть, кто-то должен извиниться. Извинений мы, разумеется, не примем, сложим руки на груди и заткнем уши.

Если назвать подобное отношение брюзжанием, мы сгладим остроту, выставив все в безобидном, даже смешном свете. А если вспомнить, как зовут одного из семи гномов, то выглядеть будет и вовсе забавно. Воображение сразу рисует образы Рика Уэйкмана или Артура Смита, жалующихся на мелодии мобильных телефонов или колл-центры, а вовсе не реакционные и лицемерные речи о геях, или о правах рабочих, или об искусстве, которое нам не нравится или непонятно. В прошлом мы, после того как люфтваффе разрушило наши дома, после того как кто-то из нас потерял ногу или наша команда проиграла финал кубка, в ответ на брюзжание подобных нытиков говорили одно: «Не ворчать!» Теперь же нашим девизом стало: «Ворчать всегда». Стоило бы чеканить эти слова на монетах.

Фонограмма нашей жизни превращается в немелодичный хоровой скулеж, в детское надоедливое нытье, в осуждение, рядящееся в одежды здравого смысла. Подобно детям, мы становимся чудовищно эгоистичны. Как отмечает Хьюз: «Свое “я” теперь стало священной коровой... Самоуважение — священно и неприкосновенно...»

Не это ли дар Танбридж-Уэллса миру? Наверняка нет. Вот я и отправился выяснить, действительно ли люди там настолько всем недовольны, как мы привыкли считать. Во всяком случае, недовольными они, на первый взгляд, не кажутся. Вид у девушки, сидевшей на ступенях шикарного магазина модной одежды, вовсе не брюзгливый. Оторвавшись от стаканчика со «смузи», она улыбнулась и просто сказала: «Ну что, неужели мы все тут похожи на старых ворчунов?» Явно нет, судя по ее шикарным солнечным очкам и инкрустированным стразами джинсам и по тому, что она неторопливо потягивала экзотический напиток из манго и личи. Во время уикенда в Ройал-Танбридж-Уэллсе, в городе с населением 56 000 человек, в этом двойнике Висбадена, что живописно устроился на севере кентского Уилда на обнажениях песчаника, при всяком удобном случае я

задавал горожанам вопрос, правда ли они ко всему питают отвращение. И, не считая парочки ярких исключений, все, по-видимому, были так же уравновешенны и удовлетворены — и, в общем-то, испытывали чувства, противоположные недовольству, — как жители любого города. Впрочем, должен признать, все пятьдесят шесть тысяч населения я не опрашивал.

Если верить «Энциклопедии Британии» Бэмбера Гаскойна, «Недовольный из Танбридж-Уэллса» — это «гипотетическая подпись, поставленная под сердитым анонимным письмом в газету, в котором автор-консерватор изливал свое возмущение. Неизвестно, когда возникла шутка, где ее пустили в оборот, но в Танбридж-Уэллсе она популярностью не пользуется». Мне нравится Бэмбер Гаскойн. Под его ненавязчивой, заботливой, но придающей интригу опекой телевикторина «Университетский вызов» была намного более интеллектуальной. И вот что любопытно: для меня раздражающий, обидный для игроков стиль Джереми Паксмана входит в явное противоречие с теми словно бы нарочно упрощенными вопросами, что предлагают участникам викторины сегодня. Но в данном случае, полагаю, Бэмбер может ошибаться. Не похоже, чтобы жителей Танбридж-Уэллса — обеспеченных, спокойных, преуспевших в жизни — очень заботило, какой ярлык им всем скопом приклеили. К тому же существует множество всевозможных теорий о том, как началось это массовое обобщение, распространенное на пятьдесят шесть тысяч человек, это этническое шельмование цельного и вообще-то довольно-таки милого городка.

Если верить веб-сайту, который носит точно такое же название, «Недовольный из Танбридж-Уэллса», именно этим псевдонимом подписывался некий плодовитый автор многочисленных писем, отосланных в «Громовержец» — то есть в лондонскую «Таймс» — в первой половине двадцатого века. Его вымышленное имя приобрело почти столь

же широкую известность, как и название самой газеты с Флит-стрит, и стало синонимом для диатрибы. Автор подвергал яростным нападкам организации и отдельных лиц, которые привлекали его ультраконсервативное внимание. Он был самоуверен и убежден в собственной непогрешимости. Он был квинтэссенцией англичанина. Но особенно характерно то, что, несмотря на регулярно публикуемые письма, сама личность автора так и не была раскрыта, а его настоящее имя остается тайной по сей день. Он был просто «Недовольным из Танбридж-Уэллса».

Как и большинство мнений, высказанных на веб-сайте — скучной, желчной и порой непристойной мешанины фанатизма и закоснелых заблуждений, — это полная чушь. Судя по всему, определение «Недовольный из Танбридж-Уэллса» в значении неприятного, презирующего все и вся зануды, получило распространение в 1950-х годах. Историк и бывший газетный редактор Фрэнк Чапмен полагает, что его придумали сотрудники некогда существовавшей газеты «Танбридж-Уэллс адвертайзер». Тогдашний редактор этого рекламного издания, встревоженный тем, что для заполнения страниц недостает читательских писем, заставил своих сотрудников сочинять корреспонденцию от лица вымышленных читателей — занятная практика, к которой почти четыре десятилетия спустя успешно прибегали и я сам, и мои коллеги по «Новому музыкальному экспрессу». Кто-то из журналистов «Адвертайзер» и подписал одно из писем «Недовольный из Танбридж-Уэллса». Так состоялось рождение культурного критерия.

Однако, по-видимому, еще задолго до 1950-х годов Танбридж-Уэллс прославился, если можно употребить это слово, репутацией городка затхлого, косного и отупляющего. В романе «Комната с видом», написанном Э. М. Форстером в 1908 году, мисс Бартлетт говорит так: «Я привыкла к Танбридж-Уэллсу, где мы все безнадежно отстали от времени». В 1948 году Ричард Черч в «Деревенских

дневниках — Кент» записал: «...многие люди насмежаются над Ганбридж-Уэллсом, презрительно называя его скучным и ограниченным пережитком викторианской эпохи, где полным-полно отставных снобов и ушедших на покой интеллектуалов, у кого осталось одно развлечение — встречаясь друг с другом за утренним кофе на Маунт-Плезант, жаловаться на ревматизм и брюзжать об отвратительных манерах молодого поколения, больше всего вызывающего их недовольство... Тем не менее городок я люблю».

Явные упоминания о городе встречаются в столь разных произведениях, как повесть о Шерлоке Холмсе «Долина страха», пьеса Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным», мистифицирующая «Радуга гравитации», в которой ярко проявился постмодернистский талант Томаса Пинчона, и «Белые зубы» Эди Смит. В британском кинематографе городок в юмористическом ключе упоминается в пьеске Дэвида Лина «Лоуренс Аравийский», когда один персонаж делает вывод, что: «Вообще-то, я бы лучше остался в Ганбридж-Уэллсе», и в фильме о Джеймсе Бонде «На секретной службе Ее Величества», когда миссис Бонд, не зная, что ей суждено вскоре погибнуть, говоря о будущей семейной жизни мистера и миссис Бонд, называет самый идиллически-заурядный адрес: Акейша-авеню в Ганбридж-Уэллсе.

В конце 1990-х годов Ганбридж-Уэллс выбрал начальной точкой своей местной избирательной кампании бывший лидер партии тори, пивной монстр и горячий поклонник бейсболок Уильям Хейг. В репортаже того времени на Би-би-си сказали, что городок заставляет вспомнить о «салфеточках, Женском институте, двухквартирных домиках, крикете на лужайке, отставных полковниках, костяном фарфоре, вечерах за бриджем... обо всем том, что олицетворяет традиционную, консервативную Англию». Она, консервативная как со строчной, так и с прописной «К», оставалась непоколебимо и демонстративно приверженной тори,

несмотря на сокрушительное поражение от лейбористов в 1997 году, и даже после, хотя покойный Робин Кук, дабы связать себя брачными узами со второй женой, выбрал для этого местное городское бюро записи актов гражданского состояния. Тут жили два бастиона спортивной Средней Англии: «золотой мальчик» крикета Дэвид Гауэр и Вирджиния Уэйд — последняя британка, выигрывавшая Уимблдонский турнир в одиночном разряде. Курчавый «вопун» группы «Ху», Роджер Долтри, владеет находящейся поблизости форельной фермой — интересно, что общего между рок-звездами и форелью? Маркетинговый лозунг города обещает «георгианскую утонченность и естественную красоту». Поэтому для меня оказалось полной неожиданностью кое-что из того, с чем я столкнулся в первые же часы своего пребывания тут, а именно — грабеж, сквернословие и жаркая ссора, в основе которой лежали секс и ревность. Но обо всем в свое время.

На самом деле я хотел остановиться в танбриджском филиале шикарной сети «Отель Дю Вен», и вовсе не потому, что там останавливались Кира Найтли и Орландо Блум, но потому, что в последние семь лет жизни в гостинице нашел приют известный «бузотер» (такое словечко принято в шоу-бизнесе вместо «пьяницы») Ричард Харрис. Когда незадолго до смерти его выносили из гостиницы на носилках к поджидающей «скорой помощи», он заметил нескольких американских туристов и сказал им: «Вот так тут кормят».

Ну, так или иначе, все номера в гостинице были забронированы. Так что я остановился в Пембери, на окраине города. Сразу за универсамом «Теско». Его вы не пропустите. Еще там есть деревенская мини-лужайка, китайский ресторан с блюдами на вынос, аптека и несколько пабов, один из которых носит такое же название, что и фешенебельный и нервный район северного Лондона. Вряд ли вы назвали бы этот паб деревенским, поскольку расположен он возле оживленной автомагистрали, но обстановка там

традиционная, а атмосфера гостеприимная: повсюду свечи и некрашенная сосна, персонал улыбчив и предупредителен.

В Танбридж-Уэллс я приехал поздновато, поэтому знакомство с самим городком решил отложить на следующий день и неспешно отправился в бар, собираясь перекусить. В баре на черной доске предлагался огромный выбор разнообразных блюд. Поскольку я в особенности не люблю рыбу, то готов признаться странность своего поступка, когда в качестве первого блюда я заказал рыбный суп. Когда суп принесли, он был коричневым и таинственным и очень-очень рыбным — настолько рыбным, что я к этому оказался не готов. Проглотив несколько ложек, я тарелку отодвинул в сторону, решив дождаться основного блюда. Мясная запеканка — одно из знаменитых блюд Севера, и лучше всего ее есть, как я всегда считал, с белого пенопластового подноса, вместе с картофельными ломтиками и соусом «карри», стоя на автобусной остановке в пол-одиннадцатого вечера. Такое блюдо очень кстати, когда тебе шестнадцать и ты вдобавок слегка пьян. Запеканку тут, на окраине Танбридж-Уэллса, я заказал из некоторого ехидства и упрямой «северности», так как не сомневался, что мало кто додумается заказывать в Танбридж-Уэллсе как главное блюдо мясную запеканку. Однако, готов признаться, я могу и ошибаться, так как она, в конце концов, является любимым блюдом главного героя сериала «Рампол из Бейли» Джона Мортимера и, возможно, главной составляющей диеты в Итоне и Харроу. Так или иначе, запеканка была очень и очень хороша.

Да и народ за соседним столиком совершенно не походил на обывателей Танбридж-Уэллса. По моим прикидкам, это была семья — отец и мать, обоим — за сорок, с сыном и плюс подружка сына, и удивило меня то, что вели они себя весьма свободно. Отец, явно успевший поддаться, сидел развалившись на стуле, и юная блондинка-подружка, по-своему весьма симпатичная, начала вдруг без стеснения сыпать грязными ругательствами, точно клайдсайд-

ский грузчик. В той же стилистике к ней присоединились и все прочие за столом, в том числе и мать, в кардигане от «Маркса и Спенсера», которая пила шенен-блан. Они матерились не по злобе, не в волнении, а спокойно и прозаично, словно бы зачитывали рецепт или вопрос из кроссворда. Я чуть не подавился кусочком нутряного жира. Мне стало интересно, не был ли еще кто-то шокирован так же, как и я. В стороне сидел сухопарый тип в голубой футболке. Я покосился на него, пытаюсь понять, не испытывает ли он какого-либо сходного замешательства, но он был как будто чем-то расстроен и взволнованно ерзал на стуле. И, понизив голос, говорил по мобильному телефону.

О гостинице я успел кое-что прочитать. Ей двести лет, и при желании здесь можно устроить поминки — вновь нечто такое, что у меня ассоциировалось скорее с западным побережьем Ирландии, а не с пригородным Кентом. Если верить одной рекламной аннотации, гостиница «величественно восседает» на северной стороне деревни; в этом составители, кажется, хватили через край, но неважно — мясная запеканка настроила меня на благодушное отношение к самой деревне и к пабу. За другим столиком сидели и болтали о работе две женщины средних лет. Одна только что вернулась из поездки в Амстердам. Они заразительно и чересчур громко над чем-то рассмеялись, и одна из подруг уловила на себе мой взгляд, слегка смущенный. Женщина повернулась, собираясь что-то взять со спинки стула, и вдруг ее поведение изменилось, девчоночья общительность сменилась ужасом, а затем — неприкрытым страданием.

Худой мужчина в голубой футболке пропал. Исчезла и сумочка женщины. Эти два факта явно были связаны между собой. Мы со сквернословящим семейством принялись выражать бедняжке сочувствие, произнося слова неопределенной и, вероятно, бесполезной поддержки, я — на общепринятом английском, они — на ядреном с перчинкой, уснащая речь отборными четырехбуквенными словами.

— Вот блин, откуда ж знать, что тут гребаную сумочку спереть могут. Ну, в Лондоне, может, где-то в Вест-Энде, но не тут! Долбаный наглый ублюдок! То-то его рожа мне хитрющей показалась.

У меня мелькнула мысль, что ярко-голубая футболка — отнюдь не идеальный прикид для воришки, орудующего в людном месте. Если только, конечно, это не какой-то гениальный прием двойного блефа. Как бы то ни было, задумка вроде бы сработала. Я испытывал жалость к женщине, которая оказалась перед нерадостной перспективой — ей предстояло сменить замки и заблокировать кредитки, пройдя через череду кафкианских телефонных переговоров с Бомбеем. Тем вечером я отправился спать с мыслью, что Танбридж-Уэллс не столько обитель первостатейных буржуазных тупиц, сколько гнездо воров-сквернословов.

Завтрак оставил неясное и очаровательное ощущение французской провинции. Предлагали багеты, сыр бри, круассаны, холодную ветчину, вершиной всего был фантастически своеобразный способ варки яиц. Представьте себе — на столе тихонько исходит паром огромная электрическая супница с кипящей водой. Рядом стоит корзинка с яйцами. Выбрав яйцо, вы помещаете его в пронумерованную, размером с яйцо маленькую корзиночку, прикрепленную к длинному крючку. Затем цепляете корзиночку за краешек супницы, так что она болтается в кипящей воде. Потом берете маленький цифровой таймер и усаживаетесь за свой столик, где просматриваете «Санди таймс». К тому времени, как вы пролистаете рубрики «Путешествия», «Бизнес», «Авто», «Жизнь», «Образование», «Здоровье» и «Для родителей», то заметите, что ваше яйцо уже готово и пора его вылавливать из супницы. За этим занятием вы перекидываетесь шуточками с другими постояльцами, вместе по-детски хихикая над тем, что варку яиц превратили в забавную игру. При виде гильотины для багетов я чуть не расхохотался. Это ведь намного веселее, чем накладывать черпачком на тарелку ос-

тившие бобы, которые тщетно пытались согреть теплом от тысячеваттной электролампочки?

Члены семьи, которая содержала паб, держались поблизости, не то работая, не то просто общаясь между собой солнечным воскресным утром. Мать и сын приглядывали за кипящей супницей и гильотиной для багетов, а невестка привела маленькую девочку. Должно быть, они ходили на занятия балетом, и девчушка стремилась продемонстрировать, чему научилась, кружась в пируэте в лучах солнца, а завтракающие постояльцы смотрели на малышку и снисходительно улыбались. А-ах!

Позавтракав, я отважился на вылазку в собственно Танбридж-Уэллс. Подземная парковка внушала не меньшее отвращение, чем любая автостоянка в мире, но у этой имелась уникальная неприятная черта: парковочный автомат оставлял жуткое впечатление. Появление из нутра аппарата квитанции сопровождается ужасным звуковым выплеском Фрэнка Бруно («Знаешь, о чем я, Гарри?») или Дель-Боя («Миленькая сиська!»), из чего следует вывод, что паркомат стоит тут с 1986 года. Тогда странно, почему никому не пришло в голову вдребезги расколошматить его кувалдой? А так, элегантно одетая леди, стоявшая в очереди передо мной, лишь приподняла брови и развернулась на каблуках своих туфель, купленных в магазине «Расселл энд Бромли».

В Танбридж-Уэллсе немало подобных ей дам, молодых и уже в годах. Они ходят по улицам, те, что постарше, — красуются в нарядах от «Николь Фархи», «Хоббса» и «Муссона», а юные леди выглядят чуточку хрупко, в неизменно шикарных дизайнерских солнцезащитных очках, которые, вероятно, ценой не уступят какому-нибудь подержанному автомобилю. Вряд ли кто-то из дам в Танбридж-Уэллсе этим субботним днем сидит за рулем подержанной автомашины, подумал я, и тут по главной улице прокатил еще один полноприводный внедорожник «митцубиси». Оглядывая горожан, я припомнил замечание голландского

фотографа и кинорежиссера Антона Корбайна, сделанное им после первой встречи с группой «Джой дивижн». Его, в конце 1970-х годов приехавшего из Голландии в Манчестер, сильно поразило в новой группе то, какими бледными и худыми выглядят ребята, какая легкая на них одежда, какие у них землистые лица; в этом они совершенно не походили на упитанного уроженца Голландии, с ее солидными пособиями, хорошим соцобеспечением и процветающей экономикой. В Танбридж-Уэллсе люди казались выше ростом и здоровее, чем те, кого я видел на улицах очень хорошо мне знакомых Манчестера, Бирмингема или Уигана.

Я ничуть не удивился. Городок производил впечатление процветающего, уверенного в себе и красивого и вовсе не казался оплотом удушающего консерватизма. Поднимаются вверх широкие улицы, на удивление крутые для тех из нас, кто полагает, будто к югу от Бирмингема Британия превращается в лужайку для боулинга. Сидящая за столиком у витрины «Карлуччо» женщина в больших темных очках и вычурных украшениях ела оливки и читала «Телеграф». В дверях кафе, положив голову на передние лапы, лежал с печальным и скучающим видом пудель. Возможно, это ее собака. Магазины говорили о неброском достатке: «Бэнг энд Олуфсен», «Расселл энд Бромли», «Хабитат». К сожалению, «Кверки терки», судя по всему, закрылся. Вероятно, тут нет спроса на необычные сэндвичи с мясом птицы. Рассеянно шагая, я закончил телефонный разговор как раз напротив магазина модной женской одежды, и на меня обратила внимание шикарно одетая и очень симпатичная дама, которая оттуда вышла.

— Вы с Севера? — спросила она.

— Да, — ответил я, после секундного колебания, встревоженный мыслью, что она может попросить накопать для нее угля. Как бы не так!

— Я родилась в Скарборо, — ответила она. — Как там вообще нынче?

Я сказал, что за Скарборо поручиться не готов, но остальные из нас ничего не делают, только ходят на балет и занимаются разработкой веб-сайтов. Она — вот радость-то! — рассмеялась и зашагала по залитой солнцем улице.

У отделения Би-би-си в Кенте есть своя студия, она расположена в торговом пассаже и, как заведено в нынешнее время, отделена только стеклом, через которое все видно. Меня, как радиоведущего, этот обычай не радует. В конце концов, это ведь мое рабочее место, и мне не хочется, чтобы на меня, будто на золотую рыбку в аквариуме, пялились разные мясники, портнихи и токари. Кроме того, вдруг я вздумаю положить ноги на стол и вздремнуть, пока играет «Лестница в небо»? Так или иначе, в этот прекрасный денек в студии «Би-би-си — Кент» пели и яростно терзали гитары двое парней. Кто знает? Может, их выступление станет большим прорывом. По своему обыкновению, я отправился в музей и сразу же натолкнулся на то, что меня очень беспокоило. В подобных благородных местах мне не доводилось прежде видывать такого: шкаф-витрина была заполнена, наверняка лишь для того, чтобы вселять ужас, старыми куклами, имевшими по-настоящему жуткий вид. Они явно относились к первым дням производства кукол, когда тех едва научились делать, и представляли собой печальную выставку стеклянных глаз, бесформенных туловищ и гротескно искаженных черт. Поблизости находится стенд с чучелом терьера Минни Лу-Лу («самой дорогой любимицы») — еще одна малоприятная встреча, которая напомнила мне о мудрости, заключенной в заглавии автобиографии Алана Альды «Никогда не делайте чучело из своей собаки».

В музей ко мне присоединилась пара из Австралии; они с ужасом рассматривали чучело, и, очевидно, только воспитание помешало им спросить: «Бога ради, что это такое?» Вместо этого австралийцы с природным радушием, свойственным их племени, рассказали, что остановились в

«Отель Дю Вен». «И как там кормят?» — поинтересовался я, памятуя о Ричарде Харрисе, но они сказали, что еще не ели. «До отъезда всего неделя», — сообщили австралийцы и, кажется, искренне опечалились, что вскоре придется покинуть наш забавный сырой островок. Как они и ожидали, погода была «то так, то эдак... но у нас на родине семь лет была засуха, так что ваши дожди нам даже на пользу».

А по улицам ходили элегантные женщины, бегали высокие дети, носились джипы «мицубиси», заглядывали в магазины и лениво фланировали пудели и туристы, вокруг царил милый и благопристойный уют, на полках выстроились ботинки и дорогая музыкальная аппаратура, а из бистро, казалось, вот-вот поползет полента.

И все это было ложью. Ибо подлинная история Танбридж-Уэллса — история греховности, испорченности и порочности. Недаром именно Танбридж-Уэллс назвал в своем дневнике «самым развращенным городом в Англии» пуританин Роджер Моррис. Ибо на немалых отрезках своей истории Ройал-Танбридж-Уэллс, вне всяких сомнений, чаще сам служил объектом негодования и вызывал отвращение, чем изливал свое недовольство.

Прогуляйтесь вокруг города, и вы заметите изобилие улиц и площадей, названия которых заставляют вспомнить Библию. Здесь найдется Маунт-Плезант и Маунт-Эфрам (там когда-то жил несправедливый судья Джеффрис, учинивший «Кровавый суд»). Но они названы так не потому, что отражают честную природу граждан, а скорее, наоборот. Эти названия призваны отвлечь внимание от дурной репутации, которая сложилась у города и которой он обязан своему расцвету в качестве курортного центра.

Однажды в 1606 году молодой дворянин, которого звали Дадли, лорд Норт (и почему у этих аристократов никогда не бывает нормальных имен?), оказался в этих краях. Здоровье его было подорвано неумеренной и распутной

жизнью — да и вообще всякими излишествами, обычными при дворе Иакова I, в чьей свите он состоял. Проезжая по тому, что ныне зовется Эридж-роуд, Дадли заметил, как из земли выбивается какая-то жидкость, имеющая чудной темно-оранжевый оттенок. В обнаруженном роднике он признал железистый источник, подобные которому видел на континенте, на водах в Спа, что славились приписываемыми им полезными для здоровья свойствами. Он отхлебнул глоток (очевидно — я хочу сказать, кому в голову придет пить вытекающую из земли оранжевого цвета воду, причем на том же месте, где обнаружился столь необычный источник?), потом стал пить воду регулярно, исцелился от всех хворей и ввел моду на ее питье.

Минуло сто лет, и вокруг источника пышным цветом расцвел стильный курорт, пользующийся покровительством королевского скипетра (отсюда и полное название городка) и популярный у элиты начала восемнадцатого века. В одном описании того времени говорится о том, что «все время играет музыка; и леди и джентльмены развлекаются разными лотереями, азартными играми, питьем чая и прогулками до двух часов, когда они отправляются на обед. Днем же тех, кто любил подобное времяпрепровождение, ждали лужайки для боулинга; и для молодых людей шары на этих дорожках катались четыре раза в неделю; и там любой джентльмен, если ему угодно, имеет возможность танцевать. Вечером же общество обычно возвращается в магазины на Аллеи, где оно развлекается всеми возможными способами до полуночи».

Город стал притоном распутников и куртизанок, загремели скандалы. Подобно Бату и Эпсому, но куда в большей степени, Танбридж-Уэллс превратился в место, где вырвавшиеся из тисков лондонского общества привлекательные мужчины и женщины могли веселиться и расслабляться, освободившись от условностей — как и от всего прочего. В городе царила необычайно либеральная, свобод-

ная от сословных ограничений атмосфера. Даниэль Дефо говорил о Танбридж-Уэллсе: «Здесь вы можете иметь всю свободу слова, какая есть в мире, и всякий, кто похож на джентльмена, отличается соответствующим обхождением и хорошими манерами и ведет себя с достоинством, может оказывать внимание любой особе, какой ему будет угодно и которая не выйдет помолвленной, и имеет возможность вести беседу, встречаться и веселиться с нею и говорить любые пристойные слова; однако ничто из этого не является знакомством и ни одной стороной не воспринимается и не считается таковым». Насколько понимаю, это — всего лишь выраженная языком семнадцатого века старая рок-н-рольная максима: «Что на гастролях происходит, на гастролях и остается».

Когда в Лондоне открывается новый закрытый клуб, туда перемещаются прожигатели жизни, бездельники и куртизанки нашей эры. Схожим образом возвышение нового курортного центра, Брайтона, привело к возвращению Танбридж-Уэллса в рамки благопристойности. Но бывает, иногда он все же высоко вздергивает свои юбки. Когда из опасений, что издателей Вейденфельда и Николсона обвинят в порнографии, была задержана публикация в Соединенном Королевстве книги Набокова «Лолита», в одном месте Великобритании роман тем не менее все же оказался доступен читателям: его можно было взять в публичной библиотеке Танбридж-Уэллса, которая за три года до того просто заказала экземпляр книги в Париже. Но Набоков не стал конкурентом Эдгару Уоллесу. Как рассказывал тогда помощник библиотекаря одному журналисту: «Очень большого спроса на “Лолиту” никогда и не было... В настоящее время чаще всего берут “Доктора Живаго”, мемуары Монтгомери и жизнеописание короля Георга VI». В наши дни городок любит напоминать о своем колоритном прошлом, таким контрапунктом своей современной респектабельности. Танбридж-Уэллс даже стал местом

проведения фестиваля «Скандалы на курорте», в чем нельзя не усмотреть намеков на кокетство.

Самым крупным скандалом, какой я сумел углядеть этим солнечным днем, было то, что в самом центре городка какой-то варвар-«шестидесятник» соорудил автостоянку из преднапряженного бетона. В поездках по Средней Англии я не раз испытывал чувство отвращения при виде столь оскорбительных для глаза картин. Я-то не принц Чарльз, не враг модернизму до нервной дрожи. Международный бассейн имени Ная Бивена, возведенный в новом районе Склмерсдейла в виде приземистого куба устрашающего вида, расположен точно среди дорог и бетонных бастионов Скема, и там георгианская вилла из светло-желтого камня смотрелась бы сущим идиотизмом. Но автостоянки в таких городах, как Бат и Танбридж-Уэллс, явственно отдают преднамеренной архитектурной жестокостью, сродни той, с какой председатель Мао и «красные охранники»-хунвэйбины посылали балерин трудиться на рисовых полях. Впрочем, я был ободрен видом громадного стенда в витрине универмага, где подборка ретропортативных ТВ демонстрировала мультики «Травы», «Луна Баттон», «Уомблы», «Медвежонок Сути», «Пес Рубарб и кот Кастард».

Я направлялся к лучшему, по всем отзывам, месту в Танбридж-Уэллсе — в квартал под названием Пантайлз. Сказать «квартал» — наверное, слишком грандиозно. Пантайлз на самом деле — нечто вроде улицы, если быть точным — пешеходная дорожка под сенью колоннады. Но как ни назови ее, она восхитительна: в итальянском, а может, и в мавританском стиле, и бесспорно — георгианская. Честно, я говорю то, что первое пришло в голову. Но не на меня одного эта улица произвела подобное впечатление. В путеводителе по городу конца девятнадцатого столетия говорится, что побывавший в Пантайлз мог бы воскликнуть: «Какая старина! Точно античность! Как не похоже на что-то английское! Как по-иностранному!»

Пантайлз. Ранее в тот день я пытался разгадать смысл названия. Возможно, оно идет от «пан-ти-леш» и связано с крытым рынком в средневековом Константинополе. Но нет, пантайлз — это черепица определенного вида. Просто встречается она куда реже плоской или коньковой и настолько необычна, что дала свое название улице и району. С тех пор как тогдашние «продвинутые» модники впервые приехали на здешние целебные воды, Пантайлз являлся курортным центром и подиумом для дефиле. Для развлечения публики на Музыкальной галерее, балконе из кованого железа, известном среди местного люда как «Голландская жаровня», играли странствующие музыканты, что было, как я догадываюсь, неким аналогом суперклуба. «Сезон» длился с мая по октябрь, и в лучшую для Танбридж-Уэллса пору на Аллеях, как их тут тогда называли, можно было и на других посмотреть, и себя показать. Существовали неукоснительно выполняемые, хотя и неофициальные правила, касающиеся того, как следует прогуливаться: джентри фланировали по колоннаде Верхней аллеи, а для простого люда отведена была Нижняя аллея. Ричард Бо Нэш, денди курортных городков, выступавший как некий промоутер и конференсье в одном лице, причем сразу и в Танбридж-Уэллсе, и в Бате, строжайшим образом надзирал за соблюдением этого протокола, как ему и подобало в самозванной роли консервативного «Arbiter Elegantiorum» — «Арбитра изящного».

Сегодня даже простолюдину вроде меня не возбраняется прогуливаться между колонн Верхней аллеи, и никакой денди его оттуда не прогонит, хотя по официальным выходным по-прежнему бывают гонки портшезов. Здесь их устраивать вполне уместно, во всяком случае, не в Мосс-Сайде же такие гонки проводить. Очаровательные магазины чередуются с барами и ресторанами, и на балконе наверху, вытянувшись на стуле, дремлет на солнышке какой-то мужчина, чуточку помятым видом напоминающий

опустившегося денди. В магазинчике «Тайные игры» я мог бы убить часа три-четыре, разглядывая новые экспериментальные игры «Клуэдо» и повторный выпуск «Вышел из игры». В магазине Тренора Моттрама торгуют кухонной утварью, и это — настоящая пещера Аладдина, набитая техническими прибабасами и всякой всячиной. И, как во всякой уважающей себя старомодной скобяной лавке, нельзя не пройти, не задев головой развешанные дуршлаг, подставки и безмены. Тут и пахнет так, как должно пахнуть в «правильной» скобяной лавке, хотя я вообще-то не совсем уверен, чем там обычно пахнет. Наверное, флюсом для пайки или тем загадочным веществом в серой бутылке, которым мистер Дакетт экономно опрыскивал ваши эталонные садовые вилы при работе с металлом. Хотя с металлообработкой я справлялся мастерски, избранный мною предмет изучения не сулил славы второго Изамбарда Кингдома Брунела, поскольку мои пристрастия касались иных сфер, наподобие пьес в стихах Кристофера Фрая. Его знаменитая в 1950-х годах пьеса «Она не должна быть сожжена» ныне не в моде, но подростком я по-настоящему ее любил, и не потому, что в театре мне повезло сидеть рядом с красоткой Анной О'Нил, чей образ навеки запечатлелся в моей памяти. Поэтому мне совсем не нравится, что эта пьеса теперь лучше всего известна из-за того, что некая Маргарет Тэтчер со своими трутнями-спичрайтерами парафразировала ее в софизмы и изречения ради собственного возвеличивания. Так или иначе, Фрай был директором театра «Танбридж-Уэллс плейерс», и впервые «Она не должна быть сожжена» сыграли здесь, в Пантайлзе, в Насосном зале, где раньше пили минеральные воды. Захваченный воспоминаниями о премьере спектакля Криса Фрая и о смехе Анны О'Нил, я шагаю дальше в плену приятных грез.

В Пантайлзе немало уютных местечек, где можно перекусить — тут и там симпатичные люди, удобно устроив-

шись за выставленными на мостовую столиками, пьют что-то явно вкусное из высоких бокалов, элегантно едят великолепные салаты, блестящие от оливкового масла и бальзамического уксуса. Если всем этим рестораторы желают привлечь клиентов, то их уловка работает. У хозяина-испанца самого популярного кафе я поинтересовался, не найдется ли у него столика на сегодняшний вечер. Он задумался ненадолго, потом нырнул внутрь и сразу появился обратно — слегка вздыхая и нацепив на лицо такое выражение, которое говорило: да, вы желаете заказать столик, но ему не хочется показывать, будто это так легко и просто. «На семь часов вас устроит?» Замечательно, отвечаю я и делаю мысленную зарубку заказать то, что взяла себе девушка в желтом платье, так как она, похоже, веселится лучше всех с тех пор, как изобрели веселье. Несомненно, хорошо жить в РТУ — так я решил называть город, тем более что кто-то же должен его так окрестить.

На другой стороне улицы находится магазинчик, где торгуют окаменелостями, и его долгое существование служит свидетельством причудливости вкусов британских покупателей и неиссякаемого оптимизма британских торговцев. Я вошел туда, неспешно выбрал и купил пару путеводителей и попытался сделать вид, будто интересуюсь окаменелостями. Большинство выставленных экземпляров были очень мелкими, и я задумался, какие ископаемые мне бы понравились. Пожалуй, меня устроили бы полностью сохранившийся саблезубый тигр или птеродактиль в янтаре, но раздобыть их крайне непросто, да и цена оказалась бы заоблачной. В магазинчике у меня завязалась милая беседа с хозяином магазина и его приятелем; оба джентльмена были в модных slackсах и рубашках с короткими рукавами, и о тщательно выутюженные складки можно было порезаться. Несомненно, оба гордились своим городком и желали поделиться со мной чувствами, хотя не обошлось и без капли сожаления.

— Город несколько утратил прежний блеск. Больше я не назову его по-настоящему курортным городом. Однако, раз вы оказались здесь, обязательно попробуйте местные воды.

Такая возможность представилась мне в дальнем конце Пантайлза, ближайшем к собственно городу. Это было то самое место, где Дадли заметил струйку переменившей цвет воды, счел ее доброй и позднее написал: «Эти воды прибавляют силы, / Гонят хвори, пряча бремя лет, / И глядит живее лик унылый, / И ланиты обретают цвет».

Сегодня вид знаменитого в прошлом источника приводит в замешательство — какого-то рыже-ржавого цвета клочок земли с ямой похож на уборную в дрянном албанском провинциальном ресторане, но я был настроен по-прежнему решительно. Тут в 1804 году Дж. Т. Грувз возвел купальню, где изначально имелись душевые и ванны, но в середине девятнадцатого века все обветшало, и здание превратили в магазинчик. Вероятно, там продавали окаменелости. В 1987 году фасад купальни отремонтировали, и теперь вы вновь можете насладиться чашей знаменитой целебной жидкости, которую нальет «черпатель».

Сегодня черпателем оказалась молодая женщина в элегантных очках строгого дизайна, выглядевших странновато в сочетании с историческим одеянием, с мягким чепчиком и нижними юбками. Признав во мне выгодного потенциального клиента — в конце концов, десять пенсов за порцию! — она отложила толстенький томик фантастики, судя по мягкой обложке, и вышла из насосной будки.

— Могу ли я что-то предложить вам, сэр? — улыбнулась женщина, придавая своему персонажу застенчивости, и, разумеется, у нее было что предложить.

Я протянул ей десять пенсов, взамен получив маленький стаканчик на удивление прозрачной воды. Один из постов на городском веб-форуме гласил: «Ребенком вам никогда не случалось выпить чернил? Просто чтобы узнать, каковы они на вкус? Ну, железистый источник в

Пантайлзе по вкусу — в точности те самые чернила». Могу сказать, что вода оказалась куда лучше чернил. Да, она имеет металлический привкус и чуточку минеральна — кстати, не имею понятия, то ли это слово, и программе проверки орфографии оно не нравится, — но это вовсе не зеленая сернистая гадость, которой я опасался.

Получив заряд энергии, я решил направиться в Коммонз, живописный уголок Танбридж-Уэллса. Едва свернув за угол, я налетел на девушку с пластиковой накидкой на плечах, которой достало смелости бежать на нелепых каблуках. Ее совершенно мокрые волосы были заплетены вместе с тонкой папиросной бумагой в косички. Обрызгав меня водой, девушка пустилась в объяснения: она решила привести в порядок прическу, но не сообразила, что у нее нет при себе наличных денег, а считыватель кредиток в парикмахерской едва дышит, но вообще-то не нужно быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что произошло. Она сжимала в руке мокрые деньги, а я, перейдя автобусную дорожку, направил свои стопы в Коммонз.

Задолго до курортных жизнелюбов и героев скандалов, до недовольных современными нравами авторов писем и приехавших в Танбридж-Уэллс на ланч дам на обнажениях песчаника на том месте, что ныне нам известно как парк Танбридж-Уэллс-энд-Растхолл-Коммонз, была стоянка охотников и собирателей каменного века. На протяжении многих и многих лет здесь находили приют саксонские свинопасы, затем — свободные земледельцы-фригольдеры, а в викторианскую эпоху это место превратилось в прославленный живописный уголок. Именно тогда и были осуществлены значительные улучшения, например вырыли озеро, проложили террасу с аллеей, но при этом сохранилась атмосфера первозданной дикой природы, о чем путеводитель Пелтона в 1871 году с жаром утверждал: «На наш современный вкус, природные и естественные условия делают парк еще более привлекательным, сравнительно с теми

парками, каковые предлагают здоровый отдых и восстановление сил жителей большого города. Наиболее заметным украшением служат кусты утесника и папоротник; но на всем пространстве изобильно произрастают другие растения и цветы, и более всего — вереск и ерик, ромашка и чабрец, истод и дикая фиалка. В апреле и мае радуют глаз золотистые цветки утесника, на который природа необычайно щедра тут, и их богатые ароматы растекаются в воздухе». Как было в обыкновении в сентиментальную викторианскую эпоху, знаменитую скалу «Жаба» тогда считали «остатком древнего сфинкса», хотя в действительности она является результатом ветровой эрозии в ледниковый период. Чуть ли не каждая скала в общественном парке получила название благодаря занятому сходству с чем-то или кем-то: Слон, Трибуна, Лисья Нора, Следы, Каравай, Лицо Священника, Колыбель, Кровавое Пятно, Голова Свиньи. Несомненно, в наше время там нашлись бы скала Пита Догерти, валуны Мобильник и Гигантский «Бакарди-бризер».

Коммонз ныне находится под управлением группы консерваторов, и ни один из 256 акров, что занимает парк, никогда не благоустраивался и не возделывался, и свой парк жители Танбридж-Уэллса любят за близость к дикой природе, за то, что здесь возможны разные виды отдыха, как здоровые, так и не очень, как одобренные обществом, так и осуждаемые. Если взобраться немного вверх по склону на дальнем конце Пантайлза, можно заметить маленькие тайны модного бремени города, которые Уилфред Оуэн назвал бы «укрываемым злом»: закусочные сетей «Кей-эф-си» и «Сабуэй», где в каждой, как и положено, по обе стороны стойки — прыщающая молодежь. Чувствуя себя в прямом и переносном смысле возвышенно, я взобрался на приятный, густо заросший холм и среди примул заметил скамейку с красующимся на ней граффити «Стю». Я счел надпись неким знаком свыше и присел на скамейку, решив

полюбоваться видом. Мной овладела полная беспечность, и я скинул пиджак, сложил его и сунул себе под голову, как подушку. Вытянувшись во весь рост на скамейке, я мгновенно уснул.

Проснулся я от звука шагов, учащенного дыхания и скрипа «айпода» — мимо трусцой пробежала блондинка-амазонка, а следом, по горячему следу теннисного мяча, пронесся терьер. Не приходится сомневаться, что Коммонз — излюбленное место отдыха жителей Танбридж-Уэллса. Впрочем, существуют и определенные ограничения — щит с правилами поведения в парке указывает: «Запрещено охотиться на птиц и зверей», «Запрещено ставить капканы и силки». Меня повеселило правило, гласящее: «Запрещены любые рисунки и граффити». Вот ведь ирония — эту надпись едва можно было разобрать, так как мой тезка Стюгусто изрисовал щит своими черканьями.

В приятной бесцельности лениво шагая обратно в городок, общим курсом на гостиницу, я обдумывал встретившееся на каком-то сайте в интернете утверждение, что непостоянную часть населения РТУ составляют многочисленные бездомные. Нисколько не сомневаюсь в этом, но вряд ли они станут показываться на тех широких улицах, где ходят покупатели. Впрочем, в первый за несколько месяцев по-настоящему погожий день в глаза бросается другое — огромное количество вафельных стаканчиков с мороженым, шорты и улыбающиеся лица. Единственными фальшивыми для меня нотами показалась афиша, зазывавшая на вечер с Аланом Мюллери в гостинице «Камберленд» (ничего не имею против бывшего игрока полузащиты «Шпор», просто такая встреча казалась уместнее в Чедуэлл-Хите, а не в РТУ). Диссонансом прозвучал и жаркий спор, свидетелем которого я оказался на гостиничной автостоянке, когда ближе к концу дня вернулся в отель (и опять-таки, подобной перебранке место в фанатском пабе в Чедуэлл-Хите, а не на королевском курорте). Это была па-

рочка, увешанная золотом и щеголявшая загаром, полученным под солнцем Ибицы и заполированным поверх спецсредством «Танфастик». Обоим сильно за сорок, оба без удержу дымили сигаретами и совершали челночные переходы — от двери в бар до выпендрожного «гольфа» с откидным верхом и обратно. Сначала мужчина делал вид, что намеревается уехать, а женщина будто собиралась вернуться в бар и/или послать спутника в избранном том направлении, а затем роли менялись. Хореография — не хуже, чем в «Щелкунчике». Правда, либретто было совершенно иным.

Она: «О-о, я же тебе сказала, я всего лишь поболтала с этим долбаным старым приятелем».

Он: «Да мне похрен, с кем ты там болтала».

Она (forte): «Да что у тебя, блин, за проблема, Джефф?»

Он (fortissimo): «Ты моя гребаная проблема! Иди, болтай с тем гребаным старым хрычом! А я сваливаю!»

Когда Джефф наконец свалил, а взревевший двигатель оставил сизый дымок выхлопа, я готов уже был аплодировать, будто из ложи «Ла Скала». Однако вместо этого я отправился к себе в номер и, улегшись на кровать, просмотрел результаты футбольных матчей. Я заказал такси, чтобы съездить пообедать в Пантайлз, но машина так и не приехала. Когда я сказал об этом хозяевам гостиницы, сначала они расстроились из-за меня и рассердились на невежливость своих сограждан. А потом глава семейства, Публикан-отец, если можно так выразиться, решительно направился к семейному «БМВ», вытащил оттуда детское сиденье своей внучки и отвез меня в город. Учитывая, что денежки я собирался потратить у его конкурента, а не в «Гербе Кэмдена» — черт с этим, они вполне заслуживают добрых слов и рекомендаций! — я подумал, что с его стороны это в высшей степени благородный поступок. Мы, северяне, нередко тешим себя мыслью, будто захватили весь рынок дружелюбия, и часто с предвзятостью говорим о

южанах как о зачуханных и бесчувственных снобах, прячущихся в подземке за «Гардиан». Что ж, может, для лондонцев это и верно, но на собственном опыте я убедился, что в Кенте народ не таков.

По пути в город владелец гостиницы, с явной и вполне понятной гордостью, рассказал мне, как вместе с семьей он полностью переделал паб и как таким же образом меняет обстановку еще в одном находящемся неподалеку баре. Поведал и о том, что везет из Америки обжарочный аппарат для рыбы стоимостью в пятьдесят тысяч фунтов, как при прежней власти потерял половину постоянных клиентов из-за внезапно введенных строгих мер против торговли наркотиками. Вот еще одна неожиданная грань жизни пабов Средней Англии, наряду с высокими пивными кружками и игрой «толкни полпенни».

В «Каза Веккья» мне подали стейк, поленту с пармезаном, мидии и колбасу чоризо, и мой слух услаждал звенящий смех самой благопристойной женской вечеринки, какую только я видывал. Никаких шоколадных пенисов напоказ, только веселое хихиканье девушек, мило обсуждавших аппетитность пригоревших кусочков и уписывавших «панна котта» и тирамису. Неторопливо прогуливаясь тихим теплым вечером, я припомнил путеводитель 1871 года. Мной владело чувство, что ночью Пантайлз кажется еще больше неанглийским, чем днем. Почти итальянским — вон на променад вышли девушки, а юноши совершают *rasseggiata* по обрамленным колоннадой дорожкам. У оркестровой эстрады собралась группа подвыпивших парней, но они были совершенно безобидны, хотя и несколько шумны. У нас в ушах навязло, что ныне Центральные графства по ночам превращаются в очаги преступности (от которой больше всего страдают автомашины), наркомании, насилия и подогретой «алкопопом» сексуальной распушенности. В действительности, эти молодые люди просто ведут себя раско-

ванно, никого не стесняясь. Никакого сравнения с прославившимися в криминальных сводках лондонским Пекхэмом или манчестерским Лонгсайтом.

Водитель такси, отвозивший меня обратно, был пунктуален, как часы Чигли, которые, уверен, я бы где-нибудь в Танбридж-Уэллсе отыскал, поищи как следует. Таксист был из ирландской семьи, жившей в южном Лондоне, и переехал сюда в 1980-х годах. «В первую неделю пришлось несладко, но потом я увлекся игрой в регби». Он болел за «Кристалл пэлас» и рассказал, что большинство в городе болеет за лондонские клубы, а я припомнил футболки и куртки с символикой «Вест-Хэма» и «Челси», которые видел во дворе при гостиничном пабе. Впрочем, выяснилось, что один эксцентричный упрямец поддерживает «Гиллингхэм» — единственную в Лиге команду из Кента. «А бывает, заваливают и фаны “МЮ” или “Ньюкасла”», — со вздохом сказал таксист. После переезда сюда у него родилось трое сыновей, и он с радостью поведал, что они только что вступили в «Танбриджские ангелы». У меня закрались подозрения, что если я спрошу, кто такие эти «Танбриджские ангелы», мой вопрос заставит потускнеть блеск родительской гордости, а кому из нас это нужно? Поэтому я просто восхищенно присвистнул. Я сказал ему, что считаю жителей Танбриджа очень гостеприимными и покладистыми. Он ответил: «Чем дальше на юг от вашей части мира и чем ближе к Лондону, тем меньше в людях приветливости. Но если миновать Лондон и ехать от него на юг, то народ снова становится дружелюбным». Простите, Лутон, Нортгемптон и Уотфорд. Этого я говорить не стал. Примите эти слова, вместе со славными таксистами, обедающими леди и сердечными хозяевами пабов Ройал-Танбридж-Уэллса.

В день отъезда я набрел в сети на сайт некоей Хелены Фритт-Пауэлл, колумнистки журнала «Тэтлер» и газеты «Мейл он санди», ведущей рубрики «Учительница фран-

цузского» в «Санди таймс» и автора таких объемистых и внушающих благоговейный страх книг по гендерным проблемам и идентичности, как «В ад на высоких каблуках» и «Два тюбика губной помады и любовник». Признавая за собой некоторую глубоко сидящую предубежденность, она замечает: «Даже рискуя походить на легендарного “Недовольного из Танбридж-Уэллса”, заявляю: я такая, какая есть. Хотя, к счастью, я не живу в Танбридж-Уэллсе».

Нет, Хелена «живет во Франции, в области Лангедок, с мужем Рупертом Райтом и с детьми: тремя родными — Оливией, Би и Леонардо, и двумя приемными — Хьюго и Джулией». Обратите внимание на скрытое значение выражения «к счастью» в этом предложении — брошенного походя и явно презрительного. Вот мне и пришло в голову, что жители Ройал-Танбридж-Уэллса, возможно, брюзжат, по поводу и без повода, и не раз высказывали свое недовольство в прошлом, а тамошние фирмы, предлагающие услуги такси, бывает, иногда подводят клиентов, однако они отнюдь не самодовольны и не высокомерны, не ведут себя отчужденно или снисходительно. К счастью.

Я не всегда верю тому, что говорят на Четвертом канале. В конце концов, именно оттуда в Британию пришел поразивший культуру рак в виде «Большого брата» (эй, он ворчит так, точно сам — тот «Недовольный»). Поэтому, когда с телеэкрана заявили, что в списке городов Великобритании, лучших для проживания, Танбридж-Уэллс занимает третье место, я посчитал это утверждение очередной «уткой» южан. Теперь же я гадаю, что это за два других места, которые стоят в списке выше Танбридж-Уэллса, и не окажутся ли они в самый раз для моего ужина в семь тридцать вечера — с говяжьей вырезкой «Россини», полентой с пармезаном и мидиями с чоризо. Средняя Англия, как мне кажется, идет по дороге к новой утонченной изысканности. И дорога эта ведет через желудок.

Глава 4

По котлетке?

Накануне встречи «большой восьмерки» в 2005 году французский президент Жак Ширак вызвал ярость англичан и немало их повеселил, «пошутив» по нашему поводу в разговоре с Владимиром Путиным и Герхардом Шредером. «Как можно доверять людям, еда которых настолько жуткая?» — изрек он.

Во-первых, на мой взгляд, это не шутка. Газета «Сан» не замедлила с ответом: «Не гони волну, Жак». Вот это — шутка. Во-вторых, впрочем, лидер нации поедателей членистоногих и земноводных, нации, которую Гомер Симпсон как-то обозвал «трусливыми обезьянами-сыроедами», в некотором отношении был прав. Во всяком случае, если вспомнить историю и учесть общественное мнение.

Американка Марта Харрисон однажды заметила, что «за стремлением британцев колонизировать большую часть мира стояло желание найти приличную еду». Позднее, уже после падения Багдада и пленения Саддама Хуссейна, американский юморист и ведущий ток-шоу Конан О'Брайен сообщил, что «сегодня в Ираке американские и британские солдаты раздавали пищу сотням иракцев. Никого не удивило, что иракцы вернули британскую еду».

В незапамятные времена английская еда считалась «супер-пупер». И повсеместно славилась наша готовность уплетать все, что движется, и наш глобальный подход, «от носа до хвоста», к кулинарии. В Средние века национальная кухня Англии была богатой и яркой, изобиловала великолепными сочетаниями сладкого и горького. Мясные блюда подслащались медом и патокой, цыплят тушили в густом молочном соусе. В средневековой поваренной книге «*Liber Cuius Cuius*» содержатся рецепты, которых не постеснялась бы и современная тайская кухня; например: «Взять доброе миндальное молоко и смешать оное с крахмалом... или же с мукой, из коей пекут хлеба. Подкрасить смесь шафраном. Присыпать тертым имбирем, корицей и галанговым корнем. Взять далее куропаток и цыплят и хорошенько их прокипятить в этой смеси». В той же книге приводятся рецепты зайца в луковом соусе, линия под соусом, бланманже из рыбы и каши со свининой; все рецепты оригинальные и берегут ум, если и не аппетит.

В своей полемической книге «Говядина и свобода» Бен Роджерс утверждает, что наша еда постепенно «синхронизировалась» с нашим характером. Он прослеживает характерное для восемнадцатого столетия соотношение между «типичным британцем», иначе Джоном Булем, количеством поглощенной говядины и нашей враждебностью к французам. Наши драгоценные густые мясные похлебки и рагу и жирные пудинги, по Роджерсу, суть критика в адрес «пустозвонской и пижонской» французской кухни. Роджерс даже предположил, что британская кухня перестала развиваться, поскольку использовавшиеся в ней ингредиенты и так были высшего качества. Напротив, французам пришлось изобрести целую кучу соусов и маринадов, чтобы «прикрыть срам» низкокачественных ингредиентов. И в результате, как ерничал сицилийский дворянин Доменико Карачоло, «в Англии шестьдесят различных религий и всего один соус».

Так или иначе, английская кухня прекратила развиваться; более того, вскоре после промышленной революции она начала приходить в упадок. Экономический прогресс шел во вред нашим яствам. В отличие от других стран, к середине девятнадцатого века большинство англичан расстались с сельским уединением ради городской суеты. Новый рабочий класс утратил связь с почвой и с искусством приготовления вкусных, свежих продуктов. Из этого спартанского существования родилось унылое представление о «мясе с двумя овощами», о еде в самом ее унылом и минималистском виде, что бы там ни твердили традиционалисты и старики. Не помогла и война. Когда мы в одиночку бросили вызов нацистской машине, нас кормили цельными сушеными яйцами, китовым мясом и кошмарными консервами из южноафриканской рыбы под названием споек (щука). Эта рыба была слишком уж рыбной, люди кривились, а Черчилль отступил — чего не позволил себе в противостоянии с Гитлером. (Южноафриканцы негодуют на способы, которыми мы глумились над споек, а повар Грант Каллингуорт из ресторана «Тейбл-бэй» готовит вполне съедобную щуку с фрикадельками из сладкой кукурузы, подавая ее с морковью, салатом из дхания и семян тмина, абрикосовым мороженым и конфитюром из перца чили и абрикоса.)

Хотя в скудные военные, «карточные» годы мы были намного здоровее, нежели сегодня, с огромными рядами модифицированных продуктов и насыщенных жиров в супермаркетах, однообразный рацион нам, естественно, приелся. Благо, как свидетельствует мой опыт, нередко чрезвычайно утомительно. Отдых за границей, иммиграция и книги Элизабет Дэвид несколько поправили ситуацию в 1950-х и 1960-х годах. Спагетти болоньезе, свинина в кисло-сладком соусе и куриная тикка масала стали основными блюдами Средней Англии наравне с отбивной, почечным пирогом и джемом, при том что наше знакомство с карри началось еще с ресторана «Индустан», открывшегося в

1809 году на лондонской Портман-сквер. Однако наша ресторанная культура все еще могла бы заставить Ширака хихикать. (На месте Шредера, кстати сказать, я бы не подхихикивал. Квашеная капуста и сосиски. И пива, Maedchen! Schnell!) В 1970-х сеть «Берни Инн» приучила нас питаться вне дома, пусть даже обучение шло со скрипом, а в каждом заведении предлагали неизменные коктейль из креветок, стейк «Диана» и шварцвальдский торт. В целом мы оставались рабами французской кухни, причем до абсурдной степени. Наш самый знаменитый «повар из телевизора» Фанни Крэдок преклонялась перед Эскофье и осмеливалась заявлять, что английской кухни не существует. «Даже йоркширский пудинг мы стибрили из Бургундии», — бросила она в своем последнем выступлении. (Сама она вовсе не собиралась заканчивать, но ее высокомерие настолько уязвило телевизионное начальство, что Фанни больше не выпускали в эфир.) Крэдок обычно излагала содержание своих скромных рецептов, язвительно комментируя в сторону камеры: «Это вам не повредит», «Конечно, надо бы подсушить, но можно поджарить и так». Вообще британской кулинарии свойственны и творчество, и экономность. До сих пор помню, как смотрел в детстве с бабушкой «Сельскую кухню» и как скромные рецепты суровой Дороти Слитолм заставляли бабушку закатывать глаза и цокать языком — так она поражалась «расточительности» сырного флана, будто ей советовали приготовить рулет из мяса пингвина. Робер Куртен, многолетний уважаемый ресторанный обозреватель французской газеты «Ле Монд», писал, что «лишь богатые могут вкусно поесть в Лондоне и лишь если закажут французскую еду».

Впрочем, и элите порой приходилось туго. Вращающийся ресторан на макушке Почтовой башни — иногда его называли «тошнотворным» — был последним словом высокой кухни начала 1970-х. Но даже его меню представляло собой тоскливый перечень претенциозной французской еды:

supreme de volailles Van Put — цыпленок, фаршированный паштетом; avec les legumes — с овощами, хилая горстка овощей, включая les choux de Bruxelles (брюссельскую капусту) и tes pommes nouvelles (молодой картофель). Я узнал об этом, между прочим, когда снимал документальный фильм о Башне — ныне она закрыта для широкой публики под надуманным предлогом заботы о безопасности — и листал меню в компании Тони Бенна. Помню, он сильно разозлился на пиар-менеджера Башни, который убеждал его назвать здание собственностью «Бритиш телеком». «Башня принадлежит не БТ, а народу Великобритании, который содержит ее на свои налоги. Маргарет Тэтчер просто отдала ее вам, хотя не имела права». Восхитительно. В отличие от еды.

Думаю, треска с картошкой в толпе пикетчиков в Гран-вике выглядела для Тони идеалом хорошей еды. Быть может, вполне оправданно, ведь фиш-энд-чипс и в самом деле является одним из «надежных» элементов британского меню, разбавленного этническими блюдами на протяжении 1960-х и 1970-х годов. А потом, застенчиво на первых порах, но разгораясь все ярче, началась любовная интрижка Средней Англии с едой. «Новая кухня» практически заперлась в Хэмпстеде. Как заметил однажды Клайв Джеймс: «Это кухня, в которой цена блюд находится в прямой пропорции к числу едоков и тарелок». Эфемерная, пытающаяся выдать себя за то, чем она никак не была, эта кухня смахивала на «Шпандау баллей» от кулинарии. Зато следующее лондонское кулинарное новшество подмяло под себя все «ширы», подобно посадкам кипариса или сети «Теско».

В 1991 году Майк Белбен и Дэвид Эйр вступили во владение пабом «Орел» на Фаррингдон-роуд и неплохо поднялись на выскобленных деревянных полах, меню на грифельных досках, открытой кухне и простой, но высококачественной еде. Свое детище они называли гастро-пабом, и

эта фраза, вкупе с идеей, революционизировала британскую кухню. На протяжении десятилетий в британском пабе кормили жестким, как подошва, хлебом, резиновым на вкус сыром и овощами в мизерных количествах; крошечные порции возводили в статус полноценной еды, окрестив «Закуской пахаря». Сегодня же, даже поздно вечером, и в самом захудалом пабе вам предложат бобовое фляжоле и морского окуня в сочетании с деревенским хлебом и отдающей дубом «риохой». Это кулинарная бархатная революция, которую приветствовали повсюду; впрочем, нашлись и редкие недовольные. В письме в «Гардиан» в 2006 году некая Лора Бартон ностальгировала: «Я тоскую по старым пабам, пропахшим потом, табаком и стаутом, где с тем же успехом можно было и оказаться в гуще драки, и купить пакетик соленых чипсов “Сибрукс”. Где старики сидели сгорбившись над своими пинтами, а единственной музыкой был глухой стук сталкивающихся бильярдных шаров в задней комнате. Никаких диджеев, никаких кушеток, никакого жареного лосося, пилфафа или кускуса. Никакой кулинарии, просто паб». Выросший в пабах вроде тех, о которых вспоминает Лора, я могу сказать, что ничуть по ним не скучаю, в значительной степени потому, что не хочу снова напиваться газированной мочой.

Джей Рейнер из «Обсервер» разделяет мои чувства. Он «никогда не находил чрезмерно привлекательными помещения с липкими от постоянно проливаемого пива коврами и поддельной конской утварью на стенах, с пожилыми завсегдатаями, которые бредут к стойке то ли за стаканчиком, то ли за смертью — что наступит раньше». В той же самой статье в октябре 2007 года он пишет, что гастропаб, столь обожаемый нынче в Средней Англии, можно считать новшеством, но консервативным; это экономическое изобретение, продиктованное рынком, а не изменение вкусов. В конце 1980-х Комиссия по монополиям и слиянию решила, что пивоварни, «курируя» слишком много па-

бов, нарушают закон о честной конкуренции, и предписала передать тысячи заведений другим владельцам. Молодые повара принялись выкупать пабы и строить карьеры. Как указывает Рейнер, многие из поклонников «старых кабаков», ненавидящие гастро-пабы, получили лишний повод для ненависти, сообразив, что эти новомодные гурманские заведения — наследие Тэтчер.

Как легко догадаться, лично я против гастро-пабов ничего не имею (хотя безостановочное расползание тайских фишкеев и бараньих рулек по городам и весям Средней Англии слегка смущает). Это безусловно грандиозный шаг вперед по сравнению с днями, когда владельцы пабов предвкушали скорый приход «креветочника» с целлофановым мешком морских деликатесов, а клиенты робко интересовались, не принес ли он еще и крабов.

Гастро-пабы и расцвет ресторанной культуры привели к существенным, пусть и не бросающимся глаза переменам в повседневной жизни. Помню, мы с моим отцом сидели в почти пустом баре при рабочем клубе в Уигане на Рождество несколько лет назад и задавались вопросом, куда все подевались. «Тридцать лет назад тут было не протолкнуться, — сказал отец. — Люди приходили за развлечениями, послушать певца или комика. А теперь приходят поесть. Когда мне было столько, сколько тебе, поесть в ресторан ходили одни богачи. А рабочие ужинали дома, пили чай и шли гулять». Да, так и было. В моем детстве «выход на ужин» был забавой для Святого в исполнении Роджера Мура, в худшем случае, для Питера Боулза из «Рожденного в поместье». Подобные походы предпринимались исключительно по особым случаям, а ныне сходить в ресторан все равно что сбегать за газетой.

Таким вот образом мы переродились из кулинарного посмешища в нацию, одержимую едой, в страну, где кулинарные телепрограммы заполняют эфир, а знаменитые повара считаются новыми богами. В Средней Англии начало

положила некая Делия Смит, симпатичная и авторитетная богиня английской кухни. С скромный старт (бывшая парикмахерша, пославшая рецепт селедочного паштета в «Дейли миррор») вознес ее в итоге до положения теледамы, создающей и уничтожающей компании и потрясающей фондовые рынки одним словечком, оброненным мимоходом. Из супермаркетов исчезали лаймы, каперсы, клюква, морская соль, сковородки для омлетов, пестики и ступки, стоило Делии упомянуть о них. Когда она ее засняли, после сытного обеда, вопящей: «Ну, где вы там, ползите сюда!» на восторженных поклонников в Норидже, страна буквально обомлела. Это как если увидеть собственную мать, напивающуюся в драбадан в Кэмдене в компании Пита Догерти.

В двадцать первом столетии даже Делию затмили более молодые, «прихиппованные» шефы. Гордон Рамсей настырно старается огрубить британскую культуру и внедрить в наше сознание полностью ложное, мачистское представление о кухне (кухня Феррана Адрии в «Эль Булли», который многие считают лучшим рестораном в мире, кажется дзэнским храмом спокойствия). Джейми Оливер выглядит человеком разумным, однако я нахожу его возвышение до статуса самопровозглашенного царя диетологов нации уж чересчур скорым. В 2005 году он затеял единоличный поход против удобной еды и выбрал мишенью котлеты из индейки. Как следует из названия, это не высокая кухня и не блюдо, которое ешь пять раз на дню. Они довольно жирные, хотя, возможно, вкусные, что объясняет их популярность у детей. Диета из одних котлет разнесет вас, как водянка, но одинокая котлетка от случая к случаю не больше вредит здоровью, чем мороженое или стаканчик хереса (разумеется, диета из одного мороженого или одного хереса тоже не годится).

Оливер демонизировал котлеты в страстном, почти со слезами на глазах выступлении по телевизору. Гримаса ярости и боли на лице, нескончаемый поток не слишком парламентских выражений в сторону несчастных котлет, патети-

ка, более подходящая для клеймения детской проституции в странах третьего мира или деспотического режима в Бирме. И таков оказался прилив ханжеского послушания, выказанный британским средним классом, что мне почти захотелось нагло сожрать котлету из индейки, да еще приготовленную на насыщенных жирах, чтобы уязвить общественный вкус. Ведь еда, как и окружающая среда, превратилась в повод для буржуазного крестового похода именно потому, что она не сулит никаких неудобств, вроде необходимости бастовать или возможности огрести по затылку полицейской дубинкой. Нет, вы просто посмеиваетесь над диетами и талиями других людей. Так постоянно происходит по радио и телевидению на сцене, и за всем стоит «труппа» злобных, похожих друг на друга и несмешных «домашних сатириков», отпускающих плоские шуточки. Аудитория пускает слюни и млеет, словно собака Павлова, хохоча над бесконечным хохмами в адрес Джорджа Буша, Дэвида Бекхэма и стариков, пахнущих мочой. Вряд ли похоже на Джонатана Свифта или на сериал «За гранью», верно?

И вполне естественно, что это общенациональное заламывание рук нацелилось на еду, которая нравится детям, поскольку, можно отметить, наше отношение к еде по сути детское. Мы не выращиваем пищу, не знаем, откуда она берется, понятия не имеем, что конкретно покупаем в магазине, но, быть может, из-за происков городского среднего класса, сделались одержимыми едой. В глубине души мы мечтаем о крохотном наделе где-нибудь в Провансе или Тоскане, где можно изо дня в день любоваться лимонами и фигами под знойным солнцем, проницательно щуриться и многозначительно кивать, а затем брести к Франческо или Пьеру, кто там владеет деревенским кабачком, за стаканчиком грубоватого местного красного и порцией свежепойманных сардин на углях. Именно так, в представлении части Средней Англии, живет континент, и это может оказаться правдой. Конечно, гражданская позиция — и стой-

кий, неблагодарный антиамериканизм — не пускают в сельскую Францию и сельскую Италию сети всяких «бургеркингов»; ну, хотя бы ограничивают их распространение пределами, для нас немыслимыми. Подозреваю, однако, что средний житель Болоньи или Тулузы проводит немало времени, смотря по телевизору «Les Симпсонов» и поедая «Пралине от Бенито и Джеральдо».

Но наличествует одна кулинарная область, где мы если и не впереди всей планеты, то явно выделяемся, привносим искренние, истинные, глубоко укорененные в сознании любовь и талант, почти родственные бразильской футбольной культуре. Или — используя другую футбольную аналогию — выступаем как голландские маэстро 1970-х, демонстрировавшие головокружительный тотальный футбол. Короче, англичане — мастера тотальной выпивки.

Финны и русские могут пить больше, раздумчивее, глушить водку из бутылок в тесных и темных московитских многоквартирных домах или из фляг в залитых лунным светом дебрях, изводясь экзистенциальной тоской. Французы и итальянцы могут пить сознательнее, рассуждать о «терруарах», недовольно фыркать, изучать бокалы на свет и глубокомысленно щуриться. Но мы воспринимаем выпивку как национальное времяпрепровождение, в болезни и в здравии, на трезвую голову или уже под градусом. Наша любовь к выпивке имеет давнюю историю; в елизаветинской Англии вода считалась настолько грязной, что ее вообще не пили. И значит, оставалось пиво — главная жидкость нашей диеты, наш старинный «чай». Слабое, или «малое», пиво варили специально для женщин и детей, отсюда и известное выражение «пойти по-малому» — забивать голову ерундой. В выпивке мы придерживаемся северных традиций, тяготеем скорее к Северному Полярному кругу, а не к Эккрингтону, и пьем соответственно — обильно, чтобы согреться и чтобы набраться сил для боевого безумия. Пинта пива и стопка шерри, напиток сквай-

ров и старых дев, суть олицетворения нашей национальной жажды, но мы никогда не упускаем случая употребить лишнего. В беспробудном пьянстве нет ничего нового. Когда джин обрел популярность в 1700-х годах, говорили, что половина населения страны постоянно пьяна. В 1727 году Англия поглощала примерно пять миллионов галлонов джина; это чертовски много для шести миллионов человек. Пьянство распространилось настолько широко, что перепуганное правительство приняло закон о запрете джина, ограничив производство «Материнской беды». Выходит, нынешнее беспокойство по поводу беспробудного пьянства — не знамение времени, а старый друг, забежавший на огонек. Питер Хейдон, автор книги «Пиво и Британия: нетрезвая история Великобритании», пишет: «Британцы пьют по-крупному, это всегда была особенность нашей культуры. Мы такие, какие есть, и не надо выкручивать руки и стремиться все запретить... Сегодня 22-летние пьют то же, с чего начинали в 12 лет... Алкоголь уже не воспринимается молодыми как вызов. Мой первый глоток, помнится, вызвал отвращение...» Верно подмечено. Большинству из нас памятна непроизвольная дрожь после глотка отцовского виски на Рождество. Но большинство со временем привыкает. И привыкание шло бы куда быстрее, полагаю, будь у виски привкус манго или личи, будь он тягучим и имей синий цвет.

По мне, шум из-за выпивки подняли зря; более того, он может оказаться пагубным. Снова и снова антиалкогольное лобби находит уязвимые мишени; и нет цели более уязвимой, чем беременные женщины. Когда я пишу эти строки, женщинам советуют «эксперты» — Средняя Англия ненавидит интеллектуалов, но обожает экспертов, — что во время беременности не страшно попустить пару бокалов вина в неделю. Будь я беременной женщиной, я бы, честное слово, гаркнул: «Ради всего святого, напрягите свои экспертские умишки!», опорожня пинту рома. Оставляя в

стороне хитрые повороты дискуссии («эксперты» ныне признают, что взяли максимально допустимую дозу в восемнадцать стаканов спиртного для беременных с потолка), я что-то не припомню, чтобы родившиеся в прошлом году младенцы были тупее, слабее, бессмысленнее, трусливее или бездарнее оттого, чем когда мамочки потребляли «Бристол крим» по вечерам. Совсем наоборот.

От чрезмерной выпивки толстеют, болеют и умирают. Это бесспорно, и об этом следует помнить. Однако каждый человек имеет право пойти к черту по собственному выбору. Дилана Томаса будут помнить, когда о святых трезвенниках давно забудут. Ну да ладно. Пожалуй, наиболее серьезная угроза здоровью, связанная с потреблением алкоголя, — это резко возрастающий шанс быть поколоченной пьяным мужем, остаться фактически сиротой из-за вечно пьяного отца или угодить в больницу (а то и в морг) из-за стычки с перебравшим громилой. Но что-то не припоминанию кампаний по борьбе с пьяным насилием. Налицо разве что панические истории, расцвеченные байками насчет беспробудного пьянства женщин в офисах. Как и почти во всем, мужчины — проблема, а страдают женщины. Достаточно лишь протянуть руку за бокалом «Ламбрини».

Но мы отвлеклись. Вернемся к котлетам. Школы убрали их из меню и заменили на ризотто с каперсами, к ужасу детей. В жесте поразительного высокомерия сеть «Сэйнсбери» выкинула котлеты со своих полок. Заметьте, сигареты остались, а ведь они куда вреднее нескольких граммов насыщенного жира. Иронический постскриптум ко всему этому — в текущем году выяснилось, что в собственных соусах для пасты Джейми вдвое больше соли, чем в котлетах из индейки; и рассуждай после такого о здоровье.

Средняя Англия всегда ценила еду, безотносительно качества. Мы находим в еде утешение, будь то пастуший пирог или долма, сосиски с картофельным пюре или сушеное мясо. На сайте «Иконы Британии» его автор Хью Пи-

мен назвал одной из «икон» печенье — сегодня едва ли не всё подряд именуют «иконическим», «культовым», но не стану, пожалуй, углубляться — и вознес ему хвалу: «С имбирем, с заварным кремом, с бурбоном, с черной смородиной, с топленым молоком, песочное, чайное, с джемом, с инжиром... Широчайший выбор восхитительных дешевых удовольствий, неотъемлемая составляющая нашего национального характера и опора местной промышленности». Так что я беру карту и, окуная печенюшку с заварным кремом в кружку с обжигающе горячим чаем, отыскиваю места, связанные с едой. Глаз ложится на Лестершир, на город, название которого сделалось синонимом одного из самых жирных и вкусных блюд Средней Англии.

Даже юнец в билетной кассе на бирмингемском вокзале Нью-стрит знает: «Это там делают пирожки со свининой, точно?» Я покупаю билет до Мелтон-Моубри. Подобно Шампани, Парме и Экклзу, Мелтон-Моубри подарил свое имя еде, и это название немедленно пробуждает в Средней Англии аппетит и радушие. Со мной в поезде оказывается толпа шумных, прыщавых, но в целом добродушных фанатов «Ипсвич таун», которые направляются в дальний путь через Восточный Мидленд на футбольный матч. Великобритания — остров вытянутый и неширокий, и все же поездки вдоль ее «спинного хребта» — пустяк по сравнению с даже относительно короткими прогулками по пересеченной местности. Судя по пустым банкам из-под «фанты» и пакетам с чипсами, парни сидят в поезде довольно давно, но настроение у них хорошее, и ведут они себя, как подобает воспитанным отпрыскам среднего класса. «Моя приятельница с “Фейсбука” обозвала меня бродягой, ведь она живет в Бакингемшире. По-моему, у нас тоже приличное место», — говорит один; несомненно, он прав. Когда в окне появляется очередная церковь, юнцы громко вопят: «Илийский собор!», явно шутка, понятная только им самим. Занятно, если вдуматься: шутки по поводу церквей как ори-

ентиоров на местности не очень-то распространены у нынешней британской молодежи. В разговоре проскальзывает известное слово из четырех букв, и все парни краснеют и стыдливо сутулятся, явно смущаясь присутствием двух седовласых леди, очевидно, отправившихся за покупками в Лестер. Вполголоса — не поверил бы, если бы сам не видел — другой фанат говорит: «Кончай материться». Подобные мгновения восстанавливают веру в Среднюю Англию, думаю я, когда мы подъезжаем к городу, который даже я, уиганец, вынужден признать британской столицей пирогов.

Высокий, или «стоячий», пирог возник благодаря средневековой привычке готовить сытные «каркасы», которые можно начинять и запекать без какой-либо формы. При этом не предполагалось, что «каркас» будут есть; он служил просто «горшком» из муки с водой, и «горшок» выбрасывали без жалости. Потом кого-то осенило, что, если чуть подправить рецепт, «каркас» тоже можно есть — и так родился высокий пирог. Пикники, свадебные вечеринки и перерывы между таймами в футбольных матчах без него были бы куда скучнее.

Почему пироги со свиной из Мелтон-Моубри такие знаменитые? Выдвигались различные теории. Согласно местному пирожнику Стивену Холлему, это побочный продукт местной сыроварной отрасли: лишней сывороткой кормили многочисленные свиные стада. Кроме того, Лестершир считался охотничьим угодьем, а холодный пирог со свиной — отличное подспорье для охотника-аристократа. Со временем появился и пирог мелтон-моубри, аристократ среди пирогов. Поклонники поют осанну его хрустящей «крышечке», характерной форме и грубо порубленному свиному фаршу внутри; мясо выдержанное, но не маринованное, как в пирогах массового производства. Последние тоже в целом съедобны, однако они оборачиваются закупоркой артерий и увеличением веса. Мой друг Пол Роджерс работает на радио, не в пекарне, но он из Ротерэма,

поэтому у меня нет оснований сомневаться относительно правдивости двух фактов насчет пирогов, поведенных им. Прежде всего, массовый пирог со свиной содержит больше жира, чем сопоставимый по размерам кусок лярда. Во-вторых, продажи пирогов со свиной растут, а вот число людей, признающих, что они едят пироги со свиной, сокращается. Другими словами, мы — нация тайных потребителей пирогов со свиной. Так и представляешь, как мужчины в плащах под проливным дождем пожирают у гаражей запретное лакомство, а потом бредут домой, к верным женам и нагло врут, что съели на обед лохань салата с тунцом. Короче, если хотите пирога со свиной, это должен быть мелтон-моубри: запретные удовольствия обязаны быть качественными.

Говоря о городе, а не о пирогах, называйте его Мелтон. Так вы сойдете за местного — если хотите, конечно. Я узнал это от женщины на привокзальной стоянке такси; она поведала мне сию тайну между жадными, губительными для легких затяжками и приступами хриплого кашля. Я спрашиваю, можно ли дойти пешком до моего отеля, и она восклицает: «Боже, нет!» и даже вздрагивает. Я галантно уступаю ей первое такси, а она заставляет водителя ждать, докуривая сигарету. Галантность вознаграждена: мой таксист оказывается радушным, болтливым и весьма сведущим. Он говорит, что другой «культовый» местный продукт, сыр стилтон, никогда не делали в кембриджширской деревне Стилтон и что, к сожалению, пироги мелтон-моубри теперь перешли во владение империи «Джинстерс»; это, строго говоря, не совсем так, хотя некоторые пекарни и работают на «Джинстерс». Водитель дважды за время короткой поездки произносит слово «тупоугольный» и знает городские рестораны — особо предупреждает насчет итальянского, скорбно качает головой: «Полный отстой. Худшая карбонара в Лестершире...»

Из ресторанного дворика своего отеля я могу видеть реку Ай (или, возможно, Рик — обе протекают через город), унылые пастбища и игровым площадки, усыпанные фигурками собачников, а за ними, в отдаленной перспективе, церкви и дома. «Он такой плоский, Лестершир», — сообщает женская половина пары средних лет: она — яркая и нарядная, он — чопорный и с красным лицом. Приехали на «Куорнскую охоту», которой страстно преданы. «Разве это по-прежнему законно?» — спрашиваю я из вредности, и муж возмущенно фыркает. На самом деле. То есть произносит «фыр», разворачивая газету — разумеется, «Дейли мейл». Жена высказывается в духе: мы бродим по лесу, а не гоняемся за лисами. По-моему, забавно — «Куорнская охота» теперь вынуждена обходиться без дичи.

Пироги и охота преследуют меня в дневной прогулке по городу. И сам Мелтон на них помешан. Туристический центр закрыли, заменили компьютерным терминалом и инфостендом в холле «Дикинсона и Морриса», старейшей пекарне из сохранившихся в Мелтон-Моубри. С 1851 года эта уважаемая пекарня продает пироги со свиной. Настоящие, с яичной корочкой наверху, раскрывающейся, как «кошель средневекового торговца», и чистым, без добавок, мясом, которое из-за своей чистоты скорее тускло-серое, а не розовое, как в пирогах массового производства. Его запекают определенное время при температуре приблизительно 200 или 210 градусов Цельсия, потом уменьшают нагрев на 40—50 градусов и запекают намного дольше, а затем сквозь дырочку в верхнем слое заливают внутрь студенистую массу, с жилками и косточками. Эта еда отдает ностальгией. На упаковке нужно писать: «Лучше всего есть в высоких ботфортах до бедра на постоялом дворе, попивая гог из оловянной кружки и усадив на колени пышногрудую служанку».

«Дикинсон и Моррис» недавно выиграли десятилетнюю битву за «Удостоверенный географический статус»; это

означает, что лишь производители пирогов со свиной могут использовать традиционный рецепт и лишь в Мелтоне допускается название «мелтон-моубри». Тридцать четыре других британских продукта удостоверены государством, в том числе арбротские копчености, корнуоллские топлёные сливки и валлийский ягненок. Я обдумываю все это, жуя украдкой и проходя мимо вездесущего «Эдинбургского магазина шерсти» и мрачного, похожего на ангару ночного клуба «Тьюбз» и местного театра («В ближайшем будущем... Борьба на руках и шоу “Алло! Алло!”») Ноги приводят меня к неожиданно привлекательному музею со стеклянным фасадом.

Весело, правда; веселье, забава — неременная цель всех на свете музеев, даже мало к тому предназначенных. Отчасти это стремление проявляется в том натужном веселье, какое сопровождает аттракционов вроде «Клинышек стилтона», когда детям предлагают менять местами куски крупно порезанного (и славного своим едким запахом) сыра, чтобы сложить головку. Честно говоря, дети и стилтон, на мой взгляд, плохо совместимы. Стилтоном, с его ароматом и вкусом грязного носка, забытого в давно не открывавшейся спортивной сумке, лучше всего кормить пьяненьких родственников средних лет на Рождество — сам я за рокфор, а дети, конечно, предпочитают плавленые сыры (под золотистый портвейн).

Первым этот сыр сделал владелец паба из Стилтона, отсюда и название, но мой таксист прав: в самом Стилтоне сыр никогда не варили. Там его нельзя делать по закону, из-за ограничений ЕС; допускается производство лишь на восьми сыроварнях, одна из которых находится в Мелтон-Моубри. Но так как сыр получил известность, когда его стали предлагать в трактире «Белл инн» в Стилтоне, на маршруте дилижансов из Лондона на север, он и получил имя в честь той деревушки. А Мелтон явно не претендует на столь сомнительную, столь пахучую славу.

Рядом с сырным аттракционом висит объявление, которое начинается словами: «Есть множество типов седла...» Я поспешно перехожу к следующему стенду. Это уже интересно — макет старинной местной аптеки «Эттенбери», точный вплоть до надписей на мензурках. Я разглядываю макет и понимаю, что мне все труднее игнорировать болтовню двух женщин-хранительниц. «У моей сестры в выходные свадьба... Понятно, новое платье и туфли... Да, первый брак... Знаю... Уж поверь, у нее было много мужчин, но она никак не успокоится... Сестра всегда ставит приключения выше приличий... Много мужчин, да». Отличный звуковой фон для пластмассовой модели Самого Большого Пирога со Свининой в Море.

Значительная часть экспозиции, весьма осторожно и дипломатично, касается охоты. Это ведь охотничьи угодья. На самом деле Мелтон считался и охотничьей столицей Великобритании. С учетом этого, музей восхитительно беспристрастен. Там есть, например, стенд, посвященный Ассоциации противников охоты. А табличка под фигурой дородного охотника в красном спрашивает: «Что вы чувствуете, когда смотрите на эту фигуру? Что у него слишком много свободного времени и денег? Что он придерживается вековых традиций?» Увы, нет такого варианта: «Он — изнеженный и слабовольный паразит, и хотя я не испытываю теплых чувств к лисам, мне бы хотелось испортить этому типу жизнь».

Порой маска все же спадает. Один стенд приводит немало пристрастный список цифр, из которого следует, что охота на лис ежегодно приносила стране до шестидесяти миллионов фунтов; по мне, откровенная чушь. Рядом в витрине чучела барсука, кролика, лисы и оленя. И надпись: «Дикие животные» (а не «Нам нравится их убивать»).

Прежде чем покинуть музей, я узнаю, что фраза «раскрасить город красным», в смысле «устроить кутеж и переполох на улицах», непосредственно связана с историей Мел-

тон-Моубри. Вечером в четверг, 6 апреля 1837 года, после скачек в Крокстон-парке, эксцентричный любитель охоты маркиз Уотерфорд и его друзья отправились домой навеселе; дело было около трех ночи, они ехали в карете и увидели, что ворота Торп-Энд закрыты на ремонт. Продолжив путь пешком, они перемазались красной краской из ведер у ворот и в итоге заляпали в городе все, что попадалось им на глаза — пабы, жилые дома, резного каменного лебедя над крыльцом трактира «Суон инн» и, по слухам, беднягу-сторожа, охранявшего ворота. В те времена никто не штрафовал богатых за злостное нарушение общественного порядка, и в итоге оргию пьяного вандализма представили невинной шуткой. Что ж, надо бы на собственной шкуре убедиться, каков буйный современный Мелтон в субботу вечером.

Во-первых, надо поесть. Может, проверить, правда ли тут подают худшую карбонару в Лестершире? Миг слабости пролетел, и я, конечно, иду к тайцам.

Я говорю «конечно», поскольку вы наверняка помните мою теорию, выведенную в Чиппинг-Нортоне, насчет тайской кухни и Средней Англии. Если кратко, я категорически убежден, что тайская еда стала господствовать в кухне Средней Англии по множеству причин. Для начала, у тайцев вкусная еда. Кроме того, тайцы красивы и вежливы и носят шикарные лиловые наряды, и в их заведениях не бывает полуночных драк, блевотины и пьяных разборок. Они, кажется, выше этого, потому-то их и приняли в «ширах». В ходе моего путешествия мне довелось побывать, не побоюсь этого слова, в нескольких тайских ресторанах. Мелтонский называется «Тай Сабаи», и мне достается последний свободный столик. Ресторан открылся четыре с половиной месяца назад, говорит дружелюбный владелец, и ломится от публики: нормальные люди, жители Средней Англии, не особенно богатые, но и не бедные. Через несколько месяцев их ожидает повышение ставок по ипотеке и падение цен на недвижимость; возможно, тогда походы в

тайские рестораны станут реже. Когда я собираюсь уходить, мимо нетвердой походкой бредет мужчина; останавливается, оглядывает зал... предлагает дамам за столиками картошки из пакетика в руках... Все смеются.

В пабе «Анна Клевская» народу еще больше. Свое название паб получил по той причине, что в нем кутили монахи местной обители, почти триста лет, пока Генрих VIII не разогнал монастыри и не подарил трактир Анне при разводе с нею. Разумеется, тут водятся привидения. Услышав такое от владельца паба, скаузера в поварском переднике, я улыбаюсь, а он, обиженный моим скепсисом, достает из-под стойки толстый футляр с копией подробного отчета о расследовании, проведенном Обществом изучения паранормальных явлений; эксперимент занял ночь и закончился в 5:45 утра. «Норман видел женщину без головы», — говорит владелец. Кто я такой, чтобы сомневаться? Я спрашиваю, что он делает так далеко от дома. «Учу местных», — заявляет он без ложной скромности. Что ж, я тоже кое-чему научился и знаю теперь об ограничениях ЕС, раскраске города в красный и правильный цвете приготовленной свинины куда больше, чем до приезда в Мелтон-Моубри.

Мне сказали: я узнаю, что попал в Бертон-он-Трент, по запаху. И это почти справедливо. Да, в воздухе ощущается некий стойкий солодовый привкус, какой обыкновенно витает у манчестерского вокзала Виктория благодаря соседству с пивоварней «Боддингтонс». Но все прежние рекомендации — мол, зажимай нос, когда выходишь на главную улицу — ныне смело можно признать устаревшими. В Бертоне приятно пахнет пивом и «Мармайтом», и, если уж на то пошло, разве что гигантский трубопровод, тянувшийся вдоль железнодорожного перрона, позволяет догадаться, что тебя занесло в столицу британского пивоварения.

Пиво варят в Бертоне вот уже добрую тысячу лет, с тех самых пор, как монахи местной обители Святого Модвена

впервые заметили, что подземные воды в этих краях по какой-то причине отлично подходят для приготовления шикарного горького. Причина, вообще-то, очевидна — наличие растворенных в воде сульфатных солей из богатых гипсом окрестных холмов, хотя, конечно, монахи об этом не подозревали. Химик Ч. У. Винсент установил намного позднее, что именно химическое обогащение придает местному хмелю столь приятный вкус и аромат. Вдобавок Бертон обладает и другим «жидким активом»: канал Большой Транк прокопали в 1766—1777 годах, соединив реки Трент и Мерси и аккуратно поместив Бертон в клин между двумя руслами. Эти транспортные артерии вместе с наличием подземных вод превратили Бертон в Мекку пивоварения. Не то чтобы в настоящей Мекке народ давится в очередях в пабы, но вы поняли, о чем я, верно? Город процветал, пивоварение мало-помалу выросло в крупный бизнес, поддерживаемое спросом на светлые бертонские эли. В 1801 году тут насчитывалось девять пивоварен, а к 1888 году их число возросло до невероятных тридцати одной! Пиво привлекало в город всевозможные новые технологии и производства, ведь пивоварням требовались, к примеру, бондари и кузнецы, предшественники нынешней металлургической и обрабатывающей промышленности Бертона. Бертонское пиво изменило вкусы англичан. Прежде мы пили в основном стаут или портер, крепкие темные сорта, сходные с «гиннесом», однако со временем рынок покорила басскому горькому, в частности, знаменитой марке «Индия пейл эйл».

Многое из того, что перечислено выше, я узнал от высокой, стройной, бледнокожей и голубоглазой Джулии из местного туристического центра. Минувшие несколько лет я провел немало времени за беседами с женщинами вроде Джулии в информационных центрах по всей стране, и неизменно их осведомленность и доброта вызывали у меня восхищение. Всегда готовые помочь, подсказать, искренне влюбленные в профессию, терпеливые, сведущие, остро-

умные, не упускающие случая поиронизировать над собой... Джулия сказала, что в Бертоне сегодня шесть пивоварен, и назвала их поименно. Правда, на четвертой или пятой она запнулась, я, разумеется, поспешил уверить, что это не важно.

— Вы неправы, — улыбнулась она. — Это вопрос чести. Я должна назвать все шесть.

Посочувствуйте Джулии — на самом деле пивоварен пять. Всевозможные покупки, слияния и консолидации привели к тому, что в Бертоне сегодня заправляют крупные транснациональные корпорации, фактически вытеснившие независимые пивоварни. А некогда пивовары были бертонской аристократией и руководили жизнью города. Многие из них получили дворянские титулы за поддержку политических партий, и даже появилось прозвище «пивные пэры». Но уже к 1927 году число пивоварен в городе сократилось до восьми. А ныне их всего пять: «Курз», «Марстон», «Бертон-Бридж» (основана в 1982 году Джеффом Мамфордом и Брюсом Уилкинсоном), «Тауэр» (совсем новая) и «Коттедж», на территории постоянного двора «Олд коттедж инн». Музей пивоварения, часть информационного центра «Курз», варил собственное пиво, пока центр не закрылся летом 2008 года, вскоре после моего визита в Бертон (я тут ни при чем).

С изрядным тактом Джулия постаралась объяснить политическую ситуацию в противостоянии «Басса» и «Курза». По существу, американский конгломерат «Курз» ныне владеет гордым британским брендом «Басс». Все понимают, что рынок диктует свои условия, но кое-кого разозлило закрытие музея и попытки, вовремя замеченные, лишить пивные сорта всякого намека на вкусы, свойственные поглощенному бренду. Тони Паркер из Лондонского музея выразился так: «Как человек, родившийся в Бертон-он-Тренте и как музейный профессионал, я глубоко опечален... Недавно я навещал родной город, и мне показалось, что

“Курз” отчаянно пытается уничтожить все следы существования “Басса” — на бродильных танках красуется логотип “Курз”, на зданиях, где раньше висела эмблема “Басса”, теперь тоже значится “Курз”».

Я вижу это собственными глазами, гуляя по городу, и ситуация действительно кажется неправильной, чтобы не сказать — пугающей. Ведь Бертон неразрывно связан с «Бассом». Знаменитая эмблема, красный треугольник, давно стала культовой, какой логотипу «Курза» — название компании затейливым шрифтом — не стать никогда. Пикассо и его соратник-кубист Хуан Грис включали красный треугольник «Басса» во многие свои коллажи. Великие детские художники, от Артура Рэкхэма до Квентина Блейка, использовали бассовские бутылки, чтобы донести национальную идею до подрастающих поколений. И потому категорически невозможно, по-моему, представить Бертон без красного треугольника. По-моему, стремление его убрать сродни плевку в душу нации. Бертон и «Басс» — не просто национальные святыни (сколько героев Битвы за Британию «брали бертонское», а вовсе не «Курз»); пиво — еще и одна из наших характерных забав, любимая и ненавидимая в равной мере, пристрастие спорное, сомнительное и сугубо английское, пусть и с тевтонскими корнями.

Когда немецкий ученый по имени Либих выяснил, что пивные дрожжи можно концентрировать, фасовать и употреблять в пищу, он тем самым, как ни удивительно, изобрел пасту «Мармайт». В Бертоне дрожжей хватало, и в итоге в городе в 1902 году появилась «Мармайт фуд экстракт компани», которая получала остатки дрожжей с пивоварни «Басс». Хотя точный рецепт является коммерческой тайной, известно, что паста представляет собой дрожжевой экстракт с добавлением вытяжки из овощей и пряностей. Когда были открыты витамины, накануне Первой мировой, «Мармайт» признали, выражаясь современным языком, «супер-едой», и продажи взлетели до небес.

Тогда интернета не было и в помине. Но зайдите на сайт компании «Мармайт» сегодня — и вы убедитесь, сколько нынешние маркетологи рекламируют бренд, активно поощряя публику ругать пасту. У сайта два раздела, один для любителей пасты, а другой для тех, кому она противна, как Биллу Брайсону, который в «Острове Ее Величества» писал: «Есть немало того, что способен оценить лишь британец, или, по крайней мере, человек старше меня, или то и другое в одном лице: музыка скиффл, солонки с одиночными отверстиями и “Мармайт” (съедобный дрожжевой экстракт, по виду смахивающий на промышленный лубрикант)».

Компанию «Мармайт» всегда отличало умение организовывать рекламные кампании. Первый маркетинговый слоган гласил: «Паста мажется, мало не покажется». В 1980-х пользовались слоганом «Мой товарищ “Мармайт”» и крутили по телевизору ролики с армейским взводом, чеканящим этот слоган, как бы намекая, что паста входила в стандартный рацион немецких военнопленных в Британии в годы Второй мировой. Это замечательная находка, обращение сразу к двум корням самосознания Средней Англии — к светлой ностальгии по прежней еде и к победе над Третьим рейхом.

Недавний пленник, уже британец, турист Пол Ридаут, похищенный кашмирскими сепаратистами в 1994 году, попросил «Мармайт» на тосте, едва его освободили. И сказал: «О, как вкусно! О нем вспоминаешь, попадая за границу, и понимаешь, что не способен думать ни о чем другом». Новые рекламные кампании «Мармайт» — своего рода антиреклама: недостатки бренда толкуются как достоинства, в полном соответствии с канонами постмодернизма. Главное в продукте — вкус, который почти невозможно описать. Если меня заставить, я скажу, наверное, что по вкусу это нечто вроде чистящего порошка, фаршированного железной стружкой и соусом для жарки. И все

же, когда я пишу эти слова, желание отведать пасты, намазанной на горячий тост, почти непреодолимо. Полагаю, прямо сейчас и большинство читателей испытывают схожую потребность. Понимаю. И знаю, что в кухонном шкафу любого англичанина найдется баночка-другая, ведь никто не позволяет себе остаться без «Мармайта». И одну баночку растягивают очень надолго. У комика Тима Уайна есть неплохая шутка: «Я победил в конкурсе. Приз — годовой запас “Мармайта”. Одна фляга».

Я вспоминаю шутку Уайна, бродя в окрестностях Бертона. Сам город не назовешь симпатичным: громадные цилиндры бродильных чанов пивоваренного завода «Курз» портят картину, и в результате ресторан «Хлоя» — карлик рядом с грандиозными стальными контейнерами — несет убытки в день святого Валентина. Однако если отвлечься от происков «Курза», город выглядит весьма привлекательно: красивые здания во множестве архитектурных стилей, диковинные конструкции говорят о богатом прошлом Бертона. Занятное приземистое сооружение (бывший полицейский участок) и здание суда смахивают на свадебные торты. Когда я останавливаюсь полюбоваться ими, меня едва не сбивают насмерть двое велосипедистов, промчавшихся по тротуару на головокружительной скорости. Взрослые, которые позволяют себе ездить на велосипеде по тротуару, в моем личном списке достижений эволюции стоят рядом с комнатным тапком, и я бы ввел для таких личностей самосуд, осуществляемый их жертвами на месте. Увы, об этом можно лишь мечтать, и потому я просто матерюсь им вслед — один выглядит типичным преждевременно постаревшим завзятым курильщиком, а на голове у другого бейсболка, отличительный признак скудоумия.

Повсюду видны напоминания о пивоваренном прошлом Бертона. У входа в лавку скобяных изделий висит мемориальная доска: «Пивоварня Чарльза Лисона находилась здесь в 1753—1800 гг.» А теперь рядом расположился

«Альди». Я пью чай и съедаю тост в сэндвич-баре. «Мармайт» у них нет. Девушка за стойкой морщится, когда я прошу пасту. Ее же делают здесь, удивляюсь я. «Мы и подшипники выпускаем, но я же их не ем, — смеется девушка. — Хотите сыра?» Это же «Мармайт», возражаю я. «Вы правы, — говорит она дружелюбно, — сыр на тосте куда вкуснее».

Я сообщаю, что сырые спагетти, если их окунуть в «Мармайт», окажутся отличной заменой чипсам «Твиглет» на крайний случай. «Постараюсь не забыть до следующей вечеринки», — девушка снова смеется, убирая с соседнего столика недоеденную печеную картошку.

Главная улица Бертона — сочетание традиционного и экзотического, этакий моментальный снимок Средней Англии образца 2008 года. Непременный тайский ресторан (я подозреваю, их обязательность в наших городах установлена законом). Магазин под названием «Веселимся и танцуем», в котором, кажется, торгуют мишурой, боа из перьев и прочей атрибутикой девичников. Рядом ломбард, предлагающий «все, что нужно для настоящей рыбалки на удочку». Девушка лет двадцати в светоотражающем жилете сидит на прозрачном пластиковом боксе у светофора для пешеходов. В ее ушах наушники, провода тянутся к боксу, а тот, в свою очередь, соединен проводом с камерой в полиэтиленовом пакете на макушке светофора. Меня так и подмывает спросить, что все это значит, но как-то не хочется получить прозаический ответ: мол, замеряем плотность потока или что-нибудь еще в том же духе. Лучше я буду считать ее бертонской Трейси Эмин, которая выдала очередную непостижимую арт-инсталляцию. Над городом высится громада центра «Риверсайд», который выглядит так, словно там некогда регистрировали браки и устраивали вечеринки, где народ щеголял нарядами и отплясывал буги-вуги под «Танцую субботним вечером» Барри Блю или «Блокбастер» группы «Суит». Теперь, после пожара, с

заколоченными окнами, центр смахивает на кабульский филиал магазина автозапчастей.

Внезапно я выхожу к Тренту, широкому, величавому, струящему свои воды под роскошным арочным мостом вот уже восемьсот лет. Это отличное местечко, чтобы посидеть у воды с «Дейли миррор» и термосом чая, вот только чертовски холодно. Двое парней в куртках с капюшонами возятся со спасательным кругом. Лишенный «Дейли миррор» и термоса, я все же присаживаюсь за столик для пикника и разглядываю чопорный сине-белый деревянный эллинг на другом берегу.

Сидение на скамейке и праздное наблюдение за тем, как мир проносится мимо, кажется мне типично английским времяпрепровождением. Тут есть чему позавидовать. Работая 24 часа в сутки, меняя смены и расстояния, мечась, словно в угаре, мы, однако, находим возможность посидеть на скамейке в полдень, и это уже не воспринимается как признак безответственности, отсутствия работы или бесцельности жизни. Посидеть у пруда для уток или у эстрады в течение четырех дней английского лета, возможно медленно откусывая мороженое и изучая проходящих мимо людей, — приятное отвлечение от суеты. Этому занятию предаются все подряд — и одинокие старики, и бесшабашная молодежь, и несчастные влюбленные, и болтливые мамы. Наши континентальные кузены возводят это безделье в статус философствования и рассуждают о «фланерстве» и «прогулке по бульварам как способе познать мир». Сидение на скамейке столь же фундаментально. Мы попросту не придумали для него красивую словесную обертку.

Почти сразу меня атакуют двое полисменов на велосипедах. По крайней мере, я принял их за полисменов (легко ошибиться, если судить по черным жилетам и брюкам военного образца). Но это оказались мормоны, должно быть, из военизированного крыла Церкви святых последнего дня.

Вид доброжелательный и смутно зловещий, как у всех проповедников. Один вручает мне визитную карточку, которая гласит: «В чем смысл жизни? Куда мы отправляемся после смерти? Какова истинная природа Бога? Ответы на эти и другие вопросы вы найдете, посетив сайт www.mormon.org».

Я присвистываю. Впечатляет, говорю я.

— Хотели бы вы узнать о церкви Иисуса Христа? — спрашивает с улыбкой второй мормон. Не очень, честно признаюсь я. — А знаете кого-нибудь, кто хотел бы узнать? — упорствует он. Попробуйте вон тех, говорю я, указывая на парней в капюшонах и со спасательным кругом, которые по очереди «додавливают» банку «Фостерз».

Когда я покидаю Бертон, над городом реют флаги. Над пивоваренным заводом плещется полотнище «Курза», а над церковью, словно бросая вызов, развевается крест святого Георгия. Я пересекаю игровую площадку «Викинг» и вижу двух велосипедистов — тех самых, что едва не задавили меня раньше. Они кушают, усевшись на качели. Самая жалкая картина, какую только можно вообразить. По крайней мере, их собратья-велосипедисты, те двое мормонов, косящие под полисменов, имели перед собой цель и стремились ее достичь. И оптимизма им не занимать, думаю я, снова столкнувшись с мормонами у торгового центра «Альди», где они усердно завлекали в свои силки двух женщин, судя по красным точкам на лбах — правоверных индуисток.

В 1986 году итальянский журналист Карло Петрини с ужасом увидел, что очередной «Макдональдс» открылся у подножия знаменитой лестницы на римской площади Испании в Риме. Это был последний штрих, итоговый символ торжества дешевого меркантилизма в сердце одной из мировых столиц еды. Петрини организовал движение «Неторопливой еды», ныне уже выплеснувшееся за границы

Италии; это движение призывает заботиться о качестве пищи, о традициях и удовольствии. Со временем оно обратило внимание и на другие стороны нашей скоростной современной жизни. На кулинарном фестивале в Орвието несколько мэров учредили проект «Читтаслоу», нацеленный на неспешное — весьма постепенное, так сказать, в прогулочном темпе — оздоровление городской среды, на экологичность и на общее улучшение уровня жизни горожан. В мире сегодня имеется ряд «медленных городов» — от Катумбы, Города Голубых гор в Австралии, до Сокндаля в норвежском Рогаланде. А первый однозначно «медленный город» Великобритании и без того считался драгоценностью в британской короне: красивый, очаровательный, утонченный и с самыми восхитительными яствами и напитками буквально на каждом углу, начиная с бистро и В&В и заканчивая колбасными магазинами и барами. Джон Бетжемен назвал этот населенный пункт то ли красивейшим из городков Англии, то ли наилучшим городком, то ли идеальным городком. Кого ни спроси, цитируют по-разному, однако согласны, что к Ладлоу подходят все три эпитета.

Ладлоу расположен в излучине реки Тем, в том суетливом — если можно употребить здесь это слово — закутке Средней Англии, где вполне уже начинается Уэльс. Это загадочная, манящая и почти независимая часть страны: бывшие пограничные Марки, некогда едва ли не самостоятельное королевство. Разве что правили тут не короли, а лорды, которые деловито возводили укрепления и замки, суды и рыночные города на покатых холмах между горами Уэльса и более пологими склонами речных долин Средней Англии.

По сей день запутанный лабиринт улочек Ладлоу забит фургонами, откуда извлекают причудливые вещи и вещицы, чтобы украсить ими завлекательные витрины десятков мелких магазинчиков. Пусть отдаленный, Ладлоу всегда держал нос по ветру, во всех смыслах этого выражения.

Говорят, об истории Ладлоу написано больше, чем об истории любого другого английского города. У Бертон дрозжи, у Ладлоу — история. Если бы кто смог сделать питательный и вкусный суп из осколков истории, Ладлоу обзавелся бы собственным «Мармайтом». Этот город присутствует во множестве преданий и баллад, например в «Фульк Фицуорин», которую иногда называют источником легенды о Робин Гуде. В Ладлоу много замков и церквей, в одной из которых, Святого Лаврентия, похоронен поэт А. Э. Хаусмен. В сборнике стихов «Парень из Шропшира» Хаусмен часто упоминал Ладлоу. Стихотворение «Когда ходил я в Ладлоу» — типично хаусменовское: ностальгия, мороз по коже, тоска и боль...

Когда ходил я в Ладлоу
Под бледною луной,
Шагали верные друзья
Плечом к плечу со мной.

Тюрьма пригрела Неда,
Дик в мир ушел иной.
Один шагаю в Ладлоу
Под бледною луной.

В Ладлоу пятьсот (!) зданий из списка исторического наследия; в отличие от многих других городов, он уничтожает чудовищ, а не сокровища. Уродливый рынок 1887 года Николаус Певзнер называл «бедой Ладлоу... Ничего ровным счетом нельзя сказать в защиту этого сооружения, его рдяных кирпичей или бессмысленных елизаветинских завитушек». Ладлоу согласился. Рынок снесли в 1986 году, и сегодня на его месте стоят аккуратные маленькие лавочки. Но архитектурой и историей сыт не будешь, а я приехал ради еды, провести сибаритский уикенд, потешить пузо и получить желудочное удовлетворение в городе, который

считается гастрономической столицей Англии. Горластые румяные повара почтового индекса NW1 и огненных кухонь Сохо могут возражать сколько угодно, однако лучшую английскую еду подают в провинции, в тихом уголке сердца Средней Англии.

Все началось в середине 1990-х. До этого времени, как утверждает обозреватель Грэм Мосс, если вы очутились в Ладлоу и захотели настоящей еды, «у вас было два варианта: ехать, скажем, в Челтнем или остановиться тут и готовить самостоятельно. Самый популярным рестораном в городе был неправдоподобно старомодный «Де Грейс» на Брод-стрит, занимавший просторный первый этаж одного из прекрасных тюдоровских зданий Ладлоу... «Де Грейс» словно застрял в 1950-х. Официантки носили черные платья и белые фартуки; блюдом дня обычно были гренки по-валлийски с сардинами на тосте. И еще в «Де Грейс» всегда был полдник. Сходить туда означало временно переместиться в одно из стихотворений Джона Бетжемена».

Естественно, я не преминул заглянуть в «Де Грейс»; уж не знаю, что тому причиной — ледяная гранита с фруктами, «крок-мсье» с ветчиной и сыром или даже белые фартуки и черные платья, — но мне очень понравилось; тут здорово прогонять воскресное похмелье, повторяя фортели Джимми Портера из «Оглянись во гневе» (помните, как он драл бумажки?). Но я согласен с Моссом: пусть «Де Грейс» очарователен, ему придется подождать мишленовской звезды. А сам Ладлоу за минувшее десятилетие превратился в истинную звезду британской гастрономии, равных которой не найти во всей стране.

Шон Хилл начинал с того, что работал поваром в кафе при лондонском зоопарке. Потом он сменил несколько лондонских ресторанов и наконец получил престижное место в удостоенном звезды «Мишлен» ресторане парк-отеля «Гидли» в Девоне. Когда в 1994 году он объявил, что переезжает в сельский Шропшир и собирается открыть но-

вый ресторан, гурманы решили, что он спятил. «Гид АД» даже сравнил его шаг с поступком гонщика, который бросил «Формулу-1» ради должности водителя рейсового автобуса. Но именно открытие ресторанчика Хилла в Ладлоу стало первым этапом на пути превращения города в гастрономическую легенду. Мерчант-хаус представлял собой старинное здание эпохи короля Иакова на северной окраине города, в бывшем квартале дубильщиков. Крошечный, всего восемь столиков, Хилл на кухне, его жена Аня у дверей. Возникало ощущение домашней кухни, а не первоклассного ресторана. Хилл сам мыл посуду! И все же это был первый класс. Вкус, энтузиазм, никакого снобизма и великолепная еда — журналисты пускали слюнки и восторгались наперебой. В первый же год своего существования «Мерчант-хаус» получил свою звезду — и поместил Ладлоу на кулинарную карту Англии.

В последующие несколько лет компанию «Мерчант-хаусу» составили два других ресторана (вместе они образовали «большую тройку» Ладлоу) — «Гибискус», с уклоном во французскую кухню, и «Мистер Андерхилл» Криса и Джуди Брэдли в Динхэм-Уире, единственный ресторан с гостиницей. Как ни удивительно, все эти рестораторы дружили между собой. Один американец, побывавший в городе проездом, был потрясен, увидев Хилла за завтраком в «Гибискусе». Для Ладлоу подобное в порядке вещей. Два ресторана из «большой тройки» закрылись: Хилл ныне обосновался в «Уолнат три» в Абергавенни и в значительной степени причастен к тому, что валлийский город теперь конкурирует с Ладлоу за звание гастрономической столицы Великобритании, а Бози перенес «Гибискус» в Лондон, хотя все еще владеет пабом «Белл инн» в соседнем Лемстере.

Так что я зарезервировал столик у «Мистера Андерхилла», всегда считавшегося лучшим из трех и устроившегося на берегу широкого Тема, под сенью замка одина-

дцатого века. Очевидно, он выглядел как руины из «Башен Фолти», прежде чем за него взялись Брэдли. Зато теперь — картинка. Я сижу, потягиваю джин с тоником на террасе и наблюдаю, как облаченный в черное персонал расхаживает туда и сюда с кир-роялями и шенен-бланами, а дама, видимо, Джуди Брэдли, супруга шефа Криса, неназойливо следит за всем. Клиентов море, причем налицо приятное разнообразие. Тут и изящные сельские леди, и бизнесмены, и парни в накрахмаленных рубашках, встречающиеся с потенциальными родственниками (в смысле, после свадьбы), и гомосексуальная пара, и женская компания, устроившая что-то вроде тихого девичника, и мужчина, явно проверяющий, насколько суров дресс-код в ресторанах Ладлоу — синяя фирменная футболка, потертые джинсы, неопрятная веревка рыжего «конского хвостика». Если Джуди и не одобряет, она слишком вежлива, чтобы сказать об этом вслух.

Полагаю, вас интересует еда. Что ж, еда была... м-м... фантастической. Сначала принесли нечто наподобие крошечного рожка мороженого, но с суфле из маринованного лосося в качестве начинки. Лично я считаю лосося, наряду с устрицами и икрой, наиболее, возможно, переоцениваемой пищей на свете, но этот был восхитителен. Потом я узрел архитектурный триумф. Мелкая белая тарелка; в центре этакая чернильница, а в чернильнице маленькая порция консоме из дичи, которую надлежало есть длиннейшей и тончайшей ложкой из всех, что мне когда-либо попадались. На один глоток. Но какой вкус!

Остальное было не менее здорово и относилось к той кухне, которую Брэдли называют современной шотландской, англо-средиземноморской и современной британской: «С опорой на ингредиенты и ничего слишком радикального». Это означает, что не нужно ничего вдыхать, что тебе не подадут мороженое с яичницей и беконом или закуску на зубной щетке. И при этом вовсе не скучно. Паштет из ути-

ной печени с конфитюром из айвы под глазурью с пятью специями вторгается в странную, почти пугающую нейтральную зону между потрохами и десертом и вряд ли способен увлечь — но как увлекает! Я не заметил ничего шотландского, хотя за «Хайлендское парфе с коржиком» можно было бы и умереть. Как и за жаркое из местного барашка в соусе из красного вина, мятного масла и приправленного горчицей сельдерея. Я до сих пор помню вкус. Однако женщина за соседним столиком просто пробует и отодвигает жаркое, и к ней плывет Джуди, ошутимо обеспокоенная.

— Вам не нравится еда, мадам? — спрашивает она, низко наклоняясь.

— Для меня, пожалуй, недогоотовлено, — говорит клиентка.

Джуди терпеливо объясняет, что в «Мистере Андерхилле» принято подавать мясо барашка чуть розовым, и всему миру стоило бы поучиться.

— Ну, я вообще-то не люблю мясо, — добавляет клиентка и капризно поджимает губы. Здесь бы Джули взреветь раненым медведем (как сделал бы я): «Так на кой черт ты его заказывала, глупая кошелка!? Ладно, сиди, я узнаю, согласится ли повар пожарить тебе картошки». На самом деле она произносит: «Что ж, вам следовало упомянуть об этом. Еда для нас очень важна». В последней фразе проскальзывает разве что намек на иронию. Все остальные, похоже, от еды в восторге. Парень с «конским хвостом» выглядит как пес, сожравший фунт сосисок: он счастлив, сыт по самое не могу и уже задремывает.

Вернувшись к себе в номер через дорогу, я наливаю порцию торфяного виски и принимаюсь размышлять, сам сытый и сонный, о свежеприобретенной одержимости Средней Англии едой. Это вовсе не замечательно. Разве миру требуются «поварские знаменитости» в промышленных количествах? Пусть будут, конечно, только поменьше от Гордона Рамсея и побольше от Найджела Слейтера, ко-

торый выдал такой рецепт сэндвича с беконом: «Белый пластиковый хлеб с томатным кетчупом. Лучше всего есть в подпитии».

В номере имеется холодильник, молчаливое отражение уверенности «Мистера Андерхилла» в том, что, будучи в Ладлоу, вы непременно ошалеете от еды, истечете слюной и сомлеете от запахов и будете бродить по городу со стеклянными глазами, как бродят наркоманы по гамбургскому Репербану или по Патапонгу, злачному району Бангкока, и вернетесь в итоге в номер не с тайскими палками и не с веселыми девчонками, а с козым сыром и маринованными оливками.

В Ладлоу четыре мясных лавки, все — семейный бизнес, и каждая специализируется на чем-то своем из числа искусительно невегетарианских угощений. Дичь и свежая оленина из соседнего Мортимер-Фореста, пироги со свиной и говядиной, кровяная колбаса и ее менее привычный кузен белый пудинг. А те, кто пресытился обычным мясом, могут оставить заказ на мясо животных редких пород (наверное, это не столь безнравственно, как звучит, но почему-то не по себе при мысли, что можно лакомиться яванскими ринобургерами или паштетом из единорога).

Если вы питаетесь одним хлебом (или если мечтаете об особенном хлебе в качестве гарнира к жареному оцелоту), в Ладлоу с десятков пекарен — и ни одной буханки «Маминой гордости» в поле зрения. Нет, в Ладлоу принято, чтобы тесто подходило неторопливо, а сам хлеб пекут с темным пивом и грецким орехом или с добавлением толики «Хобсонз олд Генри». Имеется специализированный магазин сыра, под названием «Мышеловка», гурманский магазин шоколада, под остроумным названием «Шоколадный гурман», и «Маленькая пивная лавочка», где торгуют сидрами, перри и портерами, от которых, впадая в беспамятство, ощущаешь себя не пьяницей, а искателем приключений. Кстати, удачная мысль, надо бы пропустить еще

стаканчик, всего один, прежде чем рухнуть на кровать в сыто-пьяной бесчувственности.

На следующее утро я встаю не то чтобы с первыми лучами солнца, но достаточно рано, чтобы прийти в ресторан за пятнадцать минут до окончания завтрака. Можно многое сказать о путешественнике, думаю, по тому, как он или она относится к завтракам в отеле. Сам я, будучи беспутным светским львом, часто пропускаю эту трапезу на том основании, что пятнадцать минут на подушке или в душе после почти бессонной ночи стоят всех круассанов в мире. Но когда я все же прихожу на завтрак — а в «Мистере Андерхилле» я, понятно, просто не мог его пропустить, — то стараюсь прийти именно за пятнадцать минут до закрытия. Раньше приходить — словно спешить на работу, а позже — значит обижать персонал, который и так вскочил в шесть утра который тут же вас возненавидит и может ткнуть пальцем в желток вашей яичницы.

Здесь-то, конечно, никто из молодых, подтянутых официантов себе такого бы не позволил, я уверен. Манеры и чувство прекрасного помешали бы. В общем, мне принесли шедевр кулинарной изысканности и дизайна — английский завтрак от «Хилла» (как короткое черное платье и схема лондонского метро). Полный английский завтрак неизбежно (в идеале) должен включать следующие блюда (состав не меняется много лет):

— яичницу-глазунью, с короной бледного белка, жесткой по краям и чуть коричневой, а в центре зыбкий золотой шар желтка, дрожащий, словно расплавленная слезинка, и ждущий, когда его проколют;

— один-два-три треугольника поджаристых тостов, хрустящих, но не жестких, и чуточку жирных, чтобы намекнуть на запретные удовольствия;

— порцию грибов, потемневших и сморщившихся в кипящем масле, отчего их шкурка приобрела сходство с морщинистым лицом У. Х. Одена;

— кружок кровяной колбасы, такой же толстый и ма-
нящий, как стопка виниловых пластинок;

— пухлую, самодовольную сосиску, посыпанную зе-
ленью;

— два ломтика бекона, жирного, розового, разложен-
ного по тарелке подобием двух языков во французском по-
целуе после секса;

— наконец (знаю, не все согласятся) ложку печеных
бобов, темно-красных, соленых и липких оттого, что их жа-
рили на сковороде, где до этого готовили бекон и сосиски.

Сомерсет Моэм обронил приснопамятную фразу: «Что-
бы хорошо поест в Англии, нужно завтракать три раза в
день». Эти слова обычно цитируют люди, стремящиеся
опорочить английскую еду. Назовите меня невинным мла-
денцем, но лично я считаю наш завтрак самым, возможно,
великим кулинарным достижением Англии. Завтракайте
трижды в день, и сытость, хоть и однообразная, вам обес-
печена. Куда более проницательному литературному ана-
лизу подверг английский завтрак Джулиан Барнс в своем
романе «История мира в 10 ¹/₂ главах». Последняя гла-
ва — остроумное и язвительное размышление о загробной
жизни, в частности, о небесах. Только что прибывший туда
узнает, к своему восторгу, что Небеса — своего рода база
отдыха, где можно пожелать чего угодно, и выбор ничем не
ограничен, будь то сексуальные партнеры, предметы об-
становки или еда. Чувствуя себя немного неловко, но по-
детски счастливый, новоприбывший выбирает ежедневное
меню: полный английский завтрак на каждый прием пищи.
Представительница небес воспринимает это как должное.
«Знаете, я бы и еще разок съел то же самое», — говорит
новичок. «Ничего удивительного, — отвечает небесная
опекунша. — Я так и думала, что вы это скажете».

Против полного английского завтрака попросту нельзя
устоять, проснулся ли ты с ясной головой, в предвкушении
нового трудового дня, или едва продрал глаза с похмелья и

мало что соображаешь. Скажем так — вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то изрекал поутру: «Я готов проглотить континентальный завтрак»? Сам запах английского завтрака, шкворчащего на заливной солнцем кухне свежим утром, соблазнил множество вегетарианцев.

Сытно позавтракав, я готовлюсь оставить «Мистера Андерхилла». Хотя каждый шов на теле и на костюме скрипит от натуги, Джуди Брэдли предлагает мне вместе со счетом два кружка домашнего печенья: «Вдруг заблудитесь... Ведь в Уэльс едете».

Джуди знает, что я еду в Уэльс, поскольку я справился у нее, как лучше добраться до моего следующего места назначения. Наверняка она слышала о нем. Если человек называет свой ресторан-отель «Мистер Андерхилл» (под этим псевдонимом Бильбо Бэггинс отправился на поиски приключений в «Хоббите»), мне кажется, в вас должно быть что-то от хиппи, от проггеров, которым знакомо название холма, манившего меня, и знающем о концептуальном альбоме 1970-х, названном в его честь. Плюс что-то от тех людей, которые ценят пасторальный лиризм, народные мелодии, английскую романтическую музыку, нежную психоделику и идиллию сельского уединения и вдохновения, нашедшие отклик в английских музыкантах любого направления, от Элгара до Ника Дрейка, от Воэна Уильямса до «Пинк фloyd».

Еда — пища любви в Ладлоу. А музыка была пищей любви для жителей Средней Англии еще со времен юного уорикширского браконьера по имени Уильям Шекспир, который впервые использовал эту звонкую фразу в «Двенадцатой ночи». Так что пакуем гитары и виолончели, рукописи и туалетную бумагу и рвем «проникаться сельским духом».

Глава 5

Земля без музыки

У каждой нации имеются особенности, позволяющие чужакам посмеиваться над ней и даже оскорблять. Применительно к французам и китайцам это еда: еще бы, у кого другого в меню найдешь блюда, ингредиенты которых словно собирали на дне мусорных ям, или те части животных, которыми брезгуют и сами животные? Для американцев это нелепо усложненные спортивные правила, а для немцев — традиционная склонность к абсолютно необоснованным нападениям.

Что касается нас, это язык. Единственная стоящая причина произносить «Worcester» как «Вустер» состоит в том, что официанты в баре могут похихикать над американским туристом, когда тот просит соус к томатному соку. Мы настолько замкнуты в своем островном мирке, что даже изобрели лингвистические ловушки и силки для менее выдающихся членов собственного племени. Все эти Featherstonehaugh (Фэншоу), Belvoir (Бивер) и Cholmondley (Чамли) выступают своего рода паролями в прореженных социальных кругах. Если произносите правильно, значит, вы из своих. Это все равно что сказать: «Я — приятель Большого Дэйва» в некоторых питейных заведениях Бермонд-

си после закрытия: засов отодвигается, щеколда откидывается, и вас пускают.

Первое слово в сочетании Hergest Ridge произносится как «Харгест», с подчеркнуто раскатистым «р». Вы узнаете это сразу, когда начнете спрашивать дорогу. Женщина в газетном киоске поморщится, разносчик газет скорчит гримасу, а вы сами станете растерянно перебирать в кармане печенюшки, подаренные милой дамой из Ладлоу. Как она и предсказывала, вы заблудились в чужой стране.

Ну, почти чужой. Харгест-Ридж — это большой, четких очертаний и вполне дружелюбный холм, распростершийся на англо-валлийской границе. Кое-какие тропы, ведущие вверх, начинаются в Уэльсе, но какой бы дорогой вы ни шли, если подняться достаточно высоко, то неизбежно очутишься в Англии, поскольку вершина находится именно там. С вершины — этакое широкое зеленое пятно, самой природой предназначенного, чтобы запускать воздушных змеев, гулять или лежать на спине, посасывая травинку и прислушиваясь к жужжанию легких самолетиков в воздухе летним днем — открывается потрясающий вид. На восток и юг раскинулся Уэльс, земля песен, чарующих арф, долин, где звенит эхо звонких голосов чумазных шахтеров, распевających о любви, Боге и единстве и тепло принимающих гостей. А к западу и северу лежит Англия. И там царит тишина.

Во всяком случае, так полагают наши заклятые друзья немцы. В 1904 году Оскар Адольф Герман Шмитц опубликовал книгу об Англии под названием «Das Land ohne Musik», то есть «Земля без музыки». Согласен, годы, предшествовавшие Первой мировой войне, были не самыми приятными для англо-немецких отношений, и книгу Шмитц написал, чтобы потешить шовинистические воззрения соотечественников, однако основной посыл книги — что Англия интересуется музыкой меньше и сочиняет музыки меньше, чем прочие европейские страны — специалисты и

публика разделяли на протяжении многих столетий. Саму фразу «Земля без музыки» использовал на полвека раньше другой немец, музыкальный теоретик Карл Энгель, а Шмитц в своей книге лишь повторно диагностировал у нашей нации отсутствие музыкального слуха.

«Я спрашивал себя, чего же недостает этой стране. Доброты, любви к людям, юмора или чувства прекрасного? Нет, все это можно найти в Англии, и некоторые черты более характерны для англичан, нежели для нас самих. Но наконец я нашел то, что отличает англичан от всех других до поистине удивительной степени; то, отсутствие чего общепризнанно и потому не ново, но ему почему-то не уделяется достаточного внимания. Англичане — единственная культура, лишенная собственной музыки (не считая уличной). Это не значит, что у них менее острый слух, однако их жизнь безусловно беднее нашей. Ведь погружаться в музыку, даже немного, означает возможность утратить себя». Ральф Уолдо Эмерсон также обронил в своих «Чертах английской жизни» (1856): «В Англии нет музыки. Эта страна не обладает собственными великими композиторами и потому лишь принимает ту музыку, которую сочли достойной Германия и Италия».

Поэт Генрих Гейне — снова немец! — даже позволил себе посмеяться над нашими танцевальными движениями: «Сыны Альбиона самые жуткие танцоры на свете, Штраус уверял меня, что среди них не найти хотя бы одного, кто сумел бы выдержать темп. Сам он едва не лишился чувств в графстве Миддлсекс, когда увидел английский танец. У этих людей совершенно нет слуха, они попросту не слышат музыку и неспособны двигаться с нею в лад, а их противоестественное пристрастие к игре на фортепьяно и пению еще более отвратительно».

Пожалуй, сказано чересчур сильно, если вспомнить «Битлз», «Роллинг стоунз», Воэна Уильямса, Элгара, Бакса, Ника Дрейка, «Клэш», Кейт Буш, Харрисона Бертуист-

ла, Делиуса, «Смитс», Пэдди Макалуна, «Хьюман лиг» и тысячу других рок-н-ролльщиков, джазменов, рэпперов, композиторов, хоровых коллективов и исполнителей народных песен.

Однако (пусть это вызывает раздражение, но к чему опровергать очевидное?) приблизительно до рубежа двадцатого столетия подобные утверждения содержали изрядную долю истины. Пока Бах, Моцарт, Бетховен, Верди, Вагнер и другие массово творили шедевры в Вене, Лейпциге, Зальцбурге, Байрейте и Риме, мы сидели тихо, как церковные мыши, когда не ковали, не варили сталь и не делали что-либо еще, добиваясь промышленного превосходства. Нам фактически нечем было хвалиться, когда речь заходила об операх или струнных квартетах. Зато мы обладали, правда, невероятно богатой традицией народной музыки: застольные и работные песни, песни крестьян, мельниц и фабрик, баллады о героических смертях и непристойные песенки, песни о полководцах, мошенниках, тугих кошельках, детях, задорных потаскушках и злых лордах — словом, это была панорама жизни, которую вел в Англии простой люд, а не боги в Валгалле.

Как часто бывало, поскольку этот канон охватывал жизни обычных рабочих людей, а не привилегированного класса, им пренебрегали. Гостиные в домах представителей среднего класса наполнились звуками чопорных гавотов и мазурок, написанных в Париже и Праге, а за окном садовник насвистывал «Барбару Аллен», «Богача и Лазаря» или «Красавицу Джоан», прекрасные старинные мелодии, несколько тактов которых, по-моему, вполне стоят всей утомительной грандиозности «Кольца», ja.

Затем, в начале двадцатого столетия, горстка интеллектуалов внезапно осознала ценность нашей местной музыки. Первым обрел просветление Сесил Шарп, сочинитель музыки для оперетт, который случайно увидел танец моррис в Оксфордшире и влюбился в английскую традицион-

ную музыку. Шарп отличался чрезмерной стыдливостью — он выхолостил многие песни, удаляя эротические намеки — и категоричностью в отношении того, что считать народной музыкой: он заявил, что ланкаширская музыка не является народной, потому что ее сочиняли на фабриках и заводах и она недостаточно «сельская». Но именно благодаря ему мы вдруг заметили и услышали нашу собственную музыку. Вдохновленный Шарпом, молодой композитор Воэн Уильямс отправился в путешествие по Средней Англии, собирая и записывая народные мелодии, которые находил в пабах и на полях и на деревенских праздниках. Другие люди, мыслившие схожим образом, потянулись за ним, и вскоре началось своего рода английское музыкальное возрождение, которое возглавили Воэн Уильямс, Бакс, Айрленд, Моран, Баттлуорт и прочие, дерзко обратившиеся в творчестве к давним традициям английской музыки. Позднее из-за этого их перестали понимать и даже дразнили. На Воэна Уильямса, в частности, величайшего английского композитора, на мой взгляд, несправедливо смотрели свысока много лет. Его сочинения Элизабет Лютенс, «синий чулок», представительница «серийной» музыкальной школы, что доминировала в 1950-х, назвала «коровьей музыкой», а Констант Ламберт, сам едва ли заслуживающий называться композитором, презрительно заметил по поводу замечательной «Пасторальной симфонии» Уильямса, что это музыкальный аналог перемещения коровы по скотному двору. Не так давно необыкновенно прекрасного, ослепительного «Воспаряющего жаворонка» Уильямса признали любимым классическим произведением нации — в одном из тех опросов, что проводятся каждый день в современной Великобритании. Музыкальный критик газеты «Скотсмен» Кен Уолтон — не путайте с комментатором борцовских соревнований Кентом Уолтоном, этой затычкой в каждой бочке — процедил сквозь зубы, что «выбор

достойный... справедливости ради стоит отметить, что он любим Средней Англией».

Снобизм так и прет, и не только в отношении музыки, но и в отношении Средней Англии. Сухая, легко забывающаяся музыка Лютенс была в духе Второй венской школы (Шенберг, Веберн и Берг). Если Воэн Уильямс — «корова музыка», то ее творения можно сравнить со скрипом ворот загона. Между тем в ее замечании проскальзывает, что музыка, коренящаяся в зеленой, богатой и страстной душе Англии, не заслуживает пристального внимания, это просто симпатичные мелодии для развлечения. Она ошибалась. А Воэн Уильямс был прав. И до некоторой степени в своих утверждениях, что народные песни, мелодии, которые насвистывают и под которые танцуют, любят и плачут, столь же достойны уважения, как и великие оперы, Воэн Уильямс и Сесил Шарп оказались прародителями английского попа и всей его нынешней популярности. Это, в полном соответствии с названием книги музыкального теоретика Иэна Макдональда, и вправду «Народная музыка».

Отчасти именно поэтому я нахожусь здесь, на Харгест-Ридж, в этот чудесный ветреный денек. Возможно, имя холма знакомо вам по потрепанным конвертам виниловых пластинок, которые пахнут маслом пачули и, быть может, испещрены теми характерными коричневыми пятнами, что напоминают, как в молодости мы крутили ароматные «косячки», слушая эти диски. Ведь сельская Средняя Англия не просто оселок и источник вдохновения для классических музыкантов. Перебравшись из свингующего Лондона в отдаленный беркширский коттедж в 1967 году, рок-группа «Траффик» первой сформулировала тезис, ставший впоследствии клише: «проникнуться сельским духом».

Фронтмен Стив Уинвуд сказал в интервью журналу «Кью»: «Мы репетировали в лондонском доме, и всякий раз, когда мы начинали играть, соседи принимались сту-

чать в стенки. Так что пришлось искать место, где мы могли бы играть, когда и сколько захотим. Мы нашли этот коттедж в беркширских холмах. Большое поместье со сторожкой, ее-то мы и арендовали... Там очень красиво, и мы построили глиняную сцену, чтобы играть под открытым небом. Народу никого, дорог никаких, один проселок, и машину на нем можно встретить от силы недели три в году. Остальное время там сплошное болото».

«Думаю, мы соблазнили наших современников, — прибавил покойный ударник «Траффик» Джим Капальди. — К нам приезжали все подряд — Бонзо, Леон Рассел, Стивен Стилс, Джинджер Бейкер, Пит Тауншенд, Эрик Клэптон, — заглядывали “на пару часов”, а задерживались на несколько дней. Знаете, оглядываясь назад, я считаю, они здорово утомились тусоваться в городах, по гостиничным номерам, и шлаться по ночным клубам, так что выезд на природу был приятным разнообразием. Можно назвать наш дом коммуной хиппи, но в то время это был голый расчет, пусть и вдохновляющий. Когда я слушаю записи «Траффик» и вспоминаю те годы, то думаю не о фестивалях, не о клубах или рок-н-ролле, — я думаю о тропах в беркширских холмах и о криках ворон в лесу. Это был очень полезный опыт».

Недалеко от того места, где «Траффик» проникались сельским духом в сторожке, в Тайлхерсте, пригороде Редингта, молодой человек по имени Майк Олдфилд делал первые неуверенные шаги в музыке, выступал вдвоем с сестрой в местных клубах «на подхвате» у английского эксцентрика Кевина Эйерса. Детство Олдфилда было отнюдь не безоблачным, его омрачали борьба матери с алкоголизмом и прогрессирующим душевным расстройством. Майк искал спасения в музыке, в сельской местности и в особенности в сочинении длинного, сугубо инструментального произведения, сочетавшего в себе фолк, классику и прогрессив-рок. Он разослал запись по адресам студий, одна-

ко никто не проявил ни малейшего интереса, и тогда Майк стал добывать адрес советского посольства, прослышав, что в СССР государство поддерживает музыкантов. И тут зазвонил телефон. На проводе был некто Ричард Брэнсон.

Удивительно, даже невероятно — только представьте, что без этого робкого паренька из Рединга и его никому не нужного *opus magnum* не было бы ни поездов «Верджин», ни авиалиний того же имени, ни грантов «Верджин», ни самой компании. Если бы не сорок с лишним минут категорически некоммерческой музыки Майка Олдфилда, вы не могли бы воспользоваться мобильным телефоном «Верджин», чтобы сообщить, что ваш поезд «Верджин» опаздывает из-за обрыва проводов в Лейтон-Баззарде, и не было бы колы «Верджин», чтобы разбавить водку «Верджин» и затушить пожар в душе. «Грубчатые колокольчики» Майка Олдфилда, музыка, которую все прочие отвергали, стала первым релизом новоявленной студии «Верджин рекордз»; студия высылала пластинки почтой и была основана бородатым молодым предпринимателем, выпускником частной школы Ричардом Брэнсоном. Оказалось, что многие в восторге от этой музыки, очарованы навязчивой, жалобной и сложной мелодикой и раскупают пластинку сотнями. Брэнсон и Олдфилд, обоим едва за двадцать, обрели мировую известность и стали мультимиллионерами. Один из них не слишком хорошо с этим справился.

Никогда не принадлежавший к эмоционально здоровым людям, Олдфилд обнаружил, что мгновенный успех «Грубчатых колокольчиков» (альбом оставался в чартах на протяжении пяти лет и разошелся тиражом 17 миллионов экземпляров по всему миру) сулит новые стрессы. «Случись это десятью годами позднее, когда я прошел терапию и психологический тренинг, вероятно, я бы стал тем человеком, каким меня хотел видеть Ричард: “Ладно-ладно, я готов рекламировать свой альбом повсюду, трепаться со всеми, кого ты приведешь, и давать концерты где угодно”. Но

вместо этого я засел в Харгест-Ридже среди овец, напуганный жизнью, совершенно к ней не приспособленный. Настоящая пытка, уж поверьте».

Короче говоря, Олдфилд сбежал. Сбежал сюда, в этот чудный уголок Херефордшира, к восхитительным взгорьям Харгест-Риджа. Он выкупил поместье Бикон, ныне это «бед энд брекфаст», и занялся оборудованием студии, чтобы не возвращаться в «Мэнор студииос» Брэнсона в тенистом Оксфордшире, и который тоже вряд ли можно назвать городскими джунглями. Он отключил телефон. Он летал на планере и купил себе овчарку по кличке Бутлег; планер и собака, вместе с контуром холма, присутствуют на обложке альбома «Харгест-Ридж». Он завел друзей среди местных — Уильям Мюррей, Лес Пеннинг — и напиивался с ними в местных пабах. Недавно я разговаривал с Кевином Эйерсом, развратным и лохматым любимцем дам и поэтом-песенником, у которого Олдфилд играл на басу, и сказал ему, что побывал в Харгест-Ридж. «Ах да, я навещал там Майка. Мы...» — дальше он упомянул то ли «пропускали по лагеру», то ли «летали на планере». Возможно, и то и другое. Беседовали мы, понимаете ли, после бурной ночи.

Олдфилд брал уроки пилотирования у Мартина Гриффитса из соседнего поместья «Пенрос-Корт», и дети Гриффитса подпевали на следующем альбоме, «Верхом»; само по себе это очень мило и позволяет лучше понять буколическое блаженство Олдфилда. «Я люблю пиво и сыр, — признается он, подобно хоббиту, и продолжает: — Если вам грустно, приезжайте в Харгест-Ридж». Между прочим, он говорит «Хергест», из чего следует, Майк не успел окончательно «прижиться». В интервью «Санди таймс» в 2008 году Олдфилд не стал скрывать, что он — во многом продукт Великобритании 1950-х. Его любовь к Средней Англии и ее обычаям порой доходит до того, что он прини-

мается рассуждать как читатель «Дейли мейл»: «Не знаю, что, черт возьми, не так с нашей страной. Мы живем в культуре хулиганов, и вину за это, уж простите, я возлагаю на панк-рок. Знаю, модно считать его шагом вперед, однако он побуждает уже второе поколение молодежи верить, будто грубость, агрессия и насилие — это круто, но на самом деле это вовсе не круто. Мне все больше не по себе в Британии. В стране не осталось городов — так что не стану называть поименно, — где пабы не были бы сетевыми, с громкой музыкой и отсутствием стульев; они явно предназначены для того, чтобы люди напивались и дрались. Это не та страна, в которой я вырос. Британия, которую я люблю, исчезает».

Он явно давненько не бывал в валлийской Марке. Здесь возникает ощущение, что время если и не совсем остановилось, то течет очень медленно, как река Эрроу в разгар лета. Стоунтон-он-Эрроу поистине прекрасен, а пограничные территории в его окрестностях усеяны бывшими монастырями, старинными домиками приходских священников и частными школами. Около деревеньки Лактон я вижу объявление от руки, приглашающее — вы подумайте — на гонку на куррахах. Пембридж — самый «открыточный» деревянно-кирпичный городок, какой я когда-либо видел. «“Бутомикс” вернулись!» — гласит афиша перед входом в местный паб.

В Кингтоне праздник; не в мою честь, я уверен. Возможно, тут всегда праздник. Так или иначе, городок выглядит очень симпатично, хотя мои друзья из соседнего Леоминстера утверждают, что Кингтон — «грубый». Наверное, соседская зависть. Леоминстер, между прочим, — еще одна лингвистическая ловушка для чужака. Правильно это слово произносится как «Лемстер». Но Кингтон — просто Кингтон, и воскресным утром, когда я там оказался, горожане готовились к фестивалю в средневековом духе: целая толпа облаченных в кольчуги и плащи крестоносцев

парней анахронично скалилась из витрин местного филиала «Спар». На скамейке рядом с полицейским участком — похоже, закрытым — молодая девушка в наряде от «Праймарк» апатично набивала эсэмэску на розовой «нокии», и личико ее выражало элегантную скуку. Я не стал спрашивать, слышала ли она о Майке Олдфилде. Подумал, что знаю ответ заранее. В крошечной деревне у подножия холмов добродушный и разговорчивый мужчина лет пятидесяти с маленьким мальчиком на буксире — внук или сын от второго брака, видимо — забрал экземпляр «Санди таймс» из большого пластмассового ящика. Такие называют «ящиками доверия», вряд ли кто-либо когда-нибудь их взламывал. Этот мужчина слышал об Олдфилде («“Трубчатые колокольчики”, да? Нравится студентам, верно?»), но не знал, что крутой склон у него за спиной вдохновил Майку на продолжение «Колокольчиков».

Улыбчивая женщина с рюкзаком и картой обошла меня, когда я карабкался на седловину холма. Если не считать снаряжения, выглядела она так, словно собиралась на обед в «Айви». Повсюду папоротник и мох, пышная трава, белки, кролики и овцы, а пейзажи попросту изумительные. Вдалеке виднеется любимый холм местных, Твимпа, или, как его чаще называют, Кнопка лорда Херефорда. Разумеется, второе название популярнее, ведь так весело говорить, что видел Кнопку лорда Херефорда, что заметил людей, которые лазали по Кнопке лорда Херефорда и т. д.

Только одно портит вид — огромный внедорожник 4 × 4, припаркованный прямо на вершине. Любовь Средней Англии к этим жутким агрегатам — наше проклятие. Вообще водить такую машину — признак убожества, а уж того, кто загнал ее на вершину холма в заповеднике для любителей прогулок и певчих птиц, надо сажать в кандалы. Дверь открыта, водитель сидит откинувшись, с закрытыми глазами. Наверняка спит, но я с наслаждением представил, что вижу труп.

Возвращаясь в деревню мимо миленького илистого прудика, где порхали стрекозы, я миновал парня в белом крикетном костюме, и он в знак приветствия приподнял биту. Пожалуй, все слишком идеально. Однако, проезжая мимо двуязычного знака около Берлингджобба, я замечаю, что английский текст нагло закрашен, оставлен лишь валлийский; значит, за фасадом мира и покоя что-то все же происходит.

Альбом «Харгест-Ридж», кстати, оказался весьма успешным и, что забавно, вытеснил с первых мест в чартах «Трубчатые колокольчики». Критики, правда, отнеслись к альбому сурово, большинство увидело в нем отпрыска «Колокольчиков». А мне альбом нравится. В нем слышны и звуки холмов, и шелест ветра в траве, и «эхо древнего, глубокого покоя», как прокомментировал сам Олдфилд в интервью «Мелоди мейкер» по поводу выхода альбома. «Никаких поездов метро, совсем мало хлопанья автомобильных дверей, зато много открытой сельской местности, покатых холмов, ощущения налаженности жизни и благополучия, отсутствие истерии, — словом, намного более приятная окружающая среда... Это и вправду как Херефордшир... Многие скрыто от нас, многое кажется незначительным, но на самом деле оно значимо, в музыкальном смысле. И сама текстура бытия сулит покой».

Ощущение комфорта и безопасности часто принимают за самодовольство. Критики «Харгест-Риджа» восприняли альбом — и поняли его — ничуть не лучше тех, кто глумился над «Пасторальной симфонией» Воэна Уильямса, полагая, будто симфония вызывала в воображении картины распаханых полей и стогов сена в Центральных графствах. Ничего подобного. Вообще-то Воэн Уильямс вдохновлялся сельскими ландшафтами Франции, которые видел собственными глазами в ходе катастрофического, кровавого конфликта 1914—1918 годов.

Первая мировая война преследовала английскую музыку и английскую культуру долгие годы на протяжении двадцатого столетия. Эта национальная рана, возможно, породила те невыразимую и неопределимую печаль и чувство утраты, скрывающиеся под миловидной оболочкой музыки и поэзии Средней Англии. Пусть банально говорить об утраченной довоенной идиллии и тому подобном, но это правда. Потерянное поколение — к нему принадлежали такие поэты, как Уилфред Оуэн, и такие композиторы, как Джордж Баттеруорт. Для тех, кто видел залитые кровью берега Ипра и Соммы, тихая, неброская красота Централь-ных графств навсегда приобрела оттенок глубокой меланхолии, какой обычно привносит в наши чувства исход позднего летнего вечера, напоенный сладостным ароматом смертности. И возник лейтмотив, мем, если угодно, английского искусства. И прежде, чем расстанемся с поп-музыкой, следует сказать, что и поп не остался неуязвимым к этой среднеанглийской меланхолии, воплощенной в двух потерянных талантах, истории которых повторяют истории Баттеруорта, Оуэна и остальных. Эти два молодых человека не воевали. Однако можно смело заявить, что они пропали без вести.

Чтобы добраться до могилы, нужно обойти церковь по извилистой тропинке и углубиться в лесок за строением. Там открывается взору чисто английская перспектива: смешанный лес, богатые пастбища Уорикшира тянутся к горизонту, где видны крыши сельских домов... Справа от тропинки высится мощный дуб, а под ним находится семейный склеп семейства Дрейк, проживавшего в соседнем поместье Фар-Лиз. Сейчас конец весны, субботний вечер, и лучи солнца проникают сквозь листву и подсвечивают витражи церкви Святой Марии Магдалины. Вечер солнечный, однако довольно прохладный. Я один, никого больше нет. Красиво, грустно — очень по-английски.

— Надпись на склепе сообщает, что тут покоятся Родни и Молли Дрейк и их сын Ник. Куда более информативен знак, прикрепленный к дубу: «Поклонников просят проявлять уважение, допускается оставлять только маленькие предметы или цветы». В целом, люди слушаются. Никаких ужасных каменных кернов, наподобие того, что высится над могилой Джима Моррисона на Пер-Лашез в Париже, лишь несколько рулонов бумаги «Ризла» и парочка плектров. И не заподозришь, что Тэнворт-ин-Арден — место паломничества.

Ник Дрейк был полной противоположностью тому типу поп-звезд, который олицетворял собой Джим Моррисон. Последний, фронтмен «Дорз», расхаживал в смехотворных кожаных штанах, имел привычку расстегивать ширинку на сцене и имел обыкновение «вмазываться» дозой героина или коктейлем из наркотиков. Он пел, что хочет переспать с собственной матерью, прославлял революционное насилие и прочую дребедень 1960-х в калифорнийском духе, а также защищал психоделики, что принесло ему известность и богатство.

Ник Дрейк, с другой стороны, был тихим книжным мальчиком, играл на акустической гитаре, пел жалобные, негромкие, лирические песни о плодовых деревьях, реках, одиночестве и жизни, растраченной впустую. Он учился в Кембридже, но выбрал весьма спорную карьеру музыканта. Он продал немного записей, определенно гораздо меньше, чем позволял его талант, и это обстоятельство усугубило одолевавшее его ощущение угнетенности и оторванности от мира. Дрейк умер в двадцать шесть лет, Моррисон — в двадцать семь, и оба перебрали наркотиков. Разве что Моррисон кашлял кровью после дозы героина в парижской ванной, а Дрейк свел счеты с жизнью в родительском доме в сонной уорикширской деревне, возможно, после случайной передозировки антидепрессанта триптизола.

Дрейк умер зимой 1974 года. В ту пору его музыка была известна в лучшем случае кружку энтузиастов и по большей части игнорировалась. Беда Дрейка, помимо прочего, в том, что он сочинял созерцательные баллады в то время, когда рок-музыка достигла пика громкости, «мясисости» и степени влияния. Впрочем, за последние годы о Дрейке вспоминали так часто, что Брэд Питт, Дженнифер Энистон и покойный Хит Леджер выстраивались в очередь, дабы его восхвалить. Документальные фильмы, фото на первых полосах — горькая ирония, ведь одна из самых грустных песен Дрейка «Плодовое дерево», о невозможности признания при жизни, завершается такими словами: «Мирно спите во чреве земли, / Теперь вы славу свою обрели».

Фил, муж старосты церкви Святой Марии Магдалины, стоит в залитом солнечным светом дверном проеме паба «Белл инн», потягивает эль и любуется закатом. Ему есть от чего быть довольным. Тэнворт выглядит восхитительным местечком для проживания, но и его не обошли стороной перемены, затронувшие многие деревни Средней Англии. Некогда это было замкнутое сообщество — с собственной продуктовой лавкой, собственной кузницей, горсткой окрестных ферм, быть может, даже с собственным покровителем-сквайром. Люди работали в поле, в кузнице, на мельнице или в мастерских. А сегодня они работают в Бирмингеме, и Тэнворт, пусть и более зажиточный, чем прежде, превратился в спальную деревню, мечту горожанина, всего в полчаса от центра Брума на машине или на «идеальном автомобиле», как гласит девиз «БМВ».

Сельские жители старшего возраста, фермеры и прочие, напиваются где угодно. Правда, не в баре мотеля «Кроссродз». Много лет Тэнворт играл роль деревушки Кингз-Оук в растянувшейся на многие годы, набившей изрядную оскомину и многократно осмеянной одноименной «мыльной опере», и странно думать, что пока Ноэл Гордон и компания забавляли съемочную группу на лужайке, Ник Дрейк,

возможно, запирался в своей комнате, в двух шагах от места съемок, и сочинял красивые и величественные баллады, которые никто не слушал при его жизни. На местном кладбище, между прочим, лежит и другой знаменитый сын Средней Англии, девятикратный чемпион мотогонок Майк Хейлвуд, который темным зимним вечером столкнулся на машине в лоб с грузовиком, когда повез дочку в кафе за картофельными чипсами. Фил сообщил мне это, продолжая смаковать эль на пороге паба.

В дверном проеме висит табличка, извещающая, что этот паб входит в число пятидесяти лучших пабов Англии, а рядом фотография Ника Дрейка. Типичный портретный снимок: симпатичный молодой человек с копной волос в стиле 1970-х, на губах загадочная, кривоватая, немного грустная полуулыбка. Внутри царит суэта, у стойки полно загорелых и очевидно денежных новых местных жителей в элегантной повседневной одежде от «Боден» и «Некст». Это Средняя Англия? — спрашиваю я одного. «Ага, точно, лучшее место на земле. Страна Господа Бога», — отвечает он, глотком опорожняая наполовину пинту недешевого континентального лагера. Его лосьон после бритья отдает древесными нотками, на нем рубашка «Хьюго Босс», на стойке перед ним лежат ключи от роскошного немецкого автомобиля.

Не все с ним согласны. Некоторые местные жители полагают, что «облагораживание» деревни зашло слишком далеко. «Дорогие еда и пиво, очевидно, вдохновляют богатых, живущим за электронными оградами», — гласит комментарий на местном интернет-форуме, а другой уточняет: «Такое чувство, что коренным жителям будут рады, только если они напялят модную и клевую одежду и смешаются с современным окружением. Интересно, что бы спел, доживи он до наших дней, о новых местных Ник Дрейк?»

Не знаю, ходил ли Ник Дрейк по пабам. Как-то не представляю его за пинтой «Гролша», наблюдающим по телевизору матч «Челси» или перешучивающимся с девушкой

за барной стойкой, а затем идущим к игровому автомату. Церковь через дорогу, мне кажется, подходила ему больше. Фил завтра везет церковный хор на выступление в Королевский Альберт-Холл. Сегодня он знакомит меня с церковью. Медная табличка в память о Нике, оплаченная Родни и Молли, книга посетителей изобилует записями гостей со всего земного шара — Альбукерке и Афины, Милан и Москва. В записях люди скорбят об утрате и цитирую стихи Ника. Раз в году органное исполнение его музыки превращается в скромный, очень среднеанглийский фестиваль. Гости прибывают отовсюду, на «БМВ» и в трейлерах, ставят палатки на полях местных фермеров. Как правило, в «Белл инн» никто не останавливается. Когда Родни и Молли еще были живы, они впускали посетителей, переписывали для них домашних записи Ника, позволяли фотографировать его комнату. Новые владельцы, понятно, не слишком рады «оголтелым», разбивающим лагерь у порога и колотящим в двери.

«Бывает, приезжают пожилые, которые готовы купить записи Ника, но главным образом, конечно, молодежь. Они, — Фил медлит, подбирая слова, — часто бестолковые... ну, неуверенные в себе, что ли. Прямо как Ник, правда».

Этим субботним вечером молодая девушка, вполне соответствующая такому описанию, садится на скамейку при входе в церковь, под доской с приходскими объявлениями. Она бледная и худенькая, курит украдкой и читает потрепанную книгу в мягкой обложке. Когда она видит меня, то улыбается и даже робко машет рукой, но удирает прежде, чем я успеваю с нею заговорить. Наверное, местная, сбежавшая из дома, чтобы перекурить, а вовсе не поклонница, прикатившая издалека. Но даже и в этом случае чем не подходящий образ: робкая девушка на тенистом английском кладбище, где спит вечным сном одна из потерянных молодых душ Средней Англии.

Сид Барретт спал крепко, можно сказать, мертвым сном, целых три десятка лет до фактической кончины. Как и Дрейк, он был хорошо воспитанным сыном Средней Англии. Как и Дрейк, провел юные годы в Кембридже и, подобно Дрейку, был натурой деликатной, привлекательным молодым человеком, чей талант не раскрылся полностью из-за душевного расстройства. В случае Барретта, бывшего фронтмена и «начального гения» «Пинк фloyd», талант погиб вследствие опустошительного катаклизма, вызванного увлечением галлюциногенами в конце 1960-х годов. Музыка Барретта, как сольные проекты, так и в составе «Пинк фloyd», изобилует образами детства и невинности, а на заднем плане маячат угрозы — чучела, гномы, норовистые велосипеды.

Для меня Ник Дрейк и «Пинк фloyd» — такой же звук Англии, точнее, Средней Англии, как и «Зеленые рукава» и «Вариации “Энигма”» Элгара. Хотя они в целом подпадают под определение рок-музыки — с большой натяжкой в случае Дрейка, — их музыка и даже внешность отстоят на сотни метафорических и реальных миль от «Клэш», «Оазис» и даже «Роллинг стоунз». Мик и Кит — приличные мальчишки из пригородов Кента, а вовсе не романтические поэты (плантации — пираты — шлюхи — сутенеры — королевы наркоты), которыми хотели выглядеть в глазах публики, и ничто в их музыке не выражает душу Средней Англии лучше Дрейка или «Флойда», с Барреттом или без него.

Ник Дрейк берет звуком. Перебираемые пальцами струны акустической гитары, легкий намек на менестрельство, изящные пасторальные аранжировки, сделанные его кембриджским приятелем Робертом Кирби. Никаких синтезаторов, иссушающего соло электрогитар, только плач гобоев и виолончелей, сладость челесты и камерность струнных... И сам голос Дрейка — низкий, элегантный, задумчивый — напоминает больше Китса, чем Кийта Ричардса, и куда

больше подходит для грустной мечтательности, чем для похвальбы сексуальными подвигами.

«Пинк фloyd», особенно после ухода Барретта, превратились в рок-левиафана, обрели колоссальную известность, успешность и популярность. Но в основе их творчества лежит та же меланхолия. В своем *opus magnum* «Обратная сторона Луны» они поют о «планах, обратившихся в ничто или оставшихся закорючками на бумаге», о «тихом отчаянии, как заведено у англичан». Упоминания о «ничто» редко встретишь в лирике «Ганз энд роузис» или «Бон Джови». И даже при том что их музыка — очевидный рок, она то и дело обращается к потусторонности, типично средне-английской потусторонности: звон колоколов, тиканье часов, негромкая беседа. Это жуткий мир, напоминающий фантазии Лира и Беллока, и сотворение его восходит к началу работы Барретта с группой.

«Его старый велик ушел за пятнадцать штук, представляете? Этот драндулет, на котором он мотался в Бадженс!» Маркус Барраклаф смутно помнит юного Барретта (еще не Сиды, а Роджера, по метрике), которого отец Маркуса подтаскивал в математике. Маркус подвозит меня к станции после несколько дней в Кембридже, на фолк-фестивале. Пока мы едем по Черри Хинтон-роуд, он рассказывает, что Барретта привыкли видеть в городе — Сид гонял за покупками или просто катался, и местные почти не обращали на него внимания, разве что порой бросались в погоню журналисты и поклонники. На снимках тех лет Барретт — лысый и тучный мужчина зрелого возраста в неряшливой футболке и шортах. Всякий раз, когда публиковалась новая фотография, сделанная без его согласия или одобрения очередным вуайеристом, начинались разговоры относительно того, как ужасно он выглядит. На мой взгляд, ничего ужасного, типичный современный англичанин за пятьдесят. Беда в том, что он совершенно не похож на Сиды Барретта, темноглазого «лизергинового» воспевателя «лета любви». «Он ведь

был красивым парнем, сами посмотрите на старые фото, — говорит болтливая продавщица в Бадженсе, где Сид закупался провизией (молоко, картошка, сыр, яйца, ничего экзотического). — Жалко его... Вот ваш дурман», — скорбно прибавляет она, подходя к полкам с батареями «Блю дабл-ю-кей-ди», «Смирнофф айс» и «Мальборо лайт».

Барретт обосновался здесь, в тихом уединении, сразу после расставания с миром рок-н-ролла. Эта история известна в мире рока, поэтому перескажу ее лишь вкратце. Будучи «начальным гением» первого альбома «Пинк фloyd», этого шедевра британской психоделики под названием «Свирель у порога зари», Барретт стал вести себя, мягко выражаясь, странно. Выступая вживую, он держал один и тот же аккорд на протяжении нескольких часов, расстраивал свою гитару, замирал в неподвижности, втирал в волосы гель «Бриллкрим» и порошок из таблеток «Мэндракс» и вообще корчил из себя невесть кого на фоне товарищей по группе. Его старинного школьного приятеля Дэвида Гилмора включили в состав, чтобы он прикрывал Барретта, и некоторое время оба состояли в группе. По словам Гилмора, по дороге на концерт в университете Саутгемптона один из музыкантов спросил: «Сида подберем?», а другой ответил: «Да ну его на фиг». Так завершилась эра Барретта в «Пинк фloyd».

Сложно сказать, насколько проблемы Барретта были клиническими, психиатрическими, если угодно, а насколько их вызвал прием галлюциногенов. Гуляют красочные слухи о мошенниках-дилерах и «заботливых» друзьях, которые запирали его в шкафу и насильно кормили огромными дозами ЛСД. Так или иначе, после ухода из «Пинк фloyd» и неудачной попытки начать сольную карьеру, Барретт в 1981 году укрылся в доме номер 6 на Сент-Маргарет-сквер в Кембридже и остался там до конца своих дней.

Это аккуратный, пусть и ничем не примечательный домик с эркерами в тихом пригороде Кембриджа, или, как

выразился риэлтор, выставляя дом на продажу в 2007 году, «в престижном закутке к югу от центра города». Мне нравится идея престижного закутка. Сам я никогда ничего подобного не видел. Хотя, возможно, именно престижность закутка среди «модных» горожан вкупе с именем Сиды привлекла сотни потенциальных покупателей. В конце концов домик купила французская пара, понятия не имевшая, что тут обитал потерянный гений английского рока. Сегодня присутствия новых владельцев не ощущается. С другой стороны, чего я ожидал? Грядок лука? Полосатых футболок? Галльского пожимания плечами и дымка «Голуаз»? Я не стал бродить вокруг, поскольку тут и без меня хватало фанов и зевак при жизни Сиды, и я не хочу, чтобы меня приняли за одного из них и погнали прочь печально известные своей недоброжелательностью (понятно почему) соседи.

Вместо этого я нахожу беспроводной хот-спот в кафе центра города, смотрю в окно на студентов на велосипедах, заказываю латте и принимаюсь изучать в интернете публикации касательно продажи дома номер 6 по Сент-Маргарет-сквер после смерти Сиды Барретта от рака поджелудочной железы в пятницу 7 июля 2006 года. В основном все статьи относятся к жанру неуклюжей, довольно очаровательной, но малоинформативной местной журналистики. В общем-то, все понятно: Барретт, творец «Межзвездной перегрузки» и роковая ангельская аватара британского пророка, мало интересен юнцам, слоняющимся с затычками от «айподов» в ушах, или пенсионерке, придающей свежему флану облик принца Чарльза.

«Это диковинные, но все же банальные вещи, имущество одного из истинных британских чудаков», — говорит бойкая дама за кадром, пока камера скользит по нехитрому скарбу Сиды, по кособоким полкам словно прямиком из «Кабинета доктора Калигари» и по бессмысленно торчащему из стены держателю туалетной бумаги. Потом мы переходим к имуществу, выставленному на аукцион. За

синюю лампу на штативе просят, ни много ни мало, 70 фунтов, а еще продаются два «попрошайных» велосипеда, красный и синий. Как пел сам Сид в безумном и классическом «Велике», у них имеются «корзина, звонок, который звонит, и прочее, что придает вид». Именно отсылка к песне 1967 года примиряет с фактом, что велосипеды в конечном счете были проданы за клевые пятнадцать штук. В целом же забавная и трогательная коллекция безделушек и диковинок Сида принесла сто тысяч фунтов.

Я допиваю свой латте и беру такси до предместья, где расположен «флойдовский» ориентир, который я хочу повидать перед отъездом. Группа тесно связана с этим университетским городом, его арочной прохладой, аурой академичности и мечтательности, равно как и со скрытыми камерами в «майские забавы». После ухода Сида они выпустили альбом «Уммагумма», само словечко в ходу среди студентов и обозначает секс; и на этом альбоме был трек под названием «Луга Грантчестера».

Я иду по этим лугам. Кембридж — шикарный город с точки зрения истории и архитектуры, а знаменитые «Задворки» отлично подходят для плоскодонок, но вот по-настоящему красивый пейзаж надо поискать. Низины и болота годятся для воспоминаний, но где же романтика? Неудивительно, что целые поколения обитателей Кембриджа резвились на диких акрах прибрежных лугов. До них несложно добраться на плоскодонке — путешествие в обе стороны займет около трех часов, лодки доступны в городе — или по суше, прогулявшись по длинной тропе, известной как Грантчестерский тракт и давшей название одному из тех комических романов Тома Шарпа, которые я вовсе не нахожу забавными. Или можно всех обмануть и взять такси, даже забежать в «Красного льва и Зеленого человека», а потом спуститься из деревни на берег. Я встречаю женщину в светло-вишневой пашмине с бриллиантовой филигранью; она старается утихомирить буйного кокер-спа-

ниеля. «Он как-то нашел здесь с полфунта сосисок и думает, что так будет каждый раз», — объясняет женщина, а Бенджи прыгает, скачет и рвется с поводка, явно вспоминая славные сытые деньки.

Я не спрашиваю, почему его владелица так разоделась для ежедневного собачьего выгула. Возможно, она — из академических чудиков, рассеянный астрофизик или непризнанный гений. Все может быть, ведь в этой деревушке под Кембриджем, говорят, концентрация лауреатов Нобелевской премии выше, чем в любом другом месте мира, и, оставляя в стороне «Пинк фloyd», имеются минимум две причины приехать сюда, если ищете душу Средней Англии. Но об этом позже. Пока же я останавливаюсь и, немного застенчиво, поскольку день не слишком хорош для солнечных ванн, растягиваюсь на высокой траве на берегу, между пабами и ленивой текущей рекой, вынимаю свой «айпод», нахожу «Пинк фloyd» и слушаю две песни, которые для меня связаны с этим мирным, но слегка жутковатым местечком.

И сами песни одновременно мирные и жутковатые. Первая — «Малый Циррус», то ли о Грантчестере, то ли нет; сам я всегда соотносил ее с подобными пейзажами, характерными для Англии. Облачный полдень, дымка, птичий щебет, неторопливая река, кладбище и ивы, вечно вздрагивающие в пограничном состоянии между грезой и кошмаром («смеются среди трав и могил»), а в конечном счете все превращается в кислотную фантазию, сопровождаемую органным хоралом («На пути к Малому Циррусу увидел кратер на солнце, тысячей миль лунного света позже»). Песня полюбилась мне с тех пор, как я впервые услышал ее на альбоме «Реликвии», взятом у Джона Ховарта — он раскрасил эскизы Хита Робинсона на конверте, хвала небесам — в мой первый год в средней школе. Здесь, среди ряби на воде и шелеста тростника, песня звучит жутко великолепно.

Другая, конечно, «Луга Грантчестера». Не надо быть Шерлоком Холмсом или чокнутым музыковедом, чтобы об этом догадаться. Многие любопытствующие приезжают сюда именно из-за песни, возможно, их любимой, которую они напевают под сигаретку и стаканчик-другой, а текст вывешен в рамочке на стене музея по соседству. «Не жась на солнце минувшего... Река зелени скользит меж деревьев, / Со смехом торя свой путь сквозь бесконечное лето к морю».

Вдалеке я слышу лай Бенджи; солнце выглядывает из-за туч и согревает лицо; сверху доносится гул легкого самолета. Полдень только-только минул, и, в каком-то мистическом смысле, который и вспоминать-то неудобно, я ощущаю, что нахожусь в центре Средней Англии, а вокруг раскинулась и медленно кружится вселенная.

— Грег, ты полная задница!

Все хорошее рано или поздно заканчивается. Меня вырывают из грез крики подростков, приплывших на плоскодонке. Два парня и девушка, парни явно выпендриваются друг перед другом, добиваясь внимания девушки. Она же насквозь промокла, и ей ничуть не весело. Но парни никак не утомонятся, хохочут преувеличенно громко и манерно и откупоривают бутылку чего-то розоватого на цвет. Однажды они вспомнят этот день — когда ступили на дорогу к циррозу печени или когда родилась новая звезда. Пусть развлекаются. Совсем скоро им предстоит столкнуться с суровой правдой жизни.

Воэн Уильямс тоже был когда-то воодушевленным студентом, и не слишком прилежным. Его соратники грызли гранит науки в Королевском музыкальном колледже, и он позже говорил, что учился больше у товарищей, нежели у преподавателей (подозрительно смахивает на запоздалое оправдание, если вам интересно мое мнение). Неудивительно, что и он мне нравится. Позднее он снова занялся уче-

бой, познавал премудрости оркестровки у Равеля в Париже и приобрел «кое-какой французский лоск», так что сделался самым утонченным английским композитором своего времени — тем не менее сугубо английским.

Трудно найти место более английское, чем Даун-Эмпни, Глостершир, где родился композитор. Это на самой границе Котсуолда, поблизости от рубежей Уилтшира, недалеко от Криклейда и в пяти милях от городских джунглей Сайренстера. Там есть красивая церковь, луг, ежегодный праздник пугал и «юбилейная» красная телефонная будка, классического дизайна Джайлса Гилберта Скотта, установленная почтовым ведомством в ознаменование серебряного юбилей короля Георга V в 1935 году. Когда я пишу эти строки, футбольный клуб Сайренстера мается на десятом месте в локальной футбольной лиге, между «Эйвонвейл юнайтед» и «Голден фарм». Резервистов же исключили из второго дивизиона по загадочным, необъясненным причинам.

В отличие от Стратфорда или Хэворта это поселение не бредит мировой известностью. На въезде в деревню вас не приветствует гигантский анимированный Воэн Уильямс. Никаких тебе американских горок «Воспаряющий жаворонок», никаких бревноспусков «Морская симфония». Нет даже чайных «Фантазия на темы Таллиса», разве что дорожный знак скромно сообщает: «Добро пожаловать в Даун-Эмпни, место рождения композитора Воэна Уильямса». Да и уточнения этого не было, когда я приехал впервые, лет десять назад, вскоре после того, как влюбился в музыку Уильямса. Тогда наличествовала лишь скудная подборка фотографий в церкви Всех Святых, где отец композитора был священником. Когда я блуждал вокруг «в неуклюжем почтении», как замечательно выразился Филип Ларкин в стихотворении «Идя в церковь», улыбчивая женщина подметала проходы и поправляла цветы. «Мы гордимся им, — сказала она, — пусть он и прожил тут

недолго. Уехал в Лондон. Ему не нравилась сельская жизнь. Плохо пахнет».

Разумеется, деревня не могла не воспользоваться известностью своего отпрыска — в наши-то меркантильные времена. В мае 2008 года устроили день Воэна Уильямса, с исполнением его музыки и, за двадцать фунтов, с обедом и экскурсией в Пилгримс, дом его детства. Позже в церкви пел заезжий тенор. Согласно веб-сайту деревни, «среди знаменитостей были сэр Бернард Ловелл, из банка “Джодрелл”, и Билл Тернбулл, диктор, которого многие из вас могли видеть на фестивале танца». Охочей до дармовщинки столичной публики, судя по всему, не наблюдалось.

Связь Воэна Уильямса с Даун-Эмпни прослеживается и в музыке. Будучи убежденным агностиком и симпатизируя левым — еще одна сторона его личности, которую игнорируют насмешники, — композитор, однако, любил сочинять религиозные гимны. Один из самых знаменитых его гимнов — «О, снизойди, Любовь благая», или, как его теперь называют, в честь места рождения Воэна Уильямса, «Даун-Эмпни». Гимнам никогда не занять первые места в моем личном списке лучших его творений, даже самым мелодичным, вроде «Розимедр». Что касается «Даун-Эмпни», с его пафосными переходами, мелодикой, которую явно подбирали с оглядкой на неискушенных певцов, и назойливым морализаторством в конце каждой строфы, он сильно напоминает мне насквозь продуваемые церковные залы и бесконечных службы, когда сидишь и гадаешь, сколько еще мучиться и успеем ли до вечера погонять в футбол в парке.

Но некоторые от гимнов в восторге. Вон сколько народу смотрит «Хвалу Господу» по Би-би-си. А вот цитата с интернет-форума «Корабль глупцов», где участники обсуждения перечисляют самые для них ненавистные типы людей и предают осужденных вечному проклятию: «Пусть катятся в преисподнюю все те, кому взбрело в голову удлинить полуноту в легендарном гимне Воэна Уильямса “Даун-

Эмпни". В том числе редакторы последнего издания сборника церковных гимнов англиканской церкви в Канаде и музыканты хора — видел по Би-би-си, — недавно разевавшие рты в церкви Святого Энделлиона в Корнуолле. Это лишило гимн темпа, полностью... Пора возрождать инквизицию, честное слово...»

В этом тоже проявляется душа Средней Англии, я уверен. Зреет ощущение, что, вопреки всей флегматичности и стоицизму нации, англичан можно затолкать только вот сюда, а дальше они и шагу не ступят. Бомбите нас, топите, лишите нас работы, но только посмейте глумиться над нашим майонезом для салата, нашими телефонными будками или полунотами в наших церковных гимнах — и вы узнаете, что мы «способны превратиться из Чемберлена в Черчилля за одну гребаную нью-йоркскую минуту», как заметил однажды мой знакомый американец.

Если в Дауг-Эмпни по-прежнему скромничают, то в Малверне наблюдается некая помесь рекламного бизнеса Саатчи, промоушена «Рио-Тинто цинк» и статей Макса Гастингса, взору предстает этакый слюнявый и голодный до славы хищник, который не остановится ни перед чем, чтобы получить лишний фунт прибыли. А продают они, ни много ни мало, память о сыне настройщика фортепьяно из Вустершира, который был когда-то дирижером в Вустерской лечебнице для умалишенных.

Для эмигрантов, старых дев и читателей «Телеграф» Эдуард Элгар воплощает в себе Среднюю Англию в музыке. Если Воэн Уильямс выглядел как косматый медведь в плохо сидящем костюме (последний и Патрика Мура уподобил бы Одри Хепберн), Элгар всегда был на высоте. Аккуратный пробор, экстравагантные усы, высокие накрахмаленные воротнички, прямая спина и чопорное выражение лица. Легко представить, как он говорит: «Мне это больнее, чем тебе, мальчик», сжимая в руке розгу. Даже

местная газета «Вустер ньюс» недавно признала, что он смахивал на унылого сельского джентльмена старой школы с огромными усами. Как и музыка Воэна Уильямса, творения Элгара романтичны, часто ностальгические и вызывающе мелодичные. Однако, не считая концерт для виолончели, в сочинениях Элгара почти нет присущей ВУ мрачности и странности (или экспериментов). Вот почему, полагаю, мне он не нравится. Зато миллионы им восхищаются, и добрые бюргеры Малверна — иначе «округа Элгара» — прекрасно это знают. Раз он популярен, надо им торговать.

Дом в Грейт-Малверне, где Элгар родился в 1856 году, когда-то назывался Ферз. Ныне это — Коттедж места рождения. Два музея, фестиваль, настолько привлекательный для публики, что на него съезжаются и самодеятельные музыканты; автомобильный маршрут по местам Элгара — ищите знаки со скрипкой — и бесчисленное множество мемориальных троп, ведущих к значимым (или пустяковым) ориентирам в окрестностях. На главной площади Грейт-Малверна стоит статуя. Можно купить книжку об Элгаре-велосипедисте, посвященную его путешествиям по округе, которые увековечил в прекрасном черно-белом документальном фильме Кен Рассел в 1960-х. (Не волнуйтесь, поклонники Элгара, это не «Любители музыки» и там нет кувырканий нагишом с Глендой Джексон.) Благодаря книге и фильму, появились и велосипедные маршруты, и благотворительные соревнования. Имеется жилищно-строительная ассоциация имени Элгара, музыкальная школа имени Элгара в соседнем Вустере и продуктовая компания «Элгар», один из региональных лидеров в мире в сфере «начинок для пирогов, сдобы и пончиков».

В конце пустынной Черч-стрит находится чайная «Синяя птица», где не устают напоминать, что Эд регулярно заходил сюда в 1920-х и 1930-х годах и «наверняка ощутил бы себя как дома в нашем типично английском заведе-

нии». Есть даже зрелый сыр «Элгар», чем не ирония? Узнав об этом, уже иначе читаешь программку к элгаровской «Мечте Геронтия», исполненной в Германии в 1908 году: «Эдуард Элгар — человек, который тихо творил в Малвернских холмах Малверна, вдали от коммерческих страстей и суеты меркантилизма». А ныне он пристально глядит на нас с тыльной части банкноты достоинством в двадцать фунтов стерлингов.

Но обитатели Малверна (включая Линкс, Уэллс и холмы) гордятся своим земляком по праву. Он возродил британскую музыку в начале двадцатого века и всегда хранил верность среднеанглийским корням. Я как-то разговаривал с Робертом Плантам, фронтменом современной музыкальной легенды, «Лед зеппелин», и он охарактеризовал какой-то музыкальный фрагмент как «кислотного Элгара». (Любого, кто употребляет слово «кислотный», следует безжалостно пороть, но эй, это же Роберт Планта!) «Вы что, поклонник Элгара?» — спросил я. Конечно, ответил Планта. «Он болел за “волков”, как и я».

Ну да. Считается, что в первый раз на футбол он пошел в 1895 году, с Дорой Пенни, дочерью ректора из Вулверхэмптона, которая позднее вспоминала об этой встрече с Элгаром: «Я быстро поняла, что он готов говорить о чем угодно, кроме музыки. Кажется, мы говорили о футболе. Ему хотелось знать, бывала ли я на матчах “Вулверхэмптон уондерерз”, а когда он услышал, что от нашего дома до стадиона рукой подать, то страшно разволновался».

В 1898 году Элгар настолько поразился опубликованной в газете фразе — в отчете о матче говорилось, что нападающий Билли Молпасс «пальнул мячом по цели», — что положил ее на музыку. Другими словами, он создал, как утверждают биографы, первую фанатскую песню. В наши дни местная команда часто выходит на поле под музыку Элгара, а кто-то даже пустил слух, что фанатский хардкор иногда распевает «Вариации “Энигмы”», что звучит не-

правдоподобно, хотя, конечно, его «Великолепие и обстоятельство № 1» («Земля надежды и славы») часто переделывают в «Мы ненавидим “Ноттингем форест”».

Сам Элгар был далек, весьма далек от великолепия и достатка. Он бросил школу в пятнадцать лет, недоучившись, дирижировал оркестром в сумасшедшем доме и изо всех сил старался зарабатывать на жизнь. Он был ревностным католиком, то есть фактически посторонним в обеспеченном среднеанглийском обществе. После неудачной попытки покорить Лондон, он вместе с женой, своей бывшей ученицей, вернулся в Малверн и там обрел вдохновение, которое сохранял до конца жизни. Истинное признание настигло его лишь в возрасте за сорок. Он ходил на лыжах, запускал бумажных змеев, играл на скачках и совершил 1000-мильное путешествие по Амазонке, когда ему было уже за шестьдесят. Его зачаровывали новые технологии, он открывал студии «Эббироуд» и наверняка оценил бы «айподы» и интернет. Кэти Слоун, хранитель дома-музея Элгара, сказала так: «У Элгара было столько энтузиазма, а еще он никогда не ведал скуки и имел отменное чувство юмора. Вдобавок он научился пользоваться собственной известностью, рекламировал многие товары — во многих отношениях он был Дэвидом Бекхэмом начала XX столетия».

Он не был гламурен, но и вправду смахивал на Бекса. И больше чем велосипеды, бумажных змеев, сигары или «волков», он любил Малвернские холмы. Они видны едва ли не с любой возвышенности в Мидленде. Тройным гребнем, вроде того, что на спине у стегозавра, они тянутся с севера на юг, восемь очаровательных холмистых миль от Вустершира до Херефордшира. Многие десятилетия эти холмы были детской площадкой для жителей Бирмингема и Черной страны, вне зависимости от цвета кожи и сословия, от веселых бродяг и молодежи навеселе до Толкина и Одена, которые знали и любили эти холмы, а Толкин даже писал с них свои Белые холмы Гондора.

Оден преподавал в Колуолле, к западу от гряды, и там помещается симпатичный приземистый отельчик, где шикарно готовят местную говядину. В ресторане хватает и здешних, и приезжих, а в вечер моего приезда смуглый молодой бармен, когда закончилась его смена, ушел наверх — и вернулся в наряде, который одобрил бы и Валентино Либерас. Память подводит — наверное, надо было тщательно все записать, но это показалось мне буквоедством, — однако я будто бы помню что-то наподобие костюма из ПВХ и шапки из джинсовой ткани с заклепками. Местные, румяные здоровяки, попивавшие сидр в конце трудного дня издевательств над свиньями, лишь хмыкали и снисходительно фыркали, а Клаудио — так звали бармена — гордо помахал знакомым, пригубил липкий даже на вид коктейль и заявил, что уезжает в Бирмингем, «чтобы развлечься». Надеюсь, ему повезло. Мне нравится, что в отелях Средней Англии теперь полным-полно трудолюбивых молодых людей с четырех или пяти континентов; они принесли нам живость, экзотические акценты и бледные миндалевидные глаза, каких прежде не видывали в «ширах».

Около южного окончания гряды стоит Херефордшир-Бикон, или Бриттский лагерь, как говорят все, разумея крепостные валы и рвы на вершине, относящиеся к железному веку. Это предположительно стан Карактака, который, по легенде, встретил здесь римских захватчиков и вдохновил Элгара на кантату «Карактак» (Элгар побывал тут, когда приезжал навестить мать в Колуолле). Глядя на раскопки Бриттского лагеря, Энн Элгар спросила: «Разве не стоит написать об этом?» Сосед Элгаров, А. К. Экуорт сочинил стихи и добавил к сюжету любовную интригу, а из Элгара хлынула героическая музыка, оказавшаяся тем более востребованной, что рождение кантаты совпало с патриотическим угаром, сопровождавшим Серебряный юбилей королевы Виктории.

До Бриттского лагеря всего пятнадцать минут от трассы, и все идут пешком — старушки, тетушки, бэкпэкеры, дети, собаки, влюбленные... Для меня, кстати, овраг под Бриттским лагерем является местом паломничества по причинам, никак не связанным с патриотизмом или древними крепостными валами. Рядом со стоянкой имеется деревянный киоск, который стоит там много лет, и в нем и в солнце и в дождь улыбчивая молодая готка с разноцветными волосами продает чай в пластмассовых стаканчиках, сэндвичи с беконом и лучшее мороженое на свете, честное слово. Рэйчел Хикс на ферме в соседнем Ледбери делает мороженое, которое настолько отличается от безвкусных ледяных брикетов массового рынка или похожих друг на друга как две капли воды гомогенизированных шариков известных марок, что оно заслуживает особого, самостоятельного названия. Его отличает богатейший вкус, от которого текут слюнки, вкус страны вокруг: крыжовник и бузина, чернослив и терн, серый хлеб, мед, ирис... В жаркий летний день — если такое чудо снова когда-либо повторится в Англии — это мороженое дарит человеку поистине религиозное наслаждение. Как ни удивительно, счастье можно обрести и по почте, доставляют быстро, в коробке, заполненной сухим льдом. Открывать советую в перчатках. Я рекомендую не торопиться и перчатки все-таки найти. Иначе рискуете остаться без рук.

Присядьте с мороженым у телескопа на макушке Херефордшир-Бикона, северного собрата Вустершир-Бикона выше по гряде, откуда, как говорят, можно увидеть шестнадцать графств, и подумайте об Элгаре, катящем вверх и вниз по переулкам и тропам с головой, полной мелодий. Посмотрите на людей, которые толпятся тут в дождевиках и твидовых костюмах, на высоких каблуках, в одежде из гортекса от «Праймарка» и «DKNY», целуются, гуляют, бросают палки собакам — и прикиньте, что это потомки

того самого народа, который вдохновил Уильяма Лэнд-гленда написать: «Я видел поле прекрасное, полное людей»; это первая строка «Видения о Петре Пахаре», одного из ранних шедевров английской литературы на диалекте Мидленда. Эти прекрасные поля, полные людей, эти шестнадцать графств не только поют песни, но и знают толк в словах. Толкин и Оден блуждали здесь, и по всем «ширам» слова и музыка идут рука об руку, чисто английским способом. Местный сочинитель песен Клиффорд Т. Уорд написал «книжную» по стилистике, трагическую песню о любви под названием «Мысли о доме за границей», вторящую Браунингу и спрашивающую: «Как Вустершир? И между нами что? / По-прежнему ли помнишь обо мне?» (изящное сугубо английское объяснение в любви). Когда «Пинк фloyd» подбирали название для своего первого альбома, рок-мир праздновал торжество психоделики — «Копии масок форели», «Сюрреалистические подушки» и т. д.; кембриджские мальчики назвали свой дебютный альбом «Свирель у порога зари». Это была вовсе не новая версия очередного кислотного «трипа», но название главы из повести Кеннета Грэма «Ветер в ивах», где рассказывается о кро-тах, лягушках и привычке «возиться с лодкой».

Пожалуй, настала пора пройтись по книгам.

Глава 6

Ведомый книгами

Поздний вечер, как почти все люди на планете (так мне кажется), я смотрю ролик на «YouTube». В моем случае даже не ролик, а клип, просмотренный уже приблизительно четверть миллиона раз. Ну да, конечно, это гораздо меньше, чем количество просмотров «Подружки» Аврил Лавин, некоего клипа под названием «Эволюция танца» — мужской танец во всей красе — или ролика «Ха-ха-ха», когда шведский младенец ровно минуту и сорок секунд гогочет громко и истерично, пока его безумно любящий папаша дергается как лунатик. Но все равно — четверть миллиона совсем не мало, учитывая, что я смотрю на парня в старомодной рубашке, слоняющегося близ пруда.

Возможно, вы не знаете, что такое «YouTube», но готов спорить, что это не так. А вот Джейн Остин совершенно точно этого не знала, ведь она умерла лет этак за 213 до того, как изобрели этот сервис. На самом деле Джейн не увидела множество технических новинок, в том числе цемент, холодильники и фотографии. При жизни Джейн передовыми технологиями были шахтерские лампы и калейдоскоп. И тем более примечательно, что в нашем современном мире, со всеми этими MP3, вайфаем, спутниковой

навигацией и блюереями, Дж. О. превратилась в президента и генерального директора «ромкома» и сегодня куда более популярна, чем была при жизни. Парня у пруда, за которым я наблюдаю, зовут Колин Ферт, он играет мрачного, растерянного мистера Дарси в сериале Би-би-си по «Гордости и предубеждению», и его персонаж — всего одна из причин, почему планету охватила эпидемия «джейнomanии», спустя три столетия после преждевременной кончины Остин.

Вокруг — в широком смысле — полным-полно ручек с портретами Джейн и толстенных жизнеописаний, так что я не стану, пожалуй, сочинять еще одно. Скажу только, что она была интересной женщиной: дочь священника, этакая девчонка-сорванец, почти не ведавшая романтики в жизни (я так думаю), умерла в сорок с небольшим, оставив потомкам шесть романов. При ее жизни эти романы мало кто заметил, зато позднее их стали восхвалять ученые и интеллектуалы, а в двадцатом столетии Остин наконец-то открыли для себя публика и литературный истеблишмент. Теперь «джейнитов» можно встретить повсюду, в аудиториях университетов и на кассах супермаркетов.

Но лишь в последнее десятилетие или около того Остин не просто возродилась, но была увенчана тиарой верховной жрицы дамского романа Средней Англии. В эпоху, когда Фрэнсис Фукуяма возвестил о конце истории, когда торжествует постфеминизм и когда войны, бедность и болезни распространены куда меньше и пугают не так сильно, как угроза выпадения волос, подсчет калорий или бег биологических часов, Остин вдруг сделалась более востребованной, чем Маркс или Мейлер: «джейномания» охватила современных женщин и коснулась даже некоторых мужчин.

Хорошо воспитанной девушке среднего класса Джейн не просто сулит приятное отдохновение. Ее ценят за легкое остроумие, «классовую» проницательность и, конечно, чис-

тую романтику. Задолго до «Дневника Бриджит Джонс» Остин развлекала и восхищала читающую публику рассказами о достойных молодых женщинах, ветреных и серьезных, страдающих от любви, их желаниях, поисках счастья и спасения. Некоторым, впрочем, этого было недостаточно.

Силия Брейфилд, лектор Университета Брунела и сама неплохой писатель, критикует Остин за отсутствие интереса к социальным проблемам и узость взгляда. «Думаю, она предала свое время; меня всегда поражало, сколько всего она проигнорировала... Она сосредоточилась на малом участке действительности. Поправьте, если я ошибаюсь, но в годы, когда она писала, на континенте гремели наполеоновские войны; ни слова об этом... В ее романах нет и следа бедности, никакой коррупции, никакого тщеславия, зла или войны. Да, ее остроумие очаровательно, ее наблюдения над человеческим характером до сих пор не утратили актуальности, но мир, о котором она пишет, совсем крошечный. Я бы сказала, вызывает клаустрофобию».

Сходным образом колумнист Зоя Уильямс, ни в коем случае не лишенный чувства юмора «синий чулок», высмеивает «фривольность» романов Остин. «Все слишком утонченно, не хватает прозы жизни... Я отнюдь не без ума от Остин. Романы сестер Бронте такие напряженные, такие женские, от них невозможно оторваться... Остин популярна потому, что всем нравятся хорошие костюмированные драмы, и с Остин вы прекрасно знаете, на что можете рассчитывать. Вам гарантированы поместье, дочери, платья и свадьбы. Совсем не то, что с авторами наподобие Гаскелл или Диккенса, их истории не настолько симпатичны».

Это женская проза. Во всяком случае, в теории. Молодой и приятный британский актер Джеймс Макавой недавно заставил бурно вздыматься груди современных романтических красоток в биопике «Становясь Джейн» о жизни Остин. И он же заставил поклонниц плевать от ярости, когда сказал интервьюеру, что «Нортенгерское

аббатство» Остин — «одна из худших книг, прочитанных мною, сплошная плохо написанная девичья чушь».

Он не одинок, у него хорошая, почтенная мужская компания. В своем путевом дневнике «По экватору» Марк Твен так описывал библиотеку на корабле: «Книги Джейн Остин... отсутствуют в этой библиотеке. Лишь одно это упущение способно порадовать в библиотеке, в которой нет ни единой книги». Более точно, пусть и менее остроумно, высказался Джозеф Конрад в письме к Г. Дж. Уэллсу в 1901 году: «Что за суматоха из-за Джейн Остин? Что в ней такого? Из-за чего переполох?»

Ее поклонники среди литературной элиты, от маститого дона Ф. Р. Ливиса до преподавателя из Оксфорда Ричарда Дженкинса, не устают повторять, однако, что произведения Остин не чисто романтические: в них находится место и классовым различиям, и торговле, и условностям, и социальным проблемам; они не только заставляют учащенно биться сердца, но и повествуют о «грязных деньжатах». Дженкинс настаивает, что «люди, которым нужно бегство от действительности в стиле регентства, могут поискать его где угодно... Я полагаю, привлекательность [Остин] состоит в том, что она была первым современным романистом, и именно ее наблюдениями человеческой жизни и интриг [наслаждаются читатели]. Ее сюжеты — не подвластные времени истории о взаимоотношениях, в которых мы находим столько знакомого».

Она не была наивной. Она разбиралась в том, что происходит в гостиных, пусть и не заглядывала в спальни. «Из всего, что мне доводилось слышать, самый верный залог счастья — большой доход», — сказано в «Мэнсфилд-парке», а роман «Гордость и предубеждение» начинается со знаменитой язвительной социальной инвективы: «Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен действительно нуждаться в жене; такова общепризнанная истина».

Однако Джейн обрекает себя на упреки, когда пишет: «Пусть другие авторы подробно останавливаются на преступлениях и несчастье. Я как можно скорее распрощусь с этими ненавистными материями, мне не терпится вернуть толику покоя каждому, кто сам не слишком повинен в произошедшем, и покончить со всем прочим». Прегрешения и несчастье могут казаться неудобными, но они — часть человеческого жребия. Из них, кстати, получаются неплохое кино и отличные песенки.

Мне нравится считать себя одной из романтических девушек — настолько, насколько способен ею быть лохматый и коренастый тип из Ланкашира. Мне нравится «АББА». Я люблю наряжаться. Люблю танцевать. Люблю сплетничать. Не терплю автомобили, гольф, горланов в пабах и лигу регби. Я склонен к слезливости и, как было известно, покинул родные края. Но при этом мне не нравится Джейн Остин. Подобно П. Г. Вудхаузу, она кажется мне острым социальным сатириком, но, как и Вудхауз, она довольно поверхностна, мимолетна, пусть и бесспорно талантлива. Я, конечно, могу ошибаться. И меня все чаще преследует ощущение, что мы живем во вселенной Джейн Остин, где сплетни и светская болтовня стали доминирующим дискурсом современной жизни, а последняя протекает на фоне далеких войн за рубежами, экономической неуверенности и одержимого стремления поступать правильно, пресловутых цен на недвижимость и причуд избалованной элиты.

Джейн Остин прожила в Бате пять лет. Она приехала сюда вместе с семейством, покинув сельский Гэмпшир, где провела первые восемь лет жизни, и здесь разворачивается действие двух ее романов. Возможно, проживая в этом чарующем и словно зачарованном городе, она владела калейдоскопом, а то и шахтерской лампой, но у нее определенно не было «айпода». Зато у меня он есть, и, блуждая по милым, симпатичным улочкам бывшего приюта Джейн, я слу-

шаю подкаст под названием «Бат Джейн Остин», еще одно потрясающее свидетельство ее непреходящей популярности.

Это древние Аквы Сулиевы, городок в графстве Сомерсет, объект Всемирного наследия и город, в который безумно легко влюбиться. Еще прежде, чем приехать сюда, вы уже настроены почти благоговейно. Вы едете по трассе А-6, и город открывается перед вами, как красавица эпохи Регентства на кушетке, томная и роскошная. Подъезжая ближе, вы думаете, что вот-вот прелесть исчезнет. Но когда по-тевтонски резкий голос из навигатора велит свернуть направо на Грейт-Палтени-стрит, вы невольно присвистываете, отдавая должное воздушной элегантности и стилю, особенно будь вы парнем с тесных ланкаширских улиц. И вы говорите себе — вау, эта красotka мне явно не по карману. Но какого черта?!

Так все было вчера вечером: начало лета, пятница, закатное солнце заливает широкую улицу карамельным светом, ложатся длинные тени, город вздыхает и болтает, сбрасывая с нарядных плеч рабочую неделю. Времени хватило, только чтобы бросить сумки в номере; пора бежать за карри. Бат, как несложно догадаться, не испытывает недостатка в шикарных забегаловках, где потоком льется бальзамический уксус, а полента всегда шкворчит на плите. Однако а) я мечтал именно о карри и б) слышал много хорошего о заведении на Бридж-стрит. Заглянув на его сайт, я был заинтригован литанией восторгов, оставленных знаменитостями и вполне себе эклектичных. Некоторые изъяснялись прямо («Лучше всех» — Рольф Харрис, «Потрясающе» — Дэвид Эссекс, «Спасибо за отличную еду» — Кит Флойд), другие были традиционно — и преднамеренно — затейливы («Шикарно и горячо!!!» — Лайонел Блэр, «Оркестр неплох, а еда великолепна!!!» — Дес О'Коннор), третьи содержали обещания («Я вернусь» — Кен Ливингстон, член парламента). Имелись и такие, что отражали

пристрастия и эксцентричность посетителей («Тикка из ягненка бесподобна» — Питер Гэбриел, «Ням-ням!» — Брук Шилдс, «Превосходно, как всегда» — Роланд Орсабаль и «5 звезд» — Рави Шанкар). А некоторые просто сбивали с толку («Теперь я знаю, что чувствовала Джоана Мстительница» — Гарет Хант).

Снедаемый голодом и любопытством, я заказал столик. Разумеется, я не меньше прочих восхищаюсь Роландом Орсабалем и Гаретом Хантом, но, должен признать, еда и вправду оказалась отменной. Возможно, всему виной чрезмерно долгое пребывание в Уэст-Мидлендсе в последние лет десять, но когда привык покусывать мягкие лепешки-наан, обжигать небо курицей-джалфрези, наслаждаться сладкой, сливочной пасандой и пикантной патией из Ледивуда и Сметвика, научился отличать кашмирскую еду от гоанской, хайдарабадскую от бенгальской, — ты рискуешь пресытиться, испортить вкус и стремительно растолстеть, если не будешь следить за собой. Занятно, кстати, что блюда Индийского субконтинента стали кухней Средней Англии. Типичный банковский клерк, например, наверняка знает, что такое дупиаза, но слыхом не слыхивал о поссете или силлабабе. Когда мальчик-волшебник Гарри Поттер из романов Дж. К. Роулинг так воспринимает чародейский пир: «Ему еще ни разу не доводилось видеть столько вкусных блюд вместе: ростбиф, жареные цыплята, свиные и телячьи отбивные, сосиски, бекон, стейк, жареная картошка, вареная картошка, картофель фри, йоркширский пудинг, горошек, морковка, подливка, кетчуп и, по каким-то непонятным соображениям, мятные леденцы»¹, — это звучит откровенно фальшиво, этакой ностальгией по Дженнингсу и книгам «Этот Уильям» Кромптона. Британские дети сегодня истекают слюнками по пицце болоньезе, кисло-сладкому соусу и тикка масале, а не по отбивным или салу.

¹ Перевод М. Спивак.

«Кобра» тем не менее была хороша, и после пары пинт ночная прогулка по городу показалась отличной затеей. Тем, кто ежится за надежно запертыми дверями и смотрит на мир через страницы «Дейли экспресс» и выпуски новостей по телевизору, Средняя Англия по ночам представляется джунглями, где пьяный молодняк отрывается от трахания и блевотины лишь ради того, чтобы пырнуть приятеля в свете прожектора полицейского вертолета, кружащего в небе. На самом деле ничего подобного, разумеется. Бат — вполне привлекательный город, его улицы полнятся молодыми парнями, что хвастаются друг перед другом почти так же, как повелось с незапамятных времен. Ну да, девчонки стали чуть визгливее и громче, даже здесь, но это случилось со всеми нами, не находите? Я гляжу через парапет Грейт-Палтени-Бридж на большую полукруглую плотину на реке, а по берегу катится столь же быстрый человеческий поток. Какой-то парень бесчувственно распростерся на скамье, подружка, встав на колени рядом, пытается его растолкать. Даже с этого расстояния я различаю, что его зовут Джимми. Время от времени он стонет, ворочается и машет руками, будто отгоняя воображаемых мух. Девушка не отступает, гладит его по голове, откидывает челку с глаз. Трогательное зрелище, правда. Если собираетесь допить до бесчувствия, где это сделать лучше, как не под тройной аркой живописного моста над говорливым Эйвон-ом теплой июньской ночью?

На следующий день Палтени-Бридж заполняют совсем другие люди. Вон хихикают японки, изучающие карты. Вон сикхские семьи, фотографирующие друг друга. Дородный и улыбчивый американец с косматой рыжей бородой суетливо выгуливает вест-хайленд-терьера по кличке Арахис. Японки, снова хихикая и прикрываясь ладошками, восторгаются Арахисом. И кто бы на их месте поступил иначе?

Палтени-Бридж, возведенный в палладианском стиле Робертом Адамом по заказу местной важной шишки Фрэн-

сиса Палтени, радикально дополнил собой городской пейзаж Бата во времена Джейн Остин. Это один из всего трех мостов в мире, застроенных лавками. Этот факт упоминается повсеместно, а как называются другие два моста, узнать гораздо сложнее. (Один из них, вообще-то, Понте Веккьо во Флоренции.) Здешние лавки — что-то вроде сборной солянки. Магазинчик одежды выставил в витрине огромное фото Джуди Денч, которое буквально вопит, пусть и «приличным», хорошо модулированным образом: «Это Средняя Англия». Хватает бестолковых сувенирных лавок с назойливыми продавцами, плюшевыми медведями и открытками, на которых панки щеголяют зелеными «ирокезами». Еще имеются нумизматическая лавка и магазин старинных карт, первый из увиденных мною магазинов этого сорта, явно не собирающийся закрываться.

Перейдя мост, вы оказываетесь непосредственно в Бате. Великолепие нарастает. Повсюду, куда ни повернись, всякие украшения, изящные штучки, крошечные восхитительные как-их-там и балкончики, чтобы увидеть которые, можно и умереть. Еще имеется аббатство, которое поклонники духовности в архитектуре готовы рисовать до бесконечности и при виде которого просто млеют; лично я съел там мороженое, таков мой обычный ответ на подавляющую красоту в масштабах, способных пошатнуть слабую психику. Не уверен, кстати, стоит ли включать в эту категорию скульптуру Лоуренса Тиннела. Его благословляющий Христос выглядит обмотанным бинтами и газетами, а стрижка у него, как у Майкла Хезелтайна. Не совсем, конечно, но похоже. Стоя рядом со статуей, какой-то шепелявый и пухленький юноша изливает душу бледной и чем-то обеспокоенной девушке: «Приличный финансовый директор из меня, Сюзен, как из тебя приличный учитель истории».

Все это — лишь преамбула к главной достопримечательности Бата, его сути. Ведь город не назвали ни Рынком, ни

Мостом, пусть те сколь угодно очаровательны. Нет, Бат назван в честь своей основной приманки, в честь причины, некогда привлекавшей римлян, которые пришли сюда не за богатствами, не за стратегическим местоположением, не чтобы проложить дорогу или поставить гарнизон, — но чтобы искупаться в горячей воде.

История гласит, что примерно за тысячу лет до рождения Христа жил некий принц по имени (согласен, не слишком звучно) Бладуд, сын Луда Гудибраса, короля бриттов. Молодой Бладуд обожал путешествовать, но, к сожалению, где-то в зарубежье подхватил проказу. Племя его изгнало, и он в конце концов стал пасти свиней в долине Эйвона. Животные тоже заразились и заболели, а вдобавок есть стало почти нечего. Какой-то сострадательный крестьянин посоветовал Бладуду — наверняка издали — поискать желуди на противоположном берегу реки, у Стэйн-свика. Бладуд так и поступил, пока его свиньи валялись в теплой болотной жиже, как у них заведено. Когда животные наконец выбрались на сушу, он выскреб их дочиста — и увидел, что шкуры гладкие, а все следы хвори исчезли. Тогда он тоже плюхнулся в болото и тоже исцелился (кто бы мог подумать, честное слово). Бладуд возвратился к своему племени и позже стал королем. (Я бы на его месте спалил поселение дотла, с криками: «И кто теперь прокаженный, бессердечные ублюдки?!») Со временем он послал своих подданных основать город и возвести храм близ горячего источника. Между прочим, Бладуд был девятым по счету королем бриттов и, по слухам, отцом короля Лира.

Все это представляется мне не слишком правдоподобным, но бесспорно то, что в Бате имеются термальные источники — единственные в Великобритании, — и кельты знали об этом и частенько сюда заглядывали. Они верили, что при посредстве горячих источников можно воззвать к богам и духам предков (способ ничуть не хуже чайных листьев, по-моему), и поклонялись богине Сул как покрови-

тельнице этого места. Когда римляне пришли сюда в 43 году нашей эры, то превратили храм в курорт, место для забав, развлечений и релаксации. Они построили комплекс бань под названием Аквы Сулиевы, и вскоре туда стали стекаться клиенты со всех концов Европы. По сей день частичка этой ауры благородной распушенности ощущается в Бате.

Баный комплекс представлял собой чудо инженерной мысли и замечательный образчик римского искусства и архитектуры. Он вмещал целительные горячие ванны, бассейны, холодные комнаты и комнаты «для пота», нагревавшиеся благодаря изобретательно сконструированному трубопроводу. К сожалению, храм в конечном счете затопило при подъеме воды в Эйвоне, а когда римляне ушли, там постепенно возникла свалка — а рядом разместилось кладбище саксов. Другими словами, Бат выпал из истории, и о римских банях забыли вплоть до конца девятнадцатого столетия, когда они были раскопаны; Джейн Остин о них точно ничего не знала.

Зато ей было известно о целебных водах, что принесли Бату популярность в георгианский период, когда построили Насосную залу и Королевскую минеральную больницу; последнюю возглавил Уильям Оливер, корнуоллский врач и изобретатель знаменитого и безвкусного печенья «Бат Оливер».

На рубеже двадцатого века римские бани раскопали снова, а в начале 1900-х годов минеральную воду стали разливать в бутылки и продавать под маркой «Вода Сулиева», обещая страждущим облегчение мук при ревматизме, подагре, люмбаго, радикулите и невритах. После Первой мировой войны здесь выздоравливали раненые, а после учреждения Национальной службы здравоохранения в Бате стали исцелять водолечением по рецептам. Потом, в 1978 году, девушка, купавшаяся в восстановленной римской ванне, проглотила немного воды и умерла пять дней

спустя от редкой формы амебного менингита. Тесты показали, что в воде завелась амеба *Naegleria fowleri*, и бассейн закрыли для общественного пользования.

Однако со временем зародилось движение за превращение римских бань в туристический аттракцион. К финансированию проекта привлекли Национальную лотерею, однако проблемы сыпались как из ведра. Свеженанесенная краска облезла, едва бассейн сдали в эксплуатацию. Потом он начал протекать. Архитектор винил во всем подрядчика, а тот кивал на городской совет, закупивший дешевые стройматериалы. Пришлось заменить все 274 окна, а также систему фильтрации воды. Когда бани все же открылись вновь, это произошло на несколько лет позже намеченного и обошлось бюджету в 30 миллионов фунтов.

Но это стоило каждого потраченного дня и каждого пенни. Пусть брззжат сутяги и нытики. Римские бани в Бате, на мой взгляд, — едва ли не лучший туристический аттракцион подобного вида в Великобритании. Другим городским советам и историческим местам стоило бы поучиться. Ни намек на дурацкие и нелепые отчаянные попытки приукрасить или упростить прошлое, столь привычные почти для всех музеев и выставок наших дней. Для детей организованы отдельные экскурсии, им выдают собственные маленькие наушники. Взрослых же ожидает интеллектуальный, познавательный и хорошо написанный тур, подготовленный Стивеном Фраем и Тамсином Грейгом, двумя столпами среднеанглийского остроумия и эрудиции. Плюс имеется своего рода комментарий, сочиненный Биллом Брайсоном.

Из этого следует, что прошлое возрождается во всем своем очаровании и загадочности, оно отнюдь не теряется за нагромождением бессмысленных лозунгов, скучных игр, напяливания туник и тому подобного. Большой центральный бассейн со статуями на террасе обложен сорока пятью свинцовыми пластинами и заполняется горячей водой; не-

когда над ним стоял величественный зал высотой более ста футов, однако ныне он раскинулся под открытым небом. Для многих римлян, возможно, это было самое большое здание, в которое они когда-либо заходили. Гид объясняет, что тут кипела жизнь: в одном углу сменившиеся с поста солдаты играли в кости, на скамье двое бизнесменов заключали сделку, как сегодня происходит на поле для гольфа, а в тени колоннад парочки затевали флирт.

Мне это нравится. Мало того, что таким способом место «оживает» (чего никогда не добиться уличным актерам в тогах); оно укрепляет нашу связь с Остин и показывает, что Бат был городом, богатым на социальные ухищрения и изысканные бюрократические и иерархические танцы более чем за половину тысячелетия до «Нортенгерского аббатства» и «Гордости и предубеждения». Даже теперь Бат кажется городом, где просто обязаны процветать сплетни, флирт и интриги. Разумеется, у него есть и темная сторона. Моя подруга Люси училась здесь в университете и говорила, что город может быть снобистским и туповатым; у меня нет причины сомневаться в ее словах. Да и Джейн Остин, кажется, чувствовала то же самое. Но уж если воевать со снобизмом и тупостью, то лучше тут, среди колоннад и внутренних двориков, чем за шторами и зеленой травкой пригородов.

Билл Брайсон объясняет, что Голова Горгоны — найденная рабочими в 1982 году — представляет собой поразительное сочетание в одном образе кельтских и классических божеств, истинный религиозный гибрид, и вид у него странный, трогательно человеческий. Сердце комплекса — Священный источник, где горячая вода при температуре 460 °C изливается в объеме 1,17 миллиона литров в день. Когда-то это было святое место, и, заглянув в его темные, сернистые подземные глубины, словно приобщаешься потустороннему. Этот естественный источник, горячая вода которого, пузырясь, вырывается из трещины в земле под

давлением и прокладывает путь к дождливым Мендипским холмам, римлян пугал настолько, что они сочли его делом рук богов. Да и сам я готов поверить в волшебство.

Я провел в банях отличные полтора часа и легко бы мог задержаться подольше. Это и вправду невероятно. Уходя, я невольно подслушал разговор двух нарядных девушек-экскурсоводов, явно местных студенток, работающих на полставки. «Это даже не пограничный первый раз, а самый настоящий первый раз», — доказывала одна, а вторая завистливо вздыхала. С бока к баням примыкает Насосная комната, такая водяная дыра в дни Остин, возведенная радениями нашего старого друга Ричарда «Денди» Нэша. За пятьдесят пенсов все еще можно купить чашку горячей воды, со вкусом, по легендарному выражению Чарльза Диккенса, как «у нагретого чугунного утюга».

Пожалуй, пора сказать кое-что не в пользу нашей приятельницы от литературы. Шепните это «джейнитам», что приезжают в Бат толпами и ордами со всех континентов: Джейн Остин терпеть не могла этот город. Некоторые даже говорят, что она ненавидела Бат и плакала в экипаже, когда ее везли сюда; другие говорят, что ей просто не нравилось тут жить (а это, согласитесь, не совсем одно и то же). Однажды она обронила, что ее душит «жаркое сияние» города. В «Нортенгерском аббатстве» она вложила в уста Кэтрин Морланд такие слова: «Бат — город необычайно приятный?» Но в той же самой книге Генри Тилни наносит ответный удар: «Я допускаю, шесть недель в Бате можно провести довольно сносно; но дальше он становится скучнейшим местом на свете!»

Каким болваном, верно, был этот Генри, думаю я, прогуливаясь по тенистому Грэйвел-уок, месту романтического свидания из «Нортенгерского аббатства» — эта улица намного симпатичнее, чем ее название; возможно, в дни Джейн Остин гравий был последним пискom моды. Потом я выхожу на покатый луг, что ведет от Ройал-Кресент вниз

к «Ха-ха». Нет лучше адреса во всей Англии, чем эта просторная полукруглая георгианская терраса, с ее приблизительно тридцатью домами, возможно, когда-то величайшим достижением мировой жилой архитектуры. В настоящее время это отели и апартаменты, и даже простые смертные могут там остановиться. Сегодня на лугу собрались любители пикников и метатели фрисби, и я занимаю место среди них и откидываюсь на траву. Рядом, на тартановом коврике, молодая американка громко объясняет насчет интернатуры и независимого курса обучения двум своим британским компаньонкам: «He надо приходить каждый день, и занятия не парами, а мини-парами, а выдают кучу всего». А потом вдруг, громче прежнего, она пускается поносить культуру хип-хопа и пристрастие к «цацкам». «Они говорят, что вышли из гетто, но разве они не знают, что алмазы, которые они носят, добыли детишки-рабы в Африке?» Она безусловно права, но напряженные улыбки на лицах ее подруг говорят вполне ясно, что они готовы проткнуть ей сердце вилкой.

Я перекатываюсь на живот и снова смотрю на Ройал-Кресент. Поневоле задумаешься о стратегическом гении люфтваффе, которое сравняло с землей Ковентри — возможно, перепутав со Стратфордом, — но проигнорировало Бат, по крайней мере, первоначально. Что бы ни думал Генри Тинли, удар по мужеству британцев, доведись им увидеть Ройал-Кресент в огне, был бы сокрушительным. Ведь здесь базировалось военно-морское бюро проектирования; это нацисты тоже как будто упустили. Конечно, иногда бомбы падали и сюда, но в целом немецкие самолеты рвались к Бристолу. Вплоть до апреля 1942 года — когда, мстя за бомбардировку союзниками Любека, они бомбили Бат две ночи подряд; погибли четыреста человек.

Об этом ничто не напоминает. Бат тихо и мастеровито отстроился заново, и ныне единственное бельмо на глазу — жуткий Городской колледж, по соседству с которым ве-

дуются раскопки очередных римских руин. Попавшийся на встречу дворник объяснил, что именно там раскапывают, но я, каюсь, не особенно прислушивался. Меня поразила встреча с дворником, увлеченным римской археологией, и с акцентом, столь же богатым и, если угодно, липким, как сомерсетский чай со сливками.

У меня не было ни интереса, ни акцента, но тем вечером я поднялся на крутой холм к ресторану «Олива» и съел говяжье филе, вкус которого помню до сих пор. Официанты держались скромно, выглядели стильно и хорошо разбирались в своем деле; один из них посоветовал мне десертные вина, попробовав которые, я едва не залился тихими слезами радости. Я все же взял себя в руки и мысленно восславил Джейн Остин, которая привела меня сюда, и дал себе два зарока: непременно вернуться в бани и перечитать «Нортенгерское аббатство».

Люди, которым не нравится Джейн Остин, часто в восторге от миссис Гаскелл. Пусть вас не пугает ее имя. Да, звучит ужасно серьезно, старомодно и как-то по-учительски. Но на самом деле Элизабет Клегори Гаскелл была женщиной остроумной, принципиальной и даже в некоторой степени бунтаркой, хотя, судя по портрету, который я видел, ей бы и вправду следовало сменить прическу.

Она жила в эпоху, когда зародилась фотография, и в своих книгах, будь то «Мэри Бартон» или «Север и юг», касалась того, что Джейн Остин едва затрагивала — осознавала присутствие экономических структур и политических проблем. «Мэри Бартон» сравнивали с работами Энгельса по глубине критического анализа условий жизни викторианского рабочего класса в Манчестере, а «Север и юг» раскрывает индустриальные конфликты северо-запада глазами чувствительной женщины с юга. Этот роман первоначально выходил частями в журнале Чарльза Диккенса «Хаусхолд уордс». Должно быть, Гаскелл нередко

запаздывала с отсылкой очередной части, поскольку Диккенс однажды воскликнул раздраженно: «О, миссис Гаскелл! Будь я мистером Г., как бы я ее поколотил!»

Промежуточное положение между двумя этими социальными трактатами занимает совсем иная книга, милая, почти в духе Остин, посвященная благородному, пусть бедному народу Средней Англии. Вирджиния Вулф сочла ее чересчур приторной: «Чрезмерная детальность наделяет “Крэнфорд” тем очарованием, которое обнажает всю его слабость, делает его, по крайней мере на первый взгляд, образцом для подражания для “сельских” авторов, которые снимают номера над деревенской почтой». Но не все так печально; «Крэнфорд» многие считают лучшим романом миссис Г. Как в «Севере и Юге» Милтон изображает Манчестер, так Крэнфорд миссис Г. сконструирован по лекалам реального чеширского города, дремотного и с легкой тревогой и налетом снобизма ожидающего прихода железной дороги. Сегодня в таком городе скорее столкнешься с футболистом Премьер-лиги в дизайнерских темных очках, чем с Джуди Денч в шляпке. Однако Натсфорд хранит былое благородство. Зато о бедности забыли, если, конечно, не считать за ее показатель, что в этом году кто-то не поменял свой «ламборджини» на новый.

На Северо-западе Натсфорд всегда считался выше других городов; прежде всего, в это верил сам Натсфорд. Довольный жизнью и безмятежный (во всяком случае, так было до кредитного кризиса), он раскинулся в чрезвычайно доходном уголке Чешира, прежде обители биржевых маклеров, а ныне колонизированном свежей порослью прожигателей жизни — всякими Димитарами, Криштиану и прочими Уэйнами, олицетворением футбольной элиты. Они играют в полчаса езды отсюда — даже меньше, если гнать на «ламборджини», — на «Олд Траффорд». В менее привилегированных районах Северо-Запада — вы знаете, о чем я, если, подобно мне, росли там — привыкли видеть в

Натсфорде оплот утонченности и шика. Переселение туда считается признаком повышения социального статуса. (Правда, из моих знакомых ни с кем такого не случилось.) У «комедийной» панк-группы «Мэкк лэдз» есть песенка под названием «Падшие женщины Натсфорда», малопрстойная пародия на «Границы Натбуша», но это, очевидно, лишь проявление комплекса неполноценности, присущего соседнему Мэкклсфилду.

Для Элизабет Гаскелл Натсфорд был «крошечным, слегка расползающимся городком вблизи от входа в большой парк». Она росла здесь, в поместье Хитуэйт-хаус (ныне этот дом стоит на Гаскелл-авеню), здесь вышла замуж и достаточно полюбила город, чтобы сделать его местом действия своего самого светлого романа. Как заметил покойный Майлз Кингтон: «Она придумала чертовски хорошее название для вымышленного города. Ее Крэнфорд выглядит правильным. Настоящим. Куда более настоящим, чем реальный Натсфорд. Последний своим названием наводит на мысли о данах (Канут — «Нат») и саксах («форд»)». Справедливое замечание, ведь именно тут король Канут, он же Кнут, переходил реку вброд, возможно, обучаясь обуздывать воды.

Характеризуя свой роман, миссис Г. упоминала его «элегантную экономию». Как просто подпасть под обаяние фразеологии «Крэнфорда»! Экономия неизбежно «элегантная», а трата денег всегда «вульгарна» и «делается на показ». С годами мало что изменилось. Старейшие из «старых денег» могут брюзжать насчет вульгарности, однако Натсфорд охотно щеголяет своим положительным банковским балансом. Спускаясь от вокзала мимо городского центра («Скоро! Рори Бремнер! Элейн Делмар! «Фабрика смеха!»), я замечаю, что даже привокзальная еда выглядит безупречно, сверкает и блестит невероятным хай-теком: обтекаемые стальные цилиндры вместо плит со стеклянными дверцами, сквозь которые можно наблюдать, как раз-

мораживают и выпекают пирожки, и обжигать лоб, ненароком прижавшись к раскаленной металлической полоске наверху...

Если свернуть на одну из множества симпатичных улочек Натсфорда, ощущение спокойного достатка усиливается многократно. Дизайнерская обувь «Сапатос», магазин деликатесов «Виа-виа», где нарядно одетые и чуточку строгие дамы известного возраста, демонстрируя безупречный маникюр, указывают пальчиком на куски хамона серрано и бочонки маринованных олив, которые желают приобрести. В устричном баре «Лох Файн» мужчина в костюме от «Армани» вяло нажимает клавиши своего «Блэкберри». В кафе «Эст-эст-эст» счастливые семьи грызут тосканский хлеб с помидорами черри и чесноком.

Город прихорашивается, стоит свернуть на любую из двух главных, параллельно изгибающихся улиц. Вообще улицы Натсфорда узкие и забиты автомобилями, а дома вдоль них — в чеширском стиле, черно-белые и деревянные. Полностью противореча своему названию, Кинг-стрит, кажется, придумана для женщин, которые, похоже, стали уделять моде куда больше внимания, чем в дни миссис Гаскелл, писавшей: «Наряды [крэнфордских дам] весьма независимы от моды». Знаете, хочется спросить, сколько современных ювелирных бутиков требуется крохотному чеширскому городку? «Блэк роуз», «Афродита», «Инновейшн»; записывая эти манящие названия, я замечаю владелицу сандвич-бара, рыжеволосую даму лет сорока, которая улыбается мне из двери своего заведения. «Приценивайтесь к подарку?» — спрашивает она, стряхивая крошки с фартука, на котором стилизованный мультяшный кролик держит букет цветов. — Я часто думаю, не взять ли кредит на одну из этих симпатичных штучек... Пожалуй, если дела наладятся, вернусь за сережками». Не знаю, влияние ли это Гаскелл, но даже владельцы сандвич-баров в Натсфорде — записные сатирики.

Жители Натсфорда и публика из других мест вспомнили о «Крэнфорде» миссис Гаскелл благодаря недавней роскошной телепостановке Би-би-си. В Америке ее номинировали на «Эмми», стараниями театра «Пи-би-эс мастерпис». В интервью звезда и прима сцены, дама Джуди Денч, умело изложила в нескольких словах причины притягательности «Крэнфорда» для современной аудитории: «Мы утратили чувство общности, единения и, конечно, назойливо стремимся узнать, чем заняты другие». Посему «Крэнфорд» в изобилии представлен в натсфордском Центре «Тейпестри херитедж», на DVD и в иллюстрированных изданиях в витринах книжных магазинов. Правда, он не так бросается в глаза, как деревянная скульптура во дворе центра, жуткого вида то ли древесный дух, то ли языческий Пан, с руками-лентами и бородой из щепок. Признаться, разноцветные флажки, бесчисленные «юнион джеки» и DVD «Крэнфорд» смотрятся куда симпатичнее. В центре идет занятие по испанскому языку, и я различаю за переживаниями детского смеха средиземноморские глаголы, спрягаемые с выраженным чеширским акцентом. В Натсфорде, полагаю, поверхностное знание испанского пригодится, чтобы заказать хамон серрано и «риоху».

Возможно, виной всему «юнион джеки», но в воздухе словно было разлито смутное патриотическое чувство. Да, сеть «Дзицци» может торговать итальянской едой, но дверной проем соседствует со старой красной телефонной будкой Джайлса Гилберта Скотта и красным же почтовым ящиком, будто сообщая, что пусть это место, где наливают оливковое масло и где пахнет базиликом и чесноком, расположено оно в сердце Средней Англии. Рядом с рестораном находится миленький розово-белый переулок под названием Марбл-Арч, намного меньше и куда красивее Мраморной арки в Лондоне.

В конце Тэттон-стрит есть неприметный выход в знаменитый Тэттон-парк, «большой парк», упомянутый мис-

сис Гаскелл, излюбленное место отдыха горожан. Ребенком я приезжал сюда вместе с семьей на выходной, хотя сам бы предпочел отправиться к игровым автоматам на блэкпулском пирсе. Как и в старые добрые времена, теперь я провел час или два, гуляя по аллеям чудесного регулярного парка, однако сказать о нем особенно нечего, не считая того, что, когда я перед уходом счищал толику грязи со своих ботинок, женский голос за моей спиной игриво справился: «Ну, и кто у нас окажется в шикарной горячей ванне, когда придем домой?» Обернувшись, я с разочарованием понял, что женщина обращается к своему терьеру.

Совсем рядом с парком стоит несколько причудливое, но не сказать, чтобы отталкивающее, здание в итальянском стиле с вывеской «Номера Раскина». Еще поблизости магазин «Лора Эшли», великолепная маленькая терраса Хиллсайд, и почти безлюдно, если забыть о рассеянном старике, который чуть не задавил меня своей инвалидной коляской. Так было не всегда. Около шестидесяти лет назад этот уголок Натсфорда услышал выражения, которых не найдешь в «Крэнфорде», настолько красочные, непристойные и грубые, что даже Голливуду пришлось облагородить их, вкладывая в уста Джорджа К. Скотта, будущего лауреата «Оскара».

Мы не знаем наверняка, произнес ли генерал Джордж Паттон свою известную речь перед офицерами Третьей армии 5 июня 1944 года именно в Натсфорде, но вполне могло быть и так, поскольку в конце Второй мировой войны база пресловутого генерала «Кровь и кишки» располагалась поблизости. Сам Паттон остановился в «Номерах Раскина» и часто посещал местные пабы в Пиовере и соседнем Мобберли. Но если он и вправду выступил в этих краях с речью, выхолощенная версия которой открывает фильм 1970 года, значит, этот очаровательный и преуспевающий чеширский городок, по великолепной иронии судьбы, огласился такими фразами:

Вся ваша долбаная героичность — сущее дерьмо! Гребаные ублюдки, которые пишут всю эту херню для «Сатердей ивнинг пост», ни хрена не знают о настоящей войне, мать их так! Пусть лучше трахаются себе в тылу!

И:

Не забываете, вы не знаете, что я тут. Ни словом не упоминайте об этом. Миру не следует знать, что, черт побери, со мною случилось. Я вообще-то не должен командовать этой армией. Меня и в Англии-то быть не должно. Пусть первыми, кто это выяснит, станут долбаные немцы. Как я хочу, чтоб однажды они вскочили на задние лапы и взвыли: «Господи боже, это ведь снова клятая Третья армия и тот сукин сын Паттон!»

Паттону на самом деле не следовало находиться в Натсфорде, хотя весть о его прибытии вскоре и распространилась (а он, собственно, того и добивался). Некоторые утверждают, что этого актера-самоучку прислали сюда потому, что шишки в штабе считали его назойливой и сквернословящей помехой. Даже в сонном Чешире он ухитрился вляпаться «в горяченькое» и почти уничтожить свою карьеру. Так называемый Натсфордский инцидент — речь, в которой Паттон никак не упомянул о роли русских в ходе войны. Большинство очевидцев вспоминали, что он отозвался о русских, и даже лестно, но это предпочли замолчать — возможно, преднамеренно. Присвоение Паттону звания полного генерала отложили, а Эйзенхауэр выбрал его в яростном письме: «Я сыт по горло Вашим нежеланием следить за своим языком и начинаю сомневаться относительно наличия у Вас здравомыслия, столь необходимого командиру такого ранга». Однако старина «Кровь и кишки» благополучно выпутался, а Натсфорд обзавелся еще одной страницей истории.

Я иду по Джордж-стрит, где в нескольких витринах выставлены афиши спектакля «Требуется тело!», новой постановки театра «Литтл» (здание на углу улицы). Роскошные высокобюджетные постановки, вроде «Крэнфорда» в исполнении Би-би-си, находят братьев меньших в любительских спектаклях, что играют в церковных залах, небольших театрах и школах по всей Средней Англии. Можно даже сказать, что в них отражается частичка души Средней Англии, если вспомнить все эти самодеятельные версии «Выбора Хобсона», «Как важно быть серьезным», «Грязи» и «Ищейки», в которых выступают банковские клерки и дантисты, пекари, торговцы цветами и отставные полицейские.

Я охотно признаюсь в нежной привязанности к миру любительских театров. Я и сам поигрывал в спектаклях, хотя в Скелмерсдейле у нас была компания скалли, безработных на пособии, случайных лекторов и тому подобной публики. И все же мне нравится думать, что они до сих пор с благоговением вспоминают моего Макбета с ланкаширским акцентом; это была амбициозная постановка с современным костюмами, в которой я играл заглавного деспота под именем Дерека Хаттона. Скажу честно, любительский театр научил меня ценить смешные истории, и одну из них я приведу тут, поскольку она имеет некоторое отношение к Средней Англии. Мы играли благотворительный спектакль для уолсоллского филиала «Международной амнистии», и, когда занавес опустился, на сцену вышел типичный банковский клерк, мельком поблагодарил нас и перешел к важным делам. «Как вам известно, — начал он сурово, — каждый филиал “Международной амнистии” опекает собственного заключенного, которому мы оказываем всемерную поддержку. К сожалению, — здесь он выдержал паузу, интригуя, — нашего подопечного освободили».

Меткие замечания по делу и отчаянная, нервная, немного абсурдная одержимость недвижимостью и внешним

видом лежат в основе наблюдений миссис Гаскелл за Натсфордом, преobraженным ее волей в скромный и унылый Крэнфорд. Тогда горожан беспокоило скорое пришествие железной дороги и те перемены, какие эти грязные левиафаны внесут в их благополучные жизни. Кто знает, о чем они тревожатся сегодня? Кредитный кризис? Падение акций? Польские сантехники? Что бы это ни было, миссис Гаскелл наверняка наслаждается с небес счастьем этого городка, пусть ей и не досталось хотя бы пары дизайнерских темных очков.

Хотя Натсфорд знает о своих связях с Гаскелл и помнит о них, ни в коем случае нельзя сказать, что он безжалостно их эксплуатирует. Это было бы вульгарно и — вопреки «Холлиоукс» и радиостанции WAGS — не слишком-то по-чеширски. Индустрия литературного наследия, превратившая Хэворт в музейную выставку, а Стратфорд — в тематический парк, еще не успела обжиться тут. Рекламный буклет сулит «Крэнфордскую прогулку вокруг Натсфорда» (выпущен Обществом Гаскелл и продается по 80 пенсов, что едва ли можно назвать грабительской ценой). Несколько биографий, иная дань уважения: Гаскелл-авеню и Крэнфорд-авеню, Элизабет Гаскелл-корт, Мемориальная башня Гаскелл. Аптеки «Крэнфорд» и «Мэтти» и кондитерская «Крэнфорд» закрылись. К счастью для мучимого жаждой и стершего ноги меня, сэндвич-бар «Крэнфорд» работает.

Сидя там и потягивая латте, я задаюсь вопросами. Интересно, как назывался этот бар год назад и как он будет называться год спустя. Интересно, кто победит на довыборах в соседних Крю и Нантидже — вон объявление, в окне местного отделения консервативной партии, пусть и менее яркое, чем афиша спектакля Натсфордского общества любителей театра «Нет, нет, Нанетт». Между прочим, это общество часто называют акронимом КАОС, как легендарную хардкорную панк-группу из Лос-Анджелеса.

Интересно, членам общества дают скидки на концерт? Интересно, насколько Натсфорд / Крэнфорд двести пятьдесят лет назад был подходящим местом для молодых белокурых женщин, праздно бродящих по кафе в восхитительном, недоступном для мужчин состоянии между подростковыми мечтами и обязанностями взрослой жизни и гадающих, какой пирог попробовать. Те, что сидели рядом со мной весной 2008 года, заказали пирог с морковью и грецким орехом. И сказали, что за такую вкуснотищу не жаль умереть.

И картошка в нанитонском «Фрайуэйз» — тоже пальчики оближешь. Правда, мне кажется, что здешние клиенты не готовы за нее умереть. А местное заведение, в отличие от сэндвич-бара «Крэнфорд», не торгует здешним литературным символом и не называет себя «Мельницей под треску» или «Сосисками на Флоссе».

Понятия не имею, читал ли кто-нибудь из тех, кто питается тут сегодня, что-либо из сочинений Джордж Элиот. Несколько человек читают за едой, но они углубились в «Сан», а не в «Сайласа Марнера» и не в «Миддлмарч». Ну, и ладно. Картошка вкусная, а девица за стойкой такая же магнетическая, как Доротея Брук, и уж вряд ли свяжется со старым священником вроде Эдварда Кейсобона. Я бы назвал девушку из «Фрайуэйз» среднеанглийской розой. Вот только не типичной. На ней переливчатый топ «Умбро», и она одарила меня пакетом сладких золотистых чипсов за фунт и разговором, на каком, думаю, изъяснялись Шекспир и Джордж Элиот, и слова ее были особенно приятны, учитывая погоду: «Заходите скорее, совсем недавно шел сильный дождь и наверняка пойдет снова. Пакетик чипсов? Ровно фунт, милый, соль и уксус и все соусы вон там». После утонченности Натсфорда и Бата это могло показаться почти грубым. Но я проголодался, погода стояла мерзкая, а Нанитон и весь мир словно утонули в серой мороси.

Окно мокрое снаружи, над плитой поднимается парок, чипсы вкусные, а прием радушный...

Мое прибытие в город сопровождалось дурными знаменьями. Я встретил мужчину с гротескно татуированным лицом, как у воина маори после тяжелого нервного срыва; держа в руке бутылку «Спешл брю», он сидел с ужасающе уродливой собакой за столом снаружи паба. Афиша обещала в восемь тридцать «Безумные ножки», чтобы это ни значило. Через дорогу виднелись перекресток, принципа работы светофоров которого я так и не понял, и автобусная станция — первое, что попадает на глаза, когда выходишь с вокзала. Наверное, практично, но города, которые поступают так, совершают эстетическое самоубийство. Первое, что вы видите, когда выходите с вокзала Лайм-стрит в Ливерпуле, — потрясающее великолепие неоклассического Зала Святого Георгия. Это не случайно, это сознательное хвастовство. А выходя с вокзала в Нанитоне, вы видите автобусную станцию и галерею развлечений. Заодно с самой жуткой картиной сорта «человек и собака» в Уорикшире, хотя последнее, признаю, вряд ли можно назвать постоянным признаком. Переходя дорогу (шустро, конечно), я чуть не попадаю под автобус. На борту значится «Джордж Элиот — автобусы под заказ», и это вполне уместно, ведь я приехал на поиски Девы Джорджи.

На самом деле ее звали Мэри. Мэри Энн Эванс, дочь местного крестьянина, наделенная живым умом и проницательностью, религиозная радикалка, жившая в скандальном гражданском браке, одна из тех, кто создавал славу английского романа, не под собственным именем, но под псевдонимом. Ирония в том, что после Джордж Элиота никакой другой писательнице уже не нужно было прибегать к подобным неуклюжим ухищрениям.

Она не была красоткой, во всяком случае, если верить ее предположительному приятелю Генри Джеймсу, который описал Мэри, не слишком галантно, в письме к своему

отцу: «У нее низкий лоб, серые глаза тусклые, нос большой и с заметной горбинкой, огромный рот полон неровных зубов... Она великолепно уродлива — восхитительно ужасна... И за этим невероятным уродством скрывается самая поразительная красота, которая проявляет себя через несколько минут разговора и очаровывает ум, так что все заканчивают тем, чем закончил я, то есть влюбляются в нее». Выходит, это все-таки комплимент. Вдобавок Мэри не ощущала недостатка в комплиментах от прославленных современников и потомков. Вирджиния Вулф назвала «Миддлмарч» «первым романом для взрослых», а Д. Г. Лоуренс так отозвался об ее способности проникать в суть: «Понимаете, на самом деле все начала Джордж Элиот... Именно она начала помещать действие внутрь».

Я стащил «Миддлмарч» с библиотечной полки в школе, когда мне было двенадцать лет, отчасти потому, что я знал, что должен это почитать, а отчасти потому, что крошечный желтый томик, толстый, как Библия, выглядел очень симпатично. Он до сих пор со мной. Минули годы с того дня, когда я дочитал роман, а бесчисленные телепостановки в жанре «шляпки и вздымающиеся груди» настолько набили оскомину, что перечитывать его я нисколько не рвусь. Но я все же должен его перечитать. Это большой роман, не романтический в обычном смысле слова. Не о юноше, который встретил девушку. Он о женщине, которая выходит в мир. И изрядно разочаровывается.

Страдающая идеализмом, по совершенно дурацким причинам умная и любознательная Доротея Брук выходит замуж за Эдварда Кейсобона, скучного ученого, поглощенного религиозными исследованиями, ошибочными по сути. Это и несколько других событий происходят в провинциальном Мидлендсе в годы, предшествующие биллю о Великой реформе (1832), попытке вырвать политическую власть из рук богатых землевладельцев вопреки яростному сопротивлению тори. Роман — толстая книга с множеством

тем: политика, брак, образование, женщины, честь; но главное в нем — послушное, роковое и бессмысленное замужество бедняжки Доротеи.

Выясняется, что беда вовсе не в том, что преподобный Кейсобон простоват, старомоден или ни на что не способен в постели. Виной всему дефицит мужества ума. Он уныл, напыщен, скучен. Но и с сексом обстоит неважно, как мне кажется. Элиот лишь намекает на это, не говорит прямо — на дворе ведь 1870-й, в конце концов, — но намеки довольно прозрачные, как когда Доротею обнаруживают «горько рыдающей» в медовый месяц или когда даже Кейсобон жалуется, что он полагал брак «привольным потоком чувств», а нашел «мелкий ручей».

У Нанитона есть и другие известные сыновья и дочери. Интересная, кстати сказать, компания, от комика Ларри Грейсона до кинорежиссера левых убеждений Кена Лоуча и ханжи-домохозяйки Мэри Уайтхаус. Но ни один из них не удостоился больницы или маршрутного автобуса своего имени и не обессмертил родной город, как Джордж — точнее, Мэри, — под названием Милби в «Сценах из духовной жизни» (ближайший сосед, Ковентри, стал моделью для Миддлмарча).

В интернете предлагают прогулку по «Нанитону Джордж Элиот», всего горстка памятных мест, наподобие больницы; поэтому я решил идти, куда поведут ноги, по пешеходным улицам, что стискивают центр города, словно дружелюбный осьминог. Прогуливаясь таким образом, я наткнулся на самый крошечный «Дебнемс» в мире, рядом с закрытым баром «Барракуда». В потертом, усыпанном мусором дверном проеме женщина лет семидесяти в золотистых босоножках на шнуровке курит сигарету. На центральной площади дама приблизительно того же возраста, в ярком розовом жакете, спрашивает меня, который час. В наши дни информационной перегрузки я как-то привык считать подобный вопрос преамбулой к физической расправе. Но вряд

ли у дамы в розовом такие планы. Она выглядит законопослушной. Поверх каждой урны громоздится крохотная пирамида окурков. А местный акцент такой забавный: «Ето не слешком здорово, да?» — уточняет дама, заметив прогноз погоды по включенному телевизору в витрине магазина электротоваров.

Восхитительно: в мемориальном саду Джордж Элиот происходит свидание. Не того типа, разумеется, как в «Эдаме Биде» или в «Сценах духовной жизни». Юнец в кожаной куртке пытается запустить руку под футболку своей подруги. Во всяком случае, я предполагаю, что это его подруга. Возможно, они только что встретились, это и объясняет ее нежелание позволить ему продолжать исследования. В целом же она воспринимает все довольно благосклонно, судя по хихиканью, переходящему в визг, и редким якобы возмущенным возгласам: «Ну, Даррен!»

Через сад протекает речка Анкер (это название наверняка веселит всех Дарренов Нанитона), медленная, дремотная, и вода в ней цвета старого бильярдного стола. Несколько уток бродят у берега. Внезапно появляется человек — конечно! — в светоотражающем жилете, выпрыгивает словно из ниоткуда, машет руками и распугивает птиц пронзительными воплями. Это его работа, интересно?

Джубили-Бридж над плотиной «частично возведен на средства ЕС». По нему вы попадаете в город с тыльной стороны, мимо самого крутого на свете общественного туалета и мимо разгрузочного двора «Маркса и Спенсера». Тюрьму переделали в бистро, мне нравится такой смелый подход. Я вижу около красивого здания городского совета памятный камень с надписью «Prêt d'Accomplir». Мои скудные познания во французском поначалу вынуждают меня перевести так: «Мы уже сделали его»; по-моему, шикарный девиз, столь же небрежно хвастливый, как: «Нанитон: ага, ну да, в общем...» Увы, на самом деле фраза гласит: «Готов к свершениям».

Шоппинг-центр Роупуок ничуть не менее безобразный и бездушный, чем подобные центры во всех прочих английских городках. Стекло, бетон, негромкая музыка отдаётся эхом, лица покупателей бесстрастны; поневоле вспоминаешь фильмы Джорджа Ромеро. И потому с облегчением уходишь на рыночную площадь, где есть деревья, киоски торговцев цветами и филиал «Торнтона», чей персонал такой же приятный, как их сладости, и соблазняет неосторожного путешественника пралине и прочими вкусностями.

Я в конечном счете вырвался из сладких тисков и случайно наткнулся на статую — что-то вроде гигантского гриба или букета, причем из наспех отрубленных, а потом собранных в кучу ушей. Ну-ка, что там с датой на табличке? Конечно, 2000 год, миллениум обернулся настоящей эпидемией образчиков дурного вкуса. Ярдах в ста от ушей высится другая статуя, куда более симпатичная — сама Джордж.

Она сидит на чем-то наподобие пня, ей явно неудобно, и она сутулится. Возможно, утомилась после целого дня проникновений в суть. В остальном статуя превосходная, ее изваял Джон Леттс в 1986 году по заказу Общества Джордж Элиот. Саму площадь заполняют матери с малышами, бездельничающие студенты и болтающие пенсионеры. Здесь вся человеческая жизнь, сплетничает, надеется и сожалеет, как и в те дни, когда леди, ныне отлитая в бронзе, ходила среди них и присматривалась к их причудам и недостаткам, полтора столетия назад.

А. С. Байатт пишет, что название «Миддлмарч» «неразрывно связано с центральными английскими провинциальными областями, где и происходит действие, [но] это микромир, локализованный и одновременно универсальный, сочетающий тела и умы, личности, семьи и группы, рождение и смерть, трагедию и комедию, Рим и Европу, а также Среднюю Англию и Средиземье».

Ну да, А. С. Байатт — очень умная женщина, мне таким умным вряд ли суждено когда-либо стать, поэтому я не вполне понимаю последнее сравнение. Но в целом я готов согласиться, ведь одна из моих недоразвитых, но любимых теорий гласит, что наитипичнейший автор Средней Англии — не Джейн, не миссис Г., не Джордж, равно как и не Джилли Купер, Дж. К. Роулинг или Анита Брунер. Нет, это курильщик трубки из Бирмингема, который взял тихие достоинства старой доброй пивной Средней Англии, чуточку их выпятил — и отправил в путешествие в ад и обратно.

Дорога в Мордор началась в Эджбастоне. «Братство Кольца» ковалось у мельничного пруда неподалеку от трассы А-4040, в пригороде Бирмингема под названием Холл-Грин. Наиболее популярный на протяжении многих лет предмет культурного экспорта Средней Англии по происхождению — из пригородов Мидлендса. Джон Рональд Ройл Толкин родился в Южной Африке, но рос, воспитываемый овдовевшей матерью, в деревне Сархол под Бирмингемом на исходе девятнадцатого столетия. Он влюбился в эти места «той любовью, которая представляет собой ностальгию наоборот... Я рос, можно сказать, в бедности, но был счастлив, когда бегал по округе. Хоббитов я вообразил, разглядывая односельчан и их детишек. Ребята меня, пожалуй, презирали, потому что матушке нравилось видеть сына пригожим. Я ходил с длинными волосами и в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя... Хоббиты — те, кем я хотел бы быть, но никогда не был, существа совершенно невоинственные, но всегда готовые напроказничать».

На мой взгляд, это отличное сведение воедино всех достоинств Средней Англии. Все равно как в «Папашиной армии» и во фразах вроде: «Нас можно только заставить». Они (мы?) никогда не ищут неприятностей, но, если проблемы возникают, касаются лично нас или затрагивают на-

ших более слабых соседей, — тогда будь начеку, приятель, хоть ты мерзкий австрийский маляр с идеей мирового господства или призрачный Саурон, засевший в черной башне. С художественной точки зрения Сархол стал оселком, на котором Толкин впоследствии оттачивал воображение. Можно даже сказать, хоббитормировался. Простите за такое слово.

Впоследствии он вспоминал с нежностью: «Это было нечто наподобие утраченного рая. На старой мельнице два мельника и вправду мололи зерно, в большом пруду плавали лебеди, еще была песочница, замечательный овраг с цветами, несколько старомодных деревенских домов, а дальше протекала река с другой мельницей. Я всегда знал, что оно не исчезнет — и так и случилось».

Как ни жаль противоречить великому человеку, в первоначальном виде место не сохранилось. Однако, глядя теперь на округу, я думаю, что она, должно быть, выглядит не хуже, чем когда браконьерствовал Толкина и его брата гонял сын мельника, светловолосый Джордж Эндрю, которого они прозвали Белым Огром, потому что он частенько был с головы до ног в пыли от помола. Некоторые считают, что Толкин изобразил его в Сарумане — или даже в Гэндальфе. Перед самой смертью, в 1959 году, он обронил в разговоре с соседом: «Эта парочка паршивцев доставляла много хлопот».

В свое время в Бирмингеме было пятьдесят рабочих водяных мельниц; та, что Сархале, — едва ли не единственная уцелевшая. Под старость Толкина она сделалась достопримечательностью. В 1968 году бирмингемский автор Кит Брэйс писал, что, если покопаться в ржавых ведрах и разлагающихся в воде крышках, если убрать это безобразие, можно обнаружить «выцветший манускрипт» толкиновского Ши́ра. Вскоре после этого, и после многих лет пренебрежения и вандализма, муниципальный совет в конце 1960-х занялся восстановлением местности. Толкин дал

свое благословение, но был уже слишком слаб, чтобы посещать какие-либо церемонии. Зато ныне местность полностью восстановлена, как парк и как музей, и привлекает тысячи посетителей в год. Веб-сайт утверждает, что она «увековечена во “Властелине колец”»; это чушь, разумеется, но не будем придираться.

Тут и вправду проделали большую работу по восстановлению Сархола в чудесной долине речушки Коул. Приехав сюда, я сразу замечаяю, что через месяц намечен Толкиновский день и что голодные гости могут отведать сэндвич с беконом в кафе «Хоббит» сразу у развилки. Близлежащее болото Мозли, прототип Старого Леса, осушили и дренировали, но оно сохраняет атмосферу жутковатого, загадочного места. Сильно пахнет диким чесноком. На глаза попадает знак: «Опасно! Агрессивные сорняки!»

Меня водит по окрестностям фантастически энергичный и дружелюбный юный гид по имени Тим, который извиняется, что никакой не «эксперт по Толкину», но оказывается самым настоящим экспертом, сведущим и неназойливым и помешанным вдобавок на истории водяных мельниц. Он вкратце излагает биографию Толкина, сообщает, что из Сархола тот перебрался в другой пригород Брума, Мозли, но «ему там не понравилось — наверное, слишком много студентов» (как известно, Бирмингем — студенческая столица, сплошные интернет-кафе и лавки с импортными пластинками). Я спрашиваю Тима, водит ли он экскурсии на полную ставку, и он с улыбкой отвечает, что повторно подал заявку на должность, которая официально называется «Сезонный частично занятый помощник по работе с клиентами». Советники, хватит мотаться в Барселону, дайте этому парню достойную работу. Он ее заслуживает.

Обратно в центр Бирмингема из Сархола, вниз по Хэгли-роуд; на второй остановке после островка безопасности Файв-Уэйз и паба «Плут и борона» сверните на Уотеру-

оркс-роуд, и там, возвышаясь над газетными киосками, торчит Минас-Моргул, Темная Башня, логово колдовского короля Саурана. Интересно, беспокоит ли он жильцов дома номер 62?

Причуда Перротта — самая безумная архитектурная диковинка Бирмингема. Она возносится на сотню футов над жилыми кварталами Ледивуда; впрочем, в 1758-м, когда Джон Перротт возвел эту башню, внизу расстилались поля и луга. Перротт мечтал увидеть с макушки башни могилу своей жены, похороненной в десяти милях отсюда. К несчастью, мечте помешали осуществиться вставшие на пути взгляда холмы Глент, и потому башня, не оправдавшая чаяний, получила прозвище «Причуда».

Недавно эту башню открыли для посещений, в качестве эксперимента, и любопытствующие повалили толпами. Осторожно карабкаешься по холодному, выбеленному камню, лезешь по винтовой лестнице, заглядываешь в полдюжины или около того крохотных комнатшек (они нужны, чтобы разминуться с теми, кто спускается). До самой макушки не добраться. Точнее, можно и добраться, если вам повезет, чтобы снимать о башне документальный фильм; мне в 2007 году повезло. Это невероятное, восхитительное ощущение, словно очутился на бастионе средневекового замка посреди жилых кварталов крупного города. Оттуда видны холмы Глент, за ними проступают Малверн и Клан, а ниже по дороге виден Ортханк, вторая из Двух Твердынь.

На нее указал мне человек из Толкиновского общества. Сам он подниматься не стал, кричал снизу, сославшись на большую ногу. Причина, по которой сюда приезжают люди, видите ли, в том, что после сельского покоя Сархола семейство Толкин поселилось на Стерлинг-роуд. И каждый день, шагая в школу и глядя из окна спальни, Толкин видел два мрачных, внушительных викторианских здания, и образы Двух Твердынь Средиземья мало-помалу вызре-

вали в его воображении. Между прочим, во «Властелине колец» упоминается много башен, но сам Толкин, похоже, подразумевал под «Двумя» Минас-Моргул и Ортханк, а не Минас-Тирит. Возможно, вы ничего не понимаете и заскучали, я приношу извинения, но дело в том, что я пытаюсь избежать потока гневных писем, обвиняющих меня в кощунстве. Творчество Толкина превращает людей в фанатиков, а не только в восторженных поклонников. На одном сайте я видел фотографию группы людей, все в эльфийских или хоббитских нарядах, на фоне сархолской мельницы: они всерьез разыгрывали жизнь «по Толкину»; а указатель дороги к «Причуде Перротта» на том же сайте гласит: «Я всегда находил у местных уроженцев радушный прием, но надлежит блюсти осторожность, юный хоббит, ибо ныне сей край пребывает в запустении, а, как издавна ведется в таких местах, тут хватает злодеев. Найди спутников, если сможешь, и будь осмотрителен — ибо никогда не знаете, откуда может выскочить орк...» Глупо, конечно, но спасибо за заботу.

Сейчас модно посмеиваться над Толкином. Как и в «Миддлмарч», я не заглядывал во «Властелина колец» много лет, но мне непонятны люди, глумящиеся над трилогией о Кольце Всевластия. Это же так просто. Кроме того, поклонником трилогии был Оден, а если она хороша для Одена, значит, хороша и для меня. Более того: если она была достаточно хороша для Одена, значит, хороша для любого. Ее чрезмерная суровая героичность — именно то, что восхитило меня двенадцатилетнего. Боб Дилан говорил: «Чтобы жить не по закону, ты должен быть честным»; перефразируя, чтобы оказаться фантастическим, надо быть совершенно серьезными. «Хи-хи» убивает жанр, обнажает всю его нелепость. Вот почему Терри Пратчетт и «Красный карлик» — не для меня. И вот почему я плакал, когда Доктор Кто потерял Роуз в том пространстве и в том времени.

На самом деле это означает, что у Толкина не найти смешных шуток. По сути, у него вообще нет шуток. Но держу пари — спроси вы его, он бы сказал, что у него отличное чувство юмора. И в этом столько же от англичанина, сколько его в чае, печенье, работе в саду, стоянии в очередях и гордом выбрасывании сломанной машины перед тем, как поколотить официанта-испанца.

Глава 7

Шутки как шутки

Житель Средней Англии скорее признает, что ни на что не годен в постели, чем согласится, что лишен чувства юмора. Ему важнее, чтобы мальчишки смеялись, чем чтобы женщины пели. Он готов сознаться в отсутствии музыкального слуха, сорванной спине, слабости духа и даже в маленьких повседневных конфузиках сами знаете где, но ни за что не скажет сам, что ему недостает «органа юмора». Вообще-то Среднюю Англию — а фактически, всю Англию — можно назвать самодовольной, расистской, унылой, глуповатой, безобразной, ленивой и мягкотелой. Но категорически не советую говорить, что она не понимает шуток.

Само выражение «чувство юмора» по сути среднеанглийское. На свете нет таких понятий, как «чувство гнева» или «чувство секса»: вы просто злитесь или возбуждаетесь. Мне всегда казалось, что таинственное выражение «чувство юмора» означает что-то вроде этого: «Я согласен терпеть смех как явление, но не имею ни малейшего понятия, на что он похож и как его вызвать». Иметь чувство юмора пристало одновременно и униженному — например, незаслуженно обруганному работнику, — и власть имущему,

будь то босс или учитель, которому «шутки нравятся, как и всем остальным». Для англичанина юмор — оружие, кость, афродизиак и социальный «размягчитель».

Несколько лет назад я бродил по многоэтажному магазину игрушек в Токио. Если учесть очаровательное, но немного хромающее пристрастие японцев к английскому языку, магазин, должно быть, назывался «Смерть робота Трилби» или «Страна кашля!» Так или иначе, я отыскал в нем набор сувенирных кружек, представляющих страны мира. Ниже звезд и полос на американской кружке было написано: «Наши американские кузены храбры и сильны. Мы любим их фильмы и нашу новую дружбу!» На французской упоминались кухня и одежда. На британской имелись «Юнион Джек» и фраза (дословно не помню) в таком вот духе: «Заставить нас веселиться весь день — на это гораздо наши британские друзья».

Приятно, черт возьми, и, если подумать, несколько обескураживает. Великобритания, страна, подарившая миру мосты, ядерную энергию и железные дороги, ныне превратилась в комедийного актера. Этаким мировой паяц; почему бы не посмеяться, раз серьезные дела, типа изобретений и экономического могущества, остались в прошлом?

Я, конечно, преувеличиваю. Британец изобрел Всемирную паутину, британец проектировал «айпод» — мы все еще на что-то годимся, когда прилагаем усилия. Но если мы — самая смешная нация в мире, почему не мы выпускаем «Симпсонов»? Впрочем, ложка дегтя тоже имеется. Да, мы по-прежнему рвемся и стремимся. Однако и сами благополучно, пусть и с толикой снобизма, убедили себя, что мы — самая смешная нация на планете.

Поразительно, правда, — и чертовски раздражает. Особенно когда какой-нибудь олух в пабе принимается с умным видом рассуждать, что американцы «не въезжают в иронию». Эй, ау! Если вы уверены, что американцам не знакома ирония, значит, ваш телевизор не показывает тех

же «Симпсонов», «Друзей», «Умерь свой пыл», шоу Ларри Сандерса, «Розанну», «Фрэйзера» и «Сайнфелда», и вы никогда не слышали о Вуди Аллене, Ленни Брюсе, Ричарде Прайоре и Саре Силверман. Американский юмор богат на тонкую иронию, а мы давайте не забывать, что главный комедийный момент всех времен в Британии — когда Дэвид Джейсон падает в пабе.

Мы любим фарс. По пятам за падениями Дэвида Джейсона в любом списке классических комедийных гэгов Средней Англии наверняка идут катание с песнями на скейтах Майкла Кроуфорда и Фрэнка Спенсера из шоу «Мамаши это могут» и гусиный шаг Джона Клиза, крадущегося через холл в «Башнях Фолти». Кстати, последний сериал обнажает и другую характерную черту среднеанглийской комедии, в особенности телевизионной, — растоптанные амбиции, тщеславие и мелочность маленького человека заставляют нас смеяться, пусть и стыдливо отводя взгляд, со времен Мальволио, носившего желтые чулки и подвязки крест-накрест в убеждении, что так он выглядит секси.

Комическая песня разочарованного маленького человека быстро сделалась — и осталась — главным товаром нашей юмористической индустрии. Первым «забавным» сериалом в «Панч» были опубликованные в 1845 году «Лекции из-за занавеса миссис Кодл», сочинение Дугласа Джерролда о муже-подкаблучнике, норовящем сбежать от жены, и, возможно, диккенсовские по духу «Джордж и Милдред». Полстолетия спустя «Панч» представил публике «Дневник человека-никто» Джорджа Гроссмита и легендарного Чарльза Путера, самодовольного и скучного клерка, отчаянно старающегося блюсти приличия, но вечно, к его собственному ужасу, не попадающего в лад. «Эхом» Путера можно считать персонажей от Хэнкока до Бэзила Фолти, от капитана Мэйнуэринга до Мартина в исполнении Ричарда Брайерса из «Круг сужается» и различных карикатур и пародий на Джона Мейджора.

Английский романист и критик Майкл Брейсвелл заметил: «Британская комедия положений в былые времена пребывала в стойкой уверенности — это неизменно было главной темой ситкомов, — что лучшее в жизни уже позади, возможности упущены, и во всем виноваты обстоятельства или судьба». Раздражительный хозяин гостиницы в исполнении Клиза — очевидно, глубоко разочарованный человек. Вовсе не на такую жизнь он уповал. Вовсе не таким видел в мечтах свой отель. Он надеялся, что сам отель и его гости будут более классными, более стильными. И теперь презирает все и вся, а прежде всего — самого себя, за то, кем он стал. Но маскирует это презрение напыщенностью, как и Хэнкок, живущий в доме 23 по Рейлвей-Каттингс, как Ригсби в «Повышая влажность», как молодой Стептоу, то есть Стептоу-сын, в одноименном ситкоме или как Дэвид Брент в «Офисе».

К лучшему или нет, «Офис» оказался самым влиятельным британским телевизионным ситкомом последнего десятилетия. Он установил планку для множества последующих постановок, а к лучшему это или нет, я сомневаюсь потому, что, подобно «Монти Пайтон» и комиксам «Уиз», другим важным вехам английской комедии, этот сериал породил множество подражаний, по большей части мало-вразумительных. «Пайтоны» широко распространили ошибочное мнение, что слова «зад», «хорек» и «внешняя Монголия» смешны сами по себе, особенно если выкрикивать их гнусавым голосом; после «Уиз» прилавки буквально захлестнула волна топорных и неостроумных комиксов; а талант Рики Джервейса и Стивена Мерчанта создал среду, в которой неловкие положения заменили собой шутки и в которой с разным успехом процветали личности, куда менее талантливые, нежели они сами. Это признак перемен в общей картине того, над чем смеется Средняя Англия. Когда-то давно наблюдать за чьим-то замешательством, будь то Лес Деннис или кто-то в дурацкой обуви, было «непри-

лично», даже в драме. А сегодня на этом строится большинство гэгов. О чем, похоже, забывают подражатели, так это о том, что в «Офисе» неловкость смягчается теплом любовной истории и что потешаются в основном над полными уродами, заслуживающими, чтобы их высмеивали.

Это приводит нас к сатире. Нам нравится думать, что мы любим сатиру, но на самом деле мы попросту любим, когда кого-то высмеивают. Шоу «У меня есть новости» добивается популярности, остря по поводу объема талии Джона Прескотта или странностей Энн Уиддкомб, а не расследуя парламентскую коррупцию или обращая внимание на уровень жизни населения.

Вообще-то беднота, толстяки и старики служат мишенями для большинства «тетушек Салли» почти во всех комедийных радиопередачах, популярных в нынешней Средней Англии; как заметила актриса Рона Кэмерон, эти передачи создают, похоже, чтобы найти занятие неостроумным «шикарным мужчинам». Джорди поголовно толстые, старики пахнут мочой, чавы невежественны, Джордж Буш глуповат. Это прямая противоположность подлинной сатире, Свифту или даже Крису Моррису, эти насмешки не бросают вызов, а успокаивают, внушают слушателям уютную уверенность в их превосходстве, в сытом довольстве политикой и мировоззрением. Специальные выпуски моррисовской программы «Медный глас» по-настоящему провокационные, шокирующие, весьма смешные и обнажающие истинное лицемерие. Чтобы отыскать хотя бы слабое их подобие в наши дни, придется постучаться в ворота той лишенной иронии и «интеллектуально дефективной» страны, которую так любят порицать наши «сатирики», — Соединенных Штатов Америки, к постановкам вроде «Луковые новости» и «Ежедневное шоу».

Кое-что вселяет беспокойство, поскольку, во-первых, одной из фундаментальных добродетелей Средней Англии является, по-моему, то, что Дж. Б. Пристли называл «при-

родной добротой и любезностью англичан». Во-вторых, объедаясь той бурдой, которую нам выдают за сатиру, мы рискуем потерять нюх на настоящие шутки. Самое смешное шоу из выходящих на «Радио-4» в последние годы — это телефонные розыгрыши «Снимите трубку», которые высмеивают и безличность телефонных бесед, и самоуверенных кретинов (их хватает в каждой социальной группе, среди людей всех кровей и рас), звонящих на подобные шоу. Конечно, с выходом первой передачи цикла на станцию сотнями принялись названивать эти типы — чтобы пожаловаться. Они не поняли, что это шутка, разумеется, не поняли, что их-то и высмеивают. Увы, сегодня шоу подается под довольно неуклюжим подзаголовком «комедия от создателей “Фаст-шоу”», чтобы все понимали, и это печально.

Другой основой — нередко розовой, между прочим — в богатом гобелене английского юмора служит секс. О нем упоминали Чосер, Шекспир и Филдинг, и он по-прежнему забавляет. На протяжении многих лет семьи, отдыхавшие в Скегнесе и Богноре, посылали домой тетушке Мод открытки, на лицевой стороне которых сморщенный, явно сексуально непригодный мужчинка отскакивал в ужасе от распаленной нимфоманки.

В «Панче» о Дональде Макгилле написали, что он был «самым популярным, следовательно, самым выдающимся английским живописцем столетия». Но ведь Макгилл изображал не стога сена, не лошадей и даже не коров в формальдегиде. Он рисовал сексуальных продавщиц, пышногрудых медсестер, румяных шотландцев в килтах, толстух в бикини и «ботаников» в фетровых шляпах и с глазами навывкате. В разгаре его популярности в середине прошлого столетия дерзкие, красочные, комические открытки Макгилла продавались по два миллиона в год в одном только Блэкпуле. Мы называем их «дерзкими», потому что «непристойный» — слово слишком сильное. Они вовсе не

непристойны, в них много детской непосредственности. Как писал Джордж Оруэлл в своем известном эссе «Искусство Дональда Макгилла»: «Четыре основные темы для шуток — нагота, незаконные дети, старые девы и молодые, и ничто из этого не покажется забавным в по-настоящему развратном или хотя бы “утонченном” обществе».

Оруэлл воспринимал искусство Макгилла как своего рода предохранительный клапан, позволяющий обществу стравливать пар. «Это, можно сказать, сатурналия, безобидное восстание против ханжества. Они отражают единственное свойство человеческого разума, свойство, которое всегда на месте и всегда просачивается, как вода. В целом люди стремятся быть хорошими, но не слишком и не все время... Есть некая часть личности, жаждущая славы героя или святого, а другая часть — маленький и толстенький человек, который хочет прежде всего уцелеть и не понести ни малейшего урона. Это наше неофициальное я, “голос нутра”, возражающий голосу души. Ему милы покой, мягкая постель, безделье, пинта пива и женщины с “формами”. Он рушит ваши благие намерения и побуждает думать только о себе, изменять жене, не возвращать долги и так далее. Поддадитесь ли вы его влиянию, не столь важно. Но кто утверждает, что внутри него такого человечка нет, попросту врет...»

Когда тори вернулись к власти в 1951 году, они решили расправиться с «падением морали», которое, по их мнению, случилось в годы Второй мировой войны. Появились многочисленные комитеты, оценивавшие вкус и благопристойность художественных произведений; цензуре подвергли 167 000 книг. Обратили внимание и на старину Макгилла, которому пригрозили судом в соответствии с законом о непристойных публикациях (прошлого столетия). Макгилл, которому уже было за восемьдесят, признал себя виновным, чтобы избежать заключения. Его приговорили к штрафу в 50 фунтов плюс 25 фунтов на судебные издерж-

ки. Сумма смехотворная, однако этот процесс оказал разрушительное воздействие на индустрию «дерзких» открыток. Их перестали печатать, заказы отменялись. В свингующих шестидесятых, при торжестве нового либерализма, открытки Макгилла уже воспринимались как вульгарный анахронизм. Однако их «пикантное» и лукавое комическое мировоззрение ожило на телевидении, в сериалах вроде шоу Бенни Хилла и фильмах цикла «Так держать», многие из которых, по сути, макгилловские открытки, восставшие к новой жизни.

Любопытно, что в интервью «Нью-Йорк таймс» стойкий приверженец цикла «Так держать» Джим Дэйл назвал «дерзкую» открытку оселком английского юмора. «Мы воспитываемся на грубой комедии... Четырехлетний английский мальчик идет на почту и отправляет своей 84-летней бабушке открытку, которую мы назвали бы “грязной”. Он может выбрать ту, на которой изображен толстяк, стоящий в океане и отпускающий какое-то замечание. Он посылает эту открытку своей бабушке, и та оценит шутку и посмеется».

В цикле «Так держать» Сид Джеймс олицетворяет собой вечно приапического и похотливого британского самца, пусть и слегка потрепанного жизнью; тот же персонаж присутствует в почти бесконечном цикле «Признания» (1970-е), в сериалах «На автобусе» и «Братья Лайкли». Назовите меня извращенцем, но по мне «Братья Лайкли» — сериал правдивый и умело снятый: чувства к девушкам — вот что объединяет Терри и Боба, вопреки разнице прочих интересов.

Другие из упомянутых циклов, напротив, по мне — полный отстой. В цикле «Признания» Робин Асквит играет мужчину сексуально неутомимого и практически неотразимого, по крайней мере, ему крайне сложно противостоять. Цикл представляет собой своего рода антитезу бондиане в этом отношении: женское внимание притягивают мо-

лочники и таксисты, а не пилоты или шпионы, и это явная подачка рабочей молодежи, приманка для новой аудитории. Но даже социология тем не менее не в состоянии объяснить длительную популярность «На автобусе». Сериал продержался всего четырех сезона, с 1969 по 1973 год, но казалось, будто он идет десятилетиями и столь же забавен, как эпидемия оспы. Его смотрели буквально все, а число зрителей одного из спинюфов основного фильма превзошло количество тех, кто ломился на «Бриллианты навсегда». Каждую неделю «юмор» заключался в усилиях покойного Реджа Варни, водителя автобуса, и его приятеля-кондуктора, мужчин весьма зрелого возраста, но все еще живущих с родителями, заставить молодых женщин обниматься с ними в автобусе, припаркованном где-нибудь на отшибе. Даже в нежном детском возрасте я понимал, что этот сериал — мягко говоря, странный и неправильный. Редж, тебе пятьдесят, думал я. Найди же себе квартиру, и кто знает — может, однажды билетерша Этель заглянет к тебе на стаканчик «Блю нан» под закуску и, сам понимаешь, на секс.

По всему сериалу кочует и другой неизменный персонаж британской сексуальной комедии: печальный, скучный муж, не желающий или неспособный удовлетворять потребности своей чувственной женушки. В «На автобусе» это Артур и Олив; в «Джордже и Милдред» это, какая неожиданность, Джордж и Милдред, причем первый вечно разочаровывает вторую. Варианты развития этой меланхолической темы можно проследить в таких парах, как Бэзил и Сибил, Ригсби и мисс Джонс, Аркрайт и медсестра Глэдис Эммануэль, и т. п. Спальня, как ни крути, либо терра инкогнита, либо арктическая тундра.

Но вот «Терри и Джун» совершенно не хочется включать в этот ряд. Вообще не хочется о них вспоминать. Ну да, в них попасть проще, чем в мишень для дартс, стоя к ней вплотную, но «Терри и Джун», между прочим, отравили многие подростковые вечера своей любопытной и

принципиально тоскливой версией «реальной жизни», которую я попросту не признавал. Если смотреть на нее сквозь призму ситкомов 1970-х, семейная жизнь жителя Средней Англии сводилась к тому, что отец семейства уходил на работу с зонтиком и носовым платком в нагрудном кармане, возвращался в семь и пил виски с содовой из графина, а его жена весь день готовила говядину по-бургундски в кассероли, чтобы ублажить уставшего муженька ввечеру. Я смотрел на все это, поедая хрустящие лепешки, и мир кастрюль, стянутых зонтиков и графинов казался мне дальше Папуа — Новой Гвинеи или Нептуна. Да кто так живет? Разве что в том месте, которое медиа-аналитик Энди Медхерст называл «зоной гномов». В пригородах режиссера Дэвида Линча, судя по фильму «Синий бархат», владения тьмы начинаются сразу за забором: затейливый секс, кислородные маски, отрезанные уши... В «зоне гномов» респектабельность скрывала тихую панику и мелкие беды: подгоревшие суфле, одолженные клюшки для гольфа, сорванная спина...

Том и Барбара Гуд жили в сердце «зоны гномов», однако во многом отличались от Терри и Джун лондонских пригородов. Во-первых, было похоже, что они и вправду нравятся друг другу. Они целовались, обнимались и занимались кое-чем еще. И, конечно, не увлекались графинами и кастрюлями, разве что в графине не плескалось дешевое бургундское, а в кассероли не томилась чечевица. Возможно, они были бродягами, зато имели постоянный адрес — Ситком Централ.

Чтобы попасть в Сурбитон из Малого Лондона, нужно сесть на поезд до Бейсингстоука с платформы 2 вокзала Ватерлоо. Уже смешно, правда? Две американские туристки хихикают, когда по радио объявляют посадку на Сурбитон. Неужели смешно даже подросткам из Бойса, штат Айдахо? Неужели они видели «Хорошую жизнь» на канале Эй-би-оу?

«Хорошая жизнь», один из лучших британских телевизионных ситкомов 1970-х, представляет собой самое известное комическое описание Сурбитона. Не единственное, разумеется. В 1906 году Кебл Говард написал книгу «Смиты из Сурбитона. Комедия без сюжета». Даже тогда, по видимому, этот пригород пользовался славой местечка, где процветает забавное тупоумие. Намного позже, в начале 1980-х, юный ливерпульский программист Мэтью Смит сделал местом действия своих чрезвычайно успешные игры «Бешеный шахтер» и «Реактивный Вилли» (для «ZX Spectrum») «пещеры Сурбитона» — типично скаузерская шуточка, высмеивающая уют и тишину пригорода. Ливерпуль, как говорят, в середине 1990-х даже обсуждал, не принять ли слоган «Ливерпуль — это не Сурбитон». Примерно в то же время Джон Сешенс и Фил Корнуэлл запустили свой безумный комедийный сериал «Стелла-стрит», основанный на допущении, что знаменитости вроде Дэвида Боуи, Марлона Брандо, Кита Ричардса и Майкла Кейна живут на обычной улице в — правильно! — Сурбитоне.

Но символом «благородного пригорода» Сурбитон стал именно благодаря «Хорошей жизни», «прото-экологическому» ситкому 1970-х в постановке Джона Эсмонда и Боба Ларби, где играли главные роли Ричард Брайерс и Фелисити Кендол, то самое семейство Гуд, старающееся избежать потребительских ловушек и «достойно» жить в пригороде, а Пенелопа Кийт и Пол Эддингтон изображали их приличных соседей с замашками снобов. «Хорошая жизнь» сегодня воспринимается как провидческая комедия, во многом она предвосхитила нашу озабоченность истончением озонового слоя. В те времена, впрочем, озоновому слою уделяли куда меньше внимания, чем восхитительной попке Фелисити Кендол, одержимость которой обуяла едва ли не всю нацию.

Для некоторых «Хорошая жизнь» была воплощением бессмысленности телевидения, но это несправедливо. Иг-

рали актеры превосходно, а фабула — мягкосердечные «эко-воины» в твердолобо консервативном пригороде — нередко демонстрировала настоящий полет воображения, особенно по сравнению с тоскливыми, скучными, неостроумными шоу «с той стороны» — всеми этими «Выбирайте выражения», «Благослови этот дом» и «Любите ваших соседей». А еще попка Фелисити Кендол. Или я уже ее упоминал?

Именно «Хорошая жизнь», больше, чем что-либо еще, закрепила за пригородом прозвище Субурбитон. На самом деле свое имя пригород получил от Южного Бартона, с годами эти два слова слились в «Сурбитон». Северный сосед, Норбитон, благополучно избежал шуток на свой счет. А Сурбитону дурную услугу оказал Альфред Бестолл, много лет писавший «истории о Руперте» для «Дейли экспресс». Бестолл, убежденный и мрачный холостяк, был опорой методистской церкви Сурбитона, считал, что его работа на лорда Бивербрука есть приношение Господу, и, если верить «Гардиан», «стремился избавить истории от присутствия тьмы, каковое он с ужасом обнаружил в трудах своей предшественницы, Мэри Туртел. Он был воплощением, можно сказать, узколобой, пугливой пригородной этики». В итоге Сурбитон, лежащий на берегу реки и окруженный ореолом скромного достатка, сделался олицетворением самодовольства; как заметил барон Маколей, «акр Миддлсекса стоит княжества в Утопии».

Американки пересаживаются на поезд до Хэмптон-Корта, как и многие другие из моих попутчиков. Я же еду из Сурбитона и «выпадаю» на довольно симпатичном вокзале, полностью перестроенном в 1937 году в стиле ар-деко по архитектурной моде тех дней и по проекту Дж. Робба Скотта. Это истинная жемчужина, его по праву считают одним из красивейших британских вокзалов, в компании с рамсгитским и с манчестерским Оксфорд-роуд. Многие крупные вокзалы Севера отличает такая мужественность,

суровость. Сурбитон же кичится изяществом Метроленда 1930-х.

У меня достаточно времени, чтобы все рассмотреть, пока я стою на крыльце, пережидая налетевший дождь с градом, который лупит по мостовым и заставляет местных жителей натягивать куртки на головы и спешно искать укрытие. Вместе со мной спасается от непогоды весьма симпатично разодетая свадебная процессия, с тревогой косящаяся на часы («Ну да, пока в порядке... Мы же не хотим приехать и увидеть, что лодки нету»), и орава послушных, но насквозь промокших школьников в синих блейзерах. Сегодня второй день Уимблдонской недели, разгар английского лета.

В конечном счете, как всегда бывает в Средней Англии, если хватит терпения дождаться, тучи разбегаются и выглядывает солнце. Через дорогу от станции имеется аккуратная круговая развилка, на столбах висят цветочные корзины; с трех сторон ее окружают здания, говорящие, согласно путеводителю, «о надежности, безопасности и уверенности», — банк «HSBC», банк «Ллойдс», агентство недвижимости (за скромную квартиру просят полмиллиона фунтов стерлингов). Я и не догадывался, что всего через два месяца мировая экономика обвалится, а банковский сектор и недвижимость придут в упадок. Указатель у развилки направляет к местному отделению «Самаритян». (Тогда он выглядел совершенно неуместно, однако сегодня, быть может, «Самаритяне» востребованы куда больше своих соседей.)

Вниз по Сент-Джеймс-роуд виднеется «Уэйтроуз» (ну разумеется) и приземистый красного кирпича дом Сурбитонского общества, большое объявление на стене которого гласит: «Мы рады новым членам!» Я захожу внутрь. Мужчина за барной стойкой полирует пинтовую кружку белым кухонным полотенцем; я-то думал, что так ведут себя только хозяева постоянных дворов в пьесах. Вот повезло! Тут он

отрывается от своего занятия и говорит: «Приветствую!» Снова как владелец трактира из пьесы. Это напоминает мне об еще одной типично среднеанглийской добродетели — радушии.

Я спрашиваю Джеффа — он выглядит как типичный Джефф, — надо ли жить в Сурбитоне, чтобы вступить в члены клуба. Он явно озадачен, и я его понимаю. «Ну, наверное... Никогда не задумывался... Вас должен выдвинуть член клуба». Ладно, обойдемся. «Это можно сделать онлайн!» — радостно прибавляет он, когда я собираюсь уходить. Позже я изучил онлайн-анкету, но так и не разобрался. Правда, из анкеты следует — вот оно, очарование Сурбитона, — что «портфели надлежит оставлять на открытом воздухе». Мне в спину доносится женский голос из задней комнаты, хриловатый от волнения и ощущения причастности: «Она сказала, что это лучший сыр на тосте, какой она в жизни пробовала!»

Теперь уже на улице слишком жарко, чтобы чувствовать себя комфортно (причуды английского климата), и я вытираю потный лоб, прогуливаясь по жилым кварталам Сурбитона. Здесь «молл» представляет собой не жуткие торговые ряды с гулким эхом под сводами, а симпатичную пригородную улицу. Как заметил редактор «Архитектурного обозрения» Дж. М. Ричардс в своих «Английских замках»: «Вопреки всякому предполагаемому недостатку вкуса в пригородах... они для девяноста из ста англичан обладают той привлекательностью, которую нельзя объяснить проявлением массового помешательства... У презираемых пригородов есть своя красота».

На площади Сент-Эндрю-сквер — аккуратный и заботливо сохраняемый, пусть и несколько неуместный садик. Никаких собачьих экскрементов, никаких пластиковых бутылок из-под сидра, а скамьи — им всего год, судя по табличкам на каждой — прямо-таки сверкают. На во-

ротах плакат, рекламирующий пешеходные прогулки, с цитатой из королевы Виктории: «Сурбитон не был и никогда не будет скучным»; согласен, особенно если поверить тексту на сайте Surbiton.com, посвященному местному отделению Молодежной христианской организации (YMCA; на мотив, позаимствованный из песенки «Виллидж пипл»):

Молодой человек, ни к чему грустить. Слышишь, парень?
Давай, приезжай, приезжай в Сурбитон!
Тут есть где оторваться. Не торопись искать работу!
Эй, парень, тут есть все. Слышишь, парень?
Крэк, ЛСД, «косячок» — все найдется!
Не тушуйся — тут есть чем оттянуться
Приходи в нашу дыру — Y-M-C-A!
Наркотики и алкоголь — Y-M-C-A!
У нас полно всего, что нужно молодым!

Никогда не понимал, кто живет в пансионах YMCA. В Сурбитоне, похоже, кровати занимают в основном местные молодые бездомные, которых почему-то ненавидят люди постарше. Я в ситуацию не вникал, поэтому воздержусь от комментариев; скажу лишь, что это обнажает еще одну сторону Средней Англии. Некий корреспондент высказался, раздираемый лояльностью и желанием говорить правду и только правду: «Как ни прискорбно, хотя все мы поддерживаем идею государства всеобщего благосостояния, которое призвано помогать в жизни менее удачливым (возможно, однажды и мы сами окажемся в их числе), находятся люди, злоупотребляющие этой идеей, — а вдобавок многие “благодетели” спрыгивают с подножки, чтобы им подсобить. В потакании большинству из этих так называемых “бездомных”, лишенных чувства ответственности, стыда, уважения и достоинства (зато в избытке денег на спиртное, наркотики, сигареты и костюмы «Найк» за 150 фунтов),

УМСА, как и многие другие благодетели, социальные работники, судьи и т. д., и, конечно, правительство, лишь усугубляет проблему и никак ее не решает».

Общежитие УМСА находится в центре города, и центр вполне симпатичный. Главная улица отходит от тусклой витрины «Джусонс», минует пыльные стройплощадки и автосалоны и вдруг резко вырывается в скопление домов, которое производит впечатление небольшого рыночного городка или крупной и богатой деревни. Меловая доска у входа в паб «Ягненок» сулит «органическое мясо с семейной фермы в Дорсете, воскресные газеты, книги на обмен, свиные ребрышки по-домашнему и органические прохладительные напитки». Я опять вспоминаю Оруэлла и его вымышленный паб «Луна под водой», слишком хороший, чтобы быть настоящим. Такой паб вполне могли открыть на главной улице Сурбитона.

Местная гордость проскальзывает в названиях компаний, все они непременно подчеркивают свою связь с городом. «Сурбитонское стекло», «Специалисты по химчистке, Сурбитон», бизнес-центр «Сурбитон», кафе «Сурбитон». Еще художественный салон, где большие холсты продают по принципу «Покупаешь один, второй бесплатно». Также в нем торгуют «шреддерами для фольги».

И кому нужно пропускать фольгу через шреддер, лениво думаю я, потягиваю ванильный латте из высокой чашки в кофейне. Я сдуваю пену и читаю репортаж из залитого дождем Уимблдона. Кофейня переполнена, в ней куда больше посетителей, чем в пабе по соседству, сквозь окно которого я вижу лишь одинокого бизнесмена, стучащего по клавишам «Блэкбери». Возможно, его же я видел в Натсфорде, и он преследует меня. Очень изящная дама лет пятидесяти спрашивает, свободно ли место за моим столиком. У нее тоже ванильный латте в высокой чашке. Мы — родственные души, говорит она. Мы знакомимся, а некоторое время спу-

стя, прямо в духе Ноэла Кауарда, она говорит: «Этот Энди Марри, может, и умеет играть в теннис, но до чего же тяжело симпатизировать человеку в бейсболке».

Я все еще улыбаюсь этому замечанию, когда сажусь на обратный поезд, везущий меня из Сурбитона в чад и копоть Лондона. Рядом сидит группа из трех человек — модная пара средних лет и женщина около двадцати пяти, вяло поедающая яблоко. Выясняется, что все они — преподаватели колледжа, а любительница яблок уезжает из Сурбитона на новое место работы. Старшая из женщин слушает «айпод», а потому не участвует в беседе.

— Может, я поступаю неправильно, но надо что-то делать. Надо рискнуть.

Задумчивое «хрусть-хрусть». Пауза. Потом мужчина говорит, кивая на старшую из женщин:

— Она не одобряет ваш отъезд.

Снова пауза, снова хруст.

— У вас осталась Софи, — отвечает молодая женщина, отвечает, немного нервно, по-моему. — Не знаю... Это как в той песне «Клэш» — остаться или уйти.

Тут меня так и подмывает вежливо вмешаться и сказать, что нельзя принимать жизненно важные решения, основываясь на песнях «Клэш», особенно на тех, которые лишены всякого смысла. Если уйдет, будут проблемы; если останется, проблем добавится вдвойне. Ну, тогда пусть идет. Подучи математику, Мик!

Разумеется, я молчу, ведь мое вмешательство будет неподобающим. На моих глазах разыгрывается маленькая человеческая драма. Мне кажется, именно этот мужчина, а вовсе не его спутница, не одобряет отъезд любительницы яблок. Интересно, утешит ли его неведомая Софи и найдет ли молодая женщина свою «Хорошую жизнь» за пределами Сурбитона?

Не думаю, что ей посчастливилось бы в Слау, и мне самому ненавистно, что я это сказал. Терпеть не могу ленивое, отягощенное предрассудками мышление и ненавижу легкую добычу. Я рос в Уигане, и, хотя во мне нет никакой иррациональной преданности городу и я отчетливо сознаю его недостатки, горе тому, кто осмелится в моем присутствии спародировать уиганский акцент или пошутить насчет уиганских гончих. В Западном Мидленде я прожил много лет, и ничто не раздражает меня сильнее, чем те унылые шуты, которые высмеивают Бирмингем — город, где жизнь не замирает ни на миг, раскинувшийся посреди прекрасного ландшафта, породивший немало великих людей, изобилующий барами, магазинами, ресторанами, звуками музыки и оплотами культуры — с позиций якобы стильных и куртуазных жителей футуристического Льюишема.

Также обстоит дело и со Слау. Это место пользуется дурной славой, и я не испытываю ни малейшего желания вносить свою лепту в хор глумливых голосов. Между прочим, Слау мимолетно упомянул Шекспир в «Виндзорских насмешницах» — помните, Бардольф говорит, что возле Итона его «сбросили в грязную канаву». В 1930-х стремительное промышленное развитие сделало Слау мишенью для нескольких авторов. В «Дивном новом мире» Олдоса Хаксли трубы крематория Слау упоминаются как символ «прогресса». А в 1937 году «лауреат пригородов» Джон Бетжемен навсегда навесил на Слау ярлык тоски и отчаяния. Стихотворение «Слау» многие поколения заучивали наизусть в школе, так что я не стану повторять его тут. Достаточно сказать, что Бетжемен ненавидел затопление сельской местности 850 фабриками и городскими жилыми кварталами. Он призывал на Слау «дружественные бомбы», ведь это поселение «уж непригодно для людей».

Вероятно, он хотел сказать, что оно более не пригодно для богатых мальчиков из частной школы Мальборо. Зато Слау показался вполне приемлемым и радушно встречал

волны иммигрантов, прибывавших в поисках лучшей жизни. В Великую депрессию 1930-х сюда стекались оставшиеся без работы валлийцы и ирландцы, и всем нашлось, чем заняться. Свободного жилья не было, они селились в сараях поместья Тимбертаун. Знаете, мне многое нравится у Бетжемена. Но мы должны вспомнить эти факты, когда читаем его презрительное стихотворение, которое, как заметил Дэвид Робсон в своей колонке в «Дейли экспресс», «должно было оплакать природу, отступающую перед современным уродством и погоней за прибылью, но также показало всю неприязнь человека привилегированного класса к людям, нуждавшимся в работе и крове».

Он прав. «Дом номер девяносто семь, / В неделю полкроны — заходите все»; легко над этим глумиться, когда сам живешь в Фарнборо, георгианском поместье, недавно признанном «Лучшим пасторатом Великобритании» журналом «Сельская жизнь». И вспомним заодно, что Бетжемен упомянул о бомбах в те дни, когда все знали, что Гитлер готовится к войне. Строка звучит совсем иначе, когда отдаешь себе отчет, что люфтваффе уже прогревали двигатели и загружали бомбовые отсеки.

После войны иммигранты стали приезжать издалека, сначала с Карибов, затем из Восточной Европы. Городской совет Слау вошел в историю, выбрав мэром темнокожую женщину в 1984 году; вдобавок тут самый высокий процент сикхов среди населения. Как я выяснил, сказать применительно к нынешнему Слау «разнообразный» значит не сказать ничего. Он настолько калейдоскопичен, что просто теряешься. И ничто из этого не объясняет, почему над Слау смеются вот уже несколько поколений. Город притягивает и иммигрантов, и шутки: они наползают волнами, без какой-либо регулярности и к раздражению «коренных» жителей. Комик Джимми Карр со сцены произнес: «Я рос в Слау в семидесятых. Если хотите знать, на что Слау был похож в те годы, съездите туда сегодня».

Брюзга Спайк Миллиган высмеял Слау как место для отдыха, и это шутку подхватили прог-рокеры группы «Мариллон» в песне «Коста дель Слау»: город становится курортом в результате глобального потепления.

Али Джи, невежественный уиггер (представитель белой молодежи среднего класса, отчаянно старающийся выдать себя за чернокожего), воплощенный Сашей Бароном Коэном, происходит, как предполагается, из соседнего Стэйнса и часто «утюжит» Слау за распушенность. По итогам опроса Общества по защите Сельской Англии в 2006 году Слау признали наименее спокойным английским городом.

В истории города еще немало любопытного. Слау — побратим латвийской столицы Риги, а в 1960-х здесь обосновалась штаб-квартира компании «Супермарионейшн», созданной величайшим кукольником НФ-кино Джерри Андерсоном. То есть в Слау родились «Тандерберды», «Стингрей» и «Файрболл XLS». Последний часто отправлялся на Марс, вследствие чего и получил позднее свое название шоколадный батончик (и первые батончики изготовили тоже в Слау). Фигуристы, на лицах которых словно приклеили улыбку, пара Торвилл—Дин, катались на местном катке. «Вонь Слау» — местное ругательство, так называют амбре, витающее над системой переработки сточных вод, сразу при съезде с трассы М-4. Что, пожалуй, всего унизительнее — советское КГБ в свое время сделало карты почти всех городов Великобритании в масштабе 1 : 10 000. И только Слау Советы пренебрегли.

Самый известный современный житель Слау не в восторге от стихов предыдущего поэта-лауреата. Он гордится своим городом и осудил Бетжемена на британском телевидении в 2002 году.

«Это — стихотворение “Слау” сэра Джона Бетжемена. Ну, думаю, сам он туда в жизни не заглядывал. Еще бы. “Пусть дружественные бомбы падут на Слау. Он боль-

ше непригоден для для людей”. Не уверен, что городскую планировку можно поправить бомбардировками; в общем, он себе, конечно, ямку-то выкопал... “Не их вина, что часто ездят в Мэйденхед”. А что такого плохого в Мэйденхед?.. Вот Мэйдстон — да, дыра дырой, а Мэйденхед — нормальный город, правда... Лимингтон — я ездил на конференцию в Лимингтон, шикарный курорт, особенно по сравнению с Ковентри, который, кстати, подтверждает мои слова — город не планируют бомбежками. Ну, понимаете, о чем я. А его еще в рыцари возвели. Нет, зря, зря».

Дэвид Brent, как всем известно, — чрезмерно пугливый и не упускающий случая позадаваться менеджер среднего звена в базирующейся в Слау бумажной компании «Уэрнем Хогг» и, к счастью, он не настоящий. Это творение вышеупомянутых Рикки Джервейса и Стивена Мерчанта и центральный персонаж весьма популярного ситкома «Офис». Джервейс и Мерчант на вопросы о выборе места действия отделяются отговорками. «Почему именно Слау? Ну, тут присутствует звукоподражание — Слау-у, будто воду спускают... Еще нам хотелось найти что-нибудь типичное и малопривлекательное. В Слау я был всего однажды, и то ребенком. Вероятно, там многое изменилось... Очевидно, [совет по туризму Слау] написал на Би-би-си после выхода первой серии. Не помню точно, что они писали, но суть была такова: они просто хотели, чтобы мы знали, что Слау изменился. Не знаю, чего они ожидали; может, что Дэвид Brent выглянет из окна и скажет: “Я люблю новостройки и пешеходную зону в центре, отличное место для шоппинга, верно, Гарет?..”»

В интервью «Гардиан» выросший в Рединге Джервейс высказался более прямолинейно: «Если вы живете в долине Темзы, тут есть Рединг, Слау, Суиндон, в одном конце Бристоль, а в другом Лондон. Это ваши окрестности». В финальных титрах «Офиса» ему хотелось показать дорожный знак с надписью «Лондон — 25 миль». «Как будто

люди говорят: “Эй, гляди, всего 25 миль. Подумаешь! Ерунда, а не расстояние. Пешком дойти можно...” А месседж “Офиса” простой: ради всего святого, не приезжайте сюда. Оставайтесь верны себе».

Вопреки совету Рикки серым и мокрым воскресным утром я оказываюсь в самом осмеянном городе Великобритании. Ни один город не покажется красивым в подобных условиях: пелена дождя, ветер швыряет студеную сырость в лицо. Но Слау и вправду выглядит особенно уродливо. Отчасти — из-за своей архитектуры. Она ужасна. В Слау девяносто шесть зданий исторической ценности, но они, видимо, старательно прячутся, так что первое впечатление, которое получает приезжий, — это какофония тоскливых архитектурных стилей минувшего столетия, соперничающих за первенство. Кошмарные переходы, огромные и бездушные бизнес-центры, сугубо функциональные общественные здания, вроде колледжа, библиотеки и пещерообразной автобусной станции Брунел, известной миллионам зрителей по тоскливому каменному пейзажу в начальных кадрах «Офиса». Парковка Букингем-парк вовсе не столь благочинна, как можно предположить по названию. Это обшарпанный бетонный полигон, над которым нависают чудовищные туши многоквартирных домов. Такое ощущение, что всюду ведутся дорожные работы, словно кто-то решил докопаться до сердца города, и из-за этого все кажется временным, случайным, недоделанным. И в итоге, благодаря в том числе и буйству расовых признаков и фасонов одежды, которое дружно укрывается от дождя под козырьками домов или мчится по лужам, спеша найти сухое местечко, возникает ощущение постапокалиптических трущоб, где собрались после катастрофы беженцы со всего мира.

Даже городской совет признает, что Слау — не Флоренция. Рекламный фильм, снятый несколько лет назад, содержит ответ на стихи Бетжемена, тоже стихотворный, и достаточно гордый: «Нет, не пейзаж с открытки, не про-

чая ерунда, / Наш Слау — рабочий город, и будет таким всегда». Замечательно. Но в сумраке сырого и холодного воскресного дня звучит неубедительно.

И люди вокруг тоже выглядели удрученными, растерянными, побежденными. В 2005 году Би-би-си выпустила четырехсерийный цикл «Сделаем Слау счастливым»: команда «экспертов» пыталась одарить счастьем целый город. Как наверняка случилось бы и в Риге, и во Флоренции, и в Мэйденхеде, проект едва ли оказался успешным, но был хорошо принят за пределами Слау. Горожане, впрочем, сочли — и это не удивительно, — что он лишь усугубил негативное восприятие Слау. В конце концов, почему именно Слау нужно осчастливливать? Вдобавок цикл «нисколько не отразил ошеломляющее этническое разнообразие города».

Это разнообразие сразу бросается в глаза, когда бредешь, переступая через лужи, по главной торговой артерии города, и представляет собой яркую и любопытную черту жизни Слау. Сколь бы ни были экзотичны ваши предпочтения, от бананов и блинов до сомалийского вяленого мяса, здесь найдется все. «Зимка», зимбабвийская бакалея, также продает музыку и украшения. Рядом африканская лавка париков, ливанские продовольственные магазины, пенджабские рестораны. Множество магазинов разряда «Все за фунт» и «Польски слеп», причем снаружи каждого непременно толкуются стаей молодые бритоголовые поляки, смеются и спорят между собой. Польская община появилась в Слау в годы войны, ее изрядно пополнила недавняя волна иммиграции, после вступления Польши в ЕС. Очевидно, поляки старшего возраста, особенно женщины, с их распятиями и шарфиками, не слишком рады вновь прибывшим, которые бранятся, пьют, не посещают мессы и вообще, как они думают, создают полякам дурную репутацию.

«Марва», крупный азиатский гипермаркет на главной улице, — настоящий продуктовый рай, и я выхожу оттуда,

обремененный асафетидой и чапати, расмалаи и роти, колбасой и сладкими належниками, которые приобрел в польских киосках, что приютились среди восточного изобилия. Со всем этим я иду в «Про-Тугу», португальское кафе на той же главной улице. Португальские газеты, непрерывно курящие клиенты южной наружности, флаги и пирожки, — словно маленький кусочек нелегального Лиссабона пересадили в Беркшир. Двое мужчин за стойкой широко улыбаются, передавая мне мой пирожок с заварным кремом, пончик и чашку крепкого кофе (португальцы известны своим пристрастием к сладкому). Я вступаю в разговор — о футболе, естественно, — а сам думаю вот что: прежде чем уедете из Англии, побывайте в Озерном краю, в Котсуолде или в Бате, но, пожалуйста, не уезжайте с уверенностью, что Слау и есть Англия.

Если вы живете в Слау, вас мой совет может разозлить; прошу, не сердитесь. Я покидаю город, и даже на прощание он не блещет красотой, потому мне и кажется, что я должен быть честным. Возможно, день выдался неудачный, настроение не то, или всему виной дождь, но Слау внушает уныние, как Топь — Паломнику Джона Беньяна. Окна замазаны побелкой, повсюду вывески «Последние дни!». Бойкий аккордеонист на углу выглядит жутко неуместно, а полисмены на мотороллерах и в бронежилетах одновременно какие-то невзрачные и грозные. Снаружи торгового центра «Куинсмир» двое мальчишек кидаются пакетами из-под молока в постер с симпатичной девушкой, рекламирующей сетевой магазин одежды. Внутри, в тускло освещенной едальне, тоже сетевой, молодая азиатская пара поедает, должно быть, самый тоскливый воскресный ланч на свете, а компанию им составляют трое мужчин, попивающих премиум-лагер и курящих за целлофановой занавеской. Полная противоположность привычным для нас завсегдатаям пабов и баров. Кстати, о пабах: я вижу вывеску «Уэрнем Хогг», по названию бумажной компании из

«Офиса». Интересно, это вызов или признание поражения? Так или иначе, сосиски, яичница и картошка тут по 3,99 фунта, а по понедельникам устраивают вечеринки «в гавайском стиле».

Городской музей, говорят, неплох, но он закрыт. По слухам, там подробно рассказывают о различных общинах города и истории иммиграции. Мой взгляд привлекает выставленный в окне инструмент — орудие совершенно жуткого вида с табличкой: «Свиной скребок — приспособление для отделения мяса от костей при разделке туши». Лично я предпочел бы увидеть на входе в музей местную шляпу или заварной чайник, честное слово. Я покидаю город, скромно пристроившийся под сенью грандиозного офисного монолита компании «Фуджицу» и «Ледяной арены», на которой Джейн и Кристофер (Торвилл и Дин) когда-то репетировали свои лутцы и тройные сальховы. Каток со стороны напоминает гигантский дуршлаг внутри хромированной газонокосилки, а вокруг него спешно возводятся все новые и новые бизнес-центры. Вообще полное ощущение, что угодил в гигантский гипермаркет, который люди заселили, подобно крысам. «Он непригоден для людей», — утверждал Бетжемен. И поэтическое преувеличение, как выяснилось, было в известной степени предвидением.

Ничуть не помогает, что унылый Слау окружен беркширскими пейзажами, причем едва ли не красивейшими в Англии. До Виндзора и Итона отсюда всего-то шесть минут поездом. Джеррардс-Кросс, Аскот, Биконсфилд — все рядом, как и Кобхэм, увековеченный живописцем Стэнли Спенсером. А еще неподалеку раскинулись тенистые уголья, послужившие фоном для самых известных «сумеречных грез» в истории английской словесности.

«Уже бледнеет день, скрываясь за горою», когда я вступаю на кладбище Стоук-Поджес, как это было, когда Томас Грей писал свои знаменитые строки триста пятьдесят лет назад. «Элегия, написанная на сельском кладбище» —

изысканное и меланхолическое размышление о смерти и скоротечности человеческой жизни. Кладбище Стоук-Поджеса сырым воскресным вечером кажется вполне подходящим местечком для мыслей подобного рода: мокрые ветви деревьев роняют капли, в на сером поле пасется пони, надгробия выстроились аккуратными, скорбными рядами, и тут обретаешь новые силы после грязи и уныния Слау.

Элегия Грея содержит множество известных и достойных цитирования строк, помимо начальной, которую я привел выше: «И путь величия ко гробу нас ведет», «Скрываясь от мирских погибельных смятений» и, конечно, «Усталый селянин медлительной стопою / Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой»¹.

Я тоже двинулся домой. При мне были мои дорожные леденцы, походный «бар», «Карта основных дорог Великобритании» и железнодорожные расписания. Я во всех отношениях походил на типичного путешествующего жителя Средней Англии. Ведь они здесь относятся к путешествиям весьма серьезно. И путь в тысячу миль начинается с пакетика мятных леденцов.

¹ Перевод В. А. Жуковского.

Глава 8

Короткие встречи, упущенные возможности

На железнодорожной ветке от Манчестера к Ливерпулю, к югу от Голборна и на полпути между непримиримыми соперниками по регби, Уиганом и Сент-Хеленсом, есть старая станция под названием Парксайд. Если, подобно мне, вы из здешних краев, то вам наверняка известно это название — из-за шахты, последнего ланкаширского угольного разреза, закрытого в 1993; там до закрытия работали многие знакомые, как мои собственные, так и знакомые друзей моей семьи. Приблизительно в сотне ярдов к востоку от моста, по которому оживленная трасса А-573 пересекает железнодорожные пути, стоит старинная водонапорная башня, и на ее основании красуется памятная мраморная доска. Причем расположена башня так неудобно, что разглядеть ее можно разве что из поезда, который, вдобавок, ползет не быстрее черепахи; в противном случае она лишь промелькнет за окном неясным, размытым силуэтом. Единственный альтернативный способ к ней подобраться — нарушить все правила и с набережной, через груды использованных презервативов, пустых банок из-под коки

и заросли колючего кустарника, выбраться на железнодорожные пути. Разумеется, в подобном случае вы сознательно подвергаете свою жизнь опасности. И это, если можно так выразиться, сообразно, ибо именно тут, где стоит башня, железные дороги приняли свою первую жертву из числа пассажиров — кровь, слезы, ужас под аккомпанемент духовых оркестров и восторженные рукоплескания.

Как несложно догадаться, открытие первой пассажирской железной дороги в мире 15 сентября 1830 года стало поистине грандиозным событием. Слухи множились, молва разносила самые невероятные домыслы, деловые круги кипели от противоборствующих интересов, однако большие северные города Ливерпуль и Манчестер все же предстояло связать новой высокоскоростной технологии, которая внушала страх, ненависть и благоговение. Приблизительно шестьсот почетных гостей, не считая тысяч зевак, присутствовали на торжественном открытии. Среди них были герцог Веллингтон, Джордж Стефенсон, изобретатель локомотива «Ракета» (последний впервые предстал перед широкой публикой в тот день) и некий Уильям Хаскиссон, 60-летний член парламента от Ливерпуля и социальный реформатор. В своей потрясающей книге «Последнее путешествие Уильяма Хаскиссона» Саймон Гарфилд упоминает, что Хаскиссон, возможно, был самым невезучим членом парламента за всю историю английского парламентаризма. В детстве его часто донимали простуды и боль в груди, а однажды он сломал руку, вставая утром с кровати. Как-то он пытался перепрыгнуть через ров в поместье герцога Атолла в Шотландии и так сильно повредил лодыжку, что хромота осталась на остаток жизни. В 1827 году у него воспалилась трахея, из-за чего впоследствии он не столько говорил, сколько хрипел. Восстанавливая силы в Кале, он споткнулся о кабель и едва не лишился ноги. Особенно ему не везло с лошадьми — он регулярно с них падал и что-нибудь себе ломал. Он чуть не погиб в свой медовый ме-

сяц, когда угодил под лошадь — не будем спрашивать как, да? — и ему настоятельно советовали не посещать церемонию открытия железной дороги из-за странгурии, воспаления почек и мочевого пузыря, которое вызывало «неодолимую и неисполнимую потребность постоянно избавляться от жидкости».

Но он не послушался советов. Он расходился с Веллингтоном во взглядах на парламентскую реформу и, будучи человеком честолюбивым и разумным, видел в церемонии способ примирить позиции. Сам Хаскиссон всемерно поддерживал идею железных дорог, а вот многие его соотечественники были против них. Владельцы каналов понимали, что их доходам грозит немалая опасность со стороны нового вида транспорта, сулившего сократить время пути от Манчестера до Ливерпуля до двух часов (по каналам на корабле поездка занимала тридцать шесть часов). Землевладельцы, то есть правящий класс (если это утверждение покажется полемическим, а не фактическим, вспомните, что в ту пору у Манчестера не было ни единого члена парламента), распространяли лживые слухи: мол, люди в поездах будут задыхаться, беременным женщинам грозит выкидыш, а молоко коров, вздумавших пастись у железной дороги, мгновенно скиснет. И все же, после шести долгих лет каторжного труда, пассажирская железная дорога, этот чудесный плод технического гения, должна была открыться. Хаскиссон занял место в первом из восьми вагонов поезда, который отправлялся в тот день в Манчестер, на глазах сотен тысяч возбужденных зевак, усеявших набережные и мосты.

По прибытии в Парксайд, в самый канун полудня, паровоз «Нортумбриан» остановился набрать воды; личный вагон герцога Веллингтона перегнали на соседний путь, дабы высокопоставленные пассажиры могли наблюдать прохождение «Ракеты» с вагонами. Многие пассажиры, включая Хаскиссона, вышли размять ноги на железнодоро-

рожное полотно. Вскоре послышался крик: «Поезд приближается. Осторожнее, джентльмены!» Это была «Ракета», потенциально самый быстрый паровоз на свете, пусть и сбросивший скорость до минимума. Впрочем, учитывая его массу, даже на такой скорости он оставался смертельно опасным.

Большинство сановников легко взобрались в вагон и оказались в безопасности, разве что австрийского принца Эстергази пришлось тащить за фалды фрака. А вот Хаскиссон запаниковал, заметался между путями; все закончилось тем, что он вцепился в подножку вагона и в таком положении ожидал приближения «Ракеты». Его рука неожиданно толкнула дверь вагона, та распахнулась, и «Ракета» снесла ее одним ударом, а Хаскиссон упал под колеса, и ему разmozжило бедро.

Зрелище, легко себе представить, было жуткое. Хаскиссон лежал на путях, весь в крови, разmozженная конечность слабо подергивалась. Как писала впоследствии светская львица и хозяйка литературного салона Гарриет Арбетнот, «невозможно передать словами охвативший нас ужас, потрясение всех, кто видел эту трагедию воочию, и пронзительные, истошные крики его бедняжки жены, которая находилась в вагоне. Он вымолвил только: “Со мною все кончено. Приведите мою жену и позвольте мне умереть”». Вместо этого «Ракета», которой управлял сам Стефенсон, на невероятной для того времени скорости 36 миль в час, срочно доставила его в приход Эклз; там Хаскиссона прооперировали — увы, неудачно, и девять ужасных часов спустя он умер.

Я нахожу историю того рокового дня жуткой, притягательной и экстраординарной. Очевидно, что это — человеческая трагедия. Но не только; в событии заключено гораздо больше. Стоит написать подобный сценарий, и критики по справедливости назовут его неправдоподобным. Еще бы — на торжественном открытии нового вида транс-

порта, в самом первом путешествии, видный политический деятель погибает, едва успев восстановить отношения с премьер-министром, и его увозит с места катастрофы в призрачной надежде спасения дерзкий изобретатель смертоносной технологии. Вообразите, что в день открытия сверхскоростного движения линии «Верджин монорельс» между Лондоном и Эдинбургом Гордон Браун сбит поездом, хотя Тони Блэр пытался его спасти, а в последовавшей суматохе сам Ричард Брэнсон занял место машиниста, чтобы срочно переправить пострадавшего в больницу. Как любят приговаривать некоторые, такого нарочно не придумаешь.

Но что еще более невероятно, — мы не просто не отказались немедленно от идеи новомодного и очевидно смертоубийственного транспорта; нет, мы приняли ее всей душой. Мы приняли ее столь радушно, что со временем она сделалась неотъемлемой и нежно лелеемой частью нашего национального духа. Любовная связь Англии с железными дорогами родилась в крови и хаосе.

В Америке основной вид транспорта — автомобиль. Отсюда образ дороги, бесконечного шоссе, ведущего сквозь обширные дикие места к свиданию со свободой, судьбой и неизвестностью. А вот железные дороги символизируют — или символизировали — Англию: сложная, лабиринтообразная сеть с хитроумными пересечениями и неявными сочленениями, общественная и все же сугубо приватная, отражения в окнах, промельки садов за домами, упущенные стыковки, параллельные пути. Железные дороги — это расставания и встречи, любовь и разлука, возвращение домой и стремление в далекие края. Железнодорожные станции полны маленьких человеческих драм — слезы влюбленных; юная девушка уезжает в университет вместе с мамой, и обе едва сдерживают рыдания; чья-то бабушка приехала погостить на Рождество, и ее окружает радостная суэта и суматоха. Ничего подобного не увидеть на заправках и станциях техобслуживания. Когда Оден писал

«Ночной почтовый» для известного одноименного рекламного фильма по заказу Почтового ведомства, он рассуждал не столько о почте, сколько о железных дорогах, которые доставляют письма:

Под гору, в гору, на повороте
Успеть торопится, успеть торопится.
По валунам, что лежат на равнинах,
Поезд развесил хлопья дыма.
Громко пыхтя, он проходит мимо
Тихих просторов полей нелюдимых...
На маленькой ферме никто не проснется,
Только в спальне графин покачнется...¹

Ночной почтовый отменили в январе 2004 года. Я уже писал, что железнодорожная сеть символизирует (или символизировала) Среднюю Англию, поскольку раньше она была намного, намного прекраснее и таинственнее. В тот самый миг, когда я пишу эти слова, ряд телепрограмм по Би-би-си «отмечает» или, скорее, с горечью напоминает о сорок пятой годовщине проявления бессмысленной жестокости, беспрецедентной для наших островов, если, пожалуй, позабыть о трагедии сентября 1830 года. В 1963 году правительство консерваторов во главе с патрицием Гарольдом Макмилланом, непрерывно убеждавшее сограждан, что так хорошо им еще никогда не жилось, сделало краткую паузу, чтобы принять решение, сулившее бесповоротно испортить жизнь каждому англичанину. Вообще-то я вел одну из телепрограмм, упомянутых выше, и по ее ходу останавливал пассажиров на вокзале Пиккадилли в Манчестере и спрашивал, что они думают о некоем докторе Ричарде Бичинге. Это имя знали почти все; молодежь закатывала глаза и с трудом припоминала призрака древних времен, а вот

¹ Перевод Р. Юренева.

старшие буквально источали презрение. Учитель химии на пенсии, приветливый, щеголеватый старичок в берете и кремовом костюме с вязаным галстуком, произвел на меня наибольшее впечатление: редко доводится видеть, чтобы столь привлекательное лицо мгновенно лиловело от ярости. «О да, я его помню! — процедил он, и в его глазах плескалась неподдельная ненависть. — Этот человек предатель, он уничтожил британские железные дороги. Ужасный тип, мясник, глупец. А сильнее всего меня злит, что он называл себя химиком, был человеком науки, с аналитическим умом, — и при этом оказался таким близоруким идиотом».

По правде сказать, в университетском дипломе доктора Ричарда Бичинга значилось, что он — физик, но к тому времени, когда его имя сделалось широко известным — и повсеместно проклинаемым, — он занимал должность технического директора компании «Ай-си-ай кемикалз». Дородный, лысый, с язвительной улыбочкой, он словно сошел с какого-нибудь плаката, изображавшего Безжалостного Капиталистического Ублюдка. Правительство Макмиллана полагало, что железнодорожное сообщение в начале 1960-х годов превратилось в проблему. Все больше людей приобретали автомобили, следовательно, меньше ездили поездами, и железная дорога теряла деньги; посему сочли, что необходимо как можно скорее восстановить ее доходность. Для этого и наняли доктора Бичинга, причем на весьма щедрых условиях: пятилетний отпуск по основному месту работы с сохранением заработной платы — 24 000 фунтов ежегодно, или 367 000 фунтов в сегодняшних деньгах.

За эту сумму правительство получило отчет под названием «Реформа британских железных дорог»; в слове «реформа» в данном случае мы имеем отличный ранний пример беспардонной игры красивыми словами, призванной скрыть темные делишки (поздние примеры такой игры — «минимизация издержек» и «оздоровление коллектива»).

Пожалуй, куда более точным было бы определение «Изнитожение британских железных дорог на корню», однако Бичингу хватило ума воспользоваться услугами одного из первых наших пиарщиков, Джона Наннели. Тот двадцать пять машинисток, чтобы напечатать отчет, и каждый вечер уничтожал ленту каждой пишущей машинки, чтобы предотвратить утечки. Лично мне это кажется вопиющей расточительностью; я бы лучше субсидировал страдающую от недостатка средств железную дорогу, но решать было не мне. Тони Хэнкоку поручили вести по телевидению оголтелую клеветническую рекламную кампанию против железных дорог. Сегодня эти рекламные объявления выглядят довольно отталкивающими: снобистская неприязнь к попутчикам и к общественному транспорту в целом, безудержное расхваливание преимуществ личного автомобиля... За свою работу Хэнкок запросил ту же ставку, что и Бичинг, двадцать четыре тысячи, приблизительно треть миллиона по нынешним расценкам. Наннели предложил ему половину. Он согласился.

Отчет был опубликован, и его выводы поспешили применить на практике, опираясь в том числе и на итоги другого, столь же поверхностного и искажавшего реальную картину обзора. Некоторые все еще сомневаются, что планам урезать долю железнодорожного транспорта и тем самым увеличить долю транспорта автомобильного дал зеленый свет министр транспорта Эрнест Марплз, тесно связанный со строительным бизнесом, а именно со строительством шоссе, но так все и было. В общем, топор Бичинга опустился; треть британской железнодорожной сети была закрыта, несмотря на широчайшее общественное недовольство. Дело было не только в том, что люди потеряли работу (примерно семьдесят тысяч человек оказались на улице — «добрые люди, уже не верящие в завтрашний день», как написал Джон Бетжемен), и не только в росте социальной

напряженности, хотя это решение обернулось фактической изоляцией многих местностей, особенно на юго-западе, и привело к экономическому спаду. Нет, дело обстояло куда серьезнее. Бичинг лишил нашу страну части сердца. Достойная система общественного транспорта, наряду с библиотеками, школами и больницами, является признаком цивилизованного общества. С ее помощью поддерживают отношения разлученные члены семей и находят друг друга расставшиеся влюбленные, с ее помощью мы развлекаемся, исследуем и добираемся на работу, с ее помощью мы, городские жители, имеем возможность добраться до зеленых холмов, а народ из сельской глубинки получает шанс насладиться ярким светом больших городов. Как заметил Иэн Хислоп в своем телевизионном документальном фильме 2008 года о Бичинге, железные дороги Англии обладают социальным и культурным измерением, какого никогда не обрести автострадам, и потому их категорически нельзя мерять той же меркой. Для нас как народа они подразумевают нечто большее, нечто неопределенно ностальгическое и романтическое. Тем не менее, по словам Хислопа, «для Бичинга важнее всего был практический результат». И целым регионам подписали смертный приговор.

Со временем Бичинг превратился в пугало, которое высмеивали в карикатурах и в печати, которого опасались и даже запечатлели в рифмованных строках. Газета «Гардиан» опубликовала причитание об утраченные железнодорожных станциях, в котором говорилось: «Мы на вас больше не остановимся, ведь доктор Бичинг не знает пощады». Популярная песенка гласила: «Эх, доктор Бичинг, что вы натворили? / Зачем вы столько поездов английских отменили? / Придется сесть на велосипед, авто мне не по средствам. / Эх, доктор Бичинг, да пошли вы с вашим буквоедством...» Самый же язвительный и бередящий душу плач по утраченным английским железным дорогам

сочинил дуэт Фландерс — Суонн в 1963 году, в том году, когда безумный мясник из «Ай-си-ай» начал терроризировать английскую глубинку.

Фландерс и Суонн представляли собой достаточно чопорный и чинный дуэт — вечно сонный пианист и добродушный бородач в инвалидном кресле; их стиль сегодня просто вызывает к пародиям, и пародии действительно появились, вполне, надо отметить, уважительные — комический дуэт Армстронга и Миллера. Песня «Медленный поезд» — образчик обнаженного чувства, ярко выраженной ностальгии. Вдобавок она на деле хорошо написана и исполнена, и всякий, у кого осталась хотя бы частичка души, слушая ее, ощутит слезы на щеках. Спокойная мелодия, ритм, пробуждающий в памяти негромкий перестук вагонных колес жарким летним полднем на тихой железнодорожной ветке... В песне поется, что поезда больше не пойдут

В Блэндфорд-Форум и в Мортхоу
Из Мидсомер-Нортон и Мамби-роуд...
Машинист не махнет, кондуктор не засвистит
В Чорлтон-кам-Харди и в Честер-ле-Стрит.
Никто не ждет — медленный поезд уже не придет.

Когда Фландерс и Суонн добираются до строк: «Платформы пусты, словно всяк заснул, — Сент-Эрт и Сент-Айвз, Селби и Гул», а на заднем плане слышится объявление: «Поезд из Кокермаута до Баттермира», даже отъявленный прагматик, пожалуй, пускай всего на секунду, задумается о возвышенном.

Я бы задумался, но что толку принимать желаемое за действительное? Прагматики остались прагматиками. Линии закрылись, пути и платформы заросли сорняками, поперек путей понастроили супермаркетов, навсегда выведя сельские железные дороги из обращения. Единственная

польза от этого гнусного, близорукого решения заключается в том, что появились новые места для неторопливых пеших и велосипедных прогулок вдоль заброшенных путей. В сырой и туманный день, когда высокие утесы совершенно не видны, рекомендую совершить отличную прогулку от Кесвика до Трелкелда на Северных озерах, вдоль старой линии из Пенрита в Кесвик. Должен сказать, было бы еще приятнее прокатиться по этим местам на медленном пассажирском поезде, ползущем по-над оврагами, где прячется речка Грета, и огибающем подножия Бленкатры и Скиддо. Остается утешаться тем, что тут, хотя бы, не построили «Теско».

В интернете можно найти перечни старых станций и узнать, что случилось с каждой из них. Марпл в Чешире превратился в веселый паб, Котерстоун в Тисдейле перестроили в шикарный дом, а вот станция Бассентуэйт-лейк по-прежнему мрачно высится в тихом тупичке у камбрийских вод. В Барнарде-Касл и Нижнем Уэрнсайде в йоркширских холмах сохранились заброшенные сигнальные будки, от вида которых бросает в дрожь и почему-то сразу вспоминается дом из «Ведьмы из Блэр».

Архитектурный критик Джонатан Глэнси пишет, что стараниями Бичинга английский пейзаж навсегда лишился толики своей поэтичности, и в чем-то он почти наверняка прав. Добрый доктор в самом деле приложил руку к тому, чтобы кое-что мы утратили навеки. Осталась разве что старинная станционная вывеска, заслоненная крышей автобусной остановки в тихой деревеньке в Глостершире... На мемориальной табличке ниже выбито стихотворение, которое утверждает, что Среднюю Англию мы потеряли задолго до Бичинга с его бухгалтерскими книгами, счетами и топором.

Эдслтроп — не более чем горстка жилых домов, конюшни для скаковых лошадей и почтовое отделение, приютившиеся у подножия невысокого котсуолдского холма, в сто-

ронке от тихой дороги, что связывает Чиппинг-Нортон со Стоу-он-зе-Уолдом. Тут нет даже собственного паба, так что выпивохам из числа приблизительно восьмидесяти местных жителей по необходимости приходится посещать злачные места соседнего Оддингтона. Местный информационный бюллетень «Эдслтроп экспресс» сообщает, что конюшням зимой «выпала нелегкая доля» и что они потеряли стремительно набиравшего известность жеребца по кличке Пианист. Двое престарелых местных старичков, обоим за девяносто, также скончались, и мимоходом отмечено, что все три дочери «горько оплакиваемой» Нелл выходили замуж под звон колоколов эдслтропской церкви. Однако жизнь продолжается, и деревня приветствует новую пару, поселившуюся в коттедже Ли. Получено разрешение на строительство новой ратуши, а также «решено устроить генеральную весеннюю уборку церкви. Многие приходы проводят такую уборку ежегодно. Событие состоится с 2 до 4 часов дня в субботу, 24 марта. Надеемся, будет весело собраться вместе и поболтать по-дружески! Пожалуйста, приходите, вооружившись тряпками и полировкой. Мы обеспечим все остальное. Приходите на два часа или заглядывайте, когда вам будет удобно и когда сможете найти время. Тем, кто будет с нами от начала и до конца, мы обещаем отличный чай!»

Немало моих знакомых с Севера и с Юга, не говоря уже о публике из шумных и суетливых Центральных графств, не отказали бы себе в удовольствии поглумиться над этими сообщениями и приглашением; они, надо сказать, охотно глумятся и над самим понятием Средней Англии. По мне же газета просто восхитительна. Благодаря ей можно узнать, что в Эдлстропе есть кое-что по-настоящему хорошее. Вообще газета дает понять, что Эдлстроп уютен, а не демонстративно богат; пусть он и сонный, зато не скучный. Если же верить приходской доске объявлений, это центр социальной активности. «Йога для всех!» в Шиптон-ан-

дер-Уичвуде; джазовый вечер на холме Бродвелл-Хилл, а через дорогу, в деревенском клубе, устраивают викторину по скачкам и сулят участникам вино и сыр. Увы, я слегка подзадержался и не застал мобильный полицейский отряд на главной улице — а всего улиц в Эдлстропе две, — и brave парни уже уехали. Мне бы хотелось выяснить по-подробнее насчет местной преступности. Держу пари, тут в изобилии случаются перестрелки, вооруженные ограбления и процветает торговля крэком. Впрочем, здесь наверняка достаточно проблем, и местному члену парламента Джефффри Клифтону Брауну («Работаю на благо Котсуолда») всегда найдется чем заняться. Эта деревенька с ее очаровательными домиками под соломенными крышами, почтовым отделением и лесистыми окрестностями, с ее тенистой автобусной остановкой со скамейкой и расписаниями маршрутов на Той-Лэйн, Литтл-Комптон, Кайт-Брук и Брок-Хилл-Клампы — типичная английская деревня в представлении американцев и японцев. Увы, далеко не всем из нас настолько повезло.

Но я приехал сюда не тосковать по недостижимому. Подсказка относительно того, что привело меня в Эдлстроп, кроется в старинной вывеске. Прежде она красовалась на железнодорожной платформе, а ныне гордо венчает собой автобусную остановку. Ниже вывески висит маленькая медная памятная табличка с двадцатью четырьмя стихотворными строками. В первый раз я приехал в Эдлстроп, вырвавшись с романтического уикенда в фермерском трейлере в Ивенлоуде, деревушке по соседству, рядом с которой Эдлстроп выглядит громадным, как Чикаго. Фермера, уточняя, в трейлере не было. Оторвавшись от поглощения шампанского и прочих напитков перед экраном черно-белого телевизора, который работал от аккумулятора, я бросил взгляд на карту и отметил, что до Эдлстропа подать рукой. Значит, надо совершить паломничество. Ведь Эдлстроп известен всему миру, во всяком случае, тем людям,

которые почитывают книжки. И вовсе не потому, что он осенен именем Джейн Остин — та часто навещала местного приходского священника и, по слухам, использовала Эдлстроп как декорации для своего «Мэнсфилд-парка», — а потому, что этой деревне посвящено прекрасное, часто включаемое в разнообразные антологии стихотворение, которое относится к конкретной эпохе, однако создает впечатление безвременья.

Эдвард Томас был убит взрывом гранаты в утро начала наступления при Аррасе в ходе Первой мировой войны, в 1917 году. Все свои стихи он написал на протяжении последних трех лет жизни, что заставляет задуматься, чего бы он мог достичь, когда бы не погиб. Лично я полагаю, что он стал бы одним из ведущих поэтов двадцатого столетия, ведь те немногие стихотворения, которые нам остались, поистине великолепны и загадочны, этакая отважная попытка пробудить народный дух Англии, одновременно сладостный и лелеемый — и древний и темный. «Эдлстроп» — самое известное стихотворение Томаса; оно, как заметил критик Адам Филлипс, «необыкновенно простое». Всего четыре строфы, написанные повседневным языком; поэт вспоминает, пусть память иногда его подводит, как пассажирский поезд неожиданно остановился как-то днем в этой крошечной глостерширской деревушке.

Ну да, я помню Эдлстроп —
Название помню это:
Затормозил там наш экспресс
Однажды жарким летом.

Вот и все, что случилось. С событийной точки зрения в сравнении с этими строками «В ожидании Годо» выглядит «Апокалипсисом сегодня». Однако стихотворение полно неизъяснимого очарования, которое сохранилось по сей день, пережив и зубрежку в пыльных классных комнатах,

и нудные экзамены. Оно впечаталось в память из-за своей загадочной краткости и многоцветной меланхолии:

Пар зашипел. Смешок, другой...

Никто не вышел, не вошел...

Фландерс и Суонн в своем «Медленном поезде» повторили эту строчку — насчет того, что на станции никто не вышел из поезда и никто в него не зашел. Показательно, по-моему. В общем, поэт остается наедине со своими мыслями и «с голосами всех птиц Оксфордшира и Глостершира», звучащими в отдалении. Вслушиваясь в голоса, которые я записал на свой цифровой диктофон в тот день, я тоже различаю отдаленные птичьи трели. Но если отбросить это эхо, растянувшееся на года, и мне, и многим другим кажется, что это стихотворение не могло быть написано сегодня. Томас не нашел бы задумчивой тишины в поезде, ему назойливо бы лез в уши треп по мобильным телефонам («Спроси у Саймона, пришел ли прогноз от “Майкрософт”, и скажи ему, что я, видимо, опоздаю на совещание... А хрен его знает... Эдлстроп, где бы это ни было»), время от времени перекрываемый очередным сверхгромким и малоинформативным объявлением машиниста.

Соскочи Эдвард Томас с поезда и забреди в деревню, он увидел бы почти то же самое, что вижу сегодня я: ряды симпатичных домиков, зелень, церковь... Впрочем, кое-что поменялось. Уже ни один поезд никогда не остановится в Эдлстропе. Об этом позаботился Бичинг в 1966 году. Станция заброшена и вся заросла травой и кустарником. До деревни от нее около мили, непреодолимое расстояние для некоторых паломников. Так или иначе, стихотворение Томаса ныне обрело иное значение, оказалось посвященным иной жгучей утрате. Это уже не только оплакивание погибшей эдвардианский невинности, что полегла и была безвозвратно поругана в крови болот Ипра и Соммы. Это еще

и, пусть тривиально, но все равно щемяще-печально, напоминание о тех днях, когда сонные поезда ползли между сонными деревеньками по непривычной для нас, более дремотной и более медленной Англии.

Я отправился в почтовое отделение, чтобы разжиться сувениром. Этим заведением прежде управляла Дороти Прайс, отец которой работал на станции в 1914 году; должно быть, она была на службе в тот день, когда в Эдлстропе вдруг остановился поезд Томаса. Ныне Дороти уже нет, а новая хозяйка почты весела и болтлива. Она поведала мне, что паломники все еще приезжают в Эдлстроп, некоторые не скрывают разочарования, увидев, что станция заброшена. Вообще-то, прибавила она, станция по-прежнему существует, хоть и на бумаге. «Конечно, грустно, что все так вышло, что кругом кусты и заборы. Но люди приезжают, знаете ли, и фотографируют. Милые люди эти приезжие, почти все... Думаю, я не сильно ошибаюсь». Она усмехнулась, признавая, что среди поклонников старых железных дорог и старой поэзии редко встречаются любители помахать кулаками. Я купил земляничное мороженое с чизкейком и четыре сепийных открытки с видами старой станции. С одной на меня с печальной улыбкой глядел нескладный и усатый молодой человек. Вполне возможно, это отец Дороти Прайс.

Покидая почтовое отделение, я вижу облака дыма, всплывающие над высокой живой изгородью, что скрывает заброшенную железнодорожную колею, и слышу звуки, в которых безошибочно угадывается индустриальный труд. На волшебный и одновременно жуткий краткий миг мне чудится, будто призрачный поезд возвращается в сонный Эдлстроп — или будто некий магический портал перенес меня в прошлое. На самом же деле кто-то просто пилит деревья бензопилой и развел костер из веток...

Бичинг тоже, так сказать, пилил железнодорожные ветки бензопилой, и в результате сегодня лондонский поезд проскакивает Эдлстроп без остановки, а вы не обращаете внимания на это место (если только вам не присущ поэтический склад ума). Я, заодно с Хислопом и Глэнси, считаю, что железные дороги суть душа Англии, будь то Средняя или Внешняя, Старая Добрая, Веселая или Наимрачнейшая, что они сделались неотъемлемой частью нашего национального характера. Интересно, известно ли другим народам такое хобби, как трэйнспоттинг? До какой степени мы увлечены железным дорогам — вопрос отчасти спорный. Например, железнодорожный историк Джек Симмонс пишет, что «первые паровые железные дороги почти не привлекли внимания творческих людей в Англии». Еще утверждается, что, в сравнении с Францией, где был Золя, и Россией, где был Толстой, Англия не породила писателя, способного создать грандиозный, простите за выражение, железнодорожный роман.

Возможно, так и есть. Однако Англия, Средняя Англия подарила нам отличное железнодорожное стихотворение («Эдлстроп»), отличную железнодорожную историю о призраках (жуткий диккенсовский «Сигнальщик») и, конечно, отличный фильм. Быть может, это лучший из когда-либо снятых британских фильмов: прекрасная и грустная история любви, которая, вероятно, никогда бы не произошла, не окажись доктор Бичинг во главе английских железных дорог приблизительно пятьюдесятью годами ранее.

Все начинается волшебно, с паровозного гудка и свиста выпускаемого пара. Мы оказываемся на темной железнодорожной станции посреди зимы; на станцию, создавая своим фонарем и искрами из топки драматический и романтический антураж, вкатывается поезд, свет в окошках вагонов сливается в белый промельк. Контролер (Стэнли Холлоуэй) пересекает пути и входит в зал ожидания, где

сидит супружеская пара, погруженная в размышления и изредка обменивающаяся односложными замечаниями.

Начало «Короткой встречи» есть одновременно и конец. Пара встретилась в последний раз; женщина (Селия Джонсон) ведет за кадром воображаемую беседу со своим мужем. Того тут нет, а мужчина, рядом с которым сидит эта женщина, — не ее муж. Вот, в принципе, и весь сюжет. Двое типичных представителей среднего класса, состоящих в браке, но не друг с другом, завязали любовную интрижку после случайной встречи на железнодорожной станции. Интрижку, которая ничем не завершилась: женщина испугалась, и мужчина отправился в Южную Африку.

Это краткое изложение голого сюжета несколько не позволяет назвать «Короткую встречу» (сценарий Ноэла Кауарда, режиссер Дэвид Лин, в главных ролях Селия Джонсон и Тревор Хауард) шедевром, но фильм — действительно шедевр. И пусть мне попробуют возразить! Если ваш идеал большого британского кино — гангстерская комедия Гая Ричи или, возможно, даже «Итальянская работа» (в которой в одной из ролей снялся почтенный сценарист «Короткой встречи»), тогда, вероятно, вы сочтете «Короткую встречу» слегка напыщенным фильмом. Ее часто пародировали, самая лучшая и уважительная пародия написана Викторией Вуд, героиня которой начинает свой рассказ со слов: «Я отправилась в Уилвертон, чтобы сдать книгу в библиотеку и заказать кокос». Вуд замечательно передала настроение фильма, несколько не утрирует, и сама картина ей явно очень нравится. Другие, увы, расценивают «Короткую встречу» как худший образчик заклеванной английской мелодрамы и высмеивают присущие картине характерный акцент и унылый антураж. Возможно, худшее оскорбление из всех — ужасный телевизионный ремейк 1974 года, с Ричардом Бертоном и Софи Лорен. Непостижимо, как можно было снять такое! Лорен продирается сквозь бессмысленные диалоги, изрекая слова с

монотонностью работа, а Бертон буквально излучает безграничную усталость человека, который считался некогда лучшим Гамлетом своего поколения, а теперь ждет не дождется, когда откроются пабы.

«Короткая встреча» способна пережить все вышеперечисленное и остаться нетленной классикой. Она ошеломляет, снятая в нуарной манере Роберта Краскера; режиссура Лина великолепна, а сценарий, несомненно, относится к числу лучших работ Ноэла Кауарда, совершенно никакого сходства с его прочими, топорными и высокомерными сочинениями; Тревор Хауард играет отменно, однако успех фильму обеспечили, прежде всего, два фактора. Во-первых, Селия Джонсон. Она просто превосходна, ухитряется показать целый мир опустошения и внутренней боли одним взглядом. В числе своих самых первых реплик она произносит: «Эта мука не может длиться долго». Но вы понимаете, что муке суждено продлиться остаток жизни героини. Выражение ее лица, одновременно одухотворенное и скорбное, когда она сознает, что не в силах совершить самоубийственный прыжок под поезд, столь же изумительно, как и ее слова: «Я собиралась это сделать, Фред, я на самом деле собиралась. Я стояла и дрожала на краю платформы, но так и не смогла решиться. Мужества не хватило. Надо бы сказать, что меня остановили мысли о тебе и о детях, но я не хочу лгать. Никаких мыслей вообще, одно всепоглощающее желание никогда больше не чувствовать ничего подобного. И никогда больше не быть несчастной...» В документальном фильме о картине комический актер Джон Сешенс обронил — и точнее не скажешь: «Лишь самый прожженный циник в очках “Рэй-бэн”, читающий “Фейс” и весь из себя постмодерновый, устоит перед ее обаянием».

В том же документальном фильме продюсер картины поведал, что всякий раз, когда пересматривает «Короткую встречу», он стискивает зубы, корит себя последними сло-

вами — и все равно плачет. И я тоже. И мне не хватает крепких выражений, чтобы обложить главную героиню. Ведь она поступила неправильно: ей следовало оставить Фреда, холодного, как рыба, и ничем не примечательного муженька, и наплевать на приличия. По сути, этот фильм рассказывает о совершенно нетипичной для Средней Англии черте — о трусости, или, как выразился критик Джим Шепард: «о десятилетиях воздержания; медленно движущиеся, многомильные поезда самоотречения... Женщины жертвуют тем, что им дороже всего, ради блага кого-то другого».

После первых предварительных просмотров консервативные комментаторы хвалили фильм за мораль — именно за то, что больше всего злит меня в этой картине. Оцените флиртующего начальника станции и матриарха из кафе, этих олицетворений механики человеческих отношений. Она была замужем прежде, он жаждет ее, и интрижка, пусть и не продлится долго, будет приятной, ко взаимному удовольствию и сексу. А теперь посмотрим на наших героев: неудовлетворенные, измученные люди не готовы броситься друг другу в объятия, ибо им недостает смелости. Реальная любовь, реальная страсть преодолевает любые границы. Жизнь коротка, сожаления почти вечны.

Сравните фильм с романом Иэна Макьюэна «На берегу», другим шедевром Средней Англии, повествующем о неправильном выборе и потраченной впустую любви. Я уверен, что Макьюэн писал свой роман, держа в памяти «Короткую встречу», однако сам он куда более прям в суждениях и выводах. Он не утверждает, что герои, быть может, в конце концов поступили правильно. Он говорит, что они ошиблись; в отличие от «Короткой встречи», роман не обрывает историю, продолжается, охватывая прозаическую, второразрядную жизнь.

В общем, я, как бы ни хотелось того некоторым, не нахожу финал «Короткой встречи» примиряющим с действи-

тельностью. Для меня этот фильм — исследование причин поражения. Героиня не плачет от облегчения, она скорбит. Но это только мое мнение. И вот почему «Короткая встреча» — шедевр поп-искусства. Фильм развлекает и восхищает, провоцирует и заставляет заглянуть в собственную душу. Я сказал, что успехом фильм обязан двум факторам. Первый — Селия Джонсон, а второй — железнодорожная станция Карнфорт.

Я сижу за тем самым столом, где Селия Джонсон и Тревор Хауард обменялись агонизирующим прощанием. Наверное, мне полагалось бы вести себя более почтительно, а не уплетать кекс и не заносить в блокнот заметки об окружающей обстановке, но, черт побери, я обожаю кексы с чаем. А обстановка — укажу сам, пока меня не поправил кто-нибудь более дотошный — не вполне соответствует той, что мы видим в фильме. На самом деле декорации возвели в павильоне на студии «Денэм». Но они копировали именно этот зал ожидания в Карнфорте, на станции к северу от Ланкастера, где снимались все пейзажные сцены картины. Сходство поразительное до жути.

Лин выбрал Карнфорт по нескольким причинам. Во-первых, все еще шла война, а станция находилась в отдалении от крупных городов и потому считалась безопасной для съемок. Вдобавок тут действовали менее суровые, чем в Лондоне или на южных станциях, правила затемнения, а длинный пандус подземного перехода как нельзя лучше подходил для установки аппаратуры и декораций. Признаться, когда я прошелся по этому пандусу, меня пробрала дрожь. Стены украшены табличками со стихотворениями Линна Александера, местного «станционного поэта» в 2004 году. Стих «Станции часов» рассказывает историю карнфортских часов, известных и даже «иконических» (это мерзкое словечко тут вполне годится) — с их создания в 1880 году до роли в фильме и восстановления, наряду со станцией.

После «реформ» Бичинга некогда горделивая станция превратилась в платформу на боковой железнодорожной ветке, перрон же на главных путях забросили, а потом попросту снесли в 1970-х годах. Однако в 1990-х группа энтузиастов железных дорог и поклонников фильма во главе с карнфортским бизнесменом Питером Йейтсом приступила к восстановлению станции при поддержке национальной сети «Рейлтрак»; в 2003 году Маргарет Бартон, девочка-официантка Берил из «Короткой встречи», разрежала ленточку на церемонии открытия отреставрированного вокзала. Это большое достижение, но Питер Йейтс сказал, что они не намереваются почивать на лаврах; их следующая цель — вернуть Карнфорт в эксплуатацию в качестве «законной» остановки поездов Лондон — Глазго.

На протяжении многих лет место станции Карнфорт в истории британского кинематографа замалчивалось, недооценивалось и не признавалось, но сегодня станция отыгрывается за десятилетия пренебрежения — и имеет на то полное право. Знаменитый зал ожидания теперь предлагается напрокат под бодреньким слоганом: «Устройте себе короткую встречу на станции Карнфорт». При этом нельзя сказать, чтобы тут не прилагали усилий: масса предметов тех лет, вплоть до урн, сигнального звонка, рекламы давно забытых сортов стаута и тому подобного. Ненавязчиво звучит Гленн Миллер, стену украшают постеры — самые настоящие, — сулящие скорое выступление свинг-бэнда. Сегодня суббота, и в разгар дня посетителей в достатке. В углу сидит пара, которую я готов принять за постоянных клиентов: он громогласен и весел, где-то под сорок, не слишком хорошо умеет есть местные булочки — они весьма популярны, — а она, скорее всего, его мать, пожилая седовласая дама, отчаянная болтушка. Официанты оказывают им повышенное внимание и, не переходя грань назойливости, ведут себя благожелательно, но без сентиментальности. Трогательное зрелище. За соседним столом двое муж-

чин в темных костюмах пьют апельсиновый сок и едят один пирог на двоих, о чем-то перешептываясь над старой картой. Они будто по ошибке угодили сюда из другого классического британского фильма, а именно — из «39 ступеней» Хичкока; признаться, я заинтригован, особенно когда понимаю, что они шепчутся по-немецки.

Я бы последовал за ними в поезд, переодевшись официантом, выкрал бы их главное сокровище — подробную сверхсекретную карту расположения английских зениток и радаров, и все бы закончилось погоней по крышам вагонов и выстрелами из «люгера». Вместо этого я решил заглянуть в книгу посетителей. Почти все, кто оставил в ней записи, прониклись духом времени, пусть даже таким, каким они его себе представляют. «Потрясно!!!» — восклицает некий джентльмен из Лидса. «Шик и блеск» — замечает семья из Кента. Куда изощреннее и загадочнее запись Сьюзен из Престона: «Как жаль кофе!» Дама из Бата пишет: «Отменно!», а другая дама, из Уиррала, замечает: «Ой, мне песчинка в глаз попала!», явно цитируя одну из наиболее известных реплик фильма и имея в виду событие, которое сводит вместе главных героев картины. Мило, не правда ли? А следующий комментарий гласит: «Как сказано в фильме, мы вернемся!» Ну да, вот только фильм, о котором идет речь, — не «Короткая встреча», а куда более современный, более жестокий и сильно уступающий моему фавориту «Терминатор», где главную роль играет совершенно не похожий на Селию Джонсон Арнольд Шварценеггер. Я моргаю; тот, кто оставил этот комментарий, приехал из моего родного города.

Мои тягостные раздумья и сожаления грубо нарушает «Транспеннинский экспресс» на Лидс, с грохотом пролетающий через станцию. В 1945 году не было ни «Транспеннинского экспресса», ни «Силверлинкса», ни «Арриваса», зато, как и сегодня, имелась компания «Грейт вестерн», а также целая куча других частных железнодорожных ком-

паний с не менее звучными названиями. Съёмки «Короткой встречи» происходили ночью, с 10 часов вечера до 6 часов утра, когда местное железнодорожное сообщение прерывалось. И каждую ночь тем не менее съёмки останавливали, чтобы пропустить в полночь экспресс «Ройал скот». Лин вспоминал: «Я обыкновенно стоял на краю платформы, весь дрожа от восторга, и держал Селию за руку, а экспресс с ревом проносился мимо всего в шести футах от нас. Восхитительно!» Между дублями Селия присаживалась у камина в кабинете начальника станции и грелась у огня, а на рассвете отправлялась отсыпаться в отель «Лоувуд» в Эмблсайде. Она совершенно не представляла себе жизнь за пределами Лондона и сказала мужу, что ей предложили работу, связанную с «переездом на четыре недели на север, в какую-то жуткую дыру с железнодорожной станцией»; но в конце концов, судя по ее письмам, она начала наслаждаться и товарищеским духом, царившим на съёмках, и самой станцией. Она играла в покер, решала кроссворды и щедро раздаривала местной детворе конфеты и шоколад, истинные деликатесы тех мрачных дней.

Трагическое прощание персонажей Селии и Тревора прерывает своей болтовней поступающая из лучших побуждений, но все равно раздражающая Долли Месситер. Не знаю, лучшие ли побуждения у подростка в бейсболке с эмблемой «Ньюкасла», но на нервы он точно действует, барабанил пальцами по столешнице. Впрочем, сегодня слишком хороший день, чтобы злиться и ворчать, так что я стараюсь уподобиться местному персоналу, хвалу вежливости и обходительности которого возносят на каждой странице книги для посетителей.

Снаружи довольно тепло, все-таки разгар лета; платформа залита солнцем, люди приходят и уходят. Некоторые на самом деле уезжают, их ждут встречи и совещания в Барроу, Ланкастере и Шеффилде. Они глядят на часы, смотрят на расписание, треплутся по мобильным телефо-

нам. Их намного превосходят численностью мои собратья по интересам, зеваки, энтузиасты и туристы, радующиеся солнечному деньку на самой известной железнодорожной платформе в Англии (по крайней мере, она была таковой до Джоан Роулинг с ее романами).

Три человека непреднамеренно и вовсе не по прямой движутся по платформе в мою сторону. Крошечная, похожая на птичку пожилая леди в сиреневом, с волосами, как вата, и доброжелательным, слегка удивленным взглядом; невысокий, словно чем-то напуганный мужчина в анорাকে; последняя — огромная, и ростом, и объемом женщина в нелепо выглядящей шубе, она пользуется любой возможностью, чтобы громогласно обругать своих спутников. Сердце подсказывает мне, что напуганный мужчина — муж, а пожилая дама — свекровь, и я искренне им сочувствую, особенно когда властная тиранша требует, чтобы муж привел в порядок одну из ее босоножек. И он послушно встает на колени у ее ног, в тени ее огромной филейной части, явно опасаясь возразить хотя бы взглядом. Этакая открытка Дональда Макгилла по мотивам Иеронима Босха. «Поторопись, Артур, что ты там возишься?» У меня на глазах будто оживает сцена из какого-нибудь дурацкого ситкома 1970-х. Так и хочется крикнуть: «Не корчи из себя Селию Джонсон, Артур. Не торчи в этом аду по обязанности. Оставь ее. Столкни ее под поезд. Сделай хоть что-нибудь». Я всей душой сопереживаю Артуру, а он поднимается с коленей и, с бесконечной нежностью, спрашивает у пожилой леди: «Мама, хочешь навестить Ноэла Кауарда? Он вон там».

Не лично, разумеется. Там висит его портрет. Рядом с залом ожидания находится небольшой информационный центр, который, естественно, в значительной степени посвящен фильму; в крохотной просмотровой с удобными диванчиками картину крутят непрерывно, и какая-то молодая пара с рюкзаками и спутанными волосами на голо-

вах, держась за руки, наблюдает, как безутешная Селия блуждает под дождем по улицам Милфорда. Здесь можно купить кассеты и DVD с фильмом, и я так и поступаю, а еще кухонные полотенца, брошюры по истории станции и несколько открыток, отличный вариант для коротких записок в мгновения острых душевных травм и сердечных расстройств. Полезная вещь.

Неразрывная связь Карнфорта с кинематографом — не единственная черта станции, которую сочли достойной увековечения. Есть выставка, посвященная так называемому «Чуду Хест-Бэнка», случившемуся в 1965 году: экспресс Лондон — Глазго сошел с рельсов на высокой скорости около близлежащей деревни с тем же названием, и, как ни невероятно, ни один из 119 его пассажиров не погиб. (Меньше повезло двадцати трем молодым китайским сборщикам моллюсков, которые утонули на предательской песчаной отмели поблизости в 2004 году.) Под стеклянными витринами хранятся вполне прозаические, но приятные напоминания о славных ранних днях — пепельницы и стаканы для виски из вагонов первого класса компаний «Фернесс», «Мидленд» и «Эл-эн-дабл-ю-ар рейлвейз», заодно с предметами, при взгляде на которые у кое-кого из мужчин ладони станут потными от восторга, но которые лично меня вводят в ступор. Что конкретно такое стыковой гаечный ключ? Выглядит весьма симпатично, весь такой маленький, аккуратный, промасленный...

В эту летнюю субботу в Карнфорте, оплоте различных добровольных движений, центре музеев и открытых дней, отчетливо проявилась и другая похвальная особенность Средней Англии: изобилие энтузиастов-добровольцев. Мы — нация тех и других, и мне это нравится. В наши дни, когда повсеместно в моде этакая засушливая культурная отрицательность, на людей, которые чем-либо всерьез интересуются, принято поглядывать с высокомерием и пре-

зрением. Во всяком случае, на тех, кто интересуется не общепринятыми хобби. Все в порядке, если вы любите футбол, это едва ли не обязанность каждого англичанина, но не дай бог вам проявить интерес, скажем, к географическим картам, настольной игре «Клуэдо» или к подвесным мостам. Несколько лет назад — может, помните, — в Греции арестовали компанию проводивших там отпуск энтузиастов авиации, или «самолетоманов», как их стали именовать в газетах; им предъявили смехотворные, явно сфабрикованные обвинения в шпионаже. В разговорах за обеденными столами и в трепе по мобильникам неизменно проскальзывала мысль, что они это заслужили: бедняги, нет чтобы жить настоящей, полноценной жизнью.

Я не нахожу привлекательными ни трэйнспоттинг, ни охоту на самолеты, ни благоговение перед старинными тракторными двигателями. С другой стороны, у меня нет ни малейшего интереса к автомобилям, «темной комедии» или к «Челси». Думаю, люди, которым это все нравится, испытывают куда более насущную, неотложную потребность в «настоящей жизни», нежели те, кто готов провести ночь-другую в афинской тюрьме за свою любовь к самолетам. Каждому свое, таков мой принцип, и давайте распространим его на всех британских энтузиастов, из которых кое-кто — седые мужчины все как один в толстых свитерах, — сделали мое пребывание в Карнфорте намного более приятным: например, показали просторный восстановленный билетно-кассовый зал и сообщили, что местные приобрели привычку заключать здесь браки; или пояснили, что изгибающаяся платформа была в годы своего возведения настоящим шедевром строительства. Я не стал уточнять насчет стыкового гаечного ключа — чтобы не пбили за невежество, — и в итоге он по-прежнему остается для меня загадкой, но однажды наверняка раскроет свои страшные тайны.

Не ошибусь, если скажу, что греческие охотники на самолеты удостоились по меньшей мере одного короткого и веселого сюжета в передаче, которая ныне является телефлагманом новой Средней Англии — какая ирония, если учесть, что эта передача категорически не желала становиться таковой! (Пусть даже на протяжении многих лет подобный статус ее вполне устраивал.) Я говорю о шоу «Тор Gear». Запущенное в 1977 году на заводе Пеббл-Милл, расположенном в сердце самого автомобильного города Средней Англии, Бирмингема, это шоу многие годы вел Уильям Вуллард, вечно в гоночных крагах, рассуждавший о ралли «Ломбард Ар-эй-си» и выгребных ямах. От передачи, фигурально выражаясь, пахло средствами для полировки кузова и монпансье в жестяных банках. Некоторое время спустя, в начале нынешнего столетия, шоу, подобно британскому обществу в целом, вдруг обнаружило, что жизнь, как ни крути, — штука забавная. Новый вариант шоу, с ведущим в студии, по существу представляет собой комедийную программу с участием спортивных автомобилей: мужчины средних лет взрывают все подряд, высмеивают собственные «ламборджини» и обливают презрением другие, менее адреналиновые виды транспорта, в первую очередь экологические чистые машины, а также автоприцепы. Трио ведущих «Тор Gear» — Джереми Кларксон, Джеймс Мэй и Ричард Хэммонд — превратило хулигански-добродушную атмосферу салуна в художественную форму, и зрители приняли ее с восторгом. Как ни странно, шоу чрезвычайно популярно.

В том, что оно нравится мужчинам от 16 до 34 лет, нет ничего удивительного. Куда занятнее, что оно регулярно привлекает к экранам 40 процентов женской аудитории. Одно из предложенных объяснений этого феномена гласит, что шоу греет души тех женщин, которые категорически не желают смотреть слезоточивые сериальчики и мыльные оперы вроде «Биения сердца». Либо что мама

смотрит шоу за компанию с папой и отпрыском. Разумеется, объяснить пристрастие мужчин к этому шоу намного легче. Подобно журналу «FHM», виски «Джек Дэниэлс» и спрею «Инсигния», шоу в известной степени олицетворяет подавленные желания какого-нибудь продавца офисной мебели, который полагает, что, однажды посетив танцклуб под названием «Элита» в Севеноуксе, сделался вторым Джеймсом Бондом. При этом ему никогда не завести бурного и страстного романа с прекрасной незнакомкой, не поколотить пьяного грубияна, перлами остроумия не заставить окружающих умолкнуть. Зато он способен пролететь на «ауди», принадлежащем его фирме, мимо грузовика с прицепом и торжествующе ухмыльнуться, способен выдать полуприличную шоферскую тираду и вообще старательно копирует стиль поведения, который телевизионный критик Эндрю Энтони из «Обсервер» назвал «донельзя раздутой иронией и преувеличенным негодованием; учитывая грандиозную популярность шоу, этот стиль угрожает стать лингва-франка Средней Англии».

Поскольку я совершенно не интересуюсь автомобилями, для меня «Тор Gear» — что-то вроде закрытой книги. Вдобавок я нахожу присущий этому шоу тори-популизм слегка утомительным. Но, возможно, я ошибочно отождествляю шоу с его типичным зрителем, таким тоскующим по адреналину блоггером с правыми взглядами, который пишет в «Бритен тудэй», цитирую: «В “Тор Gear” мы видим белых мужчин, представителей среднего класса, обучавшихся в государственных школах, со здоровым влечением к противоположному полу; они получают немалые деньги от абонентов телеканала за то, что водят непомерно дорогие автомобили самыми диковинными, бессмысленными и юридически сомнительными способами, а менее удачливая публика, прежде всего рабочий класс, толпится вокруг снобов-ведущих на студии и ловит каждое их слово... Фантастическое развлечение!.. Когда Би-би-си выдает

зрителям то, чего они на самом деле хотят, например “Тор Gear”, а не ерунду наподобие мусульманской рыбной ловли, люди счастливы».

Пожалуй, ничего более внятного, не впадая в пустословие, я добавить не в состоянии, ибо не обладаю нужной квалификацией, чтобы хвалить или критиковать само шоу. Повторюсь, оно чрезвычайно популярно и, несомненно, сделано профессионально. Как однажды спел Моррисси по поводу диджеев старого «Радио-1» (парни из «Тор Gear» подозрительно на них смахивают), «О моей жизни мне ничего не говорят».

Посему понятия не имею, что такого особенного в автоприцепах. Что такого в этих безвредных, стандартных коробах на колесах, цепляемых к грузовикам, которые ведут мужчины средних лет, из-за чего впадают в бешенство другие мужчины средних лет, сидящие за рулем унылых и дорогих немецких седанов? Возможно, причина в том, что прицепы — безобидные и типовые. Или же в том, что их неторопливое перемещение по шоссе разумно не позволяет какому-нибудь Саймону на «ВМВ» долететь за пару минут до любимого бара, а потом запереться в квартире наедине с очередным порноканалом? Любопытно, не правда ли: два оплота мужественности Средней Англии готовы вцепиться друг другу в глотку, мечут один в другого яростные взгляды через разделительную полосу и считают каждый своего соперника невыразимо скучным типом.

Почему я убежден, что не обладаю нужной квалификацией, чтобы судить о ценности «Тор Gear» как автомобильного шоу, а не просто развлекательной передачи? Дело в том, что я не вожу машину; это обстоятельство резко выделяет меня на общем фоне, как сказали бы некоторые, делает меня категорически несреднеанглийским. Я бы с удовольствием написал, что не вожу машину из того или иного принципа, к примеру из сознательного нежелания вносить свой вклад в медленное и верное удушение планеты. Увы,

истинная причина куда прозаичнее: я сдавал на права в девятнадцать лет, провалил экзамен, не слишком расстроился, поскольку жил в городе, где было полным-полно автобусов, поездов и такси, и любил выпить, затем получил работу в журнале «Новый музыкальный экспресс», а рок-журналистам, по моему твердому убеждению, следует законодательно запретить водить машины.

Несколько лет подряд я регулярно вел на «Радио-2» шоу «Время езды». Как легко догадаться, оно не имело ни малейшего отношения к автомобилям; мы просто позаимствовали обозначение времени суток у американского радио. На деле оно затрагивало всякие технические премудрости, вроде расхода топлива или дорожного налога, не чаще, нежели утренние шоу рассказывают о мюсли, грейпфрутах и лучшем способе сварить яйцо. Это, однако, не помешало по крайней мере одному человеку прислать мне по электронной почте аналог официального письма, в котором он обрушился на мою скромную персону: «Уж простите великодушно, но как может человек, который сам не имеет водительских прав, вести передачу “Время езды”!!!» Объяснять что-либо было бесполезно. Я давно понял, что, когда речь заходит об автомобилях, англичане утрачивают всякую логику и будто превращаются в нацию злобных отшельников, живущих на кондиционированном воздухе, кофе с автотопливо, шоколадных батончиках и группе «Оазис».

Возможно, во мне говорит предубеждение, однако я считаю, что шоссе абсолютно не способны потягаться с железной дорогой в романтичности. В Америке, наверное, все иначе, но в Англии железная дорога — своего рода миф, а шоссе — не более чем подручное средство добраться до цели. Путешествие поездом знакомит вас с местностью и с человеческими типажам. Владение автомобилем — предмет гордости (очереди на автомойках в воскресенье характерны для Средней Англии), а назначение машины сугубо функционально.

Для части жителей Средней Англии автомобиль — этакый передвижной дом: частный, уютный, полный детских игрушек, книг и еды, пространство, тщательно оберегаемое от злоумышленников. Вот что особенно ценится в автомобилях: отгороженное индивидуальное пространство частной жизни — в противовес малопривлекательному общественному пространству в поезде. Водитель — одновременно домовладелец и жилец; а поезд делает всех нас обитателями многоквартирного муниципального дома.

Это проявляется не только в остроумных наклейках на стеклах, детских креслах и освежителях воздуха, но и в дорожном гневе, чисто английском проклятии, которое превращает тихих банковских служащих в головорезов, а головорезов — в убийц. В отличие от Шейлока, мы, вырезая пресловутый фунт мяса, кровоточим сами, и на шоссе даже те, кого никак не заподозришь в чрезмерной возбудимости, становятся воплощениями бессильного гнева. Для других водителей на дороге вы — разбойник, подлежащий суровой каре. Автомобиль — как замок, вы преодолели разводной мост и ворвались в замкнутое, нереальное пространство, где обитают водители. Как писал Джон Бетжемен:

Сам по себе, в автомобиле,
Он сладострастно мстит жене;
Педаль до отказа, и — газу, и газу,
И жизнью жалкой доволен вполне.

Интересно, что любимые английские автомобили все без исключения родом из давнего, давнего прошлого, дребезжащие, плюющиеся дымом, но невыразимо романтические машины начала двадцатого столетия — «дарраки» и «спайкеры» из классического фильма «Женевьева», спортивный автомобильчик мистера Жабба из «Ветра в ивах», экспериментальный агрегат из «Пиф-паф ой-ой-ой»...

Каков бы ни был автомобиль, с ним вам попросту не суждены «короткие встречи», сколь угодно романтические, в Чарнок-Ричарде, Ньюпорт-Пэгнелле, Хилтон-Парке или на любой другой из множества британских станций техобслуживания. Подобно аэропортам и автобусным вокзалам, как бы те ни были прекрасны с архитектурной точки зрения, в этих станциях нет ни грамма тайны. И самих тайн то нет, разве что всего одна — как они ухитряются продавать фасоль на тосте за шесть фунтов пятьдесят пенсов. Жутко дорогие, утешительно безликие, почти советские в их статистическом множестве, станции техобслуживания дарят нации объединяющий опыт.

Принято считать, что одна из причин, по которой католическую мессу повсеместно служат на латыни, мертвом языке, состоит в следующем: какой бы он ни был расы или национальности, по всему миру католик может зайти в церковь и обрести мир и покой от привычного общего ритуала. Возможно, та же самая логика лежит в основе сети наших станций технического обслуживания. Зная это, утомленный автомобильный паломник везде в Англии, не важно, устал он, заблудился или просто хочет перекусить, помнит, что от его текущего местоположения всего несколько миль до жареной картошки за бешеные деньги, книжек с ответами на вопросы телевикторин (размером с чемодан), дисков с лучшими песнями «Би джиз» (на которых нет ни единого хита из «Лихорадки субботнего вечера») и объявлений, гласящих: «Эти туалеты убираются и проверяются регулярно; если обнаружите какую-либо проблему, пожалуйста, свяжитесь с нами».

И все же, и все же мы очевидно их любим. Возможно, причиной тому непреходящая ностальгия по заставам со шлагбаумами и придорожным постоянным дворам; так или иначе, мы, похоже, не готовы в целом совершать поездки длиннее нескольких миль и категорически против путешествий по автострадам вообще, если нам не посулят побли-

зости станцию техобслуживания, этот современный аналог трактира с сараем для лошадей и столиками, где можно промочить горло и выкурить трубочку. Когда построили трассу М-40, даже ревностные борцы за экологию тихонько, чтобы не услышали окружающие, восхваляли мудрость властей: 89 миль асфальта напрямик через Чилтернские холмы — я по-прежнему присвистываю от восторга, когда проезжаю по меловому ущелью с крутыми стенками близ Хай-Уайкума — обеспечили шикарную альтернативу мучительному передвижению по узкому шоссе от Центральных графств к Лондону. Строительство этой автострады началось еще в свингующих шестидесятых и велось довольно неспешно. Автострада даже появилась во втором из фильмов о «тандербердах», «Тандерберд-6» (1968): в одном из эпизодов самолет пролетает под автомобильным мостом, к немалому раздражению министерства транспорта. Тем не менее открыли трассу только в 1990 году. И поначалу, как ни смешно, мало кто ею пользовался. На дороге было противоестественно тихо, и поневоле, когда ты оказывался в этих краях, начинало казаться, будто Англию постигла какая-нибудь научно-фантастическая катастрофа, и ты, в своем «мондео», «астре» или «пежо», остался последним автомобилистом на Земле.

Ничего подобного, разумеется. Причина, по которой никто не сворачивал на трассу, заключалась в том, что на ней не было заправок и станций техобслуживания. К черту экономию времени и беспредельную свободу: никто не желал рисковать поездкой из Брама в Хаммерсмит без гарантии, что его накормят при случае «Пончиками Джули». Большинство англичан ругали правительство за оплошность, будто трассу построили без съездов и аварийных стоянок. Если вам не хватает риска в повседневной жизни или вы по характеру мазохист, прокатитесь от Фолкстона до Бирмингема (трассы М-20, М-26, М-25, М-40, М-42)

без всякой надежды на придорожный сервис. Жуть берет от одной мысли, верно?

Комик Гарри Хилл даже придумал посвященную этому репризу. «Никакого сервиса на трассе М-40? Как же нам быть?» Ответ таков (после нескольких минут вопросов и ответов): «Возьми сухой паек, вот именно, сухой паек». Конечно, сухой паек — негодная замена чизбургеру или пирожку с черникой. Нация дружно вздохнула с облегчением, когда в 1994 году первая станция техобслуживания открылась в Червелл-вэлли, а в 1998 году появились еще две — в Оксфорде и Уорике. Движение по трассе сразу сделалось плотнее. Уф!

За сервис на большей части британских автострад отвечают три крупных кейтеринговых компании — «Мото», «Велкам брейк» «Роудшеф». В Оксфорде заправляет «Велкам брейк» — смелый футуристический дизайн, сплошные чувственные изгибы и отвесные стены из стекла, деревянные открытые променады, где можно съесть двойной бекон с сыром у крохотного фонтанчика, притворяясь, будто очутился на берегу Женевского озера (если абстрагироваться от истошных детских воплей с игровой площадки). Вообще эти заведения довольно приятные, особенно в сравнении с «Фортоном» на трассе М-6, который издали выглядит в точности как здание Штази где-нибудь в Ростке, а внутри оказывается — и не поверишь, что такое возможно — еще менее привлекательным. Или в сравнении с «Сэндбаком», мрачный, грязный, обильно политый мочой пешеходный мост которого служит излюбленным ориентиром для тех, кто мчится мимо, торопясь в Озерный край.

Некоторые заведения у дороги со временем приобрели почти легендарный статус. О станции «Тибэй» на трассе М-6 в Камбрии принято говорить с придыханием, в особенности среди водителей среднего класса из Средней Англии

(не хотел каламбурить, но так уж вышло), едущих на север. Мало того, что окрестные пейзажи поистине ошеломительны — знаменитый лес в форме сердца на склоне одного из громадных, слоноподобных утесов Хаугилл-феллс, — это, вдобавок, подлинная Тоскана или, если угодно, подлинная Кира Найтли среди станций техобслуживания.

Она и выглядит ни на что не похожей: пруды с оградой, каменные террасы, длинные и приземистые здания, вызывающие в памяти образ военного форта, и все украшено легко узнаваемой эмблемой. Забудьте Среднюю Англию. Будь заправки и станции техобслуживания в Средиземье, они бы наверняка выглядели подобным образом; в таком местечке Фродо запросто мог бы попросить у Гэндальфа стакан с клубничной настойкой и свежий номер «Гардиан», а также посетить удобства на пути в страшный Мордор. Тут несложно занять столик с видом на пруд — не забудьте только заказать заранее.

Качество услуг «Тибэй» — на самом деле это две станции, по обеим сторонам автострады — подтверждает правильность политики руководства компании, которое стремится оставить «Тибэй» маленькой, локально ориентированной и независимой. До того, как в здешних краях проложили дорогу в 1971 году, тут находилась изолированная ферма. С появлением дороги фермер и его жена решили сократить убытки и возвели крохотный постоянный двор, всего двадцать восемь человек персонала. Теперь же они — скорее, их дочь — обеспечивают работой больше пяти сотен человек из окрестных деревень. Тут есть стоянка для трейлеров и гостиница, и обе они нередко удостоиваются различных наград; что действительно выделяет «Тибэй» из общего ряда, делает его очарование непреодолимым, заставляет нас, разумных людей в добротных немецких автомобилях, проезжать Чарнок-Ричард и «Фортон» и мчаться по ночной Камбрии, вопреки настойчивым

требованиям мочевого пузыря и воплям голодных детей, — это, чудо из чудес, наличие фермерского магазина.

На самом деле их даже два, как и станций, по одному на каждой стороне автострады. В 2004 году оба торжественно открыл принц. Еще бы ему не открыть! Вряд ли ему суждено стать принцем наших сердец, зато он уже давно сделался принцем свиных колбас и лука-порей и бароном песочных коржиков. Но вернемся к «Тибэй»: благодаря изобилию воды и органическому производству, местным продуктам и доверию клиентов эта компания даже в глазах оголтелых экологов выглядит белой и пушистой, пусть она расположена вблизи от самого экологически разрушительного изобретения человечества.

Для меня — думаю, что и для вас — придорожные кафе и станции техобслуживания не выглядят местами, где стоит задерживаться. Чего бы мы, каждый по-своему, ни хотели на них получить — будь то посещение туалета, чашечка кофе, короткая передышка, выгул собаки, аудиокнига Джона Гришема или упаковка хулахупов, — мы стремимся сделать это побыстрее и рвануть дальше, пока из пришедшего автобуса не выгрузилась орава футбольных фанатов. При этом сменявшие друг друга правительства волновались — напрасно, я думаю, — что, предоставленные самим себе, мы забудем о футболе и прелестях домашнего очага, а также прочих привычных развлечениях, и предадимся без оглядки сомнительным удовольствиям станций техобслуживания. Так или иначе, в правилах записано, что «сервис на автострадах возможен исключительно на условиях кратковременной остановки, а никак не в качестве места назначения в своем собственном праве». На протяжении многих лет минимальное расстояние между точками сервиса закон определял в 25 миль (приблизительно полчаса езды), а сегодня оно сократилось до 15 миль — правда, только там, где налицо очевидная потребность в столь

малом промежутке из соображений безопасности. Смысл нововведения прост: без вмешательства власть предержащих типичный бритт непременно поддастся искушению и забросит работу и семью ради блуждания сутками напролет вокруг Стрэтчвуда и Хилтон-Парка, тем самым нанося огромный ущерб экономике. Откровенно говоря, я не вижу оснований для подобных тревог.

Впрочем, «Тибэй» отличается от остальных. Я бы с радостью тут задержался. Это едва ли не единственная сервисная зона, где понятно, почему люди раскладывают на земле газеты и расстилают брезент, достают термосы и пластиковую посуду и устраивают пикники в тени собственных машин. Пейзаж великолепен, воздух чист и сладковат на вкус, а если вы забыли прихватить с собой еду, рядом имеется фермерский магазин.

Эх, если бы настоящие фермы были бы похожи на этот магазин! Никаких коров, никакого термобелья, никаких агробаронов, сидящих на государственных субсидиях, никаких черных полиэтиленовых пакетов, никаких представителей Национального союза фермеров, никакой колючей проволоки и незаконных ограждений, никаких тывкающих собак и уродливых теплиц... Только зрелые сыры, диковинное мороженое и настойка на черносливе... Пиар-война закончилась бы сама собой. Мы, горожане, всей душой поддержали бы Ассоциацию сельской местности, перестали бы стенать по поводу отстрела лис и не хихикали бы противно над очередной оговоркой Джона Прескотта или арестом сына Брайана Ферри.

В последний раз я был там вечером в пятницу, посреди зимы. Если даже персонал и мечтал поскорее предаться сибаритским удовольствиям Пенрита и Седберга, клиенты этого на себе не ощущали. Никакого закатывания глаз, постоянного смотрения на часы, пока я двигался вдоль полок, что ломались от изобилия товаров. Крупный и обходительный продавец, слегка косивший под эмо или гота, посове-

товал мне чрезвычайно пахучий местный сыр. «При моей зарплате надо бы покупать что-нибудь подешевле, но я просто не могу удержаться. Когда придете домой навеселе, поджарьте его на тостике. Да, кухня провоняет насквозь, но вкус божественный». Его коллега, девушка лет двадцати с копной светлых волос, перехваченных тартановой ленточкой, даже предложила мне попробовать разные сорта бисквитов, которые подходят к этому сыру. «Некоторые без ума от “Бат Оливер”, но по мне они как картонка. Зачем так издеваться над желудком?»

На фоне подобного сервиса все прочие заведения, разумеется, покажутся низкопробными. Но, чтобы не быть голословным, я заставил себя посетить несколько других мест и по возможности провести полноценный сравнительный анализ. В Чарнок-Ричарде каждое воскресенье проводится ярмарка антиквариата, еще там есть крохотный тематический парк под названием «Камелот» и, если память меня не подводит, местный вариант Бокка делла Верита. Последнее — сплошная полнейшая неожиданность: выполненная из стекловолокна точная копия древнего мраморного рельефа из римской церкви Санта-Мария (помните фильм «Римские каникулы»?). Это своего рода древнеримский детектор лжи: вы вкладываете руку в рот барельефа, и, если, вы солгали, мраморный идол откусывает руку. Не уверен, что я бы рискнул проделать такой опыт. Что касается пластиковой британской копии со станции техобслуживания, вы вкладываете ей в рот не только руку, но и фунт стерлингов; вспыхивают огоньки, низкий мужской голос изрекает какую-то ахинею, и наружу выползает бумажка с нелестной оценкой вашей личности. Моя гласила: «Вы склонны к изменам... Ваши капризы и непостоянство изрядно осложняют вам жизнь». Большое спасибо, Бокка.

На вышеупомянутом шоу «Время езды» регулярно звучали географические названия, воспринимавшиеся как мантра Средней Англии: объездная дорога Воздушных шаров,

ангар на Хэнгер-лейн, скоростная трасса на Эстон, станция техобслуживания Клэскет-лейн... Это последнее название всегда вызывало у меня улыбку, оно словно пришло прямо из сериала «Полчаса с Хэнкоком», столь же британское, как вареная капуста и осенняя морось.

Вообще-то она должна была называться иначе. История гласит, что первоначально станция обозначалась в документах как «Титси-Вудз», но имя изменили в последнюю минуту — компания «Роудшеф» испугалась, что никто не будет принимать станцию с названием «Титси» всерьез и люди станут заезжать туда за кофе и пирожными, хихикая, как маленькие дети. Вот так и возник вариант «Клэскет-лейн»; это немзыкальное и странноватое имя носит непримечательная улочка, куда выводят запасные выходы станции.

Я стою перед стеклянной витриной с надписью «История Титси-Вудз». Я вовсе не хихикаю. Витрина весьма познавательная. Отличная работа, «Роудшеф». Меловые холмы в этой местности когда-то служили прибежищем волкам, лесным куницам и диким кошкам. На барсуков охотились кельты, которые обитали вместе с семьями в поселениях на вершинах холмов — Уормс-Хит, Уолтон-Хит, Холмбери-Хилл и Энстлбери на холме Лейт-Хилл. Еще в витрине несколько римских артефактов, найденных при строительстве станции техобслуживания. Их оставили солдаты Цезаря, которые отогнали древних бриттов в холмы Суррея, а сами обосновались в Норт-Даунсе.

Титси-Вудз (или Клэскет-лейн) до сих пор выдерживает натиск римских захватчиков. Равно как и испанцев, венгров и поляков. Дело в том, что эта станция — первая сразу после Дувра и выезда из туннеля под Ла-Маншем, отсюда и дорожные указатели на множестве языков; они бросаются в глаза даже дождливым воскресным утром. Вокруг множество грузовиков и передвижных складов с чрезвычайным разнообразием международных номеров.

Персики из Португалии, сыр из Оверни и что угодно еще, что только поставляет в Британию этот забавный тип Норберт Дентрессэнгл.

Возможно, памятуя о неприглядности «Фортона» и «Сэндбака», могучие умы в «Роудшефе» попытались сделать Клэскет-лейн как можно более привлекательным внешне. Здания приземистые, деревянные, в них есть что-то от альпийских шале, будто Гриндельвальд взяли и перенесли на трассу М-25. Детская площадка пустует, зато на станции остановилась азиатская свадебная процессия: буйство цветов и оттенков, взрывы смеха, приятное оживление, жених в белом расшитом сюртуке, невеста просто ослепительна в изумрудно-зеленом китайском платье... Рядом с ними вход в «Премьер-инн» выглядит донельзя унылым.

Насладившись их романтическим оптимизмом, я с грустью замечаю на стене рекламное объявление некой компании, предлагающей «быстрые разводы всего за 65 фунтов», прямо над автоматом с презервативами в мужской уборной. Выйдя наружу, я вновь приободряюсь — меня воодушевила вывеска ресторана «Уимпи», одного из немногих уцелевших в Британии. Появление этой сети в Средней Англии некогда стало первым признаком «революции бургеров» в нашем питании, и до сих пор эти рестораны дадут фору своим американским конкурентам: в них используют настоящую говядину, настоящие салат и помидоры, а мука, которой посыпаны булочки, остается на ваших руках и на джинсах. Идеально.

На стоянке я случайно натываюсь на странную парочку. Двое мужчин, один — азиат в свитере от «Прингл», другой — коренастый лысый кокни, сошлись над сумкой с клюшками для гольфа, причем они явно договорились встретиться заранее. Кокни берет одну клюшку, вытягивает руку и оценивающе осматривает, словно прицеливаясь. Затем качает на руке, будто прикидывая вес, и делает несколько замахов. «Сколько, сотня фунтов?» Второй мужчина до-

вольно улыбается. Деньги отсчитаны и переданы, руки пожаты. Почему здесь, интересно, на этой скользкой и узкой трассе, думаю я, глядя, как они уезжают, каждый в своей машине?

Еще одна маленькая загадка Средней Англии. Да, Средняя Англия обожает тайны. Для места и для людей, внешне столь респектабельных, столь почтенных, столь приличных, у нее поистине болезненное пристрастие ко всему дикому и зловещему. Здешние жители насилуют и душат, травят и закалывают. Они кивают, улыбаются и крестятся, а сами пляшут голыми у костров и поклоняются рогатому, имя которому — легион. Они обожают призраков и бесов ничуть не меньше, чем гольф и званые обеды. Они могут утверждать, что блюдут субботу и прочие заповеди, а сами после мессы, темными воскресными вечерами за закрытыми дверями, возносят молитвы своему истинному богу, Изуверству, чьи владения простираются на тайные уголья смертей в Бакингемшире.

Глава 9

Самая темная Англия

Воскресный вечер. В графствах и округах Средней Англии все тихо. Лужайки скошены, лунки на полях для гольфа пройдены, сковороды загружены в посудомоечные машины. Но это тишина перед кровопролитной бурей. Терменвокс, фантастический музыкальный инструмент, изобретенный русским эмигрантом и использованный, в частности, в таких песнях, как «Приятные вибрации», и в начальной теме сериала «Звездный путь», на самом деле настолько несреднеанглийский, насколько возможно предположить. Однако восемь раз в году (ага!) его неземные, тоскливые аккорды созывают Среднюю Англию в гостиные на двухчасовое бдение, столь же неотвратимо, как крик муэдзина в Тегеране.

Экстраординарный успех идущего воскресными вечерами сериала компании Ай-ти-ви «Чисто английские убийства» доказывает, вне всякого сомнения, что Средняя Англия, подобно Макбету, испачкана кровью, «кровь золотом расшила стан серебристый», и «пресыщена жутью»¹. Формально — невинное развлечение, призванное скоротать

¹ Цитаты из «Макбета» в переводе М. Лозинского.

вечерок-другой в сельской местности, на деле этот сериал — перечисление жутчайших способов оборвать жизнь другого человека, настоящая кровавая баня, подробный каталог смертоносных ножевых ударов, порожденных похотью злодейств, извращенных и изобретательных преступлений, истинная безумная оргия смерти.

Язвительные комедии, роскошные костюмные исторические драмы и спорные документальные фильмы могут удостаиваться обзоров или хотя бы кратких рецензий, а вот за «Чисто английские убийства» голосует своим выбором телезритель. Популярность сериала поистине поразительна. Лицензии проданы в две с лишним сотни стран, что поставило этот сериал в ряд наиболее успешных проектов британского телевидения. Только представьте: жители Буэнос-Айреса, фабричные рабочие в Улан-Баторе, врачи в Аккре и пенсионеры в Исламабаде — все смотрят, как Том Барнаби ведет очередное расследование вереницы убийств (на сей раз в группе акварелистов-любителей, в которой состоит и его жена); удивительно и отчасти даже отдает помешательством.

Темная сторона всегда была неотъемлемой чертой Средней Англии. Как пишет автор романов ужасов Ким Ньюман, «наш остров буквально пропитан кровью, у него длинная история насилия». Мы с незапамятных времен пугали себя вампирами, разбойниками и прочими мерзкими существами. «Беовульф», поэма о жутком монстре, повествует о событиях в Скандинавии, однако, как полагают, был написан на территории современного Уорикшира. В Стаффордшире или Дербши сложили поэму «Сэр Гэвейн и Зеленый рыцарь», в которой рассказывается, как рыцарей Круглого Стола молили упокоить разбушевавшегося стихийного духа. Эти истории звучали у домашнего очага, и звучат поныне, разве что вместо очагов у нас плазменные панели; цель не изменилась — напугать, взбодрить и развлечь, да и социальная функция сохранилась — это способ защититься

наши повседневные жизни от тьмы и хаоса, «выпустить пар», обрести катарсис.

«Чисто английские убийства» — наисвежайшее и наиболее успешное проявление английской любви к смертям, тайнам и макабру. Мы подарили миру представление об аккуратном, фактически идеальном убийстве, причудливую идею развлечения за счет гибели людей. Прежде чем появились сыщики, раскрывающие преступления и спасающие мир, мы наслаждались у домашнего очага историями о наших старых и добрых друзьях — призраках, ведьмах и неупокоенных мертвецах. Пожалуй, мы — единственная страна в мире, которая, празднуя рождение Спасителя, сошествие к людям Чада Божия, одновременно уповает на свидание с бесами. Рождественская призрачная история — явление сугубо английское, это традиционная часть наших праздничных забав. Не правда ли, занятное сочетание несочетаемого? Даже странно, что новая поросль безумных христианских фундаменталистов — те, кто считает Гарри Поттера, пиццу и игровую приставку «Геймбой» происками сатаны — не попыталась добиться запрета рождественских призрачных историй (во всяком случае, изгнания их с телеэкранов). Впрочем, им бы все равно не преуспеть с подобной затеей: ведь призраки и жуть — столь же неотъемлемые составляющие классического английского Рождества, как и бристольский шерри, сдвоенный выпуск «Рэйдио таймс» и пирожки с луком и шалфеем. И, садясь за стол всем семейством, чтобы снова поправить христианские ценности восхвалением всемогущего, побеждающего саму смерть зла, мы охотно вспоминаем лучшего из наших рассказчиков таких историй — М. Р. Джеймса.

Монтегю Родс Джеймс был ректором Королевского колледжа в Кембридже, а потом в Итоне, в первые десятилетия двадцатого века, его знали как авторитетного медиевиста и антиквара. Однако посмертную славу ему принесла вовсе не наука. Своей известностью, если угодно, своим

бессмертием он обязан приблизительно сорока повествованиям о сверхъестественном, ныне признанным едва ли не лучшими сочинениями подобного рода на английском языке. Пусть им почти сто лет, пусть их действие разворачивается в старомодной, так сказать, антикварной Англии, истории Джеймса — истинные шедевры литературы ужасов. Базовый сюжет рассказов Джеймса — история одинокого, отдалившегося от мира университетского ученого или священнослужителя; все начинается с внешне невинных событий, зачастую академического или религиозного свойства, и постепенно происходящее оборачивается кошмаром. Все эти рассказы пронизаны ощущением одиночества, сами «декорации» навевают тоску — пустынный берег, комнатка в деревенском постоялом дворе, заброшенная церковь...

По сути, произведения Джеймса — этакие моралите, главный герой которых пытается вмешаться в то, во что, как правило, лучше не вмешиваться, что-нибудь открыть или раскопать, или разгадать загадку какого-нибудь старинного предмета или портрета. В результате в мир врывается неизъяснимый ужас, ощущение реальности кардинально меняется, нечто проникает в нашу действительность, едва различимое, но неумолимо приближающееся, и развязка обычно сулит встречу с потусторонней жутью. Как писал сам Джеймс, «мы остро сознаем присутствие чего-то невыразимо враждебного рядом с нами, оно как собака на поводке, который в любой миг может оборваться».

На мой взгляд, лучшие рассказы Джеймса — «В назидаение любопытным» и «Ты свистни — тебя не заставляю я ждать». В первом сидящий без заказов охотник за сокровищами пробуждает зловещих духов давно почивших англосаксонских королей на пустынном норфолкском побережье. Во втором рассказе ученый скептик, отправившись отдохнуть на выходные на взморье Саффолка, случайно вызывает злобного безымянного демона. Мораль обеих

историй вполне очевидна. В следующий раз, болтаясь без дела то ли в лесу, то ли на побережье и наткнувшись на древнюю корону, амулет, костяную флейту или что-либо еще в том же духе, оставьте ее лежать там, где нашли. Как бы вам ни хотелось, лучше даже не прикасайтесь. Это того не стоит.

Оба этих рассказа были адаптированы для телевидения в 1970-х годах, когда Би-би-си снимала до сих пор памятный цикл «Призрачные истории на Рождество»; вместе с самыми страшными из рассказов Джеймса на экран перенесли и замечательного «Сигнальщика» Чарльза Диккенса. Большую часть фильмов — и это, несомненно, лучшие постановки — режиссировал Лоуренс Гордон Кларк, чья неторопливая, почти усыпляющая манера насыщает сюжет предчувствием неизбежной беды. Правда, «Ты свистни...» экранизировал молодой Джонатан Миллер, а роль Паркина, настырного профессора из колледжа, исполнил Майкл Хордерн. Тревожный, изящный, местами забавный, этот фильм, заодно с адаптациями Лоуренса Гордона Кларка на DVD, будут, по мнению некоего Стюарта Макоуни, отличными подарками на Рождество. Финальная сцена «Ты свистни...», когда Паркин сталкивается с кошмарным призраком, возникающим прямо на постели, и бормочет: «О нет», словно ребенок, способна напугать и самых пресыщенных экранными ужасами современных подростков.

Позднее Би-би-си попыталась адаптировать для телевидения еще один рассказ Джеймса, «Вид с холма», и попытка оказалась вполне успешной; это кино, наряду с ранними экранизациями, частенько повторяют каждый год в декабре. По-моему, удачный выбор, ведь Джеймс первоначально писал свои истории для друзей и учеников, предполагая, что их будут читать в сочельник у камина, под старый добрый портвейн. Сам Джеймс во многом остается загадкой; как отмечал его биограф Майкл Кокс: «Не нужно быть профессиональным психоаналитиком, чтобы вос-

принимать рассказы о призраках как способ избавиться от тех или иных личных фобий». Многие комментаторы полагали, что Джеймс был тайным гомосексуалистом, возможно, питал определенные чувства к собственным ученикам. При этом в его произведениях налицо отвращение, по крайней мере, очевидное неприятие физической близости. Он не скрывал, что вопросы пола в литературе приводят его в бешенство: «Секс достаточно утомителен в романах; в призрачных же историях, тем более как основа сюжета, он вызывает категорическое неприятие. Но не будем ханжами и лицемерами. Злоба и ужас, череда омерзительных личин, “каменная усмешка неземного зла”, мания преследования, имеющая под собой все основания, и “долгие пронзительные крики в отдалении” — все это вполне уместно, и главное в таких рассказах — вовремя пролить кровь, причем пролить ее преднамеренно, тщательно подготовив читателя».

Вдохновившись Джеймсом, двадцатое столетие стало подобием золотого века для «призрачной» литературы Средней Англии, или для «историй о странном», как выражаются некоторые. Первым предложил этот термин Уолтер де ла Мар, и многие его поддержали. На самом деле, удачный термин. В произведениях этого типично среднеанглийского жанра нет ни звона цепей, ни расчлененных тел, зато присутствует тревожащее чувство утраты и забвения: заброшенные железнодорожные ветки, старые церкви Джеймса, покинутые фермы, пирсы, ветряные мельницы, плотины и отдаленные леса. Если вам знакомо меланхоличное и берedaющее душу стихотворение де ла Мара «Слушатели» из школьной программы, тогда вы понимаете, какого рода эти «истории о странном».

Бог с ней, со школьной программой. Я с удовольствием прочел интернет-комментарий одного американца, который сформулировал свои ощущения, так сказать, трансатлантически: «Пытаться выбрать десять лучших рассказов де

ла Мара — все равно, что выбирать десять лучших песен «Битлз». Безднадеяная затея, лучше и не начинать. Это попросту невозможно. К чему выставлать себя идиотом, проще не ввязываться в авантюру и не злить окружающих. Или вам хочется разругаться со всем белым светом? Да что с тобой, приятель? Положи-ка ручку, пока не поздно. Лучше помалкивать и сойти за придурка, чем открыть рот — и убедить всех, что ты точно придурок. Уф, кого я дурачу? И, черт побери, какал разница...» В общем, он таки составил список из десяти рассказов, продолжая сопоставлать их с песнями «Битлз», так что в итоге «Тетушка Ситона» оказалась в паре со «Вчера», «Из бездны» — с «Я — морж», а и «Аборт» — с «Блю Джей-уэй». Слова, произнесенные де ла Маром на смертном одре, настолько странные, будто, как отмечали многие, это цитата из какого-то рассказа: «Все эти зеваки... Целая толпа. Откуда они все взялись?»

Артур Мэйкен — современник де ла Мара, его произведения с каждым годом получают все большее признание и даже обретают популярность вне пределов литературного мирка, например в поп-музыке. Современный английский лейбл «Гост бокс» пытается воссоздать то, что мы могли бы назвать «странностью» Средней Англии, в звуке, широко используя фрагменты уроков, отрывки из документальных фильмов Общественого архива, радиопозывные и давным-давно позабытые рекламные объявления. Один из сотрудников лейбла, скрывающийся под ником «Белбери Поли», описал эту музыку так: «Саундтреки к телевизионным постановкам произведений Артура Мэйкена, шикарно снятым в зернистом освещении “между днем и ночью”, однако слишком жутким и выразительным, чтобы их когда-либо показали». И другие писатели сочиняли в схожей манере в Средней Англии в конце викторианского периода и позднее: Оливер Онионс, Дж. Ш. Ле Фаню и Г. Р. Уэйкфилд, название сборника которого «Они воз-

вращаются вечером», как я считаю, запросто может претендовать на титул лучшего названия для сборника подобных произведений. Этим писателям многим обязана комедийная труппа «Лига джентльменов» и ее звезды Джереми Дайсон и Марк Гэтисс.

Дайсон и Гэтисс читали по радио и экранизировали два лучших рассказа одной из ключевых фигур этого типично английского литературного жанра, Роберта Эйкмана, который, вслед за де ла Маром, называл свои произведения «историями о странном». Средняя Англия Эйкмана — унылая, тоскливая и невыразимо фантастическая. Дешевые гостиницы, тихие поместья, неряшливые задворки и безвкусные ярмарки в городках Мидленда. Поклонник творчества Эйкмана Питер Коуди написал в своем блоге: «Роберт Эйкман наверняка наслаждался бы пребыванием в моем родном городе, Лимингтон-Спа, в сердце Центральных графств. Атмосфера давно минувшей роскоши, увядшее георгианское величие; это место ему бы точно понравилось. Тут есть приличный музей и несколько художественных галерей, где можно скоротать время, а еще два превосходных букинистических магазина. В это время года, в разгар осени, приезжать к нам лучше всего — туристов немного, на политых дождем улицах царит грустная тишина. Осень, вдобавок, подходящая пора, чтобы позаботиться о городских призраках, робких и одиноких».

Эйкман был любопытным типом — погруженный в собственные мысли, капризный, пессимистичный. Писал он в основном в свободное время, когда не трудился в Ассоциации внутренних водных путей, к основанию которой был причастен. Он любил каналы и лодочников, а к большинству ловушек современного индустриального мира относился в лучшем случае с подозрением, чаще всего — с неприкрытой враждебностью. При этом секс, на который он словно взирал из мокрой постели, нередко составлял в его произведе-

ниях основу сюжета. В рассказе «Жажда нового» молодая супруга в свой медовый месяц поддается обольщению неуспокоенных мертвецов в мерзком приморском городишке и возвращается к мужу изменившейся, изнемогающей от неутоленного желания. В «Поездах» две молодые женщины, отправившись на пешую прогулку, забредают в отдаленную долину, населенную грубыми мужланами, и видят отдельно стоящий дом у железной дороги; в окнах мелькают призрачные фигуры... Не буду портить впечатление от чтения, скажу лишь, что все завершается тем, что они превращаются в фигуры в окнах; их карманы набиты железнодорожными билетами, а фабула изрядно насыщена ароматом лесбийской любви. Заинтригованы? Эйкмана, как и большинство из авторов, упомянутых выше, сегодня выпускают в прекрасном оформлении такие частные издательства, как «Тартар» и «Эш три». Надо признать, интерес к этим авторам и их репутация никогда прежде не были столь высоки.

В целом для меня завороченность, даже одержимость Средней Англии темным макабрическим напоминает подземную реку с ледяной водой, что течет в глубине, под милостивым сельским ландшафтом, под благопристойностью и чинностью деревень и ярмарочных городов; этот контраст во многом напоминает фильмы Дэвида Линча, которые обнажают тьму и жуть, скрытые за светлыми веселенькими заборчиками Средней Америки. В каждом доме священника, в каждом поместье или загородном доме непременно обнаруживается ненависть, ревность или жгучая, старательно разжигаемая месть, а убийца терпеливо ждет своей очереди, вооружаясь то револьвером, то удавкой, то отрезком водопроводной трубы.

В феврале 1946 года наш старый друг Джордж Оруэлл опубликовал в газете «Трибьюн» один из своих наиболее известных очерков. Текст начинается так:

Воскресный день, желательно, до войны. Жена мирно посапывает кресле, детей заблаговременно отправили на длительную прогулку. Вы закидываете ноги на кушетку, поправляете очки на носу и открываете номер «Мировых новостей». За ростбифом в Йоркшире или за жареной свиной в яблочном соусе, следует пирог с почками, после которого, как принято, вы запиваете съеденное чашкой красно-коричневого чая, и это приводит вас в подходящее настроение. Трубка тянется сладко, подушки мягко подпирают спину, в камине горит огонь, в доме тепло и душновато. В этих блаженных обстоятельствах о чем же вы хотите почитать? Естественно, об убийствах...

Убийство как развлечение, убийство как поджаристая сдоба, если угодно, — типично английская идея. Оруэлл полагал, что существует особая категория убийств, замечательно соответствующих сонным воскресным дням:

Убийца должен быть тихим, неприметным профессионалом в своем деле — скажем, дантистом или адвокатом, — жить вполне благопристойной жизнью где-нибудь на окраине, предпочтительно в полузаброшенном доме, из-за стен которого до соседей доносились бы подозрительные звуки. Еще он должен возглавлять местное отделение партии консерваторов или быть убежденным нонконформистом и ревностным сторонником воздержания. С ума его сводит греховная страсть к собственной секретарше или к жене конкурента по бизнесу, при этом к мысли об убийстве он приходит лишь после долгой и мучительной борьбы с совестью. Решившись на убийство, он должен распланировать все с маниакальной тщательностью и хитростью, однако допустить ошибку в крошечных, непредвиденных деталях. Способом убийства будет, разумеется, отравление. Итогом последних страданий перед преступлением должно стать фактиче-

ское убийство, ибо оно представляется ему менее позорным и менее разрушительным для карьеры, чем возможность быть уличенным в адюльтере.

К этому я добавил бы соперничество за бриджем в клубе или зависть к человеку, пользующемуся женским вниманием, в качестве возможных мотивов преступления. Эти «доморощенные» убийства популярны не только в наших Центральных графствах. Американцы тоже без ума от традиционной среднеанглийской бойни. Пусть у них «Намек» вместо «Клуэдо» и шерлокиана вместо холмсианы, однако настольная игра в раскрытие убийств в сельской местности и приключения великого сыщика с Бейкер-стрит чрезвычайно популярны по обе стороны Атлантики. Шедший по телевидению много лет сериал «Она написала убийство», по существу, посвящен мисс Марпл, которая переселилась в Новую Англию и обрела работу, стала криминальной писательницей.

Статья в «Нью-Йорк таймс» конца 1980-х годов, озаглавленная «Убийство по-британски: смертельная страсть как национальное развлечение», четко определяет наши преступные наклонности: «Британцы находят особое удовольствие в выявлении тайных пороков в очагах респектабельности. У них отлично получается выполнять и публиковать напряженные, клаустрофобные исследования смертоносной страсти, той самой бури эмоций, что кроется в тихом омуте буржуазной жизни, за фасадом сдержанности и уместности, и внезапно проявляет себя в отчаянном акте насилия, шокирующем и очаровывающем соседей, и бросает в дрожь общество в целом».

Но почти в каждом случае мы желаем видеть, как восстанавливается ущерб, нанесенный общественному строю, как злодея находят, арестовывают и впоследствии примерно наказывают. Именно поэтому мы любим читать отчеты о судебных заседаниях в наших газетах, именно поэтому в

детективных телесериалах столько внимания уделяется судебным процессам. Эти сцены выполняют одновременно две функции. Во-первых, они отображают все пикантные подробности процесса, тем самым утоляя наше безудержное любопытство. А во-вторых, показывают, как вершится правосудие.

Кто призывает злодеев к ответу? Вы наверняка полагаете, что эта деятельность требует специальных знаний и умений, не правда ли? Этому нужно учиться, и так далее? Ничего подобного. В Англии, судя по всему, расследованием тяжких преступлений и поимкой опасных преступников занимаются сплошь дилетанты — добродушные пожилые дамы, слабовольные аристократы, модные романисты, профессора литературы и помощники фокусников. Устойчивая популярность мисс Марпл, лорда Уимси, Пола Темпла, Джерваса Фэна и Джонатана Крика — подтверждение нашей любви к образу сыщика-дилетанта. Авторы и телесценаристы порой беззастенчиво пользуются этой любовью, как поступили, например, в смехотворном фильме «Розмарин и тимьян», где Пэм Феррис и Фелисити Кендол играют борющихся с преступниками садоводов, а бегонии Средней Англии торжествуют над силами зла.

Наша любовь к сыщикам-дилетантам многое говорит, как мне кажется, о национальном характере англичан. Мы — нонконформисты, и не только в узком религиозном смысле этого слова. По сути, мы — нация джентльменов-авантюристов и восторженных непрофессионалов, а вовсе не нагоняющих тоску, но заслуживающих доверия экспертов и действующих на основании законов правоохранителей. В нас слишком глубоко укоренилось недоверие к власти, к тому, что американцы называют «большим правительством». Лорд Уимси притворяется глупцом, но на самом деле у него чрезвычайно острый ум, и регулярно в произведениях Дороти Л. Сэйерс мы наблюдаем блеск стали из-под личины жуира и бонвивана. В этом, конечно, лорд Уим-

си следует примеру величайшего из всех вымышленных сыщиков, Шерлока Холмса. Эксцентричный, непредсказуемый, даже порочный, Холмс движется по жизни, свиряясь с собственным внутренним, безошибочным и исключительным моральным компасом; он, совершенно очевидно, альфа-самец, истинный сверхчеловек, интеллектуальный тяжеловес по сравнению с инспектором Лестрейдом и напыщенными второразрядными чинушами из Скотланд-Ярда, равно как с упертыми в своей ортодоксальности политиками. Это весьма по-английски. Трудно вообразить себе китайского Шерлока Холмса.

С другой стороны, мы бы прикипели и к образам полицейских, окажись вдруг, что они — закоренелые индивидуалисты, что им не чужды пороки, что они, самое главное, «не ведут себя исключительно по правилам». Порой, любясь, как детектив Джек Фрост слетает с катушек или как плюет на распоряжения начальства инспектор Морс, я подумываю, не написать ли мне сценарий криминальной драмы о полицейском, который в точности следует правилам и усердно соблюдает протокол; в подобном сериале были бы целые эпизоды, где он добывает бумагу для печати отчетов или кропотливо заносит в блокнот показания третьестепенных свидетелей, прежде чем сравнить свои разыскания с информацией прокурора и решить в итоге, что дело не стоит расследования. Возможно, я бы продал этот сценарий, допустим, бирманскому государственному телевидению.

В 1987 году писательница Кэролайн Грэм представила миру своего полицейского — в романе «Убийство в Бэдджерз-Дрифт»; это название задало тон всей серии ее романов, действие которых происходит в вымышленном юго-восточном графстве Мидсомер. По мотивам цикла был поставлен чрезвычайно успешный телевизионный сериал. Том Барнаби, по меркам инспектора Морса, Джека Фроста или Джона Ребуса, придуманного Иэном Рэнкином, вовсе не

закоренелый индивидуалист. Он добродушен, счастлив в браке, словом, тип, о котором Джон Неттлз, человек, воплотивший героя романов Грэм на экране, говорит: «Том Барнаби настолько нормален, что это почти сводит с ума... Он водит “астру” и любит посещать центр садоводства. Он привязан к своим жене и дочери. Он меняет место жительства, и, поскольку он по натуре человек домашний, переезд выливается в грандиозное событие. Однако у него также блестящий криминалистический ум, и он способен в одиночку раскрывать преступления, которые в реальности потребовали бы многолетних усилий целого отдела полиции. Забавно, правда?» Вообще-то теперь Барнаби ездит на «ягуаре». Но на его умственных способностях это не сказалось.

Телевизионный сериал первоначально назывался «Барнаби», однако название, на котором остановились в конце концов, лучше передает суть изображаемых событий. Участок Барнаби — крохотный городок Кэнстон в графстве Мидсомер — вымышлен, его снимали в долине Эйлсбери и в окрестностях транспортного коридора М-40. Обильно пропитанные кровью деревни Мидсомера также носят вымышленные названия, очень, кстати сказать, звучные — Асперн-Тэллоу, Мартир-Уоррен, Гудменз-Лэнд, Мидсомер-Мэллоу, Мортон-Фендл. Помимо звучности, потакающей чувству прекрасного, эти названия придумали и для того, чтобы помешать ордам туристов и поклонников со всего земного шара заполонить фактические места съемок. Тем не менее туристы и поклонники все еще приезжают в деревни Пенн, Тэплоу, Ли и Лонг-Крендон (когда снимали местный дом, перебудили всю округу) и в города Эйлсбери, Эмершем и Биконсфилд.

В последний из этих трех городков я сейчас и направляюсь, на симпатичном голубом поезде «Чилтерн лайн» с вокзала Мэрилебон, мимо Нисденского железнодорожного узла, через туннель под крикетным стадионом «Лорд»,

мимо нового «Уэмбли», гольф-клуба Денэма и Джеррадс-Кросс. Я еду в Биконсфилд, дословно «поляна среди буков». Биконсфилд есть в Айове и в Новой Скотии, в Сиднее и Мельбурне, в Перте и Квинсленде, и даже на Тасмании: там поселение с таким названием считалось когда-то городом золотодобытчиков. Наш Биконсфилд — сугубо английский: обеспеченный, приятный и зачастую смертельно опасный, по крайней мере, по телевизору.

Главная улица изобилует приметами Средней Англии: «Уэйтроуз», аптека «Ллойд» и офис «Помощь пожилым» с блузкой «DKNY» цвета индиго в окне. Среди стандартного набора попадаются и редкие неожиданности: один магазин предлагает «конвертированные иностранные фильмы», а в соседнем продают «игрушки для специалистов». Свидетельство темной и порочной души Средней Англии? Думаю, нет. Скорее всего, речь не более чем о DVD для второго региона и деревянных волчках. Еще бросается в глаза вывеска «Классный ремонт обуви»; очевидно, где-то есть и «Паршивый ремонт обуви»... Так и представляешь себе мужичка с пивным брюшком, в заляпанном грязью жилете и с сигаретой в зубах; он цедит сквозь дым: «Лады, приятель, обмотаю твой башмак резинкой, чтоб не развалился».

Биконсфилд — образцовый город; соответственно, у него имеется образцовая деревня — Беконскот, пожалуй, наиболее известная в мире и точно первая такого рода. Ее построили в 1929 году, это плод стараний одного человека, бухгалтера по имени Роланд Каллинхэм, который возвел деревню в саду за домом, ради собственного развлечения и чтобы поразить соседей и знакомых. Мило, честное слово, и опять-таки типично для Средней Англии, этой обители людей с самыми невероятными хобби. Все доходы от посетителей, а их за минувшие семьдесят пять лет тут побывало 13 миллионов, идут на благотворительность. Совокупно они составили, между прочим, около пяти миллионов фунтов. Увы, когда я писал свою книгу, кто-то стащил вывеску,

зазывавшую посетителей; чем не повод для очередного расследования Тома Барнаби, особенно, если убийства в Мидсомере когда-нибудь прекратятся? Этот случай мелкого воровства совершенно нетипичен для Биконсфилда. И, конечно, для Беконскота. Сама деревня блаженно застыла во временной капсуле, это идиллическая, идеализированная сельская Англия, какой та была в 1930-х годах. Никакого «Старбакса» и «Кей-эф-си», «Баргейн буз», камер наблюдения или типов, пьющих сидр из горла на автобусной остановке, зато есть полисмен, преследующий нарушителя по дорожке для выгула собак. Шесть маленьких деревень украшают холмистый пейзаж — фермы и пастбища, церкви, леса, озера... Энид Блайтон, которая жила поблизости, любила посещать Беконсет. Модель ее дома, Грин-Хеджес, украшает тенистый переулок. Тут есть трамваи и даже зоопарк Чесснейд, есть пирс, а в одном углу разместились фигурки зевак, наблюдающих за игрой в крикет. Думаю, смешно говорить о подкупках, тотализаторе и прочих прелестях «большого мира».

Детали трогательно, скажем так, детализированы. Станционные платформы украшены точными копиями рекламных объявлений тех лет; кажется, будто нос ловит пряные запахи от бакалейной лавки Криса П. Леттиса (звучит, а?), а в руках гуляющих по набережной различимо мороженое, весьма аппетитное на вид. Вплоть до 1990-х годов деревню ежегодно обновляли, чтобы она соответствовала переменам в стране, но после нескольких глобальных переделок было решено вернуться к образу благословенных 1930-х, периоду расцвета. И правильно, я думаю; Беконскот приятно радует глаз и несколько причудливо возрождает идеализированную Англию, ту, которая, вероятно, никогда не существовала. В своем тихом и бесстрастном покое этот крошечный мир миниатюрных людей, живущих в довольстве собой и тем, что их окружает, — этот мир представляет Англию, какой Англия хотела бы себя видеть, в мас-

штабе 1 : 12. Это фантазия, очень привлекательная фантазия, пусть и слегка неправдоподобная. Деревни-модели есть и в других странах, например Мадуродам в Гааге, но никто не прикипел к ним сердцем крепче нашего. Эксцентричный, милый, забавный, Беконскот — квинтэссенция Средней Англии.

В тот день, когда я побывал в деревне, там было полно семей и молодых мам с младенцами; изредка попадались подростки, мальчики и девочки, отчаянно старавшиеся не показать, что им тут хорошо, но было заметно, что и они прекрасно проводят время. Типов вроде меня, сорокалетних олухов, строчащих в блокнотах, было раз-два и обчелся, так что вскоре я почувствовал себя неловко и отправился на поиски заведения, в котором можно пообедать.

Беконскот находится на улице Уорик-роуд. С одной стороны от него располагается католическая церковь Святой Терезы (самым известным ее прихожанином был некий Гилберт Кит Честертон). С другой находится протестантская церковь Святого Михаила и Всех Святых, из-за чего эта улица вполне могла бы оказаться местным вариантом ирландской Гарвахи-роуд, средоточием межконфессиональных конфликтов. Но нет, все как будто тихо. Сквер у церкви просто восхитителен. Даже молодежь, которая там тусуется, выглядит не более чем стайкой весело щебечущих девчушек. Над сквером горделиво нависает церковь Святого Михаила. Такое впечатление, словно ее строили в подражание какому-то стилю (тюдоровскому, елизаветинскому, барочному?), и подобную красоту никак не могли пропустить сценаристы и режиссеры «Чисто английских убийств». Воочию видишь сцену удушения в нефе.

Если подобное произойдет наяву, а у Тома Барнаби будет по горло своих хлопот, волноваться не стоит — в Биконсфилде имеется собственное полицейское отделение. Точнее, не совсем так: на него распространяется юрисдикция отделения в Трамптоне, которое помещается в симпа-

тичном домике с корзинами для цветов, откуда свешиваются лобелии, флюгером на крыше, часовой башенкой и балконом; с такого балкона полисмен Макгарри обращается к горожанам и уверяет, что беспокоиться не о чем и что лучше разойтись по домам. Мало того, объявление на стене предлагает «помещения в аренду», из чего следует, что преступность тут фактически побеждена.

Обеденное время застает меня в кафе «Смайлс», где продают фиш-энд-чипс. Я сразу понимаю, что это не традиционная северная забегаловка; тут пикша с чипсами стоит семь с половиной фунтов (подается с чесночным соусом и тартаром), имеется карта вин, которую возглавляет пино гриджо, и можно заказать мятный чай. Замечательно. За своей спиной я слышу голос молодого официанта: «Не хватает пяти фунтов сорока пенсов»; он обращается к пожилой даме, но прежде, чем я успеваю про себя возмутиться этаким бессердечием и заподозрить мошенничество, он помогает Эйлин — явно постоянному клиенту — выйти на улицу, где удостоверяется, что она взяла все, что заказывала, и приглашает заходить еще.

Блуждая по улицам, я замечаю невероятное количество химчисток и парикмахерскую с бойким названием «Стрижка для старичков». В окне мерцает монитор, на котором крутится реклама: румяный, проказливо ухмыляющийся старичок трясет громадной, опровергающей закон гравитации копной волос, ее венчает выбеленный ирокез. Ниже светится бегущая строка: «Добро пожаловать! Новый стилист Нейл, официально [вот так-то! — С. М.] из нашего филиала в Джеррардс-Кросс». Этот городок, Джеррардс-Кросс, часто упоминается в «Чисто английских убийствах», как и соседний город Эйлсбери, который я решаю посетить, ибо до него ходит поезд — через Чилтернские холмы и через вереницу крохотных деревушек, тоже «снимавшихся» в сериале; все они очень привлекательны в молочном свете весеннего дня. В Монкс-Рисборо на склоне холма

высится крест; я вижу в окно поезда, как светловолосая женщина с кучей пакетов — явно результат шоппинга — торгуется в таксистом, а затем, немного резковато, плюхается на сиденье. Все такое непривычное... Поезд дергается, дребезжит, стучит колесами. Минуту или две спустя машинист объявляет, с легкой запинкой, что «мы приближаемся к Литтл-Кимблу». Да неужели, думаю я. Ну и расстояния у вас, однако.

Эйлсбери оказывается симпатичнее, нежели я предполагал; наверное, странно такое слышать от меня, да? Почему я решил, что мне тут не понравится? Впрочем, и других посещали подобные малоприятные мысли, о чем свидетельствует страстная речь некоего Стива П. на местном веб-сайте в защиту города. «Эйлсбери неуклонно набирается сил, это чудесный город — по работе мне приходится ездить по всей стране, и я знаю, что принято считать, будто севернее Милтон-Кейнса сплошной мрак... КАК ПОСМЕЛИ эти хмыри на прошлой неделе попрекать наш Эйлсбери, когда кругом столько настоящих дыр — в том же Халле, в Уигане, Манчестере, Олдэме, Бирмингеме.... Мне продолжать? Эйлсбери по-настоящему хорош. Всего час от лондонских аэропортов, а главное — тут ПРЕКРАСНЫЕ люди».

Стив несколько не преувеличивает. Эйлсбери можно похвалить за многое. Приятные извилистые улочки, затейливо выющиеся узкие проулки, музей Роальда Дала, по соседству с музеем Бакингемшира, в который я не преминул заглянуть. Прошлое этого края, славного своим кирпичом и кружевами, излагается очень подробно, даже утомительно, если вам не интересны ни кирпич, ни кружева. Зато мне понравилась картина под названием «Кувшин», написанная Джоном Морганом; на ней изображены многие местные аристократы и йомены, добрые мужчины Эйлсбери, все безоговорочно среднеанглийские. Маленький сенсорный экран позволяет узнать, чем они знамениты. В Вик-

торианском зале можно измерить себя по «линейке», то бишь по силуэту королевы Виктории (какая-то она здесь малорослая). Затем можно попробовать подобрать нужную посуду под ту или иную еду. Что-то не припомню, чтобы «Нинтендо» выпускала такую игру.

Площади Эйлсбери увековечены в песне «Герои рыночной площади», дебютном сингле местной прог-рок-группы «Мариллон» (1981). Солист Фиш написал эту песню на кладбище церкви Святой Марии, «после кислотного прихода, завершил с рассветом и свистком полисмена, который решил, что мы с моей девчонкой ведем себя подозрительно». Песня, вдохновленная бунтами, что охватили Британию в ту пору, рассказывает о самозваных революционерах, которые устремляются с улиц Эйлсбери подбивать Среднюю Англию на волнения и мятежи. Что ж, этим днем ничего подобного явно не случится. Причин задерживаться в Эйлсбери немного, разве что водяные часы, которые, похоже, никогда не показывали время правильно. На главной площади стоят две статуи местных героев, полных противоположностей друг другу, парламентария-тори Дизраэли и антироялиста Джона Хэмпдена, который накануне гражданской войны отказался платить незаконный налог «на флот», введенный короной. Вероятно, живыми эти двое ни за что бы не подружились, и потому вполне уместно, что статуи установили напротив друг друга, в постоянной конфронтации, причем здесь говорят, что Дизраэли «выманивает Хэмпдена». У последнего в руках меч, а вот Дизраэли держит что-то вроде свернутого в трубку коврика, так что я, пожалуй, ставлю на Хэмпдена.

Подземный переход под площадью имеет награду за дизайн. Поскольку, как утверждает моя подруга Пола, которая живет в Эйлсбери, переход после любого дождя затопляется и превращается в плавательный бассейн для крыс, можно заключить, что награду ему присудили в день от-

крытия. (Разумеется, до первого легкого дождичка.) Не так давно город перевозбудился, когда стало известно, что кто-то приобрел землю для строительства супермаркета. Пошли слухи, что это будет филиал «Уэйтроуз», оплота буржуазной гастрономии, и горожане заранее трепетали, предвкушая органическую говядину, свежие киви и теплый ореховый хлеб. На самом деле они получили не один, а два супермаркета; к несчастью для здешних гурманов, это оказались филиалы двух стандартных и конкурирующих между собой немецких дисконтных сетей — «Альди» и «Лиди».

С Чилтернских холмов напал сумрак, когда я выбрался из города, чтобы получить впечатление о Мидсомере. В газетном киоске в Каддингтоне я спросил у владельца, судя по выправке, отставного военного, вытянувшегося во фрунт перед стойкой с «Телеграф» и мини-чеддером, смотрит ли он «Чисто английские убийства». «Нет. Дел слишком много, чтобы тратить время на такую ерунду. Это не для меня, спасибо», — ответил он неодобрительным тоном, словно я чем-то его оскорбил (например, поинтересовался, принимает ли он крэк). В другом киоске, кажется, в Тервилле, где снимали другую телеикону Средней Англии, сериал «Викарий из Диббли», женщина, продававшая «Рэйдио таймс», поведала мне, что любит смотреть «Убийства», что Джон Неттлс «милашка» и что «кино показывает наше захолустье в очень выгодном свете» (последнее было сказано уверенно и без малейшего намека на иронию). Добродушный выпивоха в пабе «Корона» в Литтл-Миссендене сказал, что его приятель «неплохо разжился», сдавая свой сад для съемок того эпизода, «когда наткнулись на трупика в колодце».

Эти чилтернские деревушки идиллические почти до карикатурности: утиные семейства плещутся в мельничных прудах, тени древних вязов падают на опрятные лужайки, повсюду натыкаешься на поместья, плотины и общее до-

вольство жизнью; еще бы в кино никого не убивали, и было бы вообще превосходно. Бакингемшир, согласно недавнему исследованию, считается лучшим местом для проживания в Великобритании сразу по нескольким показателям качества жизни. Все здешние новорожденные, как ожидается, доживут минимум до восьмидесяти. У 80 процентов местных жителей имеются собственные дома, что намного выше среднего значения по стране. И результаты школьных выпускных экзаменов тут тоже лучше. Более того, графство наслаждается большим по стране числом солнечных дней в неделю! Средняя зарплата составляет 40 000 фунтов в год, а некоторые местные зарабатывают намного больше, спасибо; здесь замечательная дикая природа, водятся сипухи и красные коршуны, а еще Чилтернские холмы в последнее время облюбовали разные знаменитости. Тут живут Силия Блэк, Терри Уоган, Джон Мортимер и Осборны, а сменяющие друг дружку премьер-министры с 1921 года (счастливики!) пьют свой «Пиммс» и играют по выходным в крокет в загородной резиденции Чеккерс.

Именно тут деньги, которые делаются в Лондоне, находят милый, приветливый, радушный дом, среди лесистых холмов, далекие от шума, гама и смога Вест-Энда, от крикливых сирен Долстона и Стоук-Ньюингтона. По карте расстояние невелико; корнуольский мясной пирожок, купленный у всегда обходительного продавца на вокзале Мэрилебон, не успеет остыть прежде, чем вы окунетесь в гостеприимство долины Эйлсбери. Но карта — одно, а реальность — совсем другое. В окне табачного киоска в Эйлсбери я увидел рекламу «Призванного колоколами» — «вечер слов и музыки в честь Джона Бетжемена». Ну да, подумалось мне. Этот уголок Бакингемшира — тем же образом, по которому нет ничего более типично английского, нежели горные железнодорожные станции в Дарджилинге — весьма далек от бетжеменовского Метроленда и в то же время прекрасно его олицетворяет.

Метроленд Бетжемена, показанный в классическом документальном фильме Би-би-си 1973 года, приобрел свое имя благодаря слогану компании «Метрополитен лайн» 1920-х и 1930-х годов, которая обслуживала города и деревни к северо-западу от Лондона. Удачный рекламный ход: людям сулили пригородную идиллию поблизости от грязного и шумного Лондона. «Метроленд... манил нас на улочки лесистого края», — как писал Бетжемен. Для него Метроленд начинался на Бейкер-стрит и простирался до заброшенной ныне станции Куэйнтон-роуд около Эйлсбери (эта станция удостоилась упоминания в последних кадрах вышеназванного документального фильма). Значит, Метроленд как понятие во многом соответствует Средней Англии. Это реальные места, нанесенные на карту. Но их затруднительно определить. Они помещаются не столько на картах, сколько в умах и в сердцах.

К северу от Метроленда лежит Оксфордшир. Оригинальная и изобретательная рок-группа «Рэйдиоход» родом из Оксфорда; Колин Гринвуд, участник группы, сказал однажды по поводу своего родного города: «Оксфорд находится в центре Англии, но вообще-то это не город рок-н-ролла». В известной степени, он прав. Это не Лос-Анджелес. Впрочем, кое в чем Оксфорд успешно конкурирует с любым американским городом, любым гетто, фавелами или баррио, — я имею в виду уровень преступности. Во всяком случае, если верить другому уроженцу Оксфорда, Колину Декстеру, и его самому известному персонажу — еще одному характерному типу Средней Англии, инспектору Эндевору Морсу из отделения полиции Темз-вэлли.

Как и с Мидсомером, экстравагантное беззаконие Оксфорда, отраженное в романах об инспекторе Морсе и в одноименном телевизионном сериале, со временем сделалось чем-то вроде юмористического клише. Критик Филип Уикхем пишет, что по уровню тяжких преступлений Оксфорд

«готов соперничать с Бронксом», а многие комментаторы с удовольствием указывают, что, исходя из такого количества убийств (сто двадцать с хвостиком смертельных случаев за шестьдесят с небольшим часов), город обезлюдет в ближайшее время. Впрочем, преступления и смерти поселились на оксфордских улицах задолго до того, как инспектор Морс уволился из армии и влился в ряды агрессивной, снобистской, но в целом вполне приличной команды отделения Темз-вэлли. В частности, здесь расследовал два дела Шерлок Холмс. Дороти Л. Сэйерс вела лорда Питера Уимси по следу убийцы в женский колледж в своей замечательной «Праздничной ночи». Брюс Монтгомери сочинил музыку для шести эпизодов сериала «Так держать», а под псевдонимом Эдмунд Криспин написал шесть увлекательных, нетрадиционных, порой довольно занудных криминальных романов, главным героем которых является бывший преподаватель Оксфордского университета, а ныне сыщик Джервас Фэн. Четыре детективных романа Сары Коудвелл, новые, но стремительно обретающие популярность, тоже представляют публике сыщика-любителя и бывшего преподавателя юриспруденции Хилари Тamar, персонажа столь загадочного, что толком не известен даже его/ее пол (Коудвелл отклонила предложение продать права телевидению, очевидно, по той причине, что для экранизации необходимо определиться, мужчина Тamar или женщина, а это разрушило бы все).

Но Колин Декстер со своим инспектором Морсом сделали больше всего, чтобы превратить Оксфорд в столицу убийств Британии. Налицо все основания объединять автора и его героя — оба диабетика, оба любят настоящий эль, оперу, мозголомные кроссворды и радиопостановку «Арчеры». Я сижу в баре отеля «Рэндолф», прямо под развешанными на стене кадрами из сериала. Маленькая памятная доска сообщает, что тут в 1880 году была основана Любительская атлетическая ассоциация, то есть здесь

родилась современная легкая атлетика. А рядом другая табличка, намного больше первой, воспроизводит слова Морса — мол, в этой гостинице «наливают пристойное пойло». Не удивлюсь, если окажется, что бар, где я сижу, называется «У Морса».

Помпезный, со стрельчатыми окнами и балдахинами в самых дорогих номерах, увенчанный множеством флагов, «Рэндолф» давно считается типичным «шикарным» отелем. Иногда утверждают, что Колин Декстер писал некоторые сцены романов за пинтой эля в его баре; так это или нет, отель тесно связан с историей инспектора Морса. Один рассказ Декстера посвящен номеру 231, а в «Потерянной драгоценности» пожилую даму лишили жизни в номере 310. Когда я планировал свою поездку, Джаспер Джеррард в «Дейли телеграф» довольно нелестно отозвался об отеле-ресторане: «В “Рэндолфе”, где наши родители долго поглощали горячее, жарили первое и вели беседы за третьим, сегодня кормят настолько отвратительно, что клиентам может показаться, будто их снимают для “Скрытой камеры”». Но другим еда нравится, и я обнаружил, что разноязыкий персонал отеля весьма радушен, им квалифицированно, вежливо и без суеты управляет отличный парень из Норт-Ридинга в Йоркшире («Кливленд, мы теперь так говорим»), с волосами пепельного оттенка и неизменной широкой улыбкой. Это спокойствие оказалось как нельзя кстати, когда перед отелем произошло кое-что, не слишком приятное: респектабельная на вид дама, стоявшая в очереди на вход в расположенный по соседству театр «Плейхаус», внезапно окатила всех, кто был рядом, потоком рвоты, забрызгав заодно и тротуар. Из «Рэндолфа» тут же принесли стул и стакан воды, даму постарались устроить поудобнее; всем было неловко, но, слава богу, мы все-таки находились в Средней Англии, а не в Японии, откуда были многие пострадавшие и где, скорее всего, они немедленно совершили бы сепукку.

Слегка смущенный, но в целом не утративший способности мыслить здраво, я получил ключ от номера, поднялся туда, лег на кровать и некоторое время смотрел по телевизору спортивные новости — дух авантюризма у меня в крови, верно? — а затем двинулся в город, поесть в ливанском ресторане, который, на моей памяти, среди всех заведений общепита удостаивался самых противоречивых, самых полярных и категорически сбивающих с толку отзывов. Критики были единодушны лишь в том, что это — «легендарное оксфордское место встречи» и «его посещение вам не забыть никогда».

Я быстро понял почему. Клиентов было полным-полно. При этом никто — подчеркиваю, никто — ничего не ел. Вокруг в изобилии сновали официанты, поглощенные, похоже, решением чрезвычайно важных и зубодробительных задач (болтовня по телефону, замена салфеток и скатертей), но ни один, по-моему, не принимал заказов и не рвался принести какую-либо еду с кухни. Клиентам, судя по всему, на это было плевать, так что я велел себе послать подальше свою среднеанглийскость и «расслабиться».

Двое молодых официантов как будто прикреплены к моему столу; я окрестил их про себя Героиновой Девочкой и Афромальчиком. Если покажется, что я не политкорректен, спешу уточнить, что обслуживали они умело и обходительно, однако их внешность поражала воображение и даже слегка пугала. Он, как можно догадаться, носил прическу в стиле афро, самую роскошную, какую я когда-либо видел у выходца с Ближнего Востока; она же выглядела весьма квело́й, отстраненной, взор затуманен, пусть речь и ясна, поэтому я начал подозревать пристрастие к химии — например, к бенилину. Принимая заказ, она встала почти вплотную и пошатнулась, и я решил, что она вот-вот упадет мне на колени. Веселенькая перспектива; понятия не имею, каков ливанский протокол для подобных случаев. Потом она уходит, что-то тихонько напевая себе под

нос, а Афромальчик принес большой серебряный поднос с овощами, этакую мечту зеленщика — кочан капусты и зеленый перец, оба целиком, листья салата, несколько морковок и редис. Знаю, на Востоке так принято, но раньше мне не доводилось видеть ни столько овощей, вдобавок — гм — необработанных, ни таких грандиозных пропорций. Я огляделся; другие клиенты тоже пребывали в растерянности, разглядывая свои подносы, явно опасаясь совершить характерную ошибку новичка, что пьет из чашки для омовления рук. В итоге на каждом столике высился нетронутый натюрморт из овощей, оставляя совсем мало места для санбусака, баба гануш, фаркеха и всего такого. Я задумчиво сгрыз пару редисок. «Ну, вот и попробовали», — как говориwała моя матушка.

Еда и вино оказались потрясающе вкусными, насколько я помню; вероятно, это объясняет: а) почему Оксфорд, как представляется безрассудный, влюбился в ливанскую кухню — тут по меньшей мере сразу пять таких ресторанов, и б) каким образом я безнадежно заблудился на коротком, вроде бы прямом пути обратно к отелю. Впрочем, если вам взбрело в голову потеряться, какая разница, где блуждать? В тот теплый субботний вечер все молодые женщины выглядели модными, с налетом инди младшими сестрами Вирджинии Вулф; с громким смехом они выпадали на улицу из ресторана «Джерико». Когда-то это был один из жутких закопченных пабов, но теперь сделался приличным местом: тут сиживали «Рэйдихед» и «Суперграсс», и ресторан явно, что называется, обрел себя. Обрадованный знакомым ориентиром, я сумел определить свое местоположение и в конце концов вернулся в «Рэндолф». Вечер удался — я наелся редиса, и меня не прикончили.

Следующий день начался не очень хорошо. Я попытался найти что-нибудь бодрящее на Глостер-Грин и по ошибке заглянул в какую-то ужасную кофейню. Единственным ее клиентом, кроме меня, был итальянец с густо намажен-

ными блестящими волосами и в кошмарных, очевидно дорогих кожаных штанах. Он буквально орал в свой мобильный телефон. На стенах фотографии Дилана, Синатры и «Грин дэй», да еще с цитатами, которые казались совершенно неуместными, поскольку не имели отношения ни к кофе, ни к Оксфорду. очередной пример стандартизованного антуража, который какой-нибудь творческий гений маркетинга счел «современным» (я бы назвал его «дешевым» и «отчаянным»). Инспектор Морс наверняка бы исплевался. Мне тоже хотелось. Еще и персонал хамил, так что я оставил свой жирный латте недопитым и двинулся в сторону куда более приветливого и возвышенного Эшмола.

Музей Эшмола был построен в 1667 году (открылся в 1683-м), для хранения сокровищ, переданных Оксфордскому университету неким Элиасом Эшмолем. В частности, тут имелось чучело дронта; молва утверждает, что первоначальный проект готовил сам Кристофер Рен, но доказательств этому не найдено. Зато не подлежит сомнению, что в музее находится одно из величайших сокровищ Средней Англии, перстень Альфреда — богато украшенный резной перстень с ликом Христа, обнаруженный в 1693 году около Этелни, где Альфред Великий, первым принявший титул короля Англии, основал монастырь. Перстень и в самом деле заказал Альфред (надпись по кругу гласит: «Альфред велел меня сделать»); возможно, он его действительно носил. Между прочим, перстень относится и к истории инспектора Морса, уже под названием Уилверкот-Танг, и выведен как источник многих неприятностей, в том числе гибели дамы из номера 310 в «Рэндолфе».

Тут в достатке и иных экспонатов, особенно интересных тем, кто без ума от амулетов и забальзамированных внутренних органов в глиняных горшках. Но солнце светит ярко, день теплый, и я решаю пройтись по Оксфорду. Размеренно шагая, с распечаткой программы тура по местам инспектора Морса в руке, проталкиваясь сквозь частенько

заполняющую Оксфорд толпу зевак со всего света, я оказываюсь у следующего прибежища Морса, паба «Орел и ребенок», также знаменитого как место, где встречались Инклинги — та теплая компашка университетских донов средних лет, в которую входили Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис. Подобно им и Морсу, я всей душой за настоящий эль и тому подобное. Однако денек выдался замечательный, да и солнце едва поднялось над крышами, так что я просто заскакиваю в ближайшее кафе за мороженым. Удивительно, меня словно преследует то диковинное оксфордское очарование, с каким я столкнулся накануне вечером в ресторане. Для начала, из динамиков звучит «Лучше и счастливее» «Рэйдихед», та самая песенка о «свинье в клетке из антибиотиков», исполняемая металлическим голосом а-ля Стивен Хокинг, наиболее мрачный и беспокойный хит группы. Ну да, чем не предмет гордости для земляков, но, конечно, даже Том Йорк вряд ли грезил о подобном антураже для своей песни.

Ну да ладно, я ведь пришел за мороженым. Разумеется, мороженое у них есть, однако приветливая, вся в пирсинге девушка за стойкой никак не может зачерпнуть ложкой хотя бы шарик застывшей в криостазисе массы. Она зовет на подмогу «мышцы», и из подсобки выглядывает тощий блондин, который предлагает окунуть черпак в теплую воду. В итоге я делаю все сам, а уже на улице понимаю, что выбрал — или за меня выбрали — не тот вкус. Непруха...

По удачному совпадению, сегодня «Праздничная ночь» (если кто забыл, как называется и самый, пожалуй, известный рассказ Дороти Л. Сэйерс о приключениях лорда Питера Уимси — подруга лорда Харриет Вэйн возвращается в своей старый колледж и оказывается втянутой в протофеминистские разборки). Вообще «праздничными» в Оксфорде называют ночи, когда в том или ином колледже происходят встречи бывших выпускников. Сегодня гуляет Уодэм-колледж, прежние студенты и студенточки, слегка

располневшие и кое-чего добившиеся в жизни, но все еще ясноглазые и полные надежд, выпадают из своих «ауди» и «роверов», с длинными атласными платьями и вечерними костюмами на вешалках. Возможно, вечером произойдет убийство, хотя, разумеется, никто этого не желает. Романтик во мне тем не менее уповает, что какая-нибудь запоздалая страсть вспыхнет вдруг при лунном свете во дворе колледжа (интрижка, тянувшаяся года этак с семьдесят третьего).

Проходя по двору Бодлианской библиотеки, я вижу женщину в тюрбане, которая оживленно машет руками и что-то втолковывает явно восхищенным парням восточной наружности. Мои мысли перескакивают на униформу ученых Средней Англии. Я имею в виду не колпаки и мантии студентов и донов, а мятые кремовые пиджаки и панамы, которые, такое впечатление, будто обязаны носить летом в Оксфорде все мужчины старше тридцати. Ну да, это лучше, чем куртки с капюшонами, тренировочные костюмы и бейсболки, но все равно униформа.

Я вижу по меньшей мере семь панам на семи сидящих головах в уютном, переполненном пивном садике (точнее, дворике, это ближе к истине) таверны «Торф». Этот оксфордский паб отыскать весьма непросто; здравый смысл подсказывает, что вы сбились с пути, что ноги завели вас в тупик, когда вы свернули на Бат-плейс. Но крепитесь, имейте веру. И вы будете вознаграждены свиданием с лучшим пабом Оксфорда, одним из лучших во всей Средней Англии.

Чур, я не виноват, если свободного местечка не найдется. «Это как золотая пыль... Торопитесь», — сообщила добрая женщина в накинутой на плечи шали и поманила меня на свое место, а сама поднялась, допила пинту своего светлого и собрала пакеты с покупками. Невидимый с улицы, этот паб, куда случайно не забредешь, переполнен днем и ночью, забит до отказа счастливыми знатоками.

Это истинное сокровище Оксфорда; его посещали целые поколения местных мечтателей. Томас Гарди в «Джуде Незаметном» назвал этот паб «таверной с низким потолком на задворках», что абсолютно точно, пусть и несколько прозаично. «Нам адский “Торф” был мил и дорог» — распевали пьяными голосами Чарльз и Себастьян в другом гимне студенческой жизни в Оксфорде, «Возвращении в Брайдсхед».

Билл Клинтон имел обыкновение напиваться в этом пабе, когда отрабатывал свою Роудсовскую стипендию. Некоторые утверждают, что здесь он заодно курил, но не затягивался. Элизабет Тэйлор и Ричард Бертон, будучи в городе, пропустили тут несколько стаканчиков виски. Вдобавок это любимый паб инспектора Морса, под псевдонимом «Ягненок и флаг», возможно, придуманном, чтобы сбить публику со следа и без труда найти свободное местечко. Тут уютно, хотя кое-кто наверняка скажет — тесновато, скопище крошечных помещений с лесенками и низкими потолками, сулящими невнимательным если не обезглавливание, то уж точно сотрясение мозга. Но оно стоит того. Было слишком тепло для подогретого вина в тот день, когда я навестил Оксфорд, но легко представить, как закутанный, замотанный шарфом, ты спускаешься по узкому проулку в декабре, садишься у камина со стаканом, над которым поднимается пар, и берешь в свободную руку томик стихов... За три-то фунта тридцать пенсов. Когда узнаешь, что зимой разжигают огромные угольные жаровни, чтобы нагреть пивной дворик, и что детям разрешается жарить на них мармелад, поневоле начинаешь задаваться вопросом, а не слишком ли хорошо это место, как оруэлловская «Луна под водой», чтобы быть правдой.

Снова наружу, с великой неохотой и другой дорогой, я сворачиваю в крохотный переулок Сент-Хеленс и выхожу на Брод-стрит, где расположено еще одно сокровище Оксфорда. На самом деле оно именуется мост Хартфорд-

бридж, поскольку соединяет старое и новое здания колледжа Хартфорд, alma mater Ивлина Во, послужившей моделью для описания колледжа в Брайдсхеде. То ли по этой ностальгической причине, то ли, что более вероятно, по схожести со знаменитым сооружением в Венеции, чудесная маленькая арка с витражными окнами известна как Мост Вздохов. Вы смотрите на нее и вздыхаете, а рядом с вами вздыхают люди из Сеула, Севильи и Санкт-Петербурга, и в итоге, где бы вы ни встали и как бы ни были вежливы, вы окажетесь на чужих фотографиях (а чужаки — на ваших) и чьи-то головы наверняка будут заслонять этот архитектурный шедевр.

Я задерживаюсь, не желая идти дальше, впав в своего рода задумчивую мечтательность. Со мной так случается всегда, когда что-либо напоминает мне о Брайдсхеде, вообще обо всем, связанном с «рощей при академии». Я внезапно ощущаю романтическую, щемящую утрату, которая, как, вне сомнения, скажут некоторые, вряд ли может быть свойственна человеку, что вырос в муниципальном доме в грязном ланкаширском городке. Или же в этом и заключается смысл? Я тоскую по прошлому, которого никогда не имел, и мечты мои столь же печальны и несбыточны, как, скажем, у Джуда Незаметного? Когда я учился в школе, в старших классах, у меня имелись всевозможные этические и политические оправдания ненависти к «Оксбриджу», но теперь они кажутся мне нелепыми доводами уязвленного самолюбия. Думаю, я бы тут прижился. По крайней мере, ненавидел бы это место особым, броским, нетрадиционным образом, как Малкольм Макдауэлл в «Если». Возможно, меня бы «растерли в прах», «слили в трубу» или что они тут делают с «ботаниками» и лузерами. Наблюдая за молодыми людьми и девушками, раскатывающими на велосипедах по чудным оксфордским улочкам, рука об руку и с веселым смехом, на багажниках учебники; разглядывая плющ и глубокие зеленые тени на крохотном, осененном

печатью безмятежности четырехугольнике двора Линкольн-колледжа, я словно ощущаю укол в сердце. Ерунда, скажете вы? Но боль-то реальна...

Из грез меня вырывает вид мужчины, несущего древний лемех в полиэтиленовом пакете из «Маркса и Спенсера». Действительно, от такого зрелища сложно не обалдеть. Мужчина весь в поту и негромко бранится. Денек жаркий, улицы полны народа, а пакет предназначен для багетов и фруктов, но никак не для антикварных сельскохозяйственных орудий. Я слежу, куда он направляется. И обретаю счастье.

О, чудо из чудес! «Выставка старых вещей». Эта телепрограмма, которая соперничает с инспектором Морсом и «Чисто английскими убийствами» за звание самой образцовой среднеанглийской постановки: тут тебе и затасканная, холодная, как треска, заглавная тема из Генделя, и показ в прайм-тайм в воскресенье, и регулярные упоминания о яблочном пироге и заварном креме, консервированном лососе и посапывающих перед экраном старичках. С 1977 года, когда ведущим шоу стал Артур Негус, эта передача представляла лучшие стороны английского характера — энтузиазм, приверженность хобби, стремление сохранить лучшее из прошлого, — а также исподволь намекала на иные, не столь благородные черты: алчность, скупость, похотливость, которые можно различить во взгляде и самой безобидной старушки в Оксфордшире. О, они могут притворяться, будто им жизненно важно узнать, как вот этот стаканчик оказался в нижнем ящике буфета тетушки Дороти, но на самом деле сведушая публика ждет, когда улыбчивый Эрик, Джеффри или Банни сообщит, что стаканчик застрахован на добрые двести пятьдесят тысяч фунтов.

И вот эта программа здесь, в бывшем колледже Ивлина Во. Не то чтобы «Возвращение в Брайдсхед», скорее, «Возвращение в альков», неожиданный проблеск удачи для путешественника с далекого севера, прибывшего сюда в

поисках Средней Англии. Повсюду фургоны, камеры, мотки проводов, веселые и деловитые люди; глядишь, везение меня не покинет, и я увижу даже Фиону Брюс, соблазнительную ведущую шоу и, конечно, предмет тайных воздыханий всех этих напяливающих дурацкие панамы джентльменов из Оксфорда.

Панамы в изобилии теснятся в крошечном дворике. Я замечаю кое-что еще, куда хуже. Тут и там, среди укрывшихся под тентами столиков с вывесками «Милитари», «Картины», «Часы» и тому подобное, можно увидеть образчики того, сколь жутко выражаются не стесненные в средствах англичане, если им это позволить. Один из экспертов по рухляди щеголяет в темных очках «Рэй-бэн», сиреневой в полоску спортивной куртке, облегающих кремовых слаксах и в тапочках с кисточками. По отдельности все воспринимается не так уж плохо. Но вот вместе — кажется, будто вещи орут друг на друга, словно в пьяной ссоре в пабе; с другой стороны, чем не способ максимально выделиться?

Некоторые, полагая организаторы, расхаживают в ярко-красных шелковых кашне, ни дать ни взять сторонники группировки Грэма Нортон из Ассоциации обороны Ольстера. Две женщины в полицейских бронежилетах охраняют керамику. Чего они опасаются? Пулеметного огня из-за лотка с фарфором? Или ожесточенной перестрелки конкурирующих бригад безжалостных продавцов антикварной мебели из Банбери? Куда ни посмотри, всюду замечаешь что-нибудь восхитительно ненормальное и типично английское, и сердце радуется. Стайка седовласых старушек хихикает, наблюдая, как оператор лет двадцати, с «конским хвостом», берет долгий, до зевоты, крупный план канделябра.

Я невольно подслушиваю, как эффектная женщина раздраженно шипит в телефон: «Ну да, он притащил свою камеру-обскура, а я, между прочим, выжата, как лимон»;

чем не цитата из Алана Беннетта или Виктории Вуд? Я снова замечаю мужчину с лемехом, он ходит по площадке с растерянным видом, подозрительно смахивая на пингвина из «Девушки Грегори». Я бы мог простоять тут весь день, но Фиону еще поди вымани из ее трейлера, да и к тому же пора покидать Оксфорд.

Терл-стрит — тихая улочка на задворках колледжа Брейзнуз, который послужил прототипом вымышленного Лонсдейл-колледжа в эпопее об инспекторе Морсе. Чуть дальше находится колледж Эксетер, где Толкин закончил обучаться средневековой истории в 1915 году. Группа мужчин в мантиях на уличном углу обсуждает британское телевидение 1970-х. Они спорят о шоу «Вас уже обслужили?», а потом переходят к современности. «Мне нравится Би-би-си-1, нравятся “Дорожные полицейские”». Ну да, вы же швейцарец, откуда вам знать». Магазин университетского платья на Терл-стрит — видимо, то самое место, где выпендрежники покупают свои кошмарные наряды: от буйства красок в витрине — бирюзовые галстуки, рубашки в кислотно-зеленую и розовую, как мясо лосося, полоску — слезятся глаза.

Направляясь к «Рэндолфу», чтобы выписаться, я прохожу через знаменитый крытый рынок, ярко освещенный и явно находящийся под угрозой сноса, как явствует из расклеенных во множестве плакатов «Спасем наш рынок». Тут мне попадается мясная лавка, которая предлагает семь сортов вегетарианской колбасы, например, с бататом и каштанами, со стилтоном и орехами, гламорганские и так далее. Продавец в сырной лавке спрашивает: «Что вам показать, приятель?», к восторгу американских туристов, и отрезает им и мне на дегустацию по кусочку горного сыра горгонзола. Сыр такой жирный и спелый, что у меня перехватывает дыхание. Под той же крышей торгуют ботинками «Маноло Бланик», кожаными итальянскими портфелями, венгерским гуляшом, лезвиями для коньков и североамериканским

соусом песто. В магазине пасты мне продали самую вкусную пасту с начинкой, какую я когда-либо пробовал (я выяснил это день или два спустя, уже дома, когда смаковал горгонзолу и песто и вспоминал, насколько чудесным оказался Оксфорд).

Яства с рынка почти заставили меня забыть о том, куда я пошел потом: к дому номер 22 по Кромвель-стрит. Почти, но не совсем. Если вы собираетесь погрузиться в темные глубины Средней Англии, нельзя притворяться, что весь мрак разгоняют неуменно любопытные старые девы и страдающие от неразделенной любви холостяки-полицейские, которые потягивают настоящий эль и решают кроссворды под музыку Вагнера. Нет, этим краям знакома и подлинная тьма, отвратительная, омерзительная, истинное зло, что не просто прячется на обильно поливаемых дождями северных пустошах или в усыпанных битым стеклом лестничных колодцах заброшенных поместий. Беовульф жив. Возможно, он живет тихо и внешне добропорядочно в домике с милыми гардинами на окнах в ничем не примечательном среднеанглийском городке вроде Глостера.

Я здесь уже во второй раз. Впервые я приехал несколько лет назад, когда готовил — только представьте — подобие интеллектуальной программы насчет того, как показывают обезьян в голливудских фильмах и какую символику вкладывают в их образы; эту передачу мы снимали в симпатичном старом независимом кинотеатре. Программа удалась, однако у меня осталось неприятное чувство, связанное с единственным инцидентом (знаю, несправедливо, но таков уж я есть). Как-то во время обеда мы с техниками пили чай и уплетали сандвичи с беконом в баре кинотеатра и к нам присоединились местные сотрудники. Один из них мне категорически не нравился — мрачный усатый тип, отпускавший плоские, грубые шуточки, заставлявший девушек краснеть и явно желавший дать нам понять, что мы,

«избалованные тунейдцы из ящика», на деле ничуть не лучше его самого. (Кстати, иногда мне кажется, что он ошибался, но это так, к слову.)

После обеда он с ухмылкой спросил, топорща усы: «Кто, по-вашему, мазал тут штукатурку и все прочее?» Разумеется, мы не знали. Точнее, не сразу сообразили, что в Глостере всего один известный строитель. «Ага, — заявил усатый злорадно, — Фред Уэст». Мы заскрежетали зубами, воцарилась неловкая тишина. Усатый наслаждался нашим замешательством. «О, — прибавил он, довольный тем, как осадил «вонючих столичных либералов», — старина Фред молоток, верно?»

«Вообще-то нет, — твердо ответил я. — Он вовсе не молоток, а преступник». И, оставив за спиной продолжавших молчать товарищей, быстро вышел на свежий воздух. Мысли мои были о «старине Фреде» — садисте и убийце, надругавшемся над детьми. Как ни жаль, но именно этот инцидент всплывает в памяти всякий раз, когда речь заходит о Глостере.

И вот я вернулся, по этой и по другим, более хорошим причинам. Прежде чем исполнить другие свои желания, я должен был отправиться на Кромвель-стрит, где Фред Уэст, тупоумный фермерский сынок, вместе с женой Роуз пытал, насиловал и потом жестоко убивал — на его счету жизни минимум дюжины молодых женщин. Он развлекался здесь с 1973 года, а мимо проезжали автомобили, рядом играли детишки, заходил по утрам молочник...

Я решил, что должен попасть на Кромвель-стрит, поскольку это, вероятно, самый темный уголок Средней Англии на памяти ныне живущих. Нет, я нисколько не смаковал свой визит. Пока я ехал по безымянным улочкам, постоянно возникало ощущение, что даже женский голос в навигаторе, велевший свернуть налево на втором повороте и дальше держать прямо, сочувствует моему выбору. Местные негодуют на интерес, который продолжает вызывать у

зевак старый дом Уэста. В интервью Би-би-си в 2004 году регистратор из расположенной неподалеку амбулатории рассказала: «Однажды позвонили откуда-то из-за границы и спросили, где все произошло, а я подумала — господи боже, что вы там рассчитываете увидеть?» Потом она добавила: «Сам Уэст был очень милым человеком». Ну да — простите, что затронул эту тему, но без нее не обойтись — просто милашка.

Магазин «Веллингтон» продает телефонные карты и афрокарибскую пищу. Я хотел было зайти и как бы невзначай задать пару вопросов, но, поразмыслив, отказался от своего намерения. Наверное, это лишь игра ума, вызванная воспоминаниями и странно узкой улочкой, которая словно душит. Но даже при ярком солнечном свете мне почудилось, будто напозла тень. Вдобавок за мной следили, сомневаться не приходилось. Следила какая-то потрепанная женщина невысокого роста, стоявшая на углу. И еще голый до пояса и весь в татуировках беззубый юнец с бильярдным кием. И старик ямайской наружности вдруг перестал подстригать живую изгородь и уставился в мою сторону. Пристыженный, я перешел на противоположный тротуар, где имелся пустой проем в тесном ряду домов.

После ареста, суда и последующего самоубийства Фреда Уэста (он повесился в тюрьме Уинсон-Грин в Бирмингеме) городской совет постановил снести дом 25 по Кромвель-стрит. Заодно развалили и дом по соседству, на всякий случай. Более того, кирпичи и древесину разрушенных домов размололи в пыль и сожгли, чтобы навсегда отвести потенциальных охотников за сувенирами. И теперь тут пустое место — мы, северяне, называем такое «гиннел», — заблокированное металлическими тумбами, чтобы не вздумали кататься велосипедисты или скейтбордисты.

Многих нынешних жителей Кромвель-стрит в 1990-х годах тут не было; многие перебрались сюда, не ведая —

по крайней мере, поначалу — о мрачном прошлом улицы. Но кое-кто жил фактически бок о бок с Уэстом, и можно понять, что их преследует нелогичное чувство вины, — понять и ощутить, что они винят себя в его преступлениях. Средняя Англия, говорят, любит держать все в себе. Но в этом случае, пожалуй, чуть больше любопытства, чуть больше, так сказать, отдергивания занавесок пришлось бы очень кстати.

На сем я предпочел бы закончить свои рассуждения о Кромвель-стрит. Надо убираться отсюда, и как можно скорее. В Глостере просто потрясающий собор, и хорошо бы оказаться на просторе и в более благородном окружении. Навигатор немножко поиздевался, проложив путь по закоулкам, мимо задней двери кафе «Африка» и Центра расового равенства, возле которого я снова заметил своего тощего, голого до пояса и татуированного приятеля с бильярдным кием (и что я ему сделал?). Но в конечном счете я выбрался из лабиринта мрачных улиц и вздохнул с несказанным облегчением.

Что касается памятника Джону Хуперу, его можно было и не осматривать. Он стоит перед собором и, прежде чем войти под своды последнего и ощутить смирение, благоговение и лирический настрой, вы принуждены вспомнить, насколько противной может быть религия. Епископ Глостерский, Хупер был твердолобым, негибачимым протестантом, и его категорический отказ отречься от веры во время нового торжества католицизма (контрреформация) обернулся казнью. Причем казнили его именно тут, на том самом месте, откуда я взираю на красивую статую, и смерть его, если верить современникам, была поистине ужасной.

Хупер шел в последний путь, на эшафот, опираясь на посох, так как в тюрьме у него разыгрался радикулит. Три раза пытались запалить дрова, сложенные у его ног. Огонь никак не желал заниматься по-настоящему, и в результате

вместо казни Хупера, получается, подвергли новой пытке — все его тело покрыли кошмарные ожоги. Тогда он взял две вязанки хвороста, поцеловал их, сунул себе под мышки и объяснил палачам, как разложить прочие, чтобы пламя наконец вспыхнуло. К сожалению, в тот день было ветрено, и хворост лишь опалил ему волосы, да кожа головы покрылась жуткими пузырями. «Во имя Господа, дайте же огня!» — вскричал он. Принесли еще хвороста, сверху насыпали пороха. Дерево загорелось частично — и частично же спалило Хупера, но он еще оставался жив.

В конце концов его язык так раздулся, что он уже не мог кричать; с кончиков пальцев капали жир, вода и кровь, и он стучал себя по груди, пока руки не отвалились. Сорок пять минут спустя, когда из тлеющей нижней половины тела выпали кишки, он все же умер, «отошел в мир иной, тихий, как спящий ребенок».

За всем этим роскошным представлением наблюдала многолюдная толпа. Приблизительно семь тысяч человек, как считается. Так что когда в следующий раз фатоватый профессиональный скандалист и демагог из прессы или с телевидения примется убеждать вас, что Средняя Англия катится ко всем чертям, вспомните о гибели Джона Хупера и о том, что за его мучительной агонией следили тысячи добропорядочных, законопослушных, богобоязненных людей на оживленной городской площади.

Протестантство, католицизм, индуизм, ислам, иудейство, зороастризм, сайентология, даосизм, синтоизм, вера в северных богов или в джедаев — для меня всякая религия означает, в том числе, отрицание жизни и нетерпимость, которые, если их не сдерживать, ведут к сожжению на кострах и забиванию камнями юных девушек. Увы. Такова моя вера, и я прошу, чтобы вы ее уважали. При этом мне нравятся старинные церковные гимны, похоронные службы, бодрые благотворительные аукционы и красивые соборы. В Глостере, если позволите, чертовски красивый собор.

Он почти не виден, скрытый с трех сторон полудостроенными фабриками и заурядными домами. Но в самом соборе нет ничего отталкивающего или прозаического. Он огромен и настолько богат деталями и обилен помещениями, часовнями и колоннами, что в нем можно провести целый день. Церковная архитектура таких масштабов связана не с соображениями практичности, а с энергетикой и воздействием на психику. Она принижает человека — во всяком случае, тех, кто жил девятьсот лет назад, — внушает повиновение Божеству и всему Его творению. Арки, нефы и грандиозный сводчатый потолок твердят о «шоке и благоговении» ничуть не меньше, чем нынешние американские бомбардировки и налеты на Багдад в первую войну в Заливе. Любопытно, что американцев приводит сюда, к этому шедевр европейской архитектуры, в том числе и могила некоего Джона Стаффорда Смита, автора мелодии «Усеянное звездами знамя».

Собор имеет и другие «приманки» для современного светского туриста. Этот собор предстал в роли школы Хогвартс в нескольких фильмах о Гарри Поттере. Да, толпы школьников-магов, летающих на метлах, — это, конечно, компьютерные спецэффекты, а вот собор показан в своем истинном виде. Ему помощь компьютеров не потребовалась. Между прочим, поттериана ныне приводит в собор сотни посетителей ежегодно. Отличный способ пополнить финансы, но, разумеется, нашлись и те, кто этого не одобряет.

Настоятель Кентерберийского собора отклонил «весьма щедрое» предложение от кинокомпании, по причине «языческой образности» книг о Поттере. Его высокопреподобие Николас Бери, настоятель собора в Глостере, оказался менее щепетилен; он заявил: «Глостер по праву гордится одним из красивейших соборов в мире, его дружелюбие и человечность часто отмечались. Это место со своей атмосферой, отлично подходящее к истории о мальчике, заводящем друзей в первый год учебы в школе». Вопреки

зубовному скрежету фундаменталистов, епископ так оценил книги о Поттере: «Они показывают, что правда лучше лжи, что добро побеждает зло, что к дарам нужно относиться ответственно. Это чрезвычайно полезные книги, и следует поощрять детей, которые их читают».

Ничего не могу сказать о Гарри Поттере; впрочем, они с Дж. К. Роулинг, похоже, прекрасно справляются и без меня. Сама Роулинг кажется мне приятной и принципиальной дамой, а в словах его высокопреподобия Ника я улавливаю привлекательные нотки здравого смысла, в противовес лепету христианских правых и религиозных фанатиков любого толка. Если деньги, заработанные на Поттере, помогают содержать это великолепное здание, то и слава богу. Ведь тут никто не примазывается — в церковной лавке продается разве что крохотный неофициальный путеводитель по миру Гарри Поттера, и это единственный намек на поттероманию.

Даже агностик вроде меня ощущает благоговение под сводами Глостерского собора, пускай под ними время от времени бродит Дэниел Рэдклифф. Они поразительны, почти дезориентируют и подобны чреву, внутри которого встречаются коконы света и цвета. Повсюду словно разлита благодать, эмоциональный накал невероятно высок: и в тихом дворе, и в молчаливом капитуле, и в замечательной часовне... Собор будто зачаровывает, гипнотизирует, и музыкальная запись, сделанная в нем в 1910 году, поражает воображение: лучшие образцы английской музыки обретают новое звучание в потусторонней акустике этого места.

«Фантазия на темы Таллиса», впервые представленная публике в Глостерском соборе на Фестивале трех хоров в 1910 году, явилась итогом трехмесячного обучения Ральфа Воэна Уильямса у Равеля в Париже, где он приобрел «легкий французский шик». Технически это изумительное сочинение, требующее изрядной слаженности множества исполнителей: большого симфонического оркестра, камерно-

го струнного оркестра и струнного квартета. И музыка сочинялась с оглядкой на потрясающую акустику пещерообразного собора. Должно быть, вечер первого исполнения был поистине ошеломительным, ведь эта музыка сама по себе — настоящий собор звука, сводчатый, массивный, величественный и при этом полный укромных уголков, нашептанных тайн и тихой мечтательности. Я покинул собор под аккорды, звучавшие в моей голове; в самом соборе царила тишина.

Как и другая знаковая композиция Уильямса, «Воспаряющий жаворонок», «Фантазия на темы Таллиса» представляет собой воплощение английского мифа в звуке. Средняя Англия соединяет в себе миф и реальность, общие тайны и неопровержимые факты. Однако под мифом я подразумеваю не просто историческую двусмысленность и загадку, не только короля Артура, Робин Гуда и прочих типов, которые то ли существовали, то ли нет. По-моему, мифическими иконами Средней Англии нашего времени являются две женщины, которые точно жили на этом свете.

Глава 10

Мифическая Британия

В угрюмом, обыденном дневном свете сырого Восточного Мидленда это место выглядит мрачно. Обычно безжалостно эффективный баварский навигатор оказался не в состоянии его обнаружить, только без толку гонял меня по Барроуби-роуд и даже мимо паба под названием «Посреди нигде». Пришлось бросить машину, но и пешком вышло ничуть не лучше: улица практически лишена указателей, и в итоге я несколько раз свернул не туда и был вынужден тащиться вдоль задней стены безликого и громоздкого универмага. Как бы вы ни относились к «ней», что бы ни думали об «этой женщине», каковы бы ни были ваши политические взгляды, в любом случае ожидаешь чего-то более внушительного и запоминающегося, чем крохотный, неприметный перекресток, где Барроуби-роуд встречается со старой трассой А-1, ведущей на Ньюарк и Грейт-Конербри; эта лента асфальта обыкновенно плотно забита грузовиками и легковушками, на которых мамы везут детей в школы или спешат по делам торговые агенты в костюмах с иголки — все раздраженные, уставшие, отчаянно мечтающие очутиться где угодно, но не здесь.

Перекресток перейти непросто, вы рискуете заработать пару-тройку гримас, едва различимых за замутненными от влаги ветровыми стеклами, получить звуковой удар, когда разъяренный водитель жмет на клаксон, или угодить под каскад грязной воды из близлежащей лужи. Когда я все же перебрался на другую сторону, то ощутил себя вымотанным ничуть не меньше той изможденной женщины, что прокатила мимо потрепанную коляску с капризным младенцем, загроможденную, вдобавок, раздувшимися от покупок полиэтиленовыми пакетами. Да, я измотан и, по правде, слегка разочарован.

Табличка, простая на вид, чуть ли не самодельная, привинчена к стене кирпичного дома очень высоко, чтобы ее не так-то просто было сбить, забрызгать краской — или положить букетик. Она красуется рядом с окном, которое когда-то, возможно, было окном «ее» спальни, а ниже еще одно окно, поменьше; это, быть может, комната, где «она» родилась 13 октября 1925 года в семье Элфа Робертса, второго самого известного английского бакалейщика с таким именем. Тот, кого Брайан Мосли на протяжении десятилетий играл в «Улице Коронации», вероятно, знаменит больше, однако не оказал существенного влияния на историю наших островов.

Представьте снова, как я просил вас несколькими сотнями страниц и миль раньше, что вы принадлежите к весьма специфической породе англичан. К той породе, которую одолевают иррациональные, жуткие страхи. Вы по-прежнему боитесь моря, с подозрением относитесь к шотландцам и поглощены ненавистью к Франции и ко всему французскому. Или же, скажем, вам никак не забыть гнусную развязку Фолклендской войны, вы не в состоянии смириться с закрытием британских шахт и приватизацией железных дорог. Что ж, пожалуй, вам именно сюда. Дом номер 2, Норт-Пэрейд, Грэнтем, Линкольншир, прямо

напротив католической церкви Непорочной Девы и детского сада «Абакус» (по иронии, «содержащегося на государственные средства»).

Сегодня в доме номер 2 помещается центр хиропрактики и холистической терапии «Живите полной жизнью». Окна украшены искусственными радугами, серебряными звездами, мандалами и посулами «раскрыть чакры», «восстановить баланс», «вдохновить» и так далее. Держу пари, что чакры тут раскрывают по вполне приемлемым ценам. Будь у персонала центра больше чувства юмора, они бы не преминули повесить где-нибудь цитату из святого Франциска Ассизского: «Чтобы я вносил веру туда, где сомневаются, надежду — где отчаиваются, радость — где страдают, любовь — где ненавидят, вносил истину туда, где заблуждаются, свет — во тьму».

Думаю, этот слоган отлично подходит даже для холистической терапии; вдобавок, это была бы своего рода дань уважения прежним обитателям дома, в первую очередь самой спорной и противоречивой политической фигуре современности. В глазах одних она — истинное живое воплощение всех пороков Средней Англии, в глазах других — самое яркое ее олицетворение, образец упорного труда, основательности и добропорядочности. Спорить можно долго, но вот факт, который не подлежит сомнению (не зря же тут повесили мемориальную доску): в этом доме «родилась» достопочтенная член парламента Маргарет Тэтчер, первая женщина — премьер-министр Великобритании и Северной Ирландии».

Возможно, я приехал не в тот день. Возможно, в день Святого Георгия или в теплый августовский уикенд здесь полным-полно посетителей, автобусы привозят туристов и школьников, перед домом выступают уличные артисты, а ораторы с различными политическими взглядами пытаются перекричать друг друга. Я же никого не встретил, да и сам Грэнтем показался мне заслуживающим разве что жа-

лости. Городской веб-сайт и различные биографии и справочники упоминают факт, что Маргарет Тэтчер, дольше всего находившийся у власти премьер-министр двадцатого столетия, родилась здесь, — упоминают и поспешно идут дальше. Они уделяют куда больше места другому местному уроженцу, некоему Исааку Ньютону, в честь которого назван громадный и уродливый торговый центр, а на главной площади высится его статуя. Полагаю, это вполне объяснимо, ведь и самый отъявленный тэтчерист признает, что три закона термодинамики и открытие силы тяжести чуть важнее, чем основание компании «Темз-уотер».

Хотя это место расположено севернее и восточнее всех прочих, описанных в моей книге, я с самого начала знал, что непременно заеду в Грэнтем. Он, так сказать, зарезервировал себе местечко. Впервые словосочетание «Средняя Англия» употребил в 1882 году лорд Солсбери, но в обиход оно вошло именно при Тэтчер, причем именно из-за нее. Она впечатала эти два слова в общественное восприятие, точно так же, как Никсон одарил американцев термином «Средняя Америка». Потому-то я и приехал в Грэнтем — этот центр тэтчеристской мифологии, каковая ныне неразрывно связана с представлением о Средней Англии, усугубляет это представление и изрядно его отягощает.

Сколь бы ни были сильны ассоциации, сколько бы ни старались специалисты по маркетингу, советы по туризму и риэлторские агентства, любая из крупнейших фигур нашей культуры рано или поздно перерастает свой дом (последнее слово — в самом широком смысле). Да, коричневые указатели на трассе М-5 зовут в «Стратфорд Шекспира», и это оправданно. А вот называл ли кто-нибудь когда-нибудь его самого Шекспиром из Стратфорда? Наблюдал ли кто-либо за бессильным безумием короля Лира, горькими муками ревности Отелло, экзистенциальными метаниями Гамлета и запоздалым раскаянием леди Макбет и думал про себя: «Ага, можно выдернуть парня из Страт-

форда, но Стратфорд из него никогда не вынуть. Только тот, кто вырос в этом маленьком и достойном уорикширском городке с его историей торговли шерстью, способен постичь бесчисленные тайны человеческой психики»? Вряд ли, верно?

Тэтчер из Грэнтема? Согласно многим утверждениям, и не в последнюю очередь словам самой Маргарет, так и есть: ее сотворил Грэнтем. Этот рыночный городишко со всеми его сомнительными ценностями значит многое для тэтчеристского мифа. И потому Грэнтем пришлось, выражаясь фигурально, переизобрести. Когда Маргарет появилась на политической сцене, как член парламента от Финчли в 1959 году, она старательно поддерживала образ шикарной дамы-тори из Центральных графств, понимая, что только таким способом может преуспеть среди чванливых снобов и ярых женоненавистников, составлявших в ту пору большинство консерваторов. Но с течением времени и ростом амбиций, когда она пообтерлась в политике, утвердилась идеологически и, в конечном счете, добилась в 1979 году поста лидера партии, ее взгляды изменились. Биограф Маргарет Джон Кэмпбелл пишет: «Она перестала притворяться леди-тори из Центральных графств (шляпка в полоску, богатый муж, дети учатся в престижных частных школах) и заставила СМИ создать образ эффективной меритократки, добившейся всего упорным трудом, который позволил ей исправить недостаток скромного провинциального происхождения». Искренне или цинично, она превратила свои провинциальные корни в золотonosную жилу, и так родилась дочь бакалейщика из Грэнтема. Родилась заново.

Увы, реальность этого провонявшего выхлопными газами и все же гламурного перекрестка на задворках крошечного городка ничуть не воодушевляет. Однако, как пронизательно указывает Кэмпбелл, «иконографически Грэнтем мало чем уступает, допустим, Вифлеему: знаменитая угло-

вая лавка Элфреда Робертса, под окнами рокошет Большая Северная дорога, вдоль задней стенки висят свиные рульки, пахнет свежее испеченной сдобой; юная Мэгги отвешивает сахар; приличный отец, заботливая мать, викторианские традиции — бережливость, умеренность, порядок в доме, патриотизм и долг...»

Сатирическое кукольное шоу «Вылитый портрет» удачно обыграло эту доморощенную мессианскую мифологию в песенке конца 1980-х годов, причем исполняла песню знаменитая кукла Тэтчер.

Совести нет — тридцать пенсов пакет
Стирального порошка,
И купишь, коль смог, фруктовый пирог
За фунт двадцать три пока...
Грэнтемский гимн пою я,
Памятный с детских лет.
Я в лавке отца трудилась —
Таков был мой Назарет.

По этим причинам, как я уже сказал, в отличие от Бата, Стратфорда или Ливерпуля с их преклонением перед своими знаменитыми отпрысками — в отличие даже от деревень Мидсомера, — в Грэнтем не возят туристов, не организуют экскурсии, не развешивают рекламные постеры. Возможно, это нежелание возникло не сегодня, уходит корнями еще в те времена, когда Маргарет была на коне, когда город начал сознавать, сколь полярным является отношение людей к «нашей Мэгги». Статья в газете «Нью-Йорк таймс» за 1989 год сообщала, что некоторых местных жителей злил дефицит гражданской гордости: «Ресторан “Премьер”, занимающий старую бакалейную лавку, над которой она родилась, объявил, что собирается подавать угощение из пяти блюд, в том числе цыпленка “Маргарет”... Недостаток энтузиазма по отношению к женщине, родив-

шейся в этом городе, и стремление его восполнить заставили Джо Флэттерса взять дело в свои руки... “Думаю, мы слишком склонны все преуменьшать, такой уж у нас, грэнтемцев, характер... В общем, я решил все поправить. По мне, ее премьерство — лучшее, что выпадало этой стране после войны. Она сделала известным наш городок, а ведь однажды какая-то радиостанция признала его самым скучным городом Англии”».

Флэттерс установил на дорогах, ведущих в Грэнтем, плакаты, которые гласили: «Поздравляем Маргарет Тэтчер. Десять лет на посту премьер-министра». Городской совет принудил его убрать эти плакаты. К тому времени многие уже порвали или разрисовали. Ни чуть не смущенный, по-диккенсовски упертый мистер Флэттерс вознамерился поставить дорожные знаки с надписью «Грэнтем. Место рождения Маргарет Тэтчер». На сей раз он попробовал заручиться согласием совета, но, похоже, не вышло. И тогда он сдался. Или ему надоело. Или он переметнулся в стан лейбористов.

Ресторан «Премьер», между прочим занимавший бывшую лавку отца Мэгги (теперь, напомню, там центр холистической терапии), быстро выяснил, что многие горожане откровенно бойкотируют заведение. Его столь часто закидывали яйцами, что владелец всерьез задумался, не повесить ли вывеску с утверждением: «Омлет — наше фирменное блюдо». Кстати, если вас заинтересовало упоминание о цыпленке «Маргарет», вот что говорил почтенный ресторатор: «Сначала мы думали о кисло-сладком соусе, но отказались от этой идеи... Потом мы придумали цыпленка. Он мягкий снаружи и фарширован лесными орехами, которые придают твердость. Яблоки делают вкус слаще, а лимонный соус добавляет пикантности». Что касается меня, я как-то не готов кусать жареную цыплячью тушку, от которой ждешь мягкости и сочности и наткаться на зубодробительные лесные орехи. Аппетит угасает. Веро-

ятно, именно поэтому ресторан «Премьер» в конце концов закрылся.

Итак, в отсутствие «Прогулок по местам Маргарет» и «Тэтчер-туров», мне пришлось бродить самостоятельно по пустынным улицам Грэнтема под надоедливym, морозящим дождем. Не знаю, по правде ли это самый скучный город Англии, как объявила некая дерзкая радиостанция; чтобы выяснить, нужно провести в Грэнтеме гораздо больше времени, а я задерживаться там вовсе не собирался. Уж простите, но это, скажем так, отнюдь не Бат.

Лишенный благотворного влияния упорного труда ради выживания или политических страстей, уродливый городской центр Грэнтема служит олицетворением того, что происходит, когда меркантилизм спускают с поводка. Повсюду старинные здания заслоняют, теснят и принижают новостройки, главным образом дешевые и безликие торговые точки. В одной витрине висит гордое объявление: «Джутовые мешки. Уже в наличии!» Я захожу в мрачный торговый центр «Джордж»; несколько магазинов закрыты, на полу грязные лужи, в которых отражается резкий свет флуоресцентных ламп, из динамиков доносится писклявый кавер на «Любовь и привязанность» Джоан Арматрейдинг, по пустым галереям гуляет эхо... Жуткое впечатление.

Самое примечательное (и самое гнетущее) в современном Грэнтеме то, что он из города превращается в сплошную проезжую часть. На каждого встреченного мною пешехода приходится добрый десяток грузовиков и легковушек, пролетающих мимо, не сбрасывая скорость. Редкие пешеходы воспринимаются как аномалия, как досадная помеха, жмутся к стенам и крадутся вдоль витрин, опасливо косясь на очередной рычащий грузовик.

В полупустом книжном магазине я замечаю том с названием «Грэнтем в новостях», сборник публикаций местной прессы. Все обрывается на 1979 год, накануне того мгновения, когда наиболее известная уроженка города сдела-

лась первой (и пока единственной) женщиной премьер-министром Великобритании. Не знаю, как вы, но я, всегда охочий до новостей, точно вставил бы в такой сборник хотя бы одно упоминание об этом. Возможно, даже посвятил бы Мэгги целую полосу. Однако — ни слова, зато имеется замечательный очерк о местном воле, слишком крупном, чтобы вписаться в стойло.

Пройдя по глухому переулку, я замечаю, напротив закусочной «Гриддлс» и дисконтного пивного магазина, приземистый паб под названием «Чеккерс», явно в честь чилтернской летней резиденции наших премьер-министров. Нет, не пойду. Не могу представить, чтобы сюда заглядывали Рейган или Горбачев, если только им не приспичило глотнуть «Блю» и посмотреть футбол на большом экране. Этот паб — все, чем Грэнтем ныне вспоминает свою воспарившую высоко бывшую жительницу, дочку бакалейщика Элфа. Да уж, тоска... Каких бы мифов ни насоздавала Тэтчер, во что бы ни призывали нас верить ее имиджмейкеры, Грэнтем не кажется мне Средней Англией — по крайней мере, в 2008 году. Так, захолустье, ошметок чего-то большего.

Этого никак нельзя сказать об огромном, роскошном, футуристическом новом вокзальном Сент-Панкрас в Лондоне. Блуждая по нему, ощущаешь, будто очутился внутри масштабной архитектурной модели или внутри картины: тут прохладно, просторно и чисто, и мы, крохотные людишки, перемещаемся в благоговении, доставляемые к местам назначения эскалаторами и движущимися дорожками. Недавно открытый (что в Англии часто означает «второпях, с недоделками, без лифтов, без магазинов, даже без воды, но с кучами строительного мусора, обнесенного желтой лентой»), этот вокзал представляет собой образчик неброской эффективности. Тут можно купить приличный сыр в гастрономе, разглядывать на небо через стеклянную крышу,

читать объявления на мониторах — и чувствовать, что попал в будущее, которое наступило в настоящем.

Я приехал сюда, чтобы отправиться на поиски места, которое, хотя для северянина оно почти ничего не значит, несколько раз всплывало в разговорах, стоило упомянуть, что я изучаю Среднюю Англию. Да, Грэнтем есть миф, а вот это место — реальность, как утверждали сведущие люди. Один из моих коллег с Би-би-си сказал, что там «настолько уютно, удобно и просто хорошо, что даже хочется поглумиться, но ты сдерживаешься, понимая, что тебе тут нравится и ты хотел бы тут жить. Если, конечно, денег хватит». Мой друг Майк, выросший в соседнем Сент-Олбансе, говорит, что это место — больше Средняя Англия, чем его родной город («уж поверь, мне ли не знать»). Еще он прибавил, что чуть было не утратил там невинность. Я решил обязательно съездить туда — хотя бы проверю, не повесили ли мемориальную доску.

И в миг, когда я сошел с поезда, я понял, что хотели сказать мои друзья. Харпенден, графство Бакингемшир, воплощает в себе довольство, комфорт и веселье Средней Англии, ее тихое самолюбование, ее непринужденность и безмятежность. Ну да, мне известно, что под этой милой, благообразной наружностью кипят нешуточные страсти, копятся гнев и злоба, что на самом деле внешняя привлекательность весьма обманчива. Но, черт побери, как же хочется обманываться! И еще вопрос, кто кого обманывает.

Я покинул станцию, прошел мимо пожилых и борода-тых таксистов-мусульман, мимо лавки картинных рам (там проходила выставка работ Айвена Тэйлора), и в душу невольно закралось подозрение, что Харпенден может оказаться очередным фешенебельным поселком. Однако меня поджидало приятное разочарование — дальше были гриль-бар, кебабы и «Знаменитые чипсы Джека». Должен сказать, название последнего — не более чем пустая похвальба. Лично я никогда о них не слышал, хотя я — настоящий

эксперт по чипсам. Мне знакомы, например, «Сорока» в Уитби и «Джордж энд Хеленс» в Харборне (туда, между прочим, стекаются паломники со всего Мидленда). Возможно, Джек знаменит локально, и тут у него имеется целый культ; этакий Джон Кассаветес или «Ван дер Грааф дженерейтор» от чипсов. Памятуя о том, что привык пробовать вкусные, жирные, забивающие артерии бляшками чипсы в каждом городе, который посещаю, я поспешно прохожу мимо, избегая манящей улыбки Джека (если это он изображен на вывеске). Быть может, своим оскалом он и знаменит. Сбоку от его заведения — изнутри доносятся запахи, едва не сломившие мою решимость — я вижу большой красный рекламный щит, который сообщает в лоб: «Некоторые из нас — геи. Привыкайте!»

В окно неизбежного отделения «Помощи пожилым» видно, как человек, явно страдающий синдромом Дауна, в пушистом белом свитере, пишет цены на компакт-дисках, старательно и трогательно выводя цифры. Улица изобилует мрачно привлекательными марокканскими ресторанами, загадочными книжными магазинами и миниатюрными парикмахерскими. Я мог бы здесь жить, наверное; подобные мысли приходили мне в голову с удивительной регулярностью в ходе путешествий по Средней Англии. Будь у меня деньги, конечно; согласно «Дейли телеграф», Харпенден — восьмой в списке богатейших городов Великобритании, средняя цена здешнего дома — около 500 000 фунтов (весна 2008 года).

Свернув направо, на площадь, я натываюсь на газетные киоски и узнаю, что Косово провозгласило независимость. Харпенден тоже выглядит вполне независимым, во всяком случае, независимо преуспевающим; чего стоит одна только широкая, красивая, богатая улица, заполненная здоровыми, обеспеченными людьми, о которых точнее всего сказать, что они отменно начистили перышки и излучают удов-

летворенность (но не самодовольство). Эта часть города известна как Деревня, звучит глуповато и пренебрежительно, однако на деле все правильно: и не сообразишь сразу, что неторопливый, во многом сельский Харпенден находится всего в 25 минутах на поезде от шумного Большого Лондона. Я понимаю, почему здесь поселились многие люди, не имеющие местных корней, — от австралийского исполнителя йодлей Фрэнка Айфилда до таинственного американского режиссера Стэнли Кубрика и родившегося в Моркеме комика (наше очередное национальное сокровище) Эрика Моркема, преданного болельщика футбольного клуба из соседнего Лутона. В его честь назван харпенденский концертный зал («клуб» в местной терминологии).

На главной улице имеется шикарная кондитерская, и женщины всех возрастов стекаются сюда и выходят с грудами перевязанных лентами коробочек, что содержат, должно быть, все запретные удовольствия, от греховных пралине до соблазнительных помадок. У всех у них одинаково обеспокоенный и слегка смущенный вид, как у мужчин средних лет, выходящих из секс-шопа. Разве что они куда симпатичнее и куда чаще хихикают. Паб «Улитка и салат» полон, клиенты расселись даже за столиками на тротуаре, при этом большинство пьет не пиво, а пенистый латте. В методистской церкви тоже как будто перерыв на кофе. На стене плакат — три улыбчивых детских мордашки и текст: «Вы уникальны. Копирайт — Господь Бог».

Сколь ни была бы приятна пешая прогулка по Харпендену, она чревата потенциальными травмами, ибо в этом городке не счесть пожилых дам, пренебрегающих правилами парковки и сдающих назад без оглядки, наобум распахивающих дверцы и стартующих с места с визгом шин. Черода агентств недвижимости позволяет удостовериться, что с началом кредитного кризиса от цен на местные особняки по-прежнему захватывает дух. Все прочие заведения на

главной улице, как я уже понял за свои путешествия по Средней Англии, — или химчистки, или благотворительные лавки.

Ощущение пребывания в деревне укрепляет миленькая церковь чуть в сторонке от главной улицы, ее двор усажен раскидистыми вязами — кусочек сельской местности посреди города. Я обхожу кладбище; как тихо, как спокойно... Девочка-подросток в футболке с надписью «Франц Фердинанд» сидит на скамье, поджав колени, и читает «Возвращение на родину» Томаса Гарди, а еще дальше, под деревьями, седовласый джентльмен пытается научить нахального спаниеля приносить палку. Сама церковь Святого Николая закрыта, я удовлетворяюсь беглым взглядом на приходские объявления. Одно сулит прибытие Эрика Ноулза, «скандального эксперта “Выставки старинных вещей”», типа в щеголеватой бабочке, который собирается выступить в концертном зале имени Эрика Моркема. «Оценка вещей начнется в 6:30». Другое объявление, от руки: «Мастер ищет работу, я честен и надежен». Словно со страниц романа Гарди, который читала та девочка.

Неспешно возвращаясь на главную улицу, я останавливаюсь перед доской объявлений у благотворительного центра. Питер Лилли, местный член парламента, устраивает то ли встречу с общественностью, то ли сеанс промывания мозгов. Мне он никогда не нравился. В лучшем случае для меня он кто-то вроде Эндрю Риджли при Майкле Портилло в роли Джорджа Майкла. Собрание общества борьбы с раком «Мармелад в честь Мари Кюри» звучит намного заманчивее. Шагая дальше, я прохожу мимо симпатичного магазинчика со спиртным. Ну... гм... не совсем прохожу. Пока я разглядываю стойки, заставленные бутылками пшеничного и медового оттенка («Аберлур», «Каол Айла», «Лафройг», «Талискер»), в магазин заходит компания прилично одетых молодых мам (мамочки в соку, как сказали бы некоторые), они болтают и шутят и

явно собираются устроить девичник. Одна, маленькая брюнетка в отороченной белым мехом парке, берет бутылку шампанского «Лансон» и делает вид, что пьет. Она перехватывает мой взгляд, озорно подмигивает и говорит: «Готовлюсь к школе».

Сандра живет в Харпендене пять лет. Выросла она неподалеку, в Харлоу-Нью-Тауне. «В Харпендене намного приятнее, но, — тут ее глаза подергиваются дымкой, — Харлоу отличное место для подростков. Да, теперь-то я здравомыслящая взрослая женщина и мать...» Вид у нее такой, будто на самом деле она еще не окончательно повзрослела. Сегодня они организуют «отвальную» для Коллин, которая переезжает в Крайстчерч, Новая Зеландия. «Наверное, там красиво и очень респектабельно. Как в Харпендене», — прибавляет она с улыбкой.

Молодой парень за прилавком встречается в наш разговор и спрашивает меня, что мне угодно. Я объясняю, и он говорит: «Так вы приехали куда нужно. Это настоящая Средняя Англия. Сердце Центральных графств». Потом принимается излагать историю местных церквей, чего я никак не ожидал услышать от юнца двадцати с небольшим лет, щеголяющего асимметрично подстриженными волосами кирпичного цвета. Я покупаю старый добрый пятнадцатилетний «Далвинни», желаю Коллин доброго пути, а остальным девушкам — хорошо повеселиться. «Мы попадем в вашу книгу?» — уточняет Сандра, добавляя в корзинку бутылку тоника. Да, обещаю я. Вот, сдержал обещание.

Сердце Центральных графств... Да, Харпенден в самом деле воспринимается таковым. Но я постепенно осознал — а ведь это, пожалуй, очевидно, — что, хотя звучными названиями вроде «Сердца Центральных графств», «Ворот в Котсуолд», «Сердца Англии», «Средоточия Среднего Альбиона» (ладно, каюсь, последнее я только что придумал

мал) в изобилии пестрят туристические веб-сайты и рекламные брошюры, эти названия в обиходе никто не использует. Зато термин «Средняя Англия», с другой стороны, является общеупотребительным, мы слышим его сотни раз на дню, и пусть каждый человек подразумевает под ним что-то свое, все же он обозначает нечто, относительно чего в обществе имеется неявное согласие. Это термин не географический, а, скорее, психологический, с ним связаны некоторые коллективные ритуалы. Согласен, звучит будто цитата из монографии по социологии, так что срочно исправляюсь и сообщаю, что я еду на фермерский рынок.

Фермерские рынки... Не хотелось бы называть их «нюрнбергскими столпотворениями» Средней Англии из-за неприятных ассоциаций, но вы понимаете, что я имею в виду. Они — исконная Средняя Англия, собранная в одном месте, этакие праздники национальной идентичности — без распевания «Хорста Весселя» в тысячи глоток и размахивания пылающими факелами. Может показаться, что это сугубо английское явление, но рынки фермеров на протяжении столетий отличали уличную жизнь Латинской Америки и Европы. Первый фермерский рынок того типа, который сегодня хорошо знаком нам, появился, как утверждается, в 1934 году — и все еще продолжает торговать на углу Третьей улицы и Фэрфакс-стрит в Лос-Анджелесе (кто бы мог подумать?); идея принадлежала местным рекламщику и бизнесмену, которые предложили восемнадцать фермерам продавать их товары прямо с грузовиков. Так родился современный фермерский рынок, романтизированный не хуже крестьянского обеда образчик полнокровной сельской жизни, придуманный специально на потребу утомленных, вечно пребывающих в стрессе и озабоченных экологией горожан.

Если кажется, что я насмехаюсь, позвольте уточнить: я люблю фермерские рынки. Пожалуй, они — единственное,

что привлекает меня в сельском хозяйстве. Я могу бродить по ним часами и тратить десятки фунтов, заглядывать под парусиновые тенты в зеленую полоску, отираться у складных столов, изучать различные плоды, каковые, по правилам, должны быть «выращены, подготовлены, пойманы, сварены, засолены, испечены, закопчены или иначе обработаны продавцом». Так, во всяком случае, в теории; статья в «Таймс» в апреле 2008 года выявила, что отдельные фермеры не брезгают ловкостью рук и продают «покупные» продукты, выдавая их за собственные. Один фермер сказал: «Если что-нибудь и подкупаешь, не забудь перепаковать по-своему, когда поедешь на рынок. Короче, нужно придать вид... Нельзя везти фрукты в черных испанских ящиках или в коробках, на боку которых написано “Произведено в Линкольншире”. Здравый смысл, и ничего больше. Клиент знает, когда какие овощи и плоды созревают, и об этом тоже надо помнить».

Тем не менее я люблю фермерские рынки. На фермерском рынке на главной улице Харборна, тенистого и зажиточного пригорода Бирмингема, есть киоск компании «Хэндмейд Скотч эггз», где продают тридцать различных видов круглых яичных сэндов. Один называется «Баз». В числе прочих тут имеются и шесть вегетарианских сэндов. В последний раз я потратил там двадцать шесть фунтов, думаю, это максимальная сумма, когда-либо потраченная на шотландские яйца, хотя, конечно, сложно утверждать наверняка. На рынке в Кенте я купил несколько кувшинов с оливками, начиненных всевозможными добавками, — красный перец, лимон, чеснок, вероятно, селедочный фарш, печень и даже тертый шоколад. Вообще-то мне не нравятся оливки (полагаю, они попросту не способны нравиться кому-либо; будем откровенны, на вкус они омерзительны). Но я их купил. На том же самом рынке я выпил из пластикового стакана горячий яблочный сок — от него я тоже вовсе не

без ума — и на мгновение вообразил себя в Мадриде или Кадисе. Я закупил столько козьего сыра, сколько мне было не съесть при всем желании, тем более что сам — да, вы догадались правильно — предпочитаю плавленые сыры «Дэйрилия». Также я провел счастливые полчаса в компании Халида Ишмаэля, владельца компании «Ишмаэльс мазер», который угощал меня восхитительными азиатскими карри и дхалами. Девиз компании «Съешьте, вам понравится» я нахожу шедевром лаконизма и точности. По признанию Халида, он — «типичный парень из южного Лондона», его слегка развязная манера речи несколько шокирует местных дам. Как он выражается, дхал «подкрадывается и хватает вас со спины», а муссаман из баранины — «самое вкусное, что побывало у вас во рту за весь год, мадам».

Духовный кузен фермерского рынка — центр народных ремесел. Также известный как «центр ремесел, старинных вещей и прочих товаров». Один такой центр, весьма показательный пример, расположен сразу за Личфилдом и называется, разумеется, «Центр деревенских товаров в сердце страны». Полагаю, это и вправду деревня, если под деревней вы разумеете «отсутствие домов и наличие бутика и французского ресторанчика по соседству с тюрьмой». Впрочем, я несправедлив. На деле это настоящая старая ферма, родом из 1700-х, и в 1991 году ее удостоили приза Артура Брауна, «вручаемого за существенный вклад в сохранение культурного наследия Стаффордшира».

Бесспорная привлекательность подобных мест — приезжайте сюда в понедельник на банковских каникулах, и вам придется выдерживать рукопашную, чтобы попасть в ресторан — отлично отражена в рекламном буклете центра. «В наше время, когда главные улицы по всей стране выглядят абсолютно одинаково, будь то магазины, кафе или дорогие стоянки, “Центр деревенских товаров в сердце стра-

ны” обеспечивает приятную альтернативу и в известном смысле переносит вас в прошлое. Частные лавки, нестандартные рестораны, бесплатная парковка, безопасная, привлекательная среда без риска угодить под машину служат фоном удовольствия, которое гарантировано нашим посетителям. Деревня стремится сохранить ощущение сельской жизни, а здания центра однозначно напоминают бывшие фермы. Мы особенно гордимся биологическим многообразием в ближайших окрестностях центра, не говоря уже о близлежащих лесах. У нас обитают 10 пород птиц, включая щеглов и трясогузок, которые выют гнезда и приносят потомство, а также имеется колония из 40 или 50 летучих мышей».

Я не знал ничего этого, когда приехал сюда. Я лишь рассчитывал найти очередной яичный снэк или оливки с новой начинкой. Их не нашлось, зато было много всего другого, в том числе мини-пивоварня и магазин садовой мебели, требовавший тысячу фунтов за жуткую статую злобного монаха в капюшоне. Он подозрительно смахивал на духа темных вод из одноименного фильма 1970-х, и увидеть его тут было несколько — гм! — неожиданно. Я изучил образчики жаровен (на самом деле обыкновенных шашлычниц), которые вполне уместно смотрелись бы в синтоистском храме. Увы, мне они точно ни к чему. Вдобавок и без того было жарковато, в куртке и шарфе. Так ходила вся деревня, и я не стал бросать вызов местной моде.

Учитывая местоположение деревни, во всем этом шоппинге ощущается легкое французское влияние. Парни в фартуках таскают корзины с багетами. Магазин мебели называется «О-ля-ля», будто в нем продают шаловливое нижнее белье, а не плетеные стулья и кровати в стиле Беатрикс Поттер, заодно с шампунями «Грабтри» и «Ивлин» и кремом для бритья «Локситан». Девушка за прилавком оказалась из Ковентри. Она дала моей подруге Лидии, возра-

стом три года, шоколадное яйцо, что я счел весьма любезным с ее стороны. В магазине «Алесси» я приобрел чудовищно дорогую подставку для яиц, которая заставила юного манерного продавца (смущенно примечание: единственного гая в деревне) предаться мечтательным воспоминаниям о детстве — думаю, речь шла, так или иначе, о конце 1980-х. «О-о, подставка для яиц! Знаете, каждую Пасху моя бабушка в Кэнноке угощала нас шоколадными яйцами на подставках. Как по-вашему, так еще делают? Эх, счастливые были деньки!» Я также купил очередную давилку для чеснока, способную перемолоть манго — нелегкая задача, верно? — и нечто угловатое и серебристое, чье назначение я забыл прежде, чем вышел из магазина. Уезжая, я заметил, что рядом открылся магазин товаров для сада, а проходивший мимо садовод в зеленом комбинезоне и с мотыгой в руках узнал меня и воскликнул: «Э, да вы, должно быть, наш почетный гость, что ж вы ленточку-то не перерезали? Правда, не знаю, есть ли у нас ножницы...»

Вне деревни, что называется, на отшибе (хотя, безусловно, готовая к поглощению, буде какой диктатор взрастет в магазине «Алесси»), находится «Старинная деревня Блэкбрук». Опять-таки, это не деревня в прямом значении слова, но отличное место скоротать часок-другой, даже если вам, как и мне, нисколько не интересны старые вещи. Во всяком случае, черепки от ветхих кувшинов. Старые вещи в Блэкбруке совсем иные, разнообразные и отчасти безумные. Я всерьез задумался о покупке настольного футбола, изготовленного в Бирмингеме, нескольких пишущих машинок, огромных льняных корзин (их словно уперли с ткацкой фабрики в Уигане, где работала моя матушка), викторианских теннисных ракеток, макета корабля в бутылке, птичьей клетки с бельведером, скамьи, распятия и «подножия креста» из заброшенной церкви и массивного фонтана (вместе с золотыми рыбками, все за пять тысяч фунтов; по

такой цене и злобный монах в капюшоне покажется выгодной покупкой).

На склоне холма в Норт-Уилде я увидел другое воплощение духа Средней Англии, совершенно для меня неожиданное. Все произошло случайно; я заметил впереди нечто вроде лагеря, со множеством трепещущих на ветру вымпелов. Дело было сильно за полдень, солнце неуклонно опускалось, однако вечер обещал быть теплым и приятным. Самодельный знак над раскладным столиком у ворот гласил: «Плата за вход снижена до десяти фунтов за машину». Я вручил деньги дородной даме с уоки-токи на боку и таким образом впервые попал на любительский стипль-чез.

Тут эти состязания именуются «от стенки до стенки» и длятся целый день. Своим названием они обязаны соперничеству между некими мистером Блейком и его соседом мистером Каллагеном в графстве Корк в 1752 году: эти двое устроили скачку от церкви Баттевента до Доунрейла, приблизительно на четыре с половиной мили. Разумеется, не мне, новичку, судить, но я все же решил, что эти скачки во многом олицетворяют благополучие, если угодно, шик того, что мы называем Средней Англией. Никогда прежде мне не доводилось видеть рыжих голов со стрижкой «ежиком» и пастельно-розовых рубашек поло с поднятыми воротниками. Из гвалта голосов я различал отдельные фразы. Выпендрожный тип в дизайнерских темных очках и с кокетливой челкой зажал мобильный телефон между плечом и ухом: «Точно, Саймон, я у палатки с пивом, но что-то мне хочется того гамбургера с мясом страуса и шампанского. Похоже, я слегка перебрал, надо отсидеться». Двое мужчин, смахивающих на старших братьев Джереми Айронса, беседуют за стаканом красного вина: «Мы сегодня ужинаем с Монтгомери. — Ух ты, сочувствую. — Да уж, зато готовят они вкусно, хоть и зануды». По трансляции звучит лаконичное объявление (диктор растягивает слова на мест-

ный манер): «Потерялся мальчик, он сидит в комнате для взвешивания. У него мороженое и оранжевая рубашка; думаю, его зовут Джейсон — нам так кажется».

Я, так сказать, бросаюсь с головой в омут и хочу сделать ставку. Крутом полно букмекеров, у большинства в руках тетрадки и маркеры, но некоторые щеголяют наладонниками и цифровыми планшетами, что меня несколько огорчает. Я присматриваюсь, размышляю и наконец делаю ставку. Когда я получаю свой билет, джентльмен выдает выигрыш маленькой девочке. «Тридцать восемь фунтов, молодец!» Будем считать это добрым предзнаменованием.

Увы, увы. Как я запоздало догадываюсь, те цифры, которые я принял за ставки, на самом деле номера лошадей, а значит, я выбрал черт знает кого. Впрочем, с тем же успехом я мог бы выбирать и с завязанными глазами — все равно бы тыкал пальцем в небо. Жокее прогуливают лошадей, показывая их профессиональным игрокам. «Мой» жокей — беззубый тип старше меня самого и выглядит человеком, который снимал утреннее похмелье лосьоном после бритья. Насчет лошади могу ошибаться, но мне почему-то кажется, что ее мясо пойдет на начинку для пирогов еще до конца недели. Вот и верь всяким предзнаменованиям.

«Моя» лошадь пришла второй, что было бы превосходно, сделай я полную ставку. Или поставь на правильную лошадь. Я комкаю свой билет и бросаю его в мусорное ведро у трибуны Сельского союза. Трое мужчин ведут беседу, потягивая пиво из пластиковых стаканов, и на каждом из них парадная униформа члена Сельского союза — водоотталкивающая куртка «Барбур», белая рубашка с крохотной желтой полоской на груди, твидовый пиджак зеленовато-горчичного оттенка и плоская кепка. Они, вероятно, считают себя типичными жителями Средней Англии, но по опыту своих путешествий могут сказать, что они таковыми категорически не являются. Они — местные юродивые.

Когда я выезжаю за ворота, вслед мне звучит новое усталое объявление: «Итак, у нас имеются комплект ключей от дома, одна собака, один айпод, одна сумочка и один маленький мальчик, предположительно Джейсон. Не забудьте свои вещи перед уходом».

Если любительский стипль-чез — нетипичное для Средней Англии развлечение, то что может быть более типичным, более, скажем так, свойственным для пригородов, нежели садоводство? Не очень давно оно грозило стать модным увлечением, по крайней мере, об этом твердили воскресные газеты и телеобозреватели. Нам говорили, что известный садовод Алан Тичмарш «вряд ли может считаться секс-символом» (и почему бы садоводу не быть секс-символом?) и что Шарли Диммок, чувственная, избегающая носить бюстгалтеры соблазнительница с копной золотисто-каштановых волос, собирает каждую пятницу у телеэкранов мужчин определенного возраста из всех Центральных графств своим «Миром садоводства». Помнится, звучали даже фразочки типа «это новый рок-н-ролл». Слава богу, эти благоглупости остались в прошлом, и ныне садоводство заняло подобающее ему место — где-то посредине списка английских хобби, — а комментаторы перенесли внимание на всякие реалити-шоу, которые точно заслуживают иронической оценки, уж поверьте.

Но мы по-прежнему копаемся в своих садиках. И даже те из нас, кто не готов рыться в земле, отчаянно жаждут занять сад, в качестве «дополнительного пространства», в необходимости которого убеждают гламурные издания. Пуристы от садоводства могут сколько угодно бурчать насчет правил посадки и распределения воды, но и для тех из нас, кого не греют мысли о грязи, червях и риске получить столбняк, сад остается олицетворением Средней Англии. Это шикарное место, чтобы выкурить сигаретку, пропустить вечером стаканчик-другой вина, приготовить барбе-

кю, поставить велосипед, поиграть в шары и попрыгать на батуте.

В ботаническом саду Эджбастона поистине религиозное поклонение Средней Англии садоводству обрело свой храм. В худшем случае — английскую гору Рашмор. Телезвезды садоводства — Диммок, Тичмарш, Монти Дон и Кэрол Клайн — увековечены здесь в шестифутовых барельефах, изготовленных «из не содержащих торф компостных перерабатываемых материалов». Очаровательно и в то же время смешно, особенно когда видишь, что у барельефа Диммок практически отвалилась нижняя челюсть, и она теперь выглядит, как зомби из голливудских ужастиков. Что касается Алана, то Джон Видал из «Гардиан», именуя его «богом садоводства Средней Англии», не в силах удержаться от покровительственного столичного тона: «Будь он цветком, он был бы бальзамином Уоллера — способный прижиться где угодно, цветущий каждый год и не оскорбляющий ничьих чувств. Его можно описать как Терри Уогана, лишённого остроумия. Более циничные личности, пожалуй, назовут его “мистером Пустое Место”. Но в том-то и состоит суть Тича, за это его и обожают адепты культа, ныне складывающегося в Средней Англии, — он вездесущ и совершенно безобиден». Успешный, богатый, знающий, о чем говорит, и, вероятно, являющийся идеалом для многих зрителей, Тичмарш, судя по всему, игнорирует подобные нападки. Пусть критики резвятся, если им так хочется. Ведь они-то никогда не удостоятся собственных компостных барельефов на нашей Рашмор; так я размышлял, поглощая в кафетерии грибной суп и картофельную запеканку. В кафешке было полным-полно посетителей: дамы в кашемировых нарядах, молодые мамы в одежде из «Гэп» и «Праймарк», пожилые пары и компании подростков и младших школьников — все они приехали, чтобы насладиться прогулкой по тюдоровскому саду и национальной коллекцией бонсай, пройти по лесистым аллеям и

заглянуть в оранжерею, где так жарко и сыро, что стекла очков мгновенно запотевают. Новая Средняя Англия, если позволите, стекалась сюда, прямо к объявлению, которое извещало: «Эти туалеты не действуют. Пожалуйста, воспользуйтесь расположенными позади дома попугаев».

О том, почему туалеты не действуют, не говорилось, — я думаю, из-за затопления. Дело в том, что основные беды Средней Англии в последние несколько лет сыпались с небес. Херефордшир, Вустершир, Глостершир, Оксфордшир и Бедфордшир в значительной степени пребывают под водой года этак с 2004-го. Звучит, наверное, забавно и даже легкомысленно, однако в действительности мы имели нечто вроде библейского, апокалиптического потопа: тысячи людей вынуждены покинуть свои дома, автомобили плывут по симпатичным улочкам рыночных городов, перепуганные жильцы залезают на крыши, гребные лодки спасают тех, кто оказался заблокирован на верхних этажах, растущий список жертв... Мы привыкли видеть подобные картины в Карачи, Сычуани или Новом Орлеане. Но это — Тьюксбери.

Приехав в Тьюксбери весной 2008 года, я увидел милый, сонный городок, однако в каждом дворе в предместьях стоял трейлер. Неужели тут все стараются не отставать от соседей и «вести себя как Джонсы»? Несколько минут спустя мне стало стыдно, когда я сообразил, что местные живут в этих трейлерах. А дома, увы, непригодны для проживания, пусть и минул целый год после наводнения, затопившего этот глостерширский городок.

Наводнение 2007 года было разрушительным, ничего подобного в Англии прежде не случалось, а теперь с досадной регулярностью происходит из года в год. Что бы там ни кричали те, кто отрицает перемены климата — в частности, потешный Найджел Лоусон и горстка безумных ученых, — жители Тьюксбери на собственной шкуре узнали, что выше облаков далеко не все в порядке. Пять-

десять тысяч человек лишились крова. Трое погибших. Люди, вечером в пятницу зашедшие в «Моррисон» за продуктами, час спустя выходили и обнаруживали свои автомобили по крыши в воде. Главные улицы превратились в реки, а сам город сделался похож на Венецию. Великолепное аббатство очутилось на острове. Снятая с воздуха картинка — церковь, со всех сторон окруженная водой — стала зловещей эмблемой английских наводнений. Вскоре в аббатстве собрались смятенные, насквозь промокшие беженцы, искавшие спасения за толстыми стенами. В этом было что-то от Брейгеля или Босха, что-то почти средневековое.

Год спустя я иду по Эбби-террасе и вижу, что все дома пустуют. На окнах нет штор, и я вижу внутри промышленные влагоуловители, чьи огромные, как древесные стволы, трубы отчасти оживляют бетонные коробки, откуда исчезли мебель и ковры. Печальное зрелище. В самом аббатстве картины и постеры на стенах рассказывают об ужасе тех июльских дней и о том, как аббатство стало центром города, воплощением силы его духа.

Если вы спросите меня, что лучше всего в Средней Англии, я отвечу так: это именно черты характера, сила духа и великодушие, возможно, с толикой терпения и стойкости и с налетом озорства и проказливости. Это вовсе не те черты, которые отмечают отдельные приверженцы Средней Англии, как правило сидящие в редакциях лондонских газет. Если верить им, Средняя Англия представляет собой гнездо болотных гадюк, место обитания закоренелых индивидуалистов, перепуганных, отчаявшихся, подлых и вечно жалующихся на все подряд. Когда случилось наводнение в Тьюксбери, большинство горожан засучили рукава, взяли за ведра и принялись вычерпывать воду. А вот некоторые предпочли встать в сторонке, выражаясь фигурально, и сложить руки на груди в ожидании помощи извне. Как отметил комический актер и колумнист Марк Стил:

«Голосом компании жалобщиков стал обозреватель газеты “Мейл”, который нудил, что если бы это библейское наводнение произошло в какой-нибудь стране третьего мира, поп-звезды, мол, выпрыгивали бы из штанов, чтобы записать благотворительные синглы. А другой комментатор, из “Сан”, скулил: “Случись это где-нибудь еще, правительство тут же раскрыло бы мошну...” Такое ощущение, будто они злятся на то, что пострадала именно Средняя Англия, будто было бы политически корректно, затопи вода снова другую местность; в наши дни наводнения не смеют опустошать городские регионы, иначе их обвинят в расизме!»

Стил совершенно прав. Подобные разговоры, что сочатся, точно последние струйки воды по Черч-стрит, и попадают в газеты, бездумно их повторяющие, на самом деле — жалкое бление. Это вовсе не настоящий голос Средней Англии. Якобы оптимистичный, но фактически скулящий, он сделался доминирующей нотой, тоном по умолчанию сравнительно недавно. Конкретно — 31 августа 1997 года. Предыдущую главу я закончил утверждением, что среднеанглийский миф обязан своим возникновением не столько Робину Гуду и королю Артуру, сколько двум женщинам, которые существовали на самом деле. Первая — Маргарет Тэтчер. Настала пора поговорить о второй.

Гибель Дианы, принцессы Уэльской, в автокатастрофе в парижском туннеле летом 1997 года стала, готов поспорить с кем угодно, действительно определяющим событием в истории английской культуры и общества, важнейшим со времен Второй мировой войны. Диану оплакивали все слои общества, но, пожалуй, наиболее тяжело восприняла утрату именно Средняя Англия. Смерть Дианы и последующее коллективное умопомрачение, последующие скорбь и истерия изменили нас навсегда. До того как пьяный Анри Поль потерял управление над своим «мерседесом» в туннеле под Пляс д'Альма, Среднюю Англию принято было считать застегнутой на все пуговицы, нарочито бесстраст-

ной, отнюдь не склонной публично проявлять эмоции; допускалось лишь едва заметное закатывание глаз, не более того; ее считали чопорной, язвительной и, прежде всего, трезвомыслящей.

Волны безумия, разошедшиеся из парижского туннеля, еще продолжают накатывать на нас. Они гораздо слабее, чем раньше, однако продолжают формировать наше мировоззрение. Плотные сжатые губы вдруг задрожали, стойкость уступила место сентиментальности, «эмоциональности, которой на самом деле нет», как было сказано однажды. А сила духа и великодушие переродились в эгоизм и кликушество.

Как легко догадаться, я не считаю, что эти перемены — к лучшему. Не поймите меня превратно. Это не имеет отношения к Диане и никоим образом ее не затрагивает. Гибель принцессы — человеческая трагедия, и лишь человек с каменным сердцем, возможно, остался к ней безучастен, пусть даже особо громкие плачи и истерики тех летних дней кажутся сегодня нелепыми. (Когда гроб с телом принцессы Уэльской везли по трассе М-1, власти распорядились убрать все предупреждающие дорожные знаки «Усталость убивает, отдохните», чтобы никому не вздумалось сфотографировать катафалк на фоне такого знака.) Однако последствия той июльской ночи дурно сказались на всех нас. Никаких по-настоящему полезных перемен не случилось (а ведь в какой-то миг мы, можно сказать, очутились на грани республиканства). Зато мы стали охотнее рыдать, охотнее обижаться, охотнее срываться на крик, жаловаться и высказывать другим свои истинные мысли по их поводу. Каждый день целые часы телевизионного эфира отдаются разнообразным псевдоновостным программам, в ходе которых зануды и фанатики, невежественные глупцы, наделенные тем не менее «правом выражать мнение», спятывшие от одиночества холостяки и законченные монома-

няйки соревнуются, кто кого перекричит. А когда «день истошных воплей» завершается, мы смотрим реалити-шоу, в которых людские мечты разбивают хихикающие «эксперты». Если вам не нравятся эти перемены, вы — элитист, антидемократ. Вот только это не демократия. Это охлократия, как выражались древние греки. Правление *mobile vulgus*, переменчивого народа, иначе говоря, толпы.

Следует уточнить, что я вовсе не тоскую по дням, когда мы все держали в себе, тщательно скрывали от окружающих и расслаблялись разве что в кругу семьи. Я не ощущаю ностальгии по золотому веку нелегальных абортотворцев или добрым старым временам, когда почтенные управляющие банками поколачивали своих жен — или творили иные безобразия похуже — за закрытыми дверями своих домов. Но я не хочу, чтобы мы, особенно Средняя Англия, принимали бы новый стиль поведения столь безоговорочно. Это никакая не «подлинная искренность», это эксгибиционизм. Если то, что вы собираетесь сказать, не пополнит общий фонд человеческого счастья, просто промолчите. Как говорили в Англии, когда мы на самом деле были искренними, будь как папа, поддержи маму.

Размышляя о Средней Англии, я думаю о терпении и доброте. И меня, конечно, раздражает, что сегодня этими словами обычно обозначают предубежденность и отчужденность. Газета «Дейли мейл», которую считают рупором Средней Англии, призывала даже исключить эти слова из обихода, поскольку они-де связаны с «оскорбительными» и «устаревшими» поведенческими стереотипами. В 2008 году Линда Грант, директор по маркетингу издательского холдинга «Ассошиэйтед ньюспейперс», куда входит и «Мейл», заявила относительно Средней Англии: «Люди воображают себе нечто, когда слышат эти слова, но они не в состоянии дать этому точное определение. “Мейл” и Средняя Англия — синонимы, но образ Средней Англии уста-

рел». Она прибавила: «Результаты опубликованного сегодня исследования доказывают, что, не желая оставаться “старомодными, ограниченными и консервативными”, жители Средней Англии и читатели “Мейл” видят себя людьми “влиятельными, деловыми и активными”, “потребителями со способностью поддержать или уничтожить практически любой бренд”».

Лейбористская партия, как я убедился в Ройал-Лимингтон-Спа, долго обхаживала Среднюю Англию, рассчитывая создать новую опору, изменив своим традиционным избирателям, городскому рабочему классу. Политолог-лейборист Филип Гулд назвал Среднюю Англию регионом, населенным «простыми людьми с мечтами жителей пригородов, людьми, которые упорно трудились, чтобы улучшить свою жизнь — переселиться в более просторные дома, купить более роскошный автомобиль, новую стиральную машину и телевизор, провести отпуск в Испании, а не в Борнмуте». Тем не менее опросы, проведенные такими организациями, как «Мори», показывают, что Среднюю Англию отличает не столько «разделенная лояльность» по отношению к политическим партиям, сколько переменчивость воззрений. Бен Пейдж, управляющий директор «Мори», отмечает, что ярлык «Средняя Англия» используется как «удобное обозначение тех 25 процентов населения, которые не связаны неразрывно с той или иной партией, — тех, кому выпало жить в маргинальных избирательных округах». Вот почему партии любого толка бьются за их голоса.

Левый комментатор Мартин Джекс полагает, что Средняя Англия есть «метафора респектабельности, базовой семьи, консерватизма, “бремени белого человека”, среднего возраста и статус-кво». Но метафора не означает отражение действительности. Согласно опросам Национального центра социологических исследований, жители Средней Англии становятся все более терпимыми и непредубежденными в отношении таких вопросов, как гомосексуализм и

права женщин (на очереди преступность и иммиграция). И даже тут мы не должны предполагать, что Средняя Англия, читающая «Мейл» и «Телеграф», соглашается с каждым напечатанным в них словом. Когда главный цензор Джеймс Фермен пропустил на экраны «Лолиту» Эдриана Лайна, «Дейли мейл» попрекнула его «наглым предательством интересов общества», на что Фермен ответил: «Возможно, беда в том, что люди, якобы защищающие ценности Средней Англии, на самом деле утратили со Средней Англией всякий контакт».

Из своих бесед в пабах, отелях и кафе я вынес убеждение, что жители Средней Англии вполне способны прочесть и «Гардиан». По мнению Бена Пейджа, они «слегка приземленные, но в чем-то похожи на Марго из “Хорошей жизни”»; они консерваторы, но не тори. В финансовых вопросах они проявляют здравый консерватизм, однако в основном либеральны социально». Короче, они ухитряются придерживаться вороха противоречивых мнений, да еще часто их меняют. Прямо-таки не Средняя, а Вредная Англия.

Вот отличный пример. Все те полковники, рискующие тромбозом во время чтения криминального раздела «Дейли мейл», на самом деле — настоящие гении преступного мира, а сама Средняя Англия далеко не столь законопослушна, как жаждет казаться. В докладе «Законопослушное большинство? Повседневные преступления среднего класса», составленном доктором Стивеном Фарралом и профессором Сюзанной Карштедт, говорится: «Презрение к закону столь же широко распространено в центре общества, как и, что очевидно, на его окраинах и среди определенных маргинальных групп. Антиобщественное поведение немногих отражается в антигражданском поведении большинства... Ни алчность, ни нужда не могут объяснить, почему респектабельные граждане мошенничают со страховками и на распродажах секонд-хенда и не стесняются обсуждать свои проделки в пабах».

Согласно докладу, более трети законопослушного большинства, столь обожаемого политиками, платит наличными уборщику, водопроводчику или иному профессионалу, чтобы обмануть налогового инспектора. Каждый пятый крадет с работы, каждый третий, ошибочно получив в магазине лишнюю сдачу, оставит ее себе. Каждый десятый не оплачивает телевизионную лицензию. Доклад подытоживает: «Таковы преступления и порочные поступки, совершаемые за кухонными столами, на диванах и домашних компьютерах, в офисах и информационных центрах, в банкоматах, супермаркетах и ресторанах, по сговору со строителями и представителями иных профессий».

Кажется, научившись любить ее недостатки, я был довольно суров по отношению к Средней Англия последние абзац или два. И потому, пока я разогреваюсь для заключительного панегирика, позвольте поразмышлять над еще одним пунктом из дебетовой колонки: о способности и аппетиту Средней Англии к придиристичности, новомодному рвению судить всех и вся, поощряемому самыми оголтелыми персонажами из прессы и с телевидения. Чем ближе маячил конец моего путешествия, тем активнее газеты — некоторые из них, во всяком случае — ежедневно жаловались. Ну да, откровенным таблоидам и положено сплетничать и пускаться в пересуды, а вот «громовержец» «Таймс», мне приятно это писать, все еще гроыхает, пусть и осмотнительным, адаптированным под двадцать первое столетие способом. Посредине же между этими двум полюсами находятся газеты, обзоры и авторские колонки, для которых существует одно-единственное общее прозвище — «Поскуливатели». Нет, жалобное и стоическое нытье всегда было частью английской национальной культуры, что отлично знали наши лучшие юмористы. Его можно обнаружить, в частности, в причитаниях Реджи Перрина по поводу абсурдных причин, заставляющих ежедневно опаздывать на работу: «Опоздал на одиннадцать минут — по-

езд остановился в Беррилендсе, перегрелась колодка. Опоздал на одиннадцать минут — кто-то украл рельсы в Сурбитоне. Опоздал на двадцать две минуты — барсук обгрыз провода в Нью-Мейдене. Опоздал на двадцать две минуты — в Чессингтон-Норт сбежала пума». Оно прослеживается и в тихом, неистовом отчаянии Бэзила Фолти, беседующего по телефону: «Ах, да, мистер О'Рейли, ну, в общем, все просто. Когда я просил построить стену, то вообще-то надеялся, что вы не только свалите кирпичи в кучу, но и, быть может, найдете время скрепить их раствором... знаете, один поверх другого, традиционная кладка...»

Но на исходе 2009 года этот тоненький, отчетливый, язвительный голосок почти не слышен. Его заглушает истошный жалобный вопль, иногда оправданный, но куда чаще — проявление ребяческой капризности. Несколько дурацких шуток в вечерней радиопрограмме и махинации с подсчетами голосов на танцевальном конкурсе поп-звезд соперничают — и побеждают — за внимание зрителя и слушателя с такими жуткими событиями, как убийство младенца («бэби Пи») и мировой экономический кризис. В своем стремлении поскулить некоторые представители прессы Средней Англии (назовем их муэдзинами, раз они так пронзительно кричат), похоже, не в состоянии более отличить серьезные новости от глупостей, и те же личности, что блеют насчет государственной опеки, сами явно нуждаются в опеке, чтобы защитить их от грубых слов и безвкусных шуток.

Я нахожу это странным и немного трогательным. Это, в конце концов, Средняя Англия, живое сердце храброй маленькой страны, которая когда-то выступила в одиночку против страшнейшего зла, известного нашему миру (я имею в виду Гитлера). Когда она начинает сходиться с ума из-за мусора, польских водопроводчиков или дурного вкуса, это всех нас ставит в дурацкое положение.

Когда я почти дописал эту книгу, мне пришлось выступить на Челтнемском литературном фестивале. Пожалуй, нет города более типично среднеанглийского, чем этот симпатичный курорт эпохи регентства; и, возлежа на постели в отеле «Дю Вин», прогуливаясь по освещенной фонарями лужайке перед ратушей субботним вечером, переходя из павильона в павильон и от одного книжного киоска к другому на фестивале, покупая восхитительный свежий инжир и паэлью на континентальном рынке в воскресенье утром, я вновь и вновь ловил себя на мысли, что мог бы здесь жить.

Это интересно, поскольку в Челтнем я приехал, чтобы выступить с рассказом о своей предыдущей книге «Гонор и предубеждение», посвященной современному английскому Северу, по сути — объяснением ему в любви. После выступления я отвечал на вопросы и был изрядно удивлен тем обстоятельством, что многие слушатели приехали сюда из Лидса, Шеффилда, Бери, Олдэма, Болтона и так далее.. Они проделали весь этот путь ради того, чтобы послушать мой треп? Конечно, нет. Эти умные люди — часть диаспоры. Они гордились своими корням, но жить предпочитали (скорее всего, счастливо) в Оксфорде и Чиппинг-Нортоне, Мортон-ин-Марше и Челтнеме, в окружении инжира, паэли, Джейн Остин и местных красот.

Я их понимаю. Чтобы отказаться от этого, надо выжить из ума. Они вовсе не та публика, наихудшие из северян, кто долдонит по поводу того, что Англия — «страна Бога». Какая, на фиг, страна Бога? Ее попросту не существует. Или все страны таковы. С тем же успехом можно твердить, что мы — страна Эйнштейна. Северное происхождение само по себе — далеко не причина для гордости. Сделайте что-нибудь, отправьтесь куда-нибудь, будьте умными, красивыми, очаровательными, тогда и похваляйтесь своей «северностью» на весь мир. Вдобавок если вы думаете, что Господь предпочитает, Ротерэм и Чорли Бату

и Ладлоу, то Он забавно демонстрирует свой выбор, не находите?

Некоторые северяне, возможно, надеялись, что эта книга окажется многостраничным издевательством над Средней Англией; их наверняка разочарует мое «предательство». Виноват, казните. Но Англия, сотворившая Воэна Уильямса и Шекспира, мне дороже той, что породила Бернарда Мэннинга и Лиамы Галлахера. И пусть тут нет зазубренных пиков, красота этой Англии по-прежнему опьяняет, будь то туманные Чилтернские холмы, тучные пастбища Котсуолда или дремотные шпили университетских городов.

Главное, в чем оболгали Среднюю Англию, пресловутый миф, который следует развенчать, — это ее ценности. Если верить лондонским СМИ, ценности Средней Англии суть яростный катехизис предубеждений, основанный на идеологии, которая представляет собой чудовищную алхимическую смесь «Сельской жизни» Джона Крэйвена и «Майн кампф». На деле мне привелось намного реже сталкиваться с повседневным расизмом и практическим применением лозунга «вешать и пороть», нежели я слышал о них в такси, магазинах и пабах по всему Югу и Северу. Я привык в Лондоне довольно регулярно слышать «паки» (пакистанец), «черный», «сукин сын», а тут подобное звучит крайне редко, да и группы пятидесятилетних мужчин не толкуются днями напролет у пабов, а малышей не лупят почем зря за малейшую провинность их ужасные родители. Ничего этого я не видел в Средней Англии. Они просто вели себя вежливо, скажут мне. Что ж, отлично. Все, что мы делаем, — это проявляем вежливость. Любовь потерпит неудачу, сказал Курт Воннегут, а куртуазность восторжествует.

Средняя Англия не является ни экстремистской, ни безумной. Она не размазывает лисью кровь по лицам своих детей, не охотится на пушистых зверьков ради забавы. Она

грезит не Итоном и Сэндхерстом, а «Уэйтроузом» и «Марксом и Спенсером». Она не вопит «Компьютеры свихнулись!», не пишет сумасбродные письма — зелеными чернилами — в местные газеты насчет злоупотребления парковочными дисками или утраты исконного значения слова «gay» в английском языке. У нее нет на это времени, если честно, ведь надо играть в викторину в пабе (все доходы — на благотворительность), чистить сарай и пересмотреть «Крошку Доррит» и «Голубую планету» на канале «Скай плюс». Мэгги и Диана — светловолосые, отстраненные и непостижимые — не их кумиры. Им куда ближе Делия и Си-лия, темноволосые, милые и мечтательные.

Я немного влюбился в Среднюю Англию. Я бы охотно насладился ее «грубой жизнью», позволь она это сделать. Все полагают, что знают ее. Но им неведомо основное. Она не для старины Фреда, например, хотя все еще поддерживает отношения — видимо, из-за детей. Тревор Хауард забавлял ее какое-то время, но в конце концов она его бросила. Она выходит вечером гулять с подружками, отбивает им эсэмэски, в одной руке банка джина с тоником, в другой «нокия», на «айподе» «Рэйдихед» и «Воспаряющий жаворонок», — оглядывает те просторные, залитые солнцем нагорья, о которых рассуждал мистер Черчилль, и думает, быть может, что ее звездный час еще впереди.

Можно ваш носовой платок? Кажется, мне что-то в глаз попало...

Содержание

<i>Глава 1. Самая суть</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. Омыться славой</i>	<i>39</i>
<i>Глава 3. Зеленые чернила и милый край</i>	<i>70</i>
<i>Глава 4. По котлетке?</i>	<i>98</i>
<i>Глава 5. Земля без музыки</i>	<i>136</i>
<i>Глава 6. Ведомый книгами</i>	<i>169</i>
<i>Глава 7. Шутки как шутки</i>	<i>205</i>
<i>Глава 8. Короткие встречи, упущенные возможности</i>	<i>231</i>
<i>Глава 9. Самая темная Англия</i>	<i>273</i>
<i>Глава 10. Мифическая Британия</i>	<i>316</i>

Литературно-художественное издание

Стюарт Макоуни
ФАЙФ-О-КЛОК НА ТРАВЕ

Ответственный редактор *Е. Кривцова*
Редактор *О. Нарвская*
Выпускающий редактор *О. Юрьева*
Художественный редактор *И. Сауков*
Технический редактор *Л. Подъячева*
Корректор *Е. Николаева*

Фото на обложке: © Kutting, S. / Agefotostock / FOTOLINK;
© De Meester Johan / Agefotostock / FOTOLINK

ООО «Издательство «Мидгард»
190020, Санкт-Петербург, Нарвский пр., д. 18.
Home page: www.midgardr.spb.ru E-mail: info@midgardr.spb.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 21.12.2010. Формат 84×108¹/₃₂.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.
Тираж 2000 экз. Заказ № 2158.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-699-46588-0

9 785699 465880 >

СТЮАРТ МАКОУНИ

родился в 1961 году — британский писатель, радио- и телеведущий. Еще в школе вместе с одноклассниками организовал музыкальную группу. По собственному признанию, заболел панк-роком на всю жизнь, когда в 1976 году услышал по радио композицию «Neat, Neat, Neat» группы «The Damned».

Поработав в самых невероятных местах, в том числе и на мельнице, в 1985 году Макоуни — выпускник педагогического колледжа — получил место учителя английского языка и литературы. Но совершенно случайно нашел себя в музыкальной журналистике: наудачу отправил в известный английский журнал «Нью мюзик эксперт» обзор о творчестве певца Эдвина Коллинза. Материал редакторам понравился, и так началось их плодотворное сотрудничество.

Статьи Макоуни о современной поп-культуре в разное время появлялись на страницах ведущих мировых изданий — «Таймс», «Гардиан», «Элль», «GQ» и др. Считается, что именно он ввел термин «брит-поп», а также написал официальные биографии рок-групп «James» и «Blur».

Об Англии тоже много говорят и пишут. Но живы ли традиции и ценности «старой доброй Англии»? Стюарт Макоуни, своими книгами заслуживший прозвище «нового Генри Мортон», отправляется на поиски Средней Англии и разоблачает исторически сложившиеся стереотипы с истинно английским юмором.

ISBN 978-5-699-46588-0

Макоуни С. Фляйф-о-клок на траве/TravelБест
Книга

2004430862670

Сово зарубежная проза Сово зарубежная